

Светлана Тольшанская

СЕВЕРНЫЙ
ПУТЬ

Когда-то Стражи защищали людей от демонов, но Война за веру перевернула все с ног на голову. Теперь охотники сами стали добычей. Герда не была одной из них, но о спокойной жизни пришлось забыть, когда судьба привела на ее порог троих путников. Она бы ни за какое золото не согласилась вести их через зловещую Дикую пущу, если бы отцовский дом не грозились забрать за долги. Она бы никогда не пустилась с незнакомцами в бегство, если бы не смерть, произошедшая по ее вине. Теперь дороги назад нет, а впереди ждет опасный Северный путь.

«Когда мир был юн, суша только обретала форму, а боги еще свободно бродили по земле, на северном и южном полюсах образовались червоточины. Никому не ведомо, какова их суть. Известно лишь, что когда в небе появляется злоеущий огненный венец, червоточины порождают новых демонов.

Когда демонов расплодилось столько, что безопасного места в Мидгарде уже не осталось, люди попросили у богов защиты. Бессмертные вняли мольбам и даровали своим жрецам власть над стихиями. Обретшие божественную силу избранные образовали орден Стражей и вытеснили демонов на задворки мироздания, принеся в Мидгард мир и благоденствие.

Так говорится в преданиях седой старины. Правду от вымысла отличить в них сейчас могли бы разве что сами Стражи, но их больше нет. Орден распался, Стражей казнили, а рожденных с божественным даром преследуют поборники новой веры — Защитники Паствы, принявшие голубой капюшон и карающий меч Единого бога.

Церкви высятся уже во всех городах и селах, но сорняки староверческой ереси продолжают прорастать, воспаляя страх и трепет перед героями древних легенд. Землю наводняют шарлатаны, именующиеся Охотниками на демонов, хитростью и обманом выманивающие у пугливых людей деньги. В поисках чудищ рыскают по лесам возжаждавшие подвигов тщеславные рыцари. Но страшнее всего обосновавшаяся в мятежной Норикии Компания «Норн», которая провозгласила себя наследницей Стражей и собирает всех отщепенцев и изгоев из единоверческих государств под свое крыло. Сомнительно, что она ратует за безопасность, а не готовится к очередной Войне за веру, которая вновь утопит Мидгард в крови».

Из еретических сочинений преподобного Руя Диаса, священника Кампеадорской церкви

1565 г. от заселения Мидгарда, Дрисвяты, Веломовия

На пороге маленького, но добротного деревянного дома сидела худенькая восьмилетняя девчонка и заплетала густые волосы цвета спелого льна в длинные косы, вполуха прислушиваясь, как за дверью ругаются родители.

— Зачем ей идти в этот жуткий лес? — возмущалась мать. — Я молчала, когда вы ходили туда вместе, но сейчас ты отсылаешь ее одну. Она же совсем ребенок. Вдруг заблудится, или нападет кто? Я не переживу, если с моей кровиночкой что случится. Слышал, что бабка-повитуха сказала? Не будет у нас больше детей, только она одна.

— Зофьюшка, уймись, прошу тебя, — отец говорил мягко, но по обыкновению оставался непреклонен. — Поверь, в лесу она будет в гораздо большей безопасности, чем здесь. Пособирает ягоды вдоль Сокольничего тракта и к вечеру вернется. Да туда, считай, все Дрисвяты ходят.

— Ага, бабки старые, которым и терять-то нечего. Не пушу ее. Чует мое сердце, беда будет.

— Будет, если она здесь останется. Помнишь, что три дня назад случилось?

Мать испуганно всхлипнула.

— Вот то-то же. Лихо давно здесь гнездо свило: в городе, не в лесу. И кошки все передохли от этого. Я тебе так скажу, пусть девочка в лесу бурю переждет. Я хорошо ее обучил. Не пропадет.

— Лучше бы ты ее в школу при церкви отправил.

— Зачем? Она и так грамоту лучше тех учителей знает. Из книжной лавки ее за уши не вытянешь. Михасю бедному хуже горькой редьки надоела с просьбами книги одолжить.

Девочка за дверью вострепнулась и проверила что-то у себя за пазухой.

— Тогда пусть ее молитвам правильным научат, а она нас. Станем Единого-милостивого просить, чтоб лихо нас стороной обошло.

— Какая ж ты глупая, Зофьюшка, — цыкнул отец. — Единый этот только данью облагать может, да детей воровать, а против лиха лишь на себя надеяться надо. Вот провожу девочку, а после в село соседнее отправлюсь. Может, хотя бы там кошки остались. Наловлю мешок и здесь выпущу. Прикормим их, и, если повезет, приживутся. Крыс-мышей ловить станут, нечистиков пакостных отгонять. Глядишь, и уляжется все потиху. А нет, так придется дом со скарбом бросать и всем вместе в лесу хорониться.

— Гед, ну что ты несешь? Совсем белены объелся, колдун старый!

— Да какой я тебе колдун? И вовсе я не старый!

— Колдун! Все Дрисвяты говорят, что ты ворожбой зверя на охоте приманиваешь и с нечистиками якшаешься не хуже Ялинки покойной. Вон и девочку нашу ни за что ни про что ведьмой величать стали.

— Какая ведьма?! — зарычал словно дворовый пес отец. — Обычная она совершенно. Такая, как все.

— Думаешь, я не знаю? Я ее мать, как-никак. Да только народ наш не переспоришь.

— Да ну их к нечистикам поганым, — зло сплюнул отец и повернулся к двери. — Времени нет совсем. Герда, домой иди. Что ты там возишься?

Она послушно поднялась и с большим плетеным лукошком наперевес вошла в дом, полностью одетая и готовая отправиться в лес за брусникой. Заискивающе улыбнулась матери, обняла за талию и посмотрела лучистыми серыми глазами, прекрасно зная, что перед таким взглядом никто из взрослых устоять не мог:

— Все будет хорошо. В лесу совсем не страшно. Я там ягод соберу много-много, целое лукошко! Мы потом с ними пирогов напечем, варенье сварим, и еще на компот останется.

От ласковых слов мать расчувствовалась и прижала ее к себе.

— Ладно, так уж и быть. Только вернись засветло.

Герда радостно захлопала в ладоши.

— Конечно, вернется и целое лукошко наберет, — отец отобрал у нее корзинку, отвернул лежавший на дне платок и достал оттуда потертую книгу: — Только вот без этого.

Герда насупилась, но как только ступила за порог вместе с отцом, тут же про обиду забыла.

— Помнишь, чему я тебя учил? Держись по солнцу и по тому, с какой стороны растет мох на деревьях. Да метки почаще оставляй. В дрыгву не лезь. За зверьем не гоняйся. И ни в коем случае не теряй стежку из вида, — наставлял отец, провожая Герду до самой опушки.

— Да, папа, — отвечала она. — Не переживай так, а то ты хуже мамы становишься.

— Не прекословь, а слушай меня. Или в лес больше не пойдешь.

Герда кивнула, и отец продолжил поучать:

— Людям на глаза не показывайся, особенно чужим. Помнишь, что с Марьёйкой Красной Хустинкой случилось?

— Ее проглотил варг, — что-что, а сказки она никогда мимо ушей не пропускала.

— А почему он это сделал?

— Потому что она не послушала взрослых и заговорила с ним.

— Правильно. А ты будь умнее. И ни с кем, слышишь, ни с кем не разговаривай.

— Даже с охотником, который разрубил варга пополам и спас Марьёйку?

— Никаких охотников!

— Даже с рыцарем, который победил трехголового цмока?

— Никаких рыцарей!

— Даже со Стражем?

— Стражей не существует, — отец рывкнул так, что Герда вздрогнула от страха. — Ступай. И умоляю, не читай там своих книг. Будь внимательна.

— Да, папа, — отмахнулась она.

Отец безнадежно покачал головой и, вскочив на коня, которого до этого вел в поводу, помчался в сторону соседнего села. Как только он скрылся из виду, Герда, напевая под нос веселую песенку, вприпрыжку побежала по узкой лесной стежке.

Солнце припекало по-летнему жарко. Народу в лесу было видимо-невидимо. Больше, чем ягод. По крайней мере, вдоль широкого Сокольничего тракта, куда отваживались ходить селяне. Толкаться рядом с ними и ругаться из-за каждого куцега кустика совершенно не хотелось, поэтому Герда отправилась дальше по Оленьей тропе за бобровую плотину на узкой лесной речке Домне. Вскоре там отыскалась большая поляна, покрытая сплошным красно-зеленым ковром брусничника. Собрать пришлось долго, пока поясница не затекла от неудобной позы, а глаза не начали слезиться от ягодной ряби. Вспотев и выбившись из сил, Герда присела на пенек, поставила наполовину полную корзинку на землю и достала из-за пазухи еще одну книгу, которую все-таки удалось утаить от отца.

Вообще-то книги в их доме, да и во всех Дрисвятах были большой редкостью. На рыночной площади ютилась захудалая книжная лавчонка, сохранившаяся еще со времен Войн за веру, когда сюда свезли часть библиотеки из разрушенного замка колдунов, который находился неподалеку. Ими и торговал добродушный книжник Михась, хотя основной доход получал за составление каллиграфических прошений и грамот для земского главы и прочих представителей городской власти. Еще несколько десятков выписанных из Епископата книг хранилось в церкви. По ним обучались дети из Дрисвят и окрестных сел, слишком маленьких, чтобы открывать в них собственные школы.

Герда в школу не ходила, потому что отец не желал, чтобы «ее голову забивали единоверческой дурью». Когда ей исполнилось четыре, отец принес домой книгу со сказками и восковую дощечку с железным стилем и сам принялся обучать ее грамоте и счету. Но Герда все равно немного завидовала другим детям: у них в распоряжении была вся церковная библиотека. И хотя отец говорил, что в единоверческих книгах нет ничего интересного, Герду продолжало снедать любопытство. Она часто сбегала, чтобы послушать единоверческих учителей. Благо с уроков они никого не прогоняли. Правда, отец, как всегда, оказался прав: ничего занимательного там действительно не рассказывали. Те же нудные речи о благочестии можно было услышать на еженедельных проповедях, ради которых даже ярмарочный шум приостанавливали на несколько часов.

Поэтому Герда переключила внимание на книжную лавку: бродила вокруг несколько

дней, пока сам хозяин не пригласил войти и выбрать любую книгу в подарок. Дядька Михась давно пытался найти способ отплатить отцу Герды за то, что тот спас его от стаи голодных волков несколько зим назад, и поэтому был рад услужить ей. Она не смогла выбрать одну из нескольких приглянувшихся книг, и тогда добросердечный книжник предложил обменять ее на новую после того, как Герда ее прочтет. Так из простого лавочника он превратился в настоящего библиотекаря, ссужавшего свои книги страждущему читателю на время. Дядька Михась сам так увлекся этой игрой, что каждый раз с радостью встречал Герду на пороге своей лавки и даже иногда выписывал для нее новые книги из типографий, которые за последние десятилетия открылись во многих крупных городах Веломовии: Ивно, Капунце, Стогожине, Белеске. Каждую новую книгу Герда брала в руки с восторгом первооткрывателя. Правда, именно эту ни отец, ни даже дядя Михась давать ей не хотели. Говорили, для взрослых она. Но любопытство пересилило — Герда утянула ее без спроса. А теперь подвернулся удобный случай, чтобы почитать ее, не таясь.

Герда пролистала несколько страниц и нашла место, на котором остановилась в прошлый раз:

«Ужинный король — один из самых опасных, могучих и коварных обитателей заболоченных лесов приграничья. Коронованный повелитель ползучих гадов живет в огромных палатах под землей, доверху набитых золотом и самоцветами. Он хранитель подземных кладов, ни один из которых не пойдет людям в руки, пока не будет сделано подношение его детям — ужалкам.

В северных селениях о таинственном обитателе болот бытует множество легенд. В них встреча с Ужиным королем очень редко приносит людям удачу. Красивых девушек, купающихся нагими в лесных водоемах, он делает своими невестами и уносит под землю, где те чахнут без солнечного света. А если избранница Ужа воспыхает к нему ответным чувством, счастье все равно не длится долго. Следом обязательно приходят ее братья, рубят похитителя на куски и выбрасывают в водоем, в котором безутешная вдовствующая королева потом топится от горя.

Мужчинам встреча с Ужом счастья приносит больше, но нужно быть очень осторожным, чтобы оно не обернулось горем. Жители приграничья рассказывают про то зловещую историю:

«Удачлив и ловок был охотник Сымон. Дичь сама бежала навстречу, а хищник всегда стороной обходил. Но была у Сымона одна тайна. Как-то раз в середине вересковика пошел он на охоту. Игра не шла. Звери и птицы, как назло, попрятались. Пригорюнился Сымон, что с пустыми руками возвращаться придется. Сел на пенек. Вдруг видит, старик, косматый и сгорбленный, из чащи выходит, на узловатую палку опираясь. Говорит: «Знаю о твоем горе, Сымон-охотник. Ступай на Лысую гору. Змеи там кишмя кишеть будут, да ты не бойся. Пропустят они тебя на самую вершину. Как увидишь ужа неподвижного, поклонись ему в землю. Платок постели. На платок крынку с молоком поставь парным. Оживет уж, напьется молока и скинет свою корону на платок. А ты не зевай. Как слезет уж с платка, корону в него заворачивай, да за пазуху сунь. Как спустишься с горы, помощник к тебе явится. С ним дичь сама в руки пойдет».

Сымон послушал старика и сделал, как было велено. У подножья горы встретил его огромный черный пес. И следовал за Сымоном всюду, как только тот на охоту выходил. Дичь сама к нему из леса выбегала. Все шло хорошо, пока Сымон жениться не собрался. Пришел невесту сватать, а тут откуда ни возьмись змея выползла. Да как зашипит на невесту.

Девушка от страха взмолилась: «Убей гадину, убей сейчас же!» Сымон ударил змею концом охотничьего лука, и та тут же издохла. Из леса донеслось глухое рычание. И послышался в том рычании возмущенный голос давешнего старика: «Зачем детеныша моего погубил?! Я же тебе столько помогал! Не прощу этого, не прощу!»

Не по себе Сымону стало. Вернулся он домой, развернул платок — а там только два сухих осиновых листочка остались. Отправился Сымон на охоту, вышел на опушку. Глянул, бежит к нему верный черный пес. Обрадовался Сымон, да не тут-то было. Зарычал на него пес, словно не признал вовсе. Глаза красным колдовским пламенем полыхнули. Кинулся на Сымона, когтями острыми да клыками длинными живот разодрал, потроха все выел, мертвое тело на дороге кинул, а сам к хозяину своему — Ужиному королю — вернулся».

Герда передернула плечами. Жуткая история. Поэтому взрослые и не разрешали читать эту книгу. Боялись, что Герда ночью плохо спать будет. На самом деле плохо спали они сами, когда она прочитанные сказки перед сном пересказывала. Герда спрятала книгу и осмотрелась. Тени от деревьев удлинялись. День шел на убыль. Чтобы собрать полную корзинку и вернуться засветло, нужно было торопиться. Герда присела на корточки и потянулась к ягодам, как вдруг заметила в глубине леса яркий всполох. Болотные огоньки так далеко от Ужиных топей? Вряд ли. Да и не зажигаются они днем. А вдруг пожар? Надо бы его потушить, пока на деревья не перекинулся.

Герда подхватила корзинку и побежала к огоньку. Приблизившись, она увидела огненно-рыжего кота, сидевшего в потоке солнечных лучей, пробивавшихся сквозь небольшое отверстие в густых кронах деревьев. От этого казалось, что его шерсть горит ярким пламенем.

«Кот! Вот это удача! — обрадовалась про себя Герда. — Нужно его поймать и отнести домой. Папа обрадуется, что я ему помогла».

Забыв про ягодную поляну, она бросилась догонять рванувшего прочь кота. Бежал он очень быстро, но то и дело останавливался, словно проверяя, не отстала ли она. Гонка разжигала азарт. Теперь Герда ни за что не собиралась упускать плутишку. Неожиданно кот замер и повел ухом, к чему-то прислушиваясь. Она подкралась к нему вплотную и уже протянула руку, как кот вскочил и понесся в чащу, петляя, словно заяц.

«Не уйдешь!»

Герда хотела побежать следом, но зацепилась ногой за торчавший из земли корень старого дерева и упала, выронив корзинку. Ягоды высыпались и раскатились в разные стороны. Герда поднялась, потирая ушибленную ногу.

— Ну вот, сбежал!

Она с досадой всплеснула руками, посмотрела на корень, об который споткнулась. Рядом на земле неподвижно лежала змейка с желтыми ушками. Ужик! Герда подобрала ветку и осторожно ткнула чешуйчатое тело. Змейка не двигалась. От испуга Герда прижала руку ко рту. Ужика растоптала! Детеныша Ужиного короля. Сейчас явится он сам и утащит ее под землю. Хорошо хоть братьев у нее нет, и никто не станет его на части рубить. А что, если он пришлет страшного пса?!

Герда бросилась собирать ягоды обратно в корзинку, желая убраться от мертвой змеи подальше. Повезло, что брусника не давилась под пальцами, как черника или земляника. Загребая горстку укатившихся к самым кустам ягод, прямо над собой Герда услышала раскатистое рычание. Она медленно подняла голову и встретилась взглядом с кроваво-красными глазами лохматого черного пса. Ростом он был едва ли ниже Герды. Пес щерил

наполненную острыми зубами пасть, с которой на землю щедро капала слюна. Герда сдавленно сглотнула и попятилась к противоположной стороне поляны. Пес обогнал ее и с громким лаем отеснил к поваленному бревну, а потом затаился в кустах, дожидаясь непонятно чего. Герда устало опустилась на бревно и горько расплакалась, давая волю накопившемуся отчаянию.

Плакала она долго. Даже не заметила, как из низин поднялся густой туман и парной дымкой заволок все вокруг. Стало зябко. Герда пыталась успокоиться, но дрожь никак униматься не хотела.

— Кто здесь? — донесся из тумана высокий, но все же безошибочно мужской голос. — Ты человек или демон?

— Че-человек, — ответила она, стараясь сдержать всхлипывания. — Человек я!

— Теперь вижу, — сказал голос прямо за ее спиной. Герда испуганно обернулась. Позади стоял словно сошедший с книжных гравюр рыцарь на белом коне. Почему пес его не тронул?

«Неужели это взаправду? Рыцарь меня спасет. Обязательно. Он ведь уже победил трехглавого цмока. Нет, четырех-, нет, пятиглавого! Что ему какой-то пес после этого!»

Рыцарь спешил, и Герда смогла хорошенько его рассмотреть. Немного смутило, что конь оказался вовсе не белым, а всего лишь светло-серым с россыпью едва заметной черной гречки по шерсти. Вместо тяжелого доспеха всадник был одет в добротные, но совершенно обычные серые шерстяные штаны и рубаху, на плечи накинут выдавший виды дорожный плащ. Ростом рыцарь не вышел, да и силы большой в нем тоже не чувствовалось. Весь такой жилистый и тощий. Да это же мальчишка лет четырнадцати отроду, не больше!

— Чего ревешь? — не слишком почтительно спросил он.

Герда вдруг поняла, что сидит с открытым ртом и тут же его закрыла. Все мысли из головы вылетели, кроме одной — папа запретил разговаривать с рыцарями.

— Ты немая? — еще раз обратился к ней рыцарь. — А пять минут назад не хуже баньши голосила. Я-то думал, люди так не умеют.

Герда обиженно насупилась. Папа прав. Рыцари противные!

— Я, — сиплым от слез голосом начала Герда. Все равно другого шанса спастись у нее не будет.

— Что? — нахмурился рыцарь.

— Я случайно раздавила ужика, и теперь его пес хочет меня съесть, — собравшись с силами, рассказала она.

— Пес ужика? — недоверчиво переспросил рыцарь.

— Нет, пес Ужиного короля. А ужик — его детеныш, — Герда указала на мертвую змейку рядом с собой.

Рыцарь задумчиво посмотрел на змею, подобрал с земли палку и потыкал неподвижного ужика, как это делала до него Герда.

— Ты его живым хоть видела? — спросил он, убедившись, что змея действительно мертва. Герда покачала головой. — Так, может, он давно такой лежит. И ты тут совершенно ни при чем.

— Тогда почему тот страшный пес не выпускает меня с поляны? — она кивнула на кусты, за которыми в последний раз видела свирепого зверя и, поскуливая от страха, добавила: — Наверное, он хочет съесть мои потроха.

Рыцарь удивленно вскинул бровь.

— Я в книжке прочитала, — пожалала плечами Герда. Рыцарь безнадежно махнул рукой и направился к кустам. Пес тут же залился звонким угрожающим лаем.

— Добрая собачка. Да еще и с демонической аурой, — задумчиво изрек рыцарь.

Подойдя к своему коню, он достал из поклажи длинный сверток и принялся его разворачивать.

— Видно, придется сегодня живодером поработать.

Герда еще раз присмотрелась к лицу рыцаря. Красивое, бледное, с тонкими, но очень жесткими чертами. Смоляные кудри стянуты в жесткий жгут на затылке. Глубоко посаженные ярко синие глаза горят отчаянной решимостью. Тонкие губы крепко сжаты, словно он готовится к чему-то очень важному и вместе с тем опасному.

И тут Герду осенило. Никакой он не рыцарь. Он настоящий принц, принц в изгнании! Вон какая у него осанка горделивая. Такая только у принцев крови бывает. Говор у него чудной, совсем на местный не похож. А презрение... Ведь знатные особы всегда на простолюдинов с презрением смотрят. Так во всех книгах пишут.

К этому времени принц уже успел развернуть свой сверток, внутри которого оказался изящный тонкий меч, и направился с ним к кустам, где затаился грозный пес.

Герда заволновалась. Если он не рыцарь, то никакого пятиглавого цмока не побеждал. Значит, и с псом вряд ли справится. Тот разорвет его на части, а потом съест потроха или наоборот съест потроха, а потом разорвет на части. Не важно. В любом случае, если принц погибнет, то его королевство останется без наследника. Начнется война за престол и умрет много-много людей. И все из-за того, что она раздавила ужика. Нет, надо спасти принца во что бы то ни стало!

Герда со всех ног бросилась к нему и успела схватить за руку до того, как он замахнулся на пса мечом:

— Стой! Даже если ты его убьешь, а не он тебя, потом сюда явится сам Ужинный король и утащит нас к себе в палаты!

— Что? — бровь принца поползла кверху.

— Правда, он обычно красивых девушек похищает. Но мы с тобой не девушки, то есть не красивые. И уж точно не нагие. Ой, — от страха она по обыкновению начинала тараторить и нести какую-то нелепицу. С каждым ее словом красивые глаза принца выпучивались все больше, грозя вот-вот вылезти из орбит. — Я хочу сказать, что если у тебя нет братьев, которые смогут изрубить Ужиного короля на части, то мы зачехнем у него в подземелье без солнечного света.

Принц буравил Герду пристальным взглядом, словно желал разглядеть те самые потроха, которыми хотел полакомиться пес. Она поежилась. Глубоко вздохнув, принц дернул головой, будто освобождаясь от наваждения, и хитро прищурился:

— О, так это священное испытание! Теперь все ясно. Я должен помочь?

Словно отвечая, пес зашелся лаем, встал на задние лапы и клацнул зубами у самого лица принца. Тот мгновенно отскочил в сторону вместе с Гердой.

— Ладно, я его трогать не стану. Ты сама должна с ним справиться, иначе мы нарушим правила и будет худо. Есть идеи? — заговорил принц, когда они оба устроились на поваленном бревне в середине поляны.

— Нет. Теперь мы либо умрем здесь от голода, либо пес съест наши потроха, — Герда снова заплакала, осознав, что даже так никого не спасла.

— Да не реви ты, — прикрикнул на нее принц, окончательно потеряв самообладание.

— Терпеть не могу маленьких хныкалок.

Герда испуганно всхлипнула и вжала голову в плечи. Принц поморщился от досады и, достав из кармана платок, принялся вытирать ее личико. Герда прикусила губу и затихла, совершенно не сопротивляясь.

— Давай подумаем вместе, — приговаривал принц назидательным тоном, вычищая ее левую щеку от грязи. — Если этот пес хотел нас убить, он давно бы это сделал. Значит, он просто не выпускает нас с поляны. И очень сомневаюсь, что он жаждет уморить нас голодом. Это долго. Да и ему самому нужно что-то есть, а не сторожить нас денно и ночью. Правильно?

Герда кивнула, хотя не понимала, куда он клонит. Принц сунул платок за пазуху.

— Что ему может быть от нас нужно? — спросил он, критически разглядывая результаты своей работы на ее лице. — Подумай. Ты, наверняка, знаешь ответ.

Герда повторила про себя недавно прочитанный отрывок. Рассеяно оббежала взглядом поляну, пока не увидела неподвижную змейку возле бревна.

— Змея на Лысой горе тоже была неподвижной! А когда Сымон ей поклонился, постелил платок и угостил парным молоком, она ожила и подарила ему свою корону. Правда, это было в середине вересковика, а сейчас еще даже женивенник не закончился.

— Молодец! Парного молока у нас нет, — принц развел руками. — Зато есть вот это.

Он достал из своих вещей деревянную кружку и налил молока из большой фляги, не парного, конечно, но все же лучше, чем ничего. Герда сняла с головы косынку, расстелила ее перед змейкой, и принц поставил на него кружку. Они отошли на шаг. Герда тревожно покосилась на принца. Тот заговорщически подмигнул. На душе стало гораздо спокойней.

Мертвая змея зашевелилась, заползла на косынку и высунула изо рта маленький раздвоенный язычок. Удостоив их всего одним коротким взглядом, уж с царственным видом испил молока, а потом начал извиваться всем телом, с огромным трудом стягивая с себя старую кожу. После долгих усилий он, наконец, освободился и скрылся в высокой траве.

Принц подтолкнул оробевшую Герду к змеиной коже:

— Теперь она твоя. Забирай.

— Зачем она мне? — заупрямилась Герда, вспомнив, чем для Сымона обернулся подарок ужа.

— Пса с помощью нее отвадишь. Держи, — принц завернул кожу в косынку, всучил Герде и потянул ее к кустам.

Пес все еще поджидал, но больше не рычал, а к чему-то принюхивался. Герда дрожащей рукой протянула ему косынку. Пес уткнулся в нее носом, чихнул и, поджав хвост, убежал в лесную чащу.

Герда облегченно выдохнула и ощутила, как от напряжения подкашиваются ноги. Принц подхватил ее и отнес обратно к поваленному дереву.

— Молодец. Видишь, как все просто вышло? — потрепал он Герду по голове. — Мне даже драться не пришлось.

— Спа-спасибо, — с трудом выговорила она.

— Не за что. Ты же сама все сделала. Я совсем чуть-чуть помог, — он слегка улыбнулся, и Герда тут же расцвела. И совсем он не противный, а презрение... так он просто плакс не любит. Вот она и не станет больше слезы показывать. И все-таки это он спас ее от пса, а не наоборот.

— Меня, кстати, Николас зовут, Николас Комри.

— Герда... То есть Альгерда Мрия, — она покраснела, не зная почему, но все равно как можно крепче пожала протянутую руку.

— И что же маленькая девочка с таким красивым именем делает в лесу в столь поздний час? — поинтересовался Николас.

Герда ахнула, впервые осознавая, сколько времени просидела на этой поляне. Над лесом начали сгущаться сумерки. Теперь она вряд ли обернется дотемна, как обещала.

— Ягоды собирала, — Герда кивнула на полупустую корзинку.

Николас с любопытством заглянул внутрь и скептически хмыкнул. А потом заметил лежавшую рядом книжку и взял ее в руки.

— «Предания старого Севера»? У меня в детстве такая была. Сестры, помню, жутко этих сказок боялись, а ты?

Герда вымученно улыбнулась:

— Только родителям моим не рассказывай, что я ее читала, а то они расстроятся. То есть они и так расстроятся, что я припозднилась, а с книжкой и вообще больше никуда не пустят.

— А далеко до родителей твоих? Ты ведь из Дрисвят, верно? Так у меня быстрый конь. Мигом нас домчит.

— Не успеет до темноты. Пешему отсюда часа полтора-два ходу по Оленьей тропе. Но там поперек дороги лежит широченная сосна. С конем не пройдешь. Надо идти в обход до Сокольничего тракта, а это еще часа три вдоль Ужиных топей. В такой туман туда лучше не соваться. Можно в дрыгву угодить.

— В трясину? — нахмурился Николас. Точно, чужеземец. Таких простых слов не знает.

Герда кивнула.

— Что ж, тогда вариант всего один — здесь заночевать, — мрачно вздохнул принц.

— Родители меня убьют, — Герда закрыла лицо руками, собираясь снова расплакаться, но тут же вспомнила, что обещала этого не делать.

— Пожурят немного и забудут. Мои всегда так делали. Я вот компаньона в тумане потерял — это действительно беда. А он еще в трех соснах заблудиться умудряется постоянно. Не будет его завтра в Дрисвятах — придется возвращаться и искать.

— Так тебе мой папа нужен. Он лесник, он здесь все-все знает. У нас как кто потерялся, сразу к нему бегут. Он в два счета всех находит.

На том и порешили. Николас расседлал коня, вынул из сумки топор и отправился за дровами. Герда в это время собирала хворост и выкладывала очаг камнями. Набрав воды из ручья и приладив над огнем котелок с походной кашей, Николас подкатил к костру бревно и пригласил Герду сесть поближе. Она протянула к огню заочневшие руки.

— Для чего ты в Дрисвяты едешь, да еще лесом? — задумчиво спросила она.

Николас замялся и спустя мгновение ответил:

— На ярмарку. Купец я.

— Но ведь это неправда, — насторожилась Герда. — Это от нас в Подгайск на ярмарку ездят, а не наоборот. А я знаю, кто ты на самом деле.

Николас заметно напрягся от ее слов. Нет, конечно, никакой он не принц. Принцы не забираются в лесную глушь без охраны, не теряют компаньонов в тумане, не вытирают слезы перепуганным девочкам. И уж точно никто и никогда не смеет их журить. Герда усмехнулась и выдала самую правдоподобную версию. И совершенно не сказочную.

— Ты охотник.

— Как догадалась? — Николас удивленно вытаращился на нее. Хорошо, что ни про рыцаря, ни про принца не проболталась. Иначе он бы точно ее засмеял и счел глупой хныколкой.

— Легко, — Герда указала на лежавший среди его вещей короткий охотничий лук. — И потом, так глубоко в Дикую пушу никто, кроме лесника и самых отчаянных охотников не заходит. Так на кого ты охотишься? На косуль, вепрей или, может быть, зубра?

Николас задумчиво почесал затылок и неожиданно выпалил:

— Вообще-то, на демонов.

Герда тут же нахмурилась:

— Демоны? Это как наши нечистики что ли? — от нахлынувшего восхищения в груди сперло дыхание. — Так ты Страж!

Охотник как-то грустно усмехнулся и легонько щелкнул ее по лбу:

— Стражей не существует.

— Ну да, — замялась Герда, вспомнив, что и отец говорил то же самое. Наверное, это какое-то неписаное правило, делать вид, что Стражей нет, хотя один из них прямо сейчас сидит перед ней. — И много демонов ты убил?

— Никогда не считал, — неопределенно ответил Николас, а потом достал из сумки потрепанный альбом. — Вот, посмотри, я зарисовываю их для моей сестренки. Ты на нее очень похожа.

Герда с интересом начала листать альбом, внимательно разглядывая чернильные изображения диковинных созданий со странно изогнутыми когтистыми лапами, чешуйчатыми хвостами, громадными перепончатыми крыльями и косматыми клыкастыми мордами. Упоминаний о большинстве этих тварей она даже в книгах не встречала.

— О, а вот этого я знаю, — Герда ткнула пальцем в один из рисунков. — Волколак это. И его ты тоже убил?

Охотник заметно смутился, но все же ответил:

— Нет.

— И правильно, — Герда улыбнулась. — Наш последний князь был волколаком. И папа говорит, что он был самым лучшим. А после того, как он умер, все плохо стало. Ой, только тут название другое написано.

Надпись под рисунком была сделана не витиеватой буквицей, которой учили детей в школах при единоверческих церквях, а строгой старинной рунницей.

— Вир, нет, — Герда беззвучно шевелила губами, вспоминая, как читались древние знаки. Вот сейчас она точно его удивит: — Вервольф, вот.

Брови Николаса сошлись над переносицей:

— Правильно, вервольф. Так они называются в местах, откуда я родом. А где ты научилась читать руны?

Герда возликовала и принялась хвататься. Уж очень хотелось заслужить его расположение после всего, что он сделал. Она не хныкалка, нет. Она очень смышленная и рассудительная для своих лет. Так сам дядька Михась говорил.

— Папа научил. Я же говорю, он все-все знает. Правда, он просил меня никому не рассказывать, но ты ведь не выдашь? — заговорщически подмигнула Герда. — А я никому не скажу, что ты Охотник на демонов. Ведь это тайна?

— Тайна, — быстро согласился он.

— Так откуда ты? — сменила тему разговора Герда, отложив альбом в сторону.

— Из Авалора, это... — не слишком охотно отвечал Николас.

— Туманный остров в Северном океане. Я знаю, — продолжила Герда, все еще надеясь поразить Охотника сообразительностью. — Но ведь это так далеко. Ты, должно быть, пол Мидгарда прошел, чтобы сюда добраться. Мне бы тоже хотелось повидать другие места, а то я кроме подгайской ярмарки нигде и не была.

Николас снисходительно улыбнулся:

— Побываешь еще. Только подрасти вначале и перестань пугаться всяких глупостей. Знаешь, сколько еще диких псов на дороге может встретиться? И все они будут не прочь полакомиться такой болтливой маленькой девочкой.

Он страшно зарычал, растопырил руки, изображая хищную хватку, притянул ее к себе и принялся щекотать живот и бока. Герда громко смеялась, визжа и брыкаясь, пока они не соскользнули с бревна и, покрасневшиеся, растянулись на мягкой, сырой от росы подушке мха, шаловливо улыбаясь друг другу. Отдышавшись, забрались обратно и еще долго болтали о демонах, дальних странах и старинных легендах. Герда внимательно слушала рассказы Охотника, ловя каждое слово. Луна была уже высоко, когда они улеглись спать, укрывшись одним одеялом.

Герда проснулась еще до рассвета от того, что озябла. Она прижалась поближе к Николасу, чтобы согреться. Положив голову ему на плечо, поплотнее подоткнула одеяло и принялась внимательно вглядываться в безмятежное от сна лицо. Какой же он красивый! И хорошо, что не принц. Принцы не дружат с дочками лесников, а вот охотники вполне.

Герда почувствовала, как он зашевелился, пробуждаясь, и притворилась спящей. Николас достал затекшую руку из-под ее спины, ласково потрепал по волосам и мягко коснулся щеки. Герда открыла глаза и хитро ухмыльнулась:

— А я не сплю.

— А я знаю, — шутливо ответил он.

Герда потянулась, села на одеяле и, оглядевшись по сторонам, радостно заключила:

— Туман совсем ушел. Наверное, Ужинный король больше на нас не сердится!

Солнце взошло, загнав рассветные сумерки на дно оврагов. Над верхушками вековых сосен раскинулось бескрайнее ясное небо. Пора было выдвигаться в Дрисвяты. Позавтракав остатками вчерашнего ужина и напившись водой из ручья, они затушили костер. Николас отправился седлать коня, в то время как Герда собирала его вьюки. Приточив их к седлу, Охотник усадил ее на лошадь впереди себя и поехал шагом.

Часа два они очень медленно двигались по едва заметной тропе, огибающей Ужинные топи по самому краю. Мошकारа нещадно жалила открытые руки, хотя основной удар жужжащих кровопийц стойко принимал на себя серый конь. Герда стряхивала с его шеи слепней, до которых могла дотянуться, отчего на руках оставались кровавые следы.

Несколько раз они чуть не завязли в трясине, но благодаря знаниям Герды, им все-таки удалось выбраться из коварного и прожорливого болота. Солнце было уже высоко, когда между деревьями появился просвет и показался широкий наезженный тракт. Почувствовав под ногами удобный грунт, конь воспрял духом и побежал легкой рысью. Николас набрал повод в одну руку, а другой придерживал Герду, чтобы она не упала от тряски.

Сокольничий тракт оказался самым людным местом во всей Дикой пуще. На разбитых телегах катили по нему дровосеки. Чаще попадались грибники и охотники, которые тоже осмеливались ходить лишь вдоль большой дороги. Один раз мимо промчалась запряженная тройкой поджарых вороных рысаков карета.

— Это мастер Заградский, — ответила Герда на вопросительный взгляд Николаса. — Глава Дрисвятского земства. Его жена на днях умерла. Наверное, отпевать ездил. Смотри, мы уже почти приехали.

Николас с интересом изучал городок. Он оказался совсем небольшим — всего сто дворов на холмах по обе стороны от узкой, вытекавшей из леса речки — и похожим на разросшуюся деревню. Ни городских стен, ни даже ратуши видно не было. На рыночной площади ютилось несколько захудалых лавчонок, харчевня и постоялый двор с выцветшей вывеской. И лишь большая Единоверческая церковь из белого камня помпезным видом корила город за серость и убогость. Обычная для дремучего захолустья картина. Но все же что-то в ней необъяснимо настораживало.

Подъехав к указанному Гердой дому, Николас спешил и помог ей слезть. Дверь тут же распахнулась и на улицу выбежала статная светловолосая женщина.

— Гердочка! Герда! — закричала она, прижимая к себе оробевшую вдруг девочку. — Гед! Гедымин, скорее сюда, Герда нашлась!

На порог вышел сухощавый мужчина с пепельно-серыми волосами и укоризненно сказал:

— Ну вот, Зофьюшка, а ты говорила, сгинула. Просто заблудилась немного.

— Я не заблудилась, — обиделась Герда и высвободилась из материнских объятий. — Меня пес Ужиного короля не пускал.

— Снова страшных сказок начиталась?! — ахнула Зофьюшка и грозно взглянула на мужа. — Это ты виноват. Последний раз ее в этот жуткий лес отпустила. Больше ноги ее там не будет!

— Милая, ведь ничего страшного не случилось. Я же лесник и дочка моя, моя наследница, должна знать, как по лесу ходить и не заблудиться, — сделал слабую попытку оправдаться Гед. — И не стоит оповещать соседей о наших делах.

Николас тактично закашлялся.

— Пес действительно был. И ваша дочка очень хорошо знает лес, — родители Герды удивленно покосились на него, словно впервые заметив. Чтобы не показаться невежливым, он поспешил представиться, придумав себе более подходящее ремесло, помня, что в прошлый раз ему даже восьмилетнюю девчонку провести не удалось. — Меня зовут Николас, я охотник.

Заинтересованно глядя, отец Герды спустился с порога.

— Конечно, знает. Я сам ее учил, — с гордостью сказал мужчина и горячо пожал протянутую руку. — Спасибо, что вернули ее. Она у нас совсем одна. Не знаю, что бы мы без нее делали. Теперь мы перед вами в неоплатном долгу. Меня зовут Гедымин, я глава здешнего лесничества. А это моя жена Зофьюшка, — светловолосая женщина добродушно улыбнулась, а ее муж продолжил: — Так чем мы можем вам помочь?

— Я ищу одного человека...

— Мастер Николас, мастер Николас! — послышался за спиной радостный окрик.

Охотник облегченно выдохнул:

— Ах, уже не надо.

К ним со всех ног бежал пропавший в лесу компаньон — невысокий худосочный мужчина лет сорока в мешковатой одежде. Лицо, с едва заметными морщинами в уголках рта и вокруг глаз, гладко выбрито. В коротко стриженных темно-каштановых волосах уже проглядывала седина.

— Вы живы! Я так испугался, когда не нашел вас на постоялом дворе!

Николас натянуто улыбнулся. Ну сколько повторять, чтобы к нему обращались на ты! От радости компаньон расчувствовался и крепко прижал к себе Охотника.

— Эглаборг, потише, задушишь! — возмущенно зашипел Николас, не на шутку смутившись, что с ним, почтенным Охотником на демонов, обращаются почти, как с восьмилетней девочкой, и ловко выкрутился из медвежьей хватки.

Герда захихикала в кулак.

— Может, вы устали с дороги? Погостите у нас пару дней, — предложил Гед, чтобы хоть как-то отплатить Охотнику за спасение дочери, и опасно покосился на жену. Внимание последней было полностью поглощено дочкой.

— Остаься, Николас, ну хоть на пару денечков, — с надеждой попросила Герда.

— Да-да, у нас вечером как раз праздник будет. С танцами и угощением. Будете жалеть, если пропустите, — поддержала их Зофьюшка.

— И работа для вас тут тоже имеется, — шепнул на ухо Эглаборг.

— Хорошо, хорошо, уговорили, — сдался под общим натиском Охотник.

К вечеру рыночную площадь расчистили от мусора и лишних прилавков. Установили небольшой помост для сельских музыкантов: скрипачей, дударей, гусяров и барабанщиков. Веселые ноты лились из их инструментов, наполняя серое и унылое местечко чудесной мелодией. Люди в ярких одеждах танцевали залихватские народные танцы, из которых Николас знал лишь ойру — ее можно было увидеть и в соседних странах на сельских фестивалях. Праздник чудесным образом преобразил город, превратив его в пышный торт со свечами и кремовыми розочками. И лишь белая церковь с укоризной взирала на раскинувшееся веселье.

Охотник медленно потягивал сладкий медовый напиток из деревянной кружки, по привычке наблюдая за праздником лишь со стороны.

— Мастер Николас, это мастер Заградский, — Эглаборг подвел к нему богато одетого грузного мужчину с заметной лысиной на макушке.

— Очень приятно, — коротко кивнул Охотник.

— Мне сказали, что вы беретесь решать дела, которые требуют особой... хм, деликатности, — тщательно взвешивая каждое слово, говорил земский глава.

— Деликатности? — нахмурил брови Николас. Вот уж о деликатности его точно еще не просили.

— Видите ли, я занимаю определенное место в обществе, а дело мое имеет сугубо личный характер, поэтому мне бы не хотелось предавать его лишней огласке, — снова замялся Заградский. — Народ тут темный. Я в Дрисвятах с самых Войн за веру земским главой состою, а до сих пор к местным нравам не привык. Суеверные они здесь все, у границы самой.

Николас пожал плечами, всем видом показывая, что не понимает, куда клонит собеседник. Когда заказчики вот так тянут время, обычно либо работа предстоит не из приятных, либо платить за нее собираются до неприличия скудно. Если на первое Охотник еще мог согласиться при определенных условиях, то на второе... впрочем, это самое второе

случалось чаще всего.

— Жена моя скончалась пару дней назад, — Заградскому, видимо, надоело юлить и приступил к сути. — Хорошая женщина была, не смотрите, что из местных. Не любили ее здесь, завидовали очень. За глаза ведьмой называли, а теперь никто всенощную отстоять не хочет...

Николас с негодованием глянул на своего друга: «Кого ты мне привел? Я такими делами не занимаюсь!» Справившись с порывом послать земского главу в дальние дали, Охотник язвительно поинтересовался:

— А почему вы сами постоять не хотите, раз так ее любили?

— Так мне это... — смутился Заградский и похлопал себя по необъятному пузу: — Возраст и здоровье не позволяют. Подсобите, а?

— Вам, наверное, не сказали, я очень дорого беру за свои услуги. Пусть даже за такие... деликатные, — продолжал искать причину отказаться Николас.

— Пятьсот монет. За одну ночь, — с готовностью предложил Заградский.

Охотник не нашелся, что ответить. На эти деньги они с Эглаборгом смогли бы прекрасно жить полгода, а может и дольше. За такую награду любой из бедняков, коими явно кишел город, должен был легко согласиться помочь. Но не согласился. Значит, что-то не так с этой всенощной. Или с покойницей?

— Он согласен, — выпалил вдруг Эглаборг. Николас послал ему испепеляющий взгляд.

Заградский энергично пожал Охотнику руку и объявил, что будет ждать возле церкви после праздника.

— Это же легкая работа. Хотите, я сделаю ее вместо вас, — пытался оправдаться Эглаборг, когда Заградский отошел достаточно далеко.

— Не хочу, — упрямо ответил Николас. — Но это же... это же... так унижительно. Стоять всенощную за чужую жену, словно я убогий какой. А ведь я даже не единоведец.

— Ну и что? Зато за это хорошо заплатят. Послушайте старого человека, поспите ночью на лавке в церкви, заберите денежки, и больше нам не придется лазить по оврагам и подворотням в поисках жутких тварей. Да от той виверны из Кундии у меня до сих пор все поджилки трясутся!

— Но она же никого не трогала, пока тот безголовый рыцарь не полез разорять ее кладку! — взъярился Николас, но потом усталым тоном добавил: — Я Охотник, мое дело — укрощать разъяренных виверн, а не стоять всенощную за чужих жен.

— Смирите свою гордыню, — с тихим укором сказал Эглаборг. — Пока у нас нет денег, выбирать не приходится.

Николас тяжело вздохнул и подошел к прилавку с пирожками, где своей очереди дожидались еще два покупателя. Охотник встал за ними и рассеяно смотрел по сторонам. Под чадящим свечным фонарем на углу площади он заметил Герду, носом уткнувшуюся в книжку, хотя при таком свете читать было невозможно. Внимание покупателей тоже было приковано к светловолосой девочке. К ней подошел хорошо одетый мальчик, сказал пару слов, но она, не отрывая глаз от книги, отмахнулась от него. Мальчик не уходил, тогда Герда шепнула что-то ему на ухо. Неудачливый ухажер испуганно вытаращился и убрался восвояси.

— Она снова это сделала! — засмеялся один из покупателей. — Гони монету, Михась. Я честно ее выиграл.

Второй покупатель с досадой сплюнул и полез в карман за деньгами.

— Да, Михась, зря ты на Заградского сына поставил. Она ведь немного того, эта

Гедыминова дочка, — вмешалась в разговор мужчин розовощекая булочница. — А помните, как она Вележ-озеро переплыла? Говорила, там мавки на дне живут...

— Так она за твоим сыном полезла, Марыська. Кабы не она, так затянуло бы его под корягу и поминай, как звали. И без всяких мавок, — упрекнул выигравший спор покупатель.

— Твоя правда, Брыль. Только больно уж страшные вещи она порой рассказывает. Дети после ее баек по ночам спать боятся. Да и Гедымин, посмотри, как испугался, когда Голубые Капюшоны приходили. Сразу же в лес ее услад от греха подальше. Ведьма она, точно как Ялинка, — переходя на шепот, ответила булочница.

— Да полно вам уже. Блаженная она, книжки читает, по лесу слоняется, нет зла от нее никому. Ялинка — другое дело. Она душу продала... — Михась неожиданно осекся.

— Мастер Николас, так вот вы где! А мы с женой вас обыскались, — Охотник обернулся. К нему быстрым шагом приближался отец Герды.

— Я решил сам немного осмотреться.

Городские сплетники испуганно покосились на Николаса. Не удостоив их вниманием, он подошел к леснику и саркастично заметил:

— Добрые у вас тут люди, ничего не скажешь.

— Это они в последнее время такими стали. Раньше во всем Мидгарде было не сыскать народа более радушного и гостеприимного, чем наш. А потом сюда пришли единоверцы со своими законами... — Гедымин не закончил фразу и с досадой махнул рукой. — Теперь мы вынуждены платить им непомерную дань, да прославлять посредственность. А ведь когда-то у нас тоже были Стражи, и мы гордились их даром. А сейчас... сейчас я радуюсь, что у моей дочки его нет.

Николас с сочувствием покосился на поглощенную книгой Герду. Вот и его отец тоже не хотел, чтобы у него был этот проклятый дар. Жаль, что провидение не в людской власти. Если Герде было ниспослано священное испытание, значит, дар у нее есть. И не из слабых. Туго ей придется одной. Хорошо, что она девочка. Девочкам всегда проще поначалу. А потом... не его дело. Сейчас у него совсем другие задачи. Николас все же решился дать ее отцу маленький совет:

— На вашем месте я бы продолжал прятать ее в лесу от Голубых Капюшонов.

Гед грустно улыбнулся, слишком хорошо поняв намек. Николас вежливо распрощался и направился к Герде.

— Почему не танцуешь? — спросил он, устраиваясь рядом.

— Никто не приглашает, — пожалала плечами девочка.

— А как же тот мальчик? Кажется, сын мастера Заградского.

— Кто, Вальдемар? — Герда потешно высунула язык: — Фу, он же гадкий.

— Что ты ему сказала? Он убежал, будто демона увидел.

— Правду. Что я подружилась с настоящим рыцарем на белом коне, у которого есть большой меч. И этот рыцарь его побьет, если он будет продолжать мне докучать, — смеясь, ответила она.

— Мне уже страшно.

— Почему? — удивилась Герда.

— А если твой друг побьет и меня, — нарочито серьезно ответил парень.

— Я вообще-то про тебя говорила, — немного смущенно пробормотала девочка.

— Ты мне льстишь. Меч у меня не такой уж большой, — лукаво улыбаясь, заметил Николас. — Так значит, меня не побьют, если я приглашу тебя потанцевать?

Девочка отрицательно замотала головой. Николас приобнял ее за талию. Им повезло — танец оказался медленным и несложным. Но из-за разницы в росте все равно выходило немного неловко.

— Ты говорил с мастером Заградским. Он просил тебя отстоять за его жену всенощную?

— Да, — недоуменно ответил Николас.

— Но ты ведь не согласился, правда? — Герда заглянула ему в глаза.

— Он хорошо платит, — пожал плечами Охотник.

— Неужели он платит достаточно, чтобы тебя убили? — Герда резко остановилась и опустила голову.

— Мне всего лишь надо всенощную отстоять. Из-за чего меня могут убить?

— Из-за нее, Ялинка-ведьмы. Она когда умирала, вся черная была. Тогда к нам в город и пришел этот ужасный тип в сером балахоне. Пеший, из-за капюшона лица совсем не видно. Перед тем, как в усадьбу к Заградским заявиться, он весь город обошел. Остановился у нашего дома и долго смотрел на меня. Я не видела его глаз, но все равно было так жутко. Верно, он не только за Ялинкой приходил. А потом сбежались кошки со всей округи. Домашние и бродячие. Все. Никогда не думала, что их у нас так много. Кошки шипели, рычали, пушили хвосты, вздыбливали шерсть и медленно шли на него. Он воздел руки, и все они разом рухнули замертво.

Николас еще раз огляделся по сторонам. Так вот, что его насторожило в этом городишке. По улочкам, даже в самых темных подворотнях, не сновало ни одной кошки. Плохой знак. Очень.

— После этого он оставил наш дом и пошел напрямик к Заградским, нам дворовые потом рассказывали, — продолжала сбивчивый рассказ Герда, отчаянно вздрагивая и озираясь от любого резкого шороха. — Сказал, Ялинка ему задолжала, дотронулся до нее, а потом добавил: «Сегодня я забираю ее дыхание, а через три дня вернусь за душой». И ушел. Мастер Заградский тут же помчался к нашему священнику, но тот лишь руками развел. Мол, найди смельчака, чтоб ночь у гроба отстоял. Тогда спасешь душу. Да стоять никто не станет ни за какие деньги. Мертвых кошек все видели, все убирать и закапывать у старого дуба помогали. А теперь боятся до смерти.

— Погоди, кого боятся? Кто приходил за вашей Ялинкой? — Николас положил руки ей на плечи, чтобы хоть как-то успокоить.

— Ловец желаний, — глаза девочки лихорадочно блестели. — Ялинка пообещала ему свою душу в обмен на богатого жениха, и к ней посватался сам Заградский.

— Ловец желаний. Исполняет желания и забирает душу взамен. Где же я об этом мог слышать? — задумался Николас.

— Во сне, — таинственным голосом подсказала Герда. — Я видела его во сне. Однажды мне приснилось, что он пришел со свитой нечистиков за моими родителями. Я никак не могла их спасти. Их убили. Убили всех в городе. А потом отправились за мной.

— Ты просто сильно испугалась его накануне, — Николас рассеяно сунул руку в карман и больно укололся об забытую там брошь. Он стремительно вытащил руку обратно. Из кармана следом выпал скомканный лист. Неудачный рисунок. Герда подняла его и аккуратно расправила.

— Я видела его во сне еще до того, как он пришел в наш город. И, похоже, не я одна, — она показала лист недоумевающему Охотнику.

На рисунке изображалась высокая фигура в балахоне. Лицо неизвестного скрывал

длинный капюшон. Николас и сам не знал, откуда пришел этот образ. Такое иногда случалось. И он ничем не мог это объяснить.

— Хорошо, пусть будет Ловец желаний. Мне все равно придется туда пойти, — тяжело вздохнул Охотник, бросая беглый взгляд на церковь.

— Но почему? — в отчаянии выкрикнула Герда.

— Если я не избавлю вас от этого Ловца сейчас, то кто остановит его завтра, когда он придет за тобой или за твоими родителями или за всеми горожанами?

Герда совсем сникла. Николас сделал несколько шагов в сторону от веселящейся толпы, но девочка нагнала его и обхватила сзади за талию.

— Но что будет, если ты погибнешь? — Герда до боли закусил губу, чтобы не плакать.

— Не бойся, я же Охотник на демонов, забыла? Как-нибудь выкручусь, — ответил Николас, не оборачиваясь, и зашагал прочь. Ночью ему предстоял тяжелый бой. Хорошо бы к нему подготовиться.

— Может, все-таки не надо, а? — в сотый раз спрашивал Эглаборг со слабой надеждой отговорить Николаса от опасной затеи.

— Ты сам нашел эту работу. Негоже теперь отступать, — злорадно отвечал Охотник, доставая со дна седельной сумки мешок с солью. — Серебро, мел, соль... анк, еще нужен анк. Куда же я его мог засунуть?

— Я же не знал, что за женой этого Заградского должен прийти какой-то жуткий демон, — продолжал протестовать его компаньон.

Николас извлек из бокового кармана увесистый серебряный амулет в виде креста с кольцом наверху.

— А вот и анк. Гляди-ка, совсем потемнел. Надо бы протереть.

— Не лучше ли купить у кузнеца кольчугу? — сдался Эглаборг.

— Не лучше. Я не ношу кольчуг. В бою с демонами они бесполезны, да к тому же стесняют движения, — возразил Охотник, распахивая вываленные на землю мешочки по карманам.

— Как вы думаете, кто этот таинственный Ловец желаний? Жнец? — полюбопытствовал компаньон, видя, что к доводам рассудка Николас прислушиваться не собирается.

— Вряд ли. Жнецы не принадлежат этому миру. Их могут видеть лишь умирающие или медиумы. А этого лицезрел весь город. У него не было ни косы, ни костяных крыльев. И, пожалуй, самое главное, жнецы не властны над миром людей. Они лишь посланники и не могут исполнять желания, — покачал головой Охотник.

На город уже давно опустилась ночь. Люди потихоньку расходились по домам. Николас в сопровождении Эглаборга спешил на встречу с Заградским. Тот уже ждал их на пороге церкви, откуда веяло могильным холодом. Эглаборг поежился, а Николас выступил вперед, желая сказать земскому главе пару слов напоследок.

— Я уже испугался, что вы не придете! — радостно приветствовал их Заградский.

— Отчего же? Плата щедрая, дело плевое — всего-то всю ночь отстоять, — саркастично хмыкнул Охотник.

— Зачем вам меч? — смутился Заградский, заметив закинутое за спину оружие.

— Ах, это простая предосторожность. На случай, если ваш Ловец желаний не успеет мне сразу голову оторвать, — все в том же духе продолжал Охотник.

— Мастер Николас, ну хотите, я на колени стану! — Эглаборг взирал на него умоляюще.

— Не хочу, — коротко бросил Николас и повернулся к Заградскому: — И деньги отдадите Эглаборгу не зависимо от того, вернусь я оттуда живым или нет. А если обманете, я вас и с того берега достану, не сомневайтесь.

Заградский испуганно вздрогнул. Угрозы вкупе с внушительным оружием возымели нужный эффект. Охотник решительно шагнул через порог церкви и затворил за собой тяжелые дубовые двери.

Внутри здание оказалось еще более мрачным, чем снаружи. Стрельчатый потолок многократно усиливал любой звук и эхом отражал его от голых каменных стен. Воздух был пропитан приторно сладким запахом ладана. Тусклый свет исходил от множества тоненьких чадящих свечек. Причудливая игра огоньков и теней усиливала ощущение чего-то зловещего, затаившегося в глубине центрального нефа. В любое мгновение таинственное нечто могло накинуться на ничего не подозревающего прихожанина и раздрать его в клочья. Николас мотнул головой, усмиряя разыгравшееся воображение.

Обитый пурпурным бархатом гроб стоял у деревянного алтаря, на котором изображалась высокая безликая фигура со сложенными на груди в жесте смирения руками. Его окружали крылатые юноши с пламенеющими мечами. Плащи, укрывавшие крылья, были старательно выкрашены в небесно-голубой цвет. Единый-милостивый со своими божественными посланниками. Что за нелепость? Пока их бог учит людей смирению, его прислужники в голубых капюшонах режут и жгут всех инакомыслящих. Великая милость! Николас святотатственно сплюнул и откинул крышку гроба, чтобы получше разглядеть покойницу. На вид ей было не больше тридцати. Бледный высокий лоб, узкий прямой нос, тонкие синеватые губы, гладкая кожа без единой морщинки, а волосы совсем седые, как у столетней старухи.

Снова возникло странное чувство, будто он где-то это уже видел. Николас выглянул в единственное окно в западной стене здания. На улице ярко светила луна. Скоро полночь. Нельзя больше мешкать. Охотник достал из кармана кусок мела и начертил вокруг гроба запирающую пентаграмму, поставил по свече в каждый угол. Внешний круг насыпал солью. Анк надел на покойницу, достал из ножен меч и сел, облокотившись спиной о гроб. Оставалось только ждать.

Николас закрыл глаза, прислушиваясь к ударам собственного сердца. Тук-тук. Скрипят половицы. Тук-тук. Совсем рядом слышен шелест крыльев. Тук-тук. За спиной кто-то шевелится. Тук-тук. Прыжок в бок, и он вне досягаемости бледно-синих рук покойницы.

Николас открыл глаза. Со всех сторон его окружала разнообразная нечисть. Все замерли. Никто не смел шелохнуться. Лишь покойница тихо скулила, пойманная в ловушку внутри пентаграммы. Ее глаза — один зеленый, другой голубой — с ненавистью взирали на него.

Николас смотрел по сторонам в поисках таинственного Ловца желаний. Но ни по ощущениям, ни по виду присутствующие не отличались от обычной кладбищенской нежити. Что ж, тем лучше. По крайней мере, он знает, как с ними бороться. Ближний вурдалак оскалил гнилые зубы и бросился вперед. Остро наточенное лезвие со свистом рассекло воздух. Обтянутый желтой кожей череп полетел на пол. Раздался жуткий визг. Твари

кинулись к Николасу со всех сторон, надеясь победить числом. Но не тут-то было. Когтистые лапы и руки проскальзывали в нескольких пальцах от Охотника.

Меч проходил через полуистлевшие тела, как нож через масло, с легкостью разрывая мертвую плоть. Николас сплеча рубил наседавшую нежить, орошая все вокруг себя брызгами гнилой черной крови. Пол устилала полуразложившиеся останки. Но нежить продолжала наседать нескончаемыми рядами.

«Да сколько же их тут?» — лихорадочно думал Охотник. Он уже упокоил с полсотни, а меньше их не стало. По рукам и ногам медленно расплзалась предательская усталость. Каждый взмах давался с трудом. Дыхание сбилось. Сердце грозило выскочить из груди. Когда Охотник уже был готов поверженным упасть к ногам врагов, все стихло. Твари медленно расступились в стороны, освобождая проход от двери к алтарю.

Голову будто сдавило железными тисками. Пальцы онемели от холода. Из рта вырывались клубы белого пара. По спине пробежали мурашки. В зале воцарилась давящая тишина, нарушаемая лишь тяжелым дыханием Николаса. Дубовая дверь распахнулась, и на проходе появился Ловец желаний, именно такой, каким описывала его Герда: высокий, полностью укутанный в серый балахон, что даже лица не видно.

— Какой глупец посягнул на то, что принадлежит мне? — послышался леденящий душу потусторонний голос. — Вы только взгляните на него! Детеныш совсем, молоко на губах не обсохло. Эй, малыш, не тяжело такой большой меч за собой таскать?

— Не тяжело, — сквозь зубы прошипел Охотник и, собрав в кулак всю волю, добавил: — Голову тебе снести сил точно хватит.

— Так он еще дерзить умеет! — рассмеялся демон. — Ну что ж, сам напросился.

Из длинного рукава показалась обтянутая синей кожей костлявая рука. Не дожидаясь нападения, Николас бросился в атаку. Демон будто из воздуха выхватил мерцающий таинственным голубым пламенем меч и с легкостью парировал удар.

— А ты не так прост, как кажешься, — с издевкой крикнул демон. — Прячешь силу под слабой оболочкой? Это тебе не поможет.

Нечисть дружно зарычала, вторя своему предводителю. Раз противник все понял, таиться незачем. Николас глянул на двух ближайших упырей, и те как от сильного удара полетели в сторону ухмыляющегося Ловца.

— О, какая прелесть, этот малыш — Страж, настоящий Страж с божественным даром! — демон легко разрубил летевшие к нему тела. — Я-то думал, вы все уже давно сторели на кострах единоверцев. Люди — неблагодарные создания, не так ли? Вы столько для них сделали, а они предали вас, стоило кому-то посулить им власть и богатство.

«Свечи. Огонь. Против гнилых мертвецов он бесполезен, но, может, против этого сойдет», — лихорадочно соображал Охотник. Медный канделябр с зажженными свечами оторвался от стены и упал на балахон Ловца. Пламя тут же погасло.

— Глупышка. Верно, это твоя первая Охота? Как жаль, что ей не суждено завершиться. Но знаешь, я могу исполнить твое желание. Хочешь быть свободным? Я сделаю так, что тебе больше не придется скитаться, притворяться или подчиняться глупым правилам. Приведи ко мне девчонку, ту, что слышит духов. И я сделаю все, что пожелаешь.

— Сдохнешь? — зло оскалился Николас. Гнусное предложение Ловца окончательно вывело его из себя.

— Жаль. Кажется, я забыл, насколько тупоголовы все дети ветра, — разочаровано вздохнул Ловец, защищаясь от ударов Охотника.

Все мысли, все восприятие сосредоточилось на схватке. У Николаса были хорошие учителя. Пришло время доказать, что он их достоин. Или хотя бы умереть, пытаясь.

Нечисть расступилась, очистив место возле окна. Мир слился в сплошную круговерть из холодной стали. Клинки, сталкиваясь в воздухе, высекали снопы искр. Звонкий лязг разносился по всему зданию. Движения Ловца стали невероятно быстрыми и отточенными. Вблизи от голубого лезвия кожу пощипывало, как на морозе. Ноги не выдерживали бешеного темпа. Руки предательски дрожали. Липкий пот градом катится по лбу, застилая глаза. Движения замедлялись. Голубой клинок надвигался с неумолимой силой.

Не уйти. Меч действительно слишком тяжел. Не хватает скорости. Силы. Опыта. Стремительный выпад пропущен.

Голубой клинок вонзился глубоко в плечо, опалая нестерпимой холодной болью. По жилам словно растекался сгущенный мороз, обращая кровь в колкий лед. Взор застлала мутная пелена. В ушах загудело. Ноги подкосились, и Николас распластался на полу, теряя последние крохи сил.

Ловец потянулся к торчавшему из плеча клинку и торжествующе воскликнул:
— Вот и конец. Прощай, глупый мальчишка.

Герда никак не могла успокоиться. Все переживала за Николаса. Зофьюшка сидела с ней до глубокой ночи: расчесывала длинные густые волосы березовым гребнем, рассказывала про своих родителей, вспоминала детство, как встретила с Гедом, как согласилась за него выйти, хотя были женихи побогаче. Про то, что Герда тоже когда-нибудь встретит надежного человека, выйдет замуж и будет вот также сидеть со своей дочкой или сыном, вспоминая молодость. Герде такое видение будущего не понравилось. Она не могла сказать почему. Просто не хотелось, чтобы все было настолько предсказуемо и определено. Охотник заразил ее жаждой странствий.

Устав слушать разговоры матери и пожелав ей спокойной ночи, Герда улеглась в постель у печки и, отвернувшись к стене, сделала вид, что заснула. Родители еще некоторое время ходили по дому, завершая свои дела, а потом ушли к себе. Когда все стихло, Герда повернулась на спину и долго смотрела в потолок. Тревожное чувство все нарастало. Хотелось подскочить и побежать к Николасу. Просто проверить, все ли с ним в порядке. Но страх не пускал. Перед мысленным взором то и дело возникал Ловец и протягивал к ней костлявые руки. Один раз даже показалось, что он коснулся ее и начал душить. В горле запершило. Герда не выдержала и встала. Подошла к ведру с колодезной водой, зачерпнула кружку и увидела в ней бездыханное тело Охотника. Кружка упала на пол, заливая ноги водой.

Герда подхватила с крючка у двери теплый платок и, накинув его на плечи, побежала к церкви. Ноги сами несли ее. Сердце бешеной птицей колотилось в груди. В висках стучало: «не успеешь». И этот новый страх вытеснил страх перед Ловцом. Герда замерла на пороге церкви, пытаясь отпереть дверь, но та не двинулась с места. Лихорадочно соображая, что делать дальше, Герда обежала вокруг и остановилась у большого круглого окна с противоположной стороны от входа.

Стекло, пусть даже мутное, в Дрисвятах было большой редкостью. Обычно окна закрывали бычьим пузырем или слюдой. Но для церквей всегда делали стеклянные окна. В

городах побогаче, вроде Подгайска, выкладывали целые картины-витражи из цветных стекол. Здесь же денег не хватало, поэтому обошлись обычным прозрачным стеклом. Зато через него можно было заглянуть внутрь. Герда так и поступила.

Открывшееся зрелище заставило обомлеть от ужаса. Николас сражался с Ловцом, за которым, скаля зубы, стояла целая орда жутких тварей. Они словно сошли со страниц страшных сказок, которые Герда так любила читать. Николас явно проигрывал, с трудом отбиваясь от противника и отступая к стене возле окна. Его же сейчас убьют! Герда от отчаяния ударила кулаками по стеклу. Оно не поддалось. Попробовала еще раз. Бесполезно. И тут увидела, как Николас оступился, пропустил удар и клинок Ловца пронзил его тело. Охотник пошатнулся и начал медленно оседать на пол.

— Не-е-ет! — от ужаса завопила Герда, бешено колотя руками по стеклу.

Стало жарко, словно ее обернули в горячее полотенце. Взор заволокло мутной пеленой. В спину ударил сильный порыв ветра. Стекло звонко дзенькнуло, побежало трещинами и разлетелось на осколки. Герда не удержалась и упала следом за ним.

По телу разливалась свинцовая тяжесть. Лицо, ладони и колени горели от ссадин. Мир ходил ходуном, то удаляясь, то снова приближаясь. Ноги отказались повиноваться, но Герда все же смогла подползти к лежащему рядом Охотнику, прошептала его имя и вложила в протянутую руку собственную ладонь. Сознание покинуло ее.

Слова Ловца заглушил громкий гул и звон разбитого стекла. Николас удивленно повернул голову в сторону окна и увидел медленно оседающую на пол фигурку. Герда? Зачем? Теперь и она погибнет, а он так хотел ее защитить. Уже не выйдет. Жаль.

Николас протянул к девочке руку и почувствовал, как ее ладонь соприкоснулась с его. Кожу едва заметно кольнуло. Сила огромными волнами нарастала в груди, растапливая лед и вот-вот грозя выплеснуться наружу, сметая все на своем пути. «Рано умирать собрался. Мы еще поборемся. Исаз, вспомни, кто твой истинный хозяин!» — прозвучал в голове незнакомый властный голос. Николас встрепенулся, словно приходя в себя от долгого сна, и обхватил руками впившееся в плечо лезвие. Оно легонько запульсировало, словно отвечая на зов, и само выскочило из тела Охотника. Клинок полыхнул нестерпимо ярким голубым пламенем и разлетелся на мелкие кусочки.

— Исаз, что за...? — испуганно вскричал Ловец и ошалело взглянул на Охотника: — Ты? Ты не можешь быть им. Он умер. Я сам видел.

Рука Охотника взметнулась вверх. Демон зашелся диким воплем, прижимая ладони к горлу. Осколки разбитого клинка поднялись воздух и закружились вокруг Ловца бешеным хороводом, опаяя его голубым пламенем. Оно все росло, росло, пока не взорвалось ослепительной вспышкой, разрывая демона на ошметки и испепеляя их. Николас обессилено опустил руку и сжал безвольную ладошку Герды. Он смог. Она будет жить.

Мир погрузился в непроглядную тьму. Снова стало холодно. Николасу никогда в жизни не было так нестерпимо холодно. Мороз прокрадывался внутрь и выстуживал душу. Но затуманивающей разум боли уже не было. Только тоска.

Николас открыл глаза и увидел звеняще яркие звезды. Сотни, тысячи звезд на чужом, незнакомом небе. Охотник с трудом поднялся на ноги и огляделся. Он находился в ледяной

пещере прямо под громадным световым колодезцем, сквозь который виделось небо с россыпью незнакомых созвездий.

Николас оперся о высокий постамент, на котором покоился саркофаг из прозрачного льда. С краю в него был вколочен меч с руной «исаз», точь-в-точь как тот, которым сражался Ловец. В могилах с оружием вместо надгробия хоронили только сильнейших из Стражей, чьи подвиги навеки вписали их имена в историю Мидгарда. Николас с любопытством пригляделся к ледяной глыбе. Внутри угадывался силуэт человека. Сбоку саркофага выведенное старинной рунницей сверкнула коротенькая эпитафия: «Не умер, а сплю в ожидании своего часа». Имя перечеркнуто, не прочесть. Рядом тонкими штрихами выцарапано схематичное изображение кота. Николас нагнулся ниже, чтобы разглядеть лицо таинственного воина, но увидел лишь собственное отражение во льду. Смутившись, он потянулся к рукояти меча, чтобы расколоть могилу и удовлетворить, наконец, свое любопытство, но снова оказался в центре пентаграммы в белой церкви Дрисвят.

Ловец и его свита исчезли. Герды нигде видно не было, да и окно оказалось целым. Николас удивленно моргнул. Раздалось громкое хлопанье обтянутых серой кожей костяных крыльев. У алтаря приземлился Жнец в дряхлом коричневом балахоне с ржавой косой наперевес.

— Бедняга Исаз, — с жалостью сказал он, проводя рукой по осколкам голубого лезвия Ловца. — Столько лет провести в рабстве у врага. Ну, хоть умер на руках хозяина.

— Вы за мной? — прервал скорбный монолог Николас, решив, что голова и так слишком болит, чтобы ломать ее над тем, что происходит вокруг.

— За вами? — переспросил Жнец. — Нет, я только людьми занимаюсь. Хотя... Погодите, коль уж вы здесь, будьте любезны, изгоните эту дрянь из моей души. Я слышал, вы можете.

— К-какую дрянь? — опешил Охотник.

— Вот эту, — Жнец вытащил из гроба бешено сопротивляющуюся покойницу.

— И как я должен ее изгонять? — продолжал недоумевать Николас.

— Вам лучше знать, — пожал плечами Жнец.

Николас задумчиво осмотрел Ялинку. На ее теле вздулись жуткие черные жилы. Разноцветные глаза бешено вращались, временами поворачиваясь белками наружу. Повинуясь таинственному голосу, который помог победить Ловца, Николас коснулся груди покойницы с левой стороны. Мертвая плоть превратилась в мягкую глину. Пальцы легко скользнули под ребра и коснулись чего-то мерзкого. Зажмурившись, Николас со всей силы вцепился в чужеродное создание и резким движением вырвал его. Из глаз покойницы ручьем хлынула черная жидкость, оставляя на щеках темные дорожки.

В руке Охотника трепыхался антрацитово-черный спрут. Он шипел, пытаясь дотянуться до груди, чтобы вселиться в новую жертву. Николас брезгливо поморщился и направил на тварь свой дар. Спрут тут же рассыпался в прах.

— С ней все будет в порядке? — спросил Николас, глядя на вновь обретшую ясность взгляда Ялинку.

— Не извольте беспокоиться, все будет в лучшем виде. Слово Жнеца, — сказал костлявый, беря покойницу за руку. — Удачной Охоты, Страж.

Герда очнулась от того, что кто-то наотмашь бил ее по щекам и тряс за плечи. Она открыла глаза и увидела встревоженное лицо отца:

— Все в порядке? Ничего не сломала?

Герда покачала головой и попробовала пошевелить ногами. Те слушались ее, как раньше.

— Николас, его ранили. Надо помочь, — по-старушечьи скрипучим голосом попросила она.

Отец отвел взгляд. Герда повернула голову. Охотник неподвижно лежал с закрытыми глазами недалеко от нее. За ним весь пол устилала останки полуистлевшей нечисти. Герда поднялась, опираясь на твердую руку отца, и поковыляла к Николасу.

— Он спас наш город. Не знаю, что бы с нами стало, если бы не он, но... — осторожно заговорил отец. Она непонимающе уставилась на него. — Для человека их оказалось слишком много. Даже для такого, как он.

Отец замолчал, боясь встречаться с ней взглядом.

— Но он ведь не... — к глазам подступили слезы. Герда вспомнила, как Николас протянул ей руку, перед тем, как она потеряла сознание. Его тело осталось лежать в той же позе, словно он продолжал стремиться к ней даже после...

— Не-е-ет! — отчаянно закричав, Герда вырвалась от отца и опустилась на пол рядом с Охотником, положив голову ему на грудь. Его рубашка тут же промокла от ее слез. А он так не любил, когда она плакала. Герда закрыла глаза, пытаясь успокоиться.

— Доченька, пожалуйста, ему уже не помочь, — словно издалека донесся голос отца. Герда махнула рукой, прося помолчать.

Показалось, что в груди Охотника раздался приглушенный удар. После долгой паузы еще один. И еще. Сомнений быть не могло, его сердце билось, только медленно и тихо.

— Он жив! — радостно вскричала Герда.

— Доченька, не питай пустых надежд, — попытался воззвать к благоразумию отец, но его отвлек звук торопливых шагов.

От главного входа в церковь, осторожно переступая гниющие останки и безразлично морщась, спешил Эглаборг.

— Как я ненавижу это его ремесло! Говорил же, не ходить, а он все заладил: «если не я, то кто?» Ну почему он всегда лезет на рожон, словно сам смерти ищет? — причитал компаньон Николаса. — Отойди, девочка. Дай, посмотрю. Я лекарь. Может, смогу чем помочь.

Герда нехотя отстранилась. Эглаборг присел рядом с Охотником и начал водить над ним руками. Она никогда не видела, чтобы их городской лекарь делал что-то подобное.

— Лекарь или целитель? — с подозрением переспросил отец.

Эглаборг не ответил. Расстегнул ворот рубашки Николаса, достал из-за пазухи тонкую деревянную трубку и широким концом приложил ее к груди Охотника.

— Действительно, бьется, — задумчиво хмыкнул Эглаборг, но остался таким же мрачным, словно это открытие его совсем не обрадовало. — Это летаргия. Он жив. Просто спит. Очень крепко. Дыхания почти не слышно, а сердце бьется очень медленно и тихо.

— Когда он проснется? — приободрившись, спросила Герда.

— Трудно сказать. Я не сталкивался с подобными случаями, только слышал про них, — не слишком обнадеживающе ответил лекарь. — Через пару часов, дней, год, а, может, и никогда.

Герда совсем понурилась.

— Будем надеяться на лучшее, — потрепал ее по голове отец. — Одно чудо уже свершилось — он победил, несмотря на неравные силы, и остался жив. Думаю, второе не заставит долго ждать.

Гед выглянул в разбитое окно. У кромки горизонта лиловой полосой разгорался рассвет.

— Нужно скорее унести его отсюда, а то люди решат, что это он нечисть вызвал, — посоветовал лесник, и вместе с Эглаборгом под руки потащил Охотника прочь из церкви. Герда, потерянная, плелась следом.

Три дня Николас пролежал в их доме, не просыпаясь. За это время отец успел еще раз съездить за кошками в соседнее село, потому что предыдущая орава сбежала, как только он выпустил животных из мешка. Но на этот раз кошки остались. Видно, лихо действительно покинуло многострадальный город.

Герда сидела с Охотником все это время. Родителям лишь изредка удавалось уговорить ее отлучиться поесть. В конце концов она так себя уморила, что заснула на стуле возле постели Охотника, положив голову ему на грудь.

Солнечные зайчики, просачиваясь через щели в плотных занавесках, ласково касались лица. В комнате было очень тихо. Лишь медленное дыхание спящей на груди девочки нарушало царивший здесь покой. Николас высвободил руку из-под одеяла и ласково провел по мягким пушистым волосам, приятно щекотавшим кожу. Герда открыла глаза и сладко зевнула. Только сейчас он заметил несколько крупных ссадин на ее лице.

— Что случилось? — тихо спросил он, дотронувшись до небольшого рубца на ее подбородке.

— Я плохо помню, — замялась девочка. — Ночью я потихоньку выбралась из дому и побежала к церкви. А там... я увидела, как Ловец протыкает тебя мечом. Мне стало страшно, что ты умрешь. Я разбила окно, упала сквозь раму и попала внутрь. Ты потянулся ко мне, а я к тебе. А потом я помню только, как папа нашел меня на полу церкви, и они с Эглаборгом перенесли тебя к нам домой. Ты проспал три дня.

— Гр-р-р, теперь понятно, откуда взялась головная боль, — простонал Охотник, удобней устраиваясь на кровати. — Зачем ты вообще полезла в эту церковь?

— Ну, как же, ты ведь был там совсем один. Сражался за наш город. Кто-то должен был тебе помочь, — Герда замолчала и понурилась. — Жаль, что я оказалась такой бесполезной.

— Не говори так, — Николас обнял ее за плечи. — Ты очень помогла. Не знаю, как, но без тебя ничего бы не вышло.

— Правда? — недоверчиво спросила она.

— Правда. Эй, а где же мое боевое ранение? — Николас стянул с себя рубашку. На теле не осталось и следа от удара голубого клинка.

— Так он все-таки задел тебя? А папа сказал, что мне все примерещилось, — торжествующе сообщила Герда, смущенно отведя взгляд в сторону от обнаженного торса.

Николас хотел что-то ответить, но тут в комнату вошел Эглаборг.

— Мастер Николас, вы очнулись! — радостно воскликнул он. — Вы так крепко спали. Не слышно было даже, как вы дышите. Честно признаться, если бы не Герда, мы бы приняли

вас за мертвого.

— Но ведь я жив, — отмахнулся Охотник. — Заградский отдал деньги?

— Конечно. А после того, как отсюда сбежал священник, увидев последствия вашей ночной Охоты, Заградский накинул нам еще пару сотен. Просто так. Чтоб язык за зубами держали. Если он в ближайший месяц не найдет нового священника, то его снимут с должности. А кто захочет ехать в город, где кишмя кишит нечисть?

— Хорошо, значит, завтра отбываем, — отдал распоряжение Николас.

— Так быстро? Но я думала, ты останешься еще хоть ненадолго, а потом возьмешь меня с собой. И мы будем путешествовать вместе, — разочаровано пробормотала Герда.

Николас одарил ее тяжелым взглядом:

— Ты еще слишком мала и не выдержишь долгого пути. Да и подумай о родителях. Вряд ли они будут рады, если я заберу у них единственного ребенка.

— Ты прав. Я понимаю, — расстроено пробормотала девочка и быстро выскочила из комнаты, чтобы он не увидел, как она плачет.

— Зря вы так, — упрекнул его Эглаборг.

— Если я не уйду завтра, то не уйду совсем, — мрачно ответил Николас.

Слабость и головная боль еще не до конца прошли, но дорога уже манила в путь. Эглаборг дожидался у коновязи, пока Николас прощался с родителями Герды. Самой девочки нигде видно не было. Охотник не знал, расстраиваться ему или радоваться. Прощания никогда не давались легко.

— Не обижайтесь на нее. Упрямая, сил нет. Порой с ней так тяжело бывает, — ответил на невысказанный вопрос Гедымин. — Спасибо за все. Если снова будете в наших краях, обязательно заходите в гости. Удачной Охоты.

Коротко кивнув, Николас подошел к Эглаборгу и отвязал уже поседланного коня.

— Николас, — послышался за спиной робкий оклик. — Я тут, гхм... у нас принято дарить цветы на прощание, поэтому вот...

Заливаясь пунцовой краской, Герда протянула ему букет синих полевых цветов.

— Это васильки. Они такого же цвета, как твои глаза, — смущаясь, пробормотала девочка.

— Спасибо. Я... — робость оказалось заразной. Николас никак не мог придумать, что сказать напоследок. Он рассеяно сунул руку в карман и снова укололся о брошь.

— Ты ведь еще вернешься? — спросила Герда, покусывая нижнюю губу от напряжения. — Вдруг, когда я вырасту, ты все-таки сможешь взять меня с собой? Хоть ненадолго. Обещаю, я не буду больше бояться и плакать.

— Не знаю, — только и смог выдавить из себя Николас.

— Но меня-то ты не забудешь? Обещай! — ее большие глаза нехорошо блестели. Николасу показалось, что она вот-вот расплачется, хотя только что клялась этого не делать.

— Не забуду, — тихо ответил он, доставая из кармана злополучную брошь. Вырезанная из слоновой кости веточка цветущего вереска. Красивый, но абсолютно бесполезный подарок ворожеи. «Отдай его той, кого не захочешь забыть», — сказала она. Что ж, так тому и быть. Николас вложил брошь в ладонь девочки.

— На добрую память. Прощай, — он легонько коснулся губами ее лба и тут же вскочил в седло. Конь понес его прочь медленной рысью.

Николас уговаривал себя не оборачиваться, но, не выдержав, бросил на Герду последний короткий взгляд. Она продолжала стоять, держа его подарок на раскрытых ладонях. Ни единой слезинки так и не скатилось по ее щекам.

Глава 1. Путники

1575 г. от заселения Мидгарда, Дрисвяты, Веломовия

Путники редко заходили в Дрисвяты. Возможно, поэтому всегда и маленькой харчевни с неприкрытым любопытством разглядывали троих чужаков, сидевших за столом в углу зала.

Первого из них, слегка полноватого, с круглым, гладко выбритым лицом, легко можно было принять за купеческого сына. Даже толстый слой пыли не скрывал дорогого покроя его одежды.

Второй была девушка: невысокая, стройная, с короткой прической до плеч, которую в последнее время носили многие знатные дамы из Стольного. Под легкой плащ надеты узкие штаны с заправленной в них кружевной рубашкой. На ногах — высокие сапоги из мягкой кожи.

Третий путник явно был предводителем. Много старше товарищей, долговязый, худощавый, с обветренным лицом и торчавшими в разные стороны светло-каштановыми волосами, настолько выгоревшими на солнце, что они казались ярко-рыжими. В потертой залатанной одежде и грубых мужицких сапогах, он как нельзя лучше вписывался в местное общество. Однако глаза необычного янтарно-желтого оттенка вкупе с заостренными чертами лица делали его странно похожим на хищную птицу.

Путники сидели молча. Купеческий сын сосредоточенно жевал плохо пропеченное мясо с овощами. Девушка, не мигая, смотрела куда-то вдаль, погруженная в свои мысли. Предводитель не спускал глаз с двери и беспокойно барабанил пальцами по столешнице.

— Финист, чего мы ждем? — нарушила тишину девушка. Голос у нее был высокий и очень мелодичный, как журчание весеннего ручейка.

— Проводника, Дугава, — полусшепотом ответил предводитель, как будто боялся, что могут подслушать. — Нам нужен проводник, чтобы пересечь Дикую пушу. Без него мы заблудимся и сгинем.

— Но мы торчим здесь уже два часа. Не пора ли что-нибудь предпринять? — вступила в разговор купеческий сын.

— Ждан, потерпи. Если мы будем вести себя неосмотрительно, то это привлечет лишнее внимание. А оно нам совсем ни к чему, — попытался настоять на своем Финист, но, заметив удрученный вид своих товарищей, сдался и направился к протиравшему кружки хозяину харчевни.

— Чего изволите? — неласково спросил он. Видно, чужаков здесь не жаловали.

— Где найти Гедымина Мрия? — сухо поинтересовался Финист.

Хозяин удивленно воззрился на него:

— На кладбище. Третья могила от северной тропы.

— Он что у... умер? — оторопело переспросил Финист, лихорадочно соображая, что же теперь делать.

— Уж две недели, — ответил мужчина не слишком опечаленно. — У вас к нему дело? Можете к его дочке обратиться, правда, у нее ветер в голове. Не уверен, что она вам поможет.

— А вы знаете, где ее найти?

— Конечно, знаю.

Финист тяжело вздохнул, достал из кармана монету и подкинул в воздух. Хозяин ловко поймал ее между пальцев и, повертев в руке, засунул в карман.

— В книжной лавке за углом.

Финист подал знак остальным. Троица покинула харчевню, сопровождаемая любопытными взглядами завсегдатаев.

— Герда, деточка, выбирай скорее. Мне закрывать надо, — взмолился седовласый хозяин лавки, наблюдая, как невысокая худенькая девушка, стоя на колченогой табуретке, перебирает корешки книг на верхней полке.

— Дядька Михась, ну погодите еще минутку, — ответила она, откидывая толстые косы цвета спелого льна за спину.

— Не могу, — посетовал лавочник. — Для Заградского еще надо пересчитать, сколько душ мы потеряли из-за лихоманки. Эта дурацкая должность писаря не приносит никаких доходов, только время отнимает.

Герда вздрогнула и сделала глубокий вдох, прогоняя подступивший к горлу комок. Дремавший под табуреткой рыжий кот с белой мордой молнией взлетел наверх и сел у ног.

— Так, может, вы меня в помощь возьмете? — со слабой надеждой предложила Герда. — Я тут буду за всем приглядывать, пока вы по службе хлопочете.

Она провела пальцем по верхушке шкафа, прочерчивая дорожку посреди накопившейся пыли:

— И порядок здесь наведу. Покупателям нравится, чтобы было чисто.

— Какие покупатели, деточка? — вернул ее с небес на землю Михась. — За последний месяц сюда заходила только ты.

Герда понурилась. Со скрипом распахнулась входная дверь. В лавку вошли трое чужаков. В узком помещении и без того было слишком тесно. Один из посетителей неловко задел табуретку. Герда испуганно вскрикнула. Но до того, как она успела распластаться на полу, ее подхватили сильные теплые руки. Обдало горьковатым запахом разопрелых лесных трав. Сердце замерло в груди.

В чувство Герду привело возмущенное шипение. Кот, приземлившись рядом с табуреткой, выгнул спину и зло сверкал глазами, грозя непонятно кому.

— Ты в порядке? — слышался густой с едва заметной хрипотцой голос.

Герда подняла взгляд. Спасителем оказался симпатичный долговязый мужчина лет на восемь-десять старше ее. Он широко улыбался, щуря едкие птичьи глаза янтарно-желтого оттенка. Немало смущаясь, Герда спрыгнула на пол и приложила руки к горевшим щекам.

— Все хорошо, — с трудом выдавила из себя она и отвернулась.

— Ты дочь Гедымина Мрия? — спросил птичьеглазый. Остальные двое молча стояли рядом.

— Да, — недоуменно ответила она. — Альгерда Мрия. Можно просто Герда.

— У нас к тебе дело, — широко улыбаясь, сообщил птичьеглазый.

Герда в поисках поддержки посмотрела на Михася, но тот лишь развел руками:

— Идите на улицу, мне закрывать надо.

— Подождите, я книгу еще не выбрала, — Герда сделала несколько шагов к табуретке, но заметив, что одна из ножек надломилась, раздосадовано поджала губы.

Птичьеглазый подошел к шкафу и встал на цыпочки.

— Эту? — услужливо спросил он, указывая на увесистый том в коричневой обложке.

— Левее, — подсказала Герда.

— Эту? — повторил птичьеглазый. Теперь в его голосе сквозило раздражение, которое сильно портило первое хорошее впечатление.

— Нет, еще левее, — Герда указала на книгу, стоящую в самом углу.

— Эту? — с трудом сдерживаясь, поинтересовался он в последний раз.

— Да, — согласилась она, боясь разозлить его.

птичьеглазый поддел корешок пальцем и вытащил книгу с полки.

— Теперь все? — спросил он одновременно с лавочником.

Герда коротко кивнула, принимая книгу, и полезла в кошелек за деньгами, но птичьеглазый ее опередил. Не теряя времени на разговоры, он вручил Михасю целый серебряник и потянул Герду за собой до того, как она успела опомниться. Остальные последовали за ними.

Глаза заслезились от яркого солнечного света. Шел на убыль один из последних погожих дней лета. Узкая улочка пустовала. Герда встревожено обернулась на удаляющуюся спину книжника. Немного не по себе было оставаться наедине с незнакомцами.

— Так чего вы хотите? — обескуражено спросила она.

Очень не понравилось, что птичьеглазый заплатил за книгу без разрешения, да еще так много. Как она теперь деньги вернет? Откуда ей взять целый серебряник? Теперь она будет чувствовать себя обязанной. Да еще подозрительно, что птичьеглазый упомянул отца. Тот с чужаками никаких дел не имел. По крайней мере, Герда об этом не знала. Сам вид этих троих настораживал. Она толком не могла объяснить почему.

— Меня зовут Финист, — птичьеглазый протянул руку, большую, смуглую, с мозолями возле пальцев, как от поводов.

Рукопожатие вышло скованным и неловким. Снова раздалось кошачье шипение.

«Чего он так расшвирил?» — отрешенно гадала про себя Герда.

Спутники Финиста тоже поспешили представиться. Когда с официальной частью было покончено, предводитель маленького отряда сразу перешел к сути.

— Гедымин обещал проводить нас через Дикую пушу, но... — Финист осекся и отвел взгляд.

— Отец мне ничего об этом не рассказывал, — подозрительно сощурилась Герда. — А зачем вам в Дикую пушу? Люди без крайней нужды туда не заходят. Вы что, скрываетесь от кого-то?

— Нет, — в один голос произнесли все трое и тут же неловко потупились.

— Мы из Стольного на ярмарку в Подгайск едем, — быстро нашелся Финист и вынул из-за пазухи какие-то бумаги. — Это наши дорожные грамоты.

Герда неуверенно развернула листы и пробежалась глазами по строчкам. Выглядели бумаги солидно, но Герда не разбиралась в подобных вещах, поэтому вряд ли смогла бы отличить подделку.

— Твой отец сказал, что сможет провести нас короткой дорогой и... — нетерпеливо продолжил Финист.

— Стойте, — усмехнулась Герда, свернула бумаги и отдала их обратно. Настоящие у

них грамоты или нет, но сейчас ее явно обманывают. — Мой отец не мог такого сказать. Ни при каких обстоятельствах. По тракту ехать безопаснее и быстрее, несмотря на крюк в десять верст. В Дикую пушу даже местные не ходят... Так только, по главной дороге до бобровой хаты на Домне. Это всего четверть пути. Дальше тропа петляет вдоль топей до самой чащи. Там у нечистиков логово самое. Если со стежки сойдешь, считай, что нет тебя больше. Вовек у них в услужении останешься.

— Бабы сказки, — небрежно отмахнулся Финист. — Но ты дорогу, как я погляжу, не хуже Гедымина знаешь. Проведи нас — мы хорошо заплатим.

— Мне ваши деньги не нужны, — резко ответила Герда, отказываясь иметь дело с людьми, которые не доверяют ее суждениям.

— Не нужны деньги? — нахмурился Финист. — Тогда, быть может, я могу предложить вам услугу взамен?.. Что угодно!

— Нет, — упрямо оборвала его Герда. — Идите сами, а лучше не идите вовсе. Выберетесь на тракт, там обязательно будет проезжать какой-нибудь обоз. Конец лета. Их сейчас много на ярмарку собирается. Вместе с ними и спокойней, и быстрее выйдет. Прощайте.

Герда зашагала прочь, не оборачиваясь.

Спутники Финиста, до этого молча слушавшие разговор, вопросительно глянули на него.

— Ну и что теперь делать? — поинтересовался Ждан.

— Может, воспользуемся ее советом и поедем по тракту, — робко предложила Дугава.

— Чтобы облегчить Голубым Капюшонам работу? — веско возразил Финист. Ждан с Дугавой встревожено уставились на него. — Там их посты через каждые пару верст. Граница. Если бы я путешествовал один, мог бы попробовать, но с вами... Это слишком опасно.

— Опасней, чем лесные топи? — поежился Ждан.

— Ты хоть раз видел, как на кострах сжигают колдунов? — спутники Финиста испуганно сглотнули. — То-то же. Уж лучше топи.

Герда нашла удобное место под тенистой ивой и принялась читать свою книгу. Она уже и так дважды ее перечитывала, одалживая на время у доброго дядьки Михася. Новые книги в лавку завозили редко, поэтому приходилось довольствоваться тем, что было.

Она настолько увлеклась, что не заметила, как вокруг собралась стайка шумной детворы.

— Герда, расскажи сказку! — дружно попросили они, отвлекая ее от чтения.

Она усмехнулась:

— И какую вы хотите на этот раз?

— Страшную! — закричали мальчишки.

— Про странствующего рыцаря, — добавили девчонки.

— Хорошо. Слушайте, — начала рассказ Герда. — Давным-давно жил на свете Охотник. Только охотился он не на обычного зверя, а на демонов, нечистиков, которые приносили большой вред людям. Куда бы он ни шел, тьма в страхе бежала от него. Повсюду он нес свет. Много добра людям сделал: одному жизнь спас, другому душу уберег. Был бесстрашен и славен наш Охотник.

Однажды в лесу он встретил девочку. Ужинный король не пускал ее домой к маме и папе. Девочка очень испугалась, но Охотник смог умиловить повелителя змей, спас ее и вернул родителям. Но тут его ждала новая напасть.

В тех краях появился таинственный Ловец желаний. Он исполнял мечты людей, но за это забирал их души. Многих погубил злодей. Вот уже и к дому спасенной Охотником девочки подобрался.

Не мог наш доблестный рыцарь оставить людей в нужде. Вступил в смертельный бой с нечистиком. Бились они день. И ночь бились. Лишь на исходе второго дня победил Охотник демона, но и сам не смог избежать раны. Упал он обессиленный и погрузился в глубокий беспробудный сон. Все были уверены, что он умер, и хотели уже похоронить, но спасенная им девочка упала в отчаянии к нему на грудь. Она услышала, как тихо-тихо бьется его сердце, и поняла, что Охотник еще жив. Через три дня он проснулся. Раны его исцелились сами собой, и он смог продолжить свои странствия.

Герда замолчала, переводя дыхание.

— А дальше? — спросил устроившийся рядом с ней мальчик.

— Все, это конец, — развела руками она.

— А что было с девочкой? Охотник за ней вернулся? — требовали слушатели.

— Нет, — растеряно ответила Герда.

— Почему? — не унимались дети.

— Не знаю, — тихо пробормотала она. — Наверное, просто не смог... В одной далекой стране он сражался с неведомым зверем и... погиб.

Герда отвернулась, ругая себя за то, что она вообще вспомнила эту историю. Ведь обещала больше не плакать. Она неосознанно коснулась пристегнутой к вороту платья вересковой броши.

— Это неправильная сказка, — возмутился кто-то из детей.

— Да, они должны были пожениться и жить долго и счастливо, — поддержали остальные.

Герда ничего не ответила. Дети постепенно начали расходиться. С нижней ветки спрыгнул давешний кот, тощий, с подранным правым ухом и шикарными длинными усами. Он нагло забрался к Герде на колени и заговорил человеческим голосом:

— Знаешь, а ведь она тоже могла бы пуститься в странствия.

Кот испытующе уставился на нее хитрющими изумрудными глазами.

— Она слишком слаба, чтобы путешествовать в одиночестве, — грустно вздохнула Герда.

— Она себя недооценивает, — возразил кот. — К тому же у нее был шанс заполучить несколько попутчиков.

Герда нахмурилась:

— Они ведь тебе не понравились.

— Мне не понравилось, как на тебя смотрел их предводитель, — зевнул кот,

потягиваясь всем своим невероятно гибким телом. — А остальные двое вполне себе ничего.

— Как он на меня смотрел?

— Как кошка на мышку.

— Я не заметила.

— Ребенок ты еще совсем, вот и не замечаешь, — посетовал кот. — А поехала бы с ними, глядишь, уму-разуму поднабралась, жизнь узнала, повзрослела, в конце концов. Нельзя же все время только о сказках думать.

— Кто бы говорил, — съязвила Герда. — Ты ведь и сам сказка.

— Я? — возмутился кот. Он встал, внимательно наблюдая за парившим рядом мотыльком, изловчился и поймал его передними лапами. — Видала? Разве сказка так может?

Герда промолчала. Какой толк ругаться? Все равно его не переспоришь. Она уже пыталась. Она поднялась и пошла в сторону дома.

На пороге Герда заметила пристава, приколавывавшего записку к двери, и поспешно взбежала на крыльцо.

— Что это, дядька Цыргай? — тревожно спросила она, снимая листок с гвоздя. — Забрать землю и имущество за долги? Но ведь Заградский обещал подождать до следующего месяца!

— Заградский обещал, а его сын нет, — грустно ответил пристав.

— Вальдемар? — испуганно переспросила Герда. С сыном земского главы она не ладила с детства. — А при чем тут он? Долг же перед его отцом был.

— Так ведь преставился он пару дней назад, — пристав снял шапку и опустил голову, поминая усопшего. — Лихоманка совсем озлобилась.

— Мне ли не знать, — грустно обронила Герда.

— Согласилась бы ты на предложение мастера Вальдемара и не маялась, — сочувственно заметил пристав.

Герда поджала губы. Уж лучше побираться и спать на улице, чем стать приживалкой в доме Заградского!

— Как знаешь. Если к концу недели деньги не отдашь, дом и землю он у тебя отберет.

Цыргай махнул на прощание рукой и зашагал прочь.

— Вот тебе еще одна причина, чтобы принять предложение путников, — заметил кот, прошмыгивая в дом вперед хозяйки.

— Не бурчи, я уже все решила, — сказала Герда, доставая из печки горшок с остатками утренней каши.

Поужинав, она расстелила постель и легла спать. Кот по привычке прыгнул ей на грудь и устроился на левом боку в месте, где билось сердце. Герда не стала его сгонять — знала, что ночью все равно ляжет так, как ему удобно.

Сон пришел быстро, стоило только коснуться головой подушки, как в тот день, три недели назад, когда лихоманка едва вступила в Дрисвяты. Герда заболела первой. Вначале почувствовала себя разбитой, слабой, не могла даже с кровати встать. Отец оставил ее на соседскую бабку, а сам отправился в лес искать целебную траву.

Озноб сменился жаром. Бред длился целую вечность. В какой-то момент сознание покинуло ее, и Герда впала в забытие.

Это был не обычный тусклый сон, кривым зеркалом отображающий явь. Что-то совершенно особенное, похожее на видения прорицателей, яркое, западающее в душу надолго.

Перед ней раскинулось пустынное горное плато, покрытое белым искрящимся снегом. Вокруг не было ничего. Лишь темное пятно на горизонте. Оно быстро росло. Скоро можно было разглядеть очертания всадника, за спиной которого по ветру вился черный плащ. Высокий вороной конь легко скакал по глубокому снегу, словно плыл по воздуху. Они приближались.

Очень хотелось, чтобы всадник забрал ее, но отчего-то было страшно. Когда их разделяло всего несколько шагов, Герда проснулась. Жар спал. Лихоманка отступила без всяких травм.

Когда отец вернулся, стало понятно, что лечить надо не ее. Он еле дошел до кровати, лег и тут же впал в беспамятство. Полночи он бредил, то зовя покойную жену, то мать, бабушку Герды, чьего имени она не знала, а под утро сгорел, как свеча. Умер, так и не очнувшись.

Герда до последнего верила, что все обойдется. Ведь она, маленькая и слабая, смогла вырваться от лихоманки, так почему же отец сдался так легко? Она плакала, злилась, потерянная стояла среди селян, когда его хоронили, и никак не могла осознать, что это конец.

Каждую ночь после похорон в доме раздавались шорохи, будто ходил кто. Старики, которые еще помнили обряды староверов, говорили, что это душа, привязанная мирскими заботами, не может освободиться от земных оков. Лишь на сороковой день она оставит свой старый дом и пустится в плавание по реке, ведущей в подземное царство богов, где будет ждать жребия, чтобы возродиться в другом теле.

Сердечная боль потихоньку притуплялась. Голова прояснилась. Надо было жить дальше, но навалившиеся заботы тянули обратно в омут непроглядной безысходности. Умом Герда понимала, что надо уходить, и неважно куда, просто начать все с чистого листа, найти свой путь, но... так страшно сделать первый самостоятельный шаг.

Финист поднял спутников на рассвете. Надо было двигаться дальше, потому что вскоре здесь появятся ищейки, идущие по их следу от самого Стольного. Лишь бы до границы не перехватили, а там другая страна, другие порядки. Можно будет передохнуть от безостановочного бегства.

Он ласково провел рукой по шее своей лошади и поправил съехавший на бок потник. Золотинка, и без того сухая, мосластая кобыла светло-рыжей масти, сильно перепала от долгого пути. Шутка ли, проехать тысячу верст от Стольного до северо-западной границы Веломовии, останавливаясь только на ночь. Но гордое животное никогда не жаловалось, упорно следуя воле хозяина.

Финист осмотрел лошадей своих спутников. Они тоже порядком устали. Невысокий чалый мерин Толстун, принадлежавший Ждану, вяло щипал скудную траву, пробивавшуюся сквозь пыль наезженной дороги. Даже горячая буланая Пустельга Дугавы, предками которой были лучшие эламские скакуны, стала спокойной и покорной.

Финист еще раз проверил все их снаряжение. «Что ж, за два месяца они научились седлать лошадей. Это уже что-то», — думал он, не находя к чему придраться.

Все еще заспанные Дугава со Жданом смиренно ждали, пока он закончит. Послышался гулкий стук кованых копыт по твердой нахоженной земле. Финист настороженно обернулся.

К ним направлялась Герда верхом на высокой гнедой кобыле. Крупная, статная, с гибкой шеей и широкой грудью, лошадь горделиво выступала на длинных тонких ногах, до колена покрытых черной шерстью, лишь наверху переходящей в лоснящуюся красноваторыжую под цвет корпуса. Откуда взялось такое чудо среди коренастых мохноногих селянских кашлаток — оставалось только догадываться. В черную гриву и репицу хвоста были вплетены белые ленты, такими же были перевязаны косы девушки. Финист ухмыльнулся. В Заречье бытовало поверье, что белая ткань, выполосканная в ромашковом отваре, служит оберегом против лесной нечисти.

Герда поравнялась с путниками. На ней были узкие серые штаны с потертыми кожаными вставками и грубые мужицкие сапоги с высокими голенищами. Поверх заправленной в штаны короткой рубахи надет серый, выдавший виды плащ. Бывала путешественница, ни дать, ни взять.

— Я доведу вас до Подгайска, если вы обещаете ни при каких обстоятельствах не сходить с тропы и беспрекословно меня слушать, — Герда выразительно глянула на Финиста.

Тот медленно кивнул, сочтя ее требования разумными.

— Вам это обойдется в пятьдесят монет, — с невозмутимым видом назвала Герда заоблачную цену.

— Это грабеж! — возмутился Ждан, но Финист остановил его.

— Мы согласны, — сказал он, ловко запрыгивая в седло. — Давайте не будем терять время даром. Солнце уже высоко, а нам бы хотелось добраться до Подгайска через три дня.

Они решительно выступили в сторону леса. Впереди ждала полная неведомых опасностей Дикая пуща.

Глава 2. Хозяйка леса

Несколько часов они ехали по нахоженному Сокольничему тракту — загруженной лесной дороге, вдоль которой селяне безбоязненно собирали хворост, рубили дрова, искали ягоды и грибы. Глубже заходить никто не отваживался.

Возле запруды, которую местные прозвали Бобровой хатой, тракт перешел в узкую едва заметную стежку, по которой пришлось двигаться гуськом. Густые кроны вековых сосен закрывали солнце, укутывая дорогу прохладной тенью. Кривые корни толстыми щупальцами торчали из земли, будто желая зацепить за ноги. Скрюченные ветви нависали так низко, что приходилось пригибаться к лошадиным шеям, чтобы проехать под ними. Мошара назойливо жужжала над ухом, норовя впиться в кожу и насладиться кровавым пиршеством.

Почва размякла и громко чавкала под копытами. Лес редел, переходя в поросшие вереском топи с пятнами покрытых ряской бочагов. Утомленные дорогой всадники растянулись по дороге, занятые поиском удобного положения в седле. Толстун сильно отстал, с трудом поспевая на коротких ногах за другими лошадьми. Неожиданно из-под его копыт вспорхнула бурая, едва отличимая от земли, выпь. Мерин испуганно подскочил и помчался догонять других лошадей. Животные разом заволновались.

— Спокойно, — скомандовала Герда. — Один шаг в сторону — и мы увязнем в трясине.

Она отломала сухую ветку с одиноко росшего возле тропы дерева и воткнула ее в островок светло-зеленого мха. Палка на глазах провалилась под землю.

Ждан, с трудом остановивший лошадь в хвост Пустельги, облегченно выдохнул. Финист обернулся и издал странный звук, похожий на угрожающее ржание жеребца перед схваткой с соперником. Толстун испуганно фыркнул, но стал вести себя смирно.

Миновав топи, они сделали привал на поляне у самой тропы, сводили коней на водопой к ручью, ослабили подпруги и навязали пастись, а сами устроились на широкой поваленной сосне.

— Сколько за сегодня пройти осталось? — нетерпеливо спросил Ждан, едва они успели достать обед из седельных сумок.

— Еще пару часов, думаю, — ответила Герда, наблюдая, как между кронами деревьев выглядывает яркое полуденное солнце.

— Мы могли бы добраться до Подгайска быстрее, если сократить время стоянок, — вмешался Финист, пододвигаясь ближе к Герде. Она взглядела в его глаза. Обычно смотрит. Не без интереса, но это понятно, ведь они почти не знакомы. Что коту так не понравилось?

— Вечером здесь поднимается очень густой туман. В нем мы можем заблудиться или сойти с тропы.

Герда обняла руками колени.

— Но она же не будет все время идти через болота, — сидевшая рядом Дугава поморщилась. — Или будет?

— Болота — не самое страшное, что можно встретить в этом лесу. Поверьте, пока мы не выйдем на тракт, с тропинки лучше не сходить.

Снова повисло мрачное молчание. Герда задумчиво разглядывала росшую рядом сосну. Внизу на стволе виднелся небольшой надрез. По весне они с отцом часто собирали здесь смолу и продавали ремесленникам из Дрисвят и Подгайска. Сердце стянуло тоской. Сидевшие рядом путники казались далекими и чужими в этом лесу. Герда не привыкла

видеть здесь кого-либо, кроме отца. В глухих тенистых чащобах Дикой пуши он считал себя полноправным хозяином и передал это наследие своей дочери, хотя Герда до недавнего времени не осознавала свою связь с лесом.

Здесь всегда было так тихо и безмятежно, как будто за стенами непреступной крепости. Именно поэтому Герда не хотела уходить. Боялась выйти из-под защиты леса и встретиться с опасностями внешнего мира лицом к лицу.

Герда отрешенно посмотрела на путников. Они сидели молча, не глядя друг на друга. Она словно наяву осязала намертво сковавшую их цепь неведомой тайны. Что-то было в них подозрительное, заставлявшее трепетать в предвкушении, как птенец, который впервые раскрывает крылья, чтобы вылететь из гнезда.

— Поехали, — нарушила тишину Герда. — Мы должны быть на Лосиной поляне до того, как поднимется туман и скроет от нас тропу.

От короткой передышки путники разморились еще больше. Затаившаяся усталость только сейчас в полной мере обрушилась на их плечи. Упиравшиеся в стремяна ноги ошутимо затекали. Ждан до бесконечности крутился в седле, пытаясь сесть так, чтобы ничего не болело. Дугава клонила все ниже к шее лошади, грозясь вот-вот выпасть вперед. Только Финист сидел неподвижной статуей на своей златогривой лошади, ступавшей так мягко и степенно, будто она плыла над землей раскрашенным солнечным светом облаком.

Гнедая кобыла Герды, наоборот, шагала широко и нарочито тряско, высоко задирая ноги, чтобы не спотыкаться об торчащие из земли корни деревьев. Иногда она нервно скидывала голову и тревожно прядала ушами по сторонам, прислушиваясь к шуму деревьев и пению птиц.

Герда не поняла, кто из них первый это почувствовал: она или кобыла. Лошадь напряглась, вздрогнула всем телом и захрапела. Герда внимательно взгляделась в поросший папоротником подлесок. Притаившись за густыми кустами маличника, за дорогой явно кто-то следил. Ехавший следом Финист тоже заметно насторожился.

— Тише, Яшка, все хорошо, — Герда ободряюще провела рукой по шее лошади, не выпуская поводьев. Та заметно расслабилась и пошла дальше.

Наблюдатель пока себя не выдавал. Финист велел остальным не растягиваться, а сам поехал, почти уткнувшись в хвост передней лошади.

— Яшка? Что за странная кличка для кобылы? — он явно пытался завязать беседу.

— На самом деле ее кличка Яхонтовая. Яшка просто сподручней, — ответила Герда, сосредоточенно глядя на тропу перед собой. Та неожиданно начала петлять вокруг деревьев, хотя Герда точно помнила, что до Лосиной поляны дорога прямая.

— А что за порода? — не унимался Финист. — Не знаю. Мы с отцом нашли ее жеребенком в лесу пять лет назад. Тогда через наши земли шел крупный купеческий обоз из Заречья. С собой они вели лошадей на продажу. Наверное, от них и отбилась. Ее никто не искал, поэтому мы оставили ее себе.

— Она не похожа на зареченскую, — задумчиво хмыкнул Финист, указывая на свою кобылу, действительно рожденную в бескрайних Зареченских степях.

Яшка хоть и была поджарой и высокой, но далеко не такой мосластой, как Золотинка.

— В ней больше от рыцарских коней из Кундии или Норикии. Да и масть... Зареченские лошади обычно рыжие. Встречаются бурые и караковые, но ярко выраженная гнедая масть, да еще и с заметной краснинкой... Для степняков это редкость.

— Вы из Заречья? — насторожилась Герда. — То-то мне показалось, что говор у вас не

похож на столичный. Почему вы солгали?

Финист недовольно нахмурился. Видимо, понял, что сболтнул лишнего.

— Мы не лгали, — тщательно взвешивая каждое слово, отвечал он. — Ждан и Дугава всю жизнь прожили в Стольном, а я переселился туда совсем недавно.

— Почему? — теперь Герда бросила поводья и повернулась назад, чтобы видеть его глаза. — Что заставило тебя оставить свой дом?

— Так ведь не осталось больше дома, — Финист понурил голову и продолжил очень тихо: — В нашем краю повсюду нужда и голод. Засухи, неурожай... год за годом. Священники винят во всем староверов-бунтовщиков и тех, кто их укрывает. Говорят, они гnevят Единого нечестивыми помыслами и тот посылает на нас невзгоды. Чтобы умиловить его, у нас спалили много деревень, которым не повезло стоять рядом с древними капищами. Среди них была и моя.

Финист замолчал, переводя дух. Герда отвернулась, чувствуя себя неловко от того, что всколыхнула тягостные воспоминания. Ждан и Дугава подъехали поближе. Похоже, им тоже хотелось узнать о причине, заставившей Финиста покинуть родную землю. Удивительно, что он ничего им о себе не рассказывал до этого.

— А родные? — на этот раз вопрос задала Дугава. — Неужели, у тебя не осталось там родных?

Финист обернулся на голос и послал ей предостерегающий взгляд, но все же ответил:

— Меня вырастили старики, дед с бабкой. Они давно умерли.

Дугава виновато потупилась.

— Вот, кажется, и Лосиная поляна, — прервала неловкое молчание Герда, указывая на небольшую площадку возле тропы с обложенным камнями кострищем, окруженную толстыми бревнами и заботливо заготовленными дровами. — Мы с отцом раньше часто здесь останавливались.

— Но туман еще не поднялся. И солнце высоко. Мы могли бы пройти еще пару верст, — недовольно заметил Финист.

— Дальше тропа становится совсем узкой, а места — дикими. Двадцать верст надо будет пройти без остановок. Поэтому лучше переночевать здесь, — уверенно ответила Герда, спешиваясь.

Путники, скрепя сердце, последовали ее примеру.

— Я попробую изловить что-нибудь на ужин. А Ждан с Дугавой поищут воду, — распорядился Финист, когда они устроились на поляне.

— Родник здесь недалеко, за поворотом, всего в сотне шагов от тропинки, но лучше, если я сама схожу, — ответила Герда.

— Не беспокойся, — беспечно махнул рукой Финист. — Сами управимся, чай, не дети.

И трое путников скрылись за деревьями.

— Только всегда держите тропинку на виду, — крикнула им вслед Герда.

— Почему мне кажется, что они тебя не услышали? — съехидничал тершийся у ног кот.

Герда проигнорировала его и принялась собирать хворост, чтобы распалить костер.

— Зря ты их так отпустила. Помнишь ту тварь, что за нами из малинника наблюдала? У меня от нее вся шерсть дыбом встала, — не унимался кот. — Раньше они никогда так близко к тропе не подбирались. Чую, быть беде.

— Ты ведь сам хотел, чтобы я их провела, — вспыхнула Герда. — Так чего сейчас ноешь?

— Я не ною, а предупреждаю, — противным монотонным голосом, который всегда ее

бесил, поправил кот.

— Так значит, не каркай. Ты не ворона, — грубо ответила Герда.

Она разложила поленья домиком, а внутрь напихала сухих веток и листьев и подожгла. Смолистые сосновые дрова громко зашипели в алых языках пламени. Герда села на бревно возле костра. Кот тут же запрыгнул на колени, свернулся клубком и замурлыкал, как делал всегда, когда она грустила.

До поворота путники дошли втроем. Как только поляна скрылась из виду, они разом заговорили.

— И ничуть не страшно. Обычный лес с болотами, — храбрился Ждан. После того, как слез с лошади, он сразу воспрял духом и сделался очень смелым.

— Она странная, — встревожено заметила Дугава. — Герда эта. Похожа на староверку.

— Ничего странного, — невесело ответил Финист. — Здесь, на окраине, вера в Единого и власть епископата не так сильны, как в Стольном. Вполне вероятно, что предки этой девушки были жрецам старой религии или даже Стражами.

— Стражами? — криво усмехнулся Ждан. — Что-то слабо себе представляю, как в такой глуши могли жить Стражи.

— И напрасно, — горячо возразила Дугава. — В этом лесу сходятся силовые линии, что ведут от северной червоточины к южной. А это всегда привлекает демонов. Удивлюсь, если мы никого из них здесь не встретим.

В поисках поддержки она взглянула на Финиста. Тот согласно кивнул.

— Когда мы проезжали малинник сразу после топей, за нами кто-то следил, — мрачно сообщил предводитель.

— Защитники Паствы? — передернул плечами Ждан.

— Демоны? — испуганно выдохнула Дугава.

— Не уверен. В любом случае, нападать они не стали, а значит, не очень-то мы им нужны, — успокоил их Финист. — Идите к роднику. Можете там потренироваться немного. Только тихо, — он смерил Ждана суровым взглядом. — И на всякий случай, не теряйте тропу из виду.

Дугава со Жданом переглянулись и кивнули. Финист пошел дальше по тропе, а его спутники свернули в лес. Вскоре они обнаружили родник возле небольшого болотца. Дугава опустила на корточки и зачерпнула котелком ржавую воду. Тот неожиданно легко поднялся, выскользнул из рук и поплыл по воздуху, раскачиваясь, а потом перевернулся и окатил Дугаву водой с ног до головы.

— Ждан! — угрожающе крикнула она. Парень виновато улыбнулся. — Ну, все!

Из болотной грязи поднялся громадный голем и двинулся вперед, угрожающе расставив свисавшие чуть ли не до самой земли руки.

— Это всего лишь морок! — сказал Ждан, с опаской глядя на пошатывающегося при каждом шаге великана из глины.

— Ты в этом уверен? — с вызовом крикнула Дугава, усаживаясь на покрытую росой траву — все равно уже промокла до нитки.

Голем застыл в десятке шагов от Ждана и запустил в него кусок глины, оторвав от

собственной руки. Парень попытался увернуться, но неловко поскользнулся на вязкой болотистой почве и упал прямо в грязь. Глина тут же исчезла вместе с големом. Дугава злорадно захихикала.

— Гляди-ка, что там? — испуганно воскликнул Ждан, указывая ей за спину.

Дугава опасливо обернулась. В лицо стремительно полетел комок болотной ряски. Девушка закашлялась, вытирая глаза руками.

— Ну, ты и дурак! — обиделась она, но вдруг замолчала, вглядываясь куда-то вдаль. — Что это?

— Я на свои же хитрости не попадаюсь! — поддразнил Ждан.

— Я не об этом, болван, гляди!

Из чащи леса по воздуху летели бело-желтые огоньки. Только сейчас Дугава со Жданом с удивлением обнаружили, что начало темнеть. Светящиеся шарики мерно мерцали, подплывая к ним все ближе. Путники одновременно поднялись с земли и заворожено уставились на них. Огоньки превратились в маленьких человечков с крылышками-фонариками. Все звуки стихли. Во внезапно нависшей тишине послышались тоненькие голоса. Они пели. Да так чудно, что нельзя было оторваться. Дивные звуки обволакивали и звали за собой.

Финист возвращался на Лосиную поляну с двумя подстреленными зайцами. Герда сидела у костра в полном одиночестве и говорила сама с собой. Финист удивленно моргнул. С девушкой явно что-то не так. Если бы хватило времени, он бы обязательно разгадал ее тайну, но сейчас его мысли занимали лишь наступающие на пятки преследователи. Да, жаль ее, но всем обездоленным не поможешь. В первую очередь надо позаботиться о своих.

— Герда? — позвал Финист. Девушка вздрогнула от неожиданности. — Мои ребята не возвращались?

— Нет, — испуганно выдохнула Герда, как будто только поняла, что над лесом сгустились сумерки. — Они, наверное, заблудились. Хоть бы от тропы далеко не ушли.

Девушка сорвалась с места и побежала в сторону родника.

— Стой! — Финист преградил ей дорогу. — Я сам схожу за ними, а ты пригляди за лошадьми.

— А вдруг и ты заблудишься? — встревожено спросила Герда. — Я знаю этот лес куда лучше тебя. Я найду их быстрее.

— Нет! — с угрозой в голосе прикрикнул он.

Герда испуганно сжалась. Не следовало при ней выходить из себя. Но и позволить ей узнать их тайну он не мог.

— Остайся, — уже намного более мягким тоном произнес Финист.

Герда покорно опустила голову и вернулась к костру.

Потом Ждан с Дугавой и сами не могли вспомнить, сколько брели за болотными

огоньками, прыгая с кочки на кочку, перелезая через поваленные деревья, уходя все дальше в темную чащу векового леса. Опомнились, только когда вышли на большую поляну. Огоньки мигом исчезли. Пение перестало заглушать звуки леса. Где-то вдалеке завыл одинокий старый волк. На разлапистой ели ухнул филин.

Полная луна заливала землю ровным серебристым светом, в котором можно было различить стоявшую посреди поляны избу на двух высоких сваях из пней деревьев, корни которых торчали из земли, напоминая узловатые куриные лапы. Ждан с Дугавой испуганно оглядывались по сторонам, силясь понять, где они оказались.

— Я попробую постучать, — решил Ждан. — Может, там живет кто.

Дугава оббежала взглядом стоявшие вокруг дома идолица с конскими головами. Финист говорил, что так староверы украшали вход на переправу в царство мертвых.

— Не надо, — тихо взмолилась она. — Лучше пойдем сами дорогу поищем. Ведь дошли как-то досюда.

— Не трусь, — устыдил ее Ждан и поднялся на крыльцо по шаткой приставной лестнице.

Дверь распахнулась еще до того, как он успел занести руку, чтобы постучать. На пороге показалась древняя старуха: седая, морщинистая, согнутая чуть ли не вдвое. Из-под кустистых бровей внимательно глядели удивительно яркие для старческого лица угольки глаз. Старуха задумчиво потянула воздух, принюхиваясь, кривым, горбатым, как будто его ломали, по меньшей мере, три раза, носом и ощерила рот, полный гнилых зубов.

— Заблудились, деточки? — просипела она гнусавым голосом.

В поисках поддержки Ждан глянул на Дугаву, но та тряслась от страха, как осиновый лист на ветру.

— Мы в Подгайск идем из Дрисвят. Остановились на Лосиной поляне на ночь. Решили сходить к роднику воды набрать и... куда-то не туда свернули, — сбивчиво объяснял он.

— Разве деточки не знают, что с тропы сходить нельзя? — подбоченившись, поинтересовалась старуха. — Иначе попадете в плен к нечистикам и вечность у них в услужении проведете.

Она точь-в-точь повторила слова Герды, да еще так странно глянула, что Ждану захотелось бежать прочь со всех ног, не разбирая дороги.

— Не бойтесь, деточки, — старуха снова улыбнулась, выставляя напоказ мерзкие черные зубы. — Повезло, что вы нашли мою избушку. Проходите. Время уже позднее. Я вас ужином накормлю и спать уложу, а завтра на рассвете покажу обратную дорогу.

Дугава нерешительно поднялась на крыльцо и встала рядом со Жданом.

— Нас друзья ждут. Не могли бы вы показать дорогу сейчас, — она четко выделила последнее слово.

Старуха перевела на нее взгляд. По спине пробежали мурашки. Дугава испуганно выдохнула.

— Так ведь ночь на дворе. А ежели зверь какой нападет? Послушайте старуху, утро вечера мудренее. Да проходите, не стойте на крыльце, а то Всеблагого разозлим.

Ждан с Дугавой потерянно переглянулись. По церковным канонам Единого нельзя называть другими именами. Значит, старуха не связана с их преследователями. Воодушевленный этой мыслью Ждан сделал шаг в избушку. Дугава последовала за ним. Пол вдруг разверзся под ногами, и они полетели в черную бездну.

Финист присел на корточки возле родника и поднял брошенный на землю котелок. Две пары следов вели через болото в глухую чащу.

«Вот идиоты, — отрешенно подумал он. — Велено же было далеко от тропы не отходить. Так какого демона их туда понесло?! Ох, не по мне эта работенка. Ну, какой из меня наставник? Я едва-то с собой управиться могу, не то, что с этими горе-учениками. Не надо было зариться на высокий чин. Переждал бы бурю в укромном местечке, нашел дело по душе. И никто бы меня разыскивать не стал. Ан нет, поддался на первый порыв, связался с бунтовщиками с запада. Вот теперь и приходится носиться по лесам и долам, как загнанному зверю».

Мысленный монолог прервало мелодичное пение. Финист настороженно поднял голову, вглядываясь в темную полоску горизонта, где роились странные огоньки, которые он поначалу принял за светлячков. Огоньки подлетели ближе и начали водить хороводы вокруг его головы. Финист раздраженно сбил один рукой. Стоило крохе коснуться земли, как он тут же погас. Финист нагнулся, чтобы получше его рассмотреть, но оставшиеся в воздухе огоньки роем кинулись на мужчину, мстя за собрата. Вмиг их стало так много, что невозможно было разглядеть ничего вокруг, кроме пылающего бело-желтого марева. Финист прикрыл глаза руками, боясь, что огоньки лишат его зрения. Тело содрогнулось в прошедшей от головы до пят судороге, стремительно уменьшаясь в размерах. Кожу начали покрывать сизые перья. Через мгновение с места, где до этого стоял человек, взлетел, широко распахнув крылья, крупный сокол.

Сбитые с толку огоньки застыли в нерешительности, а потом всем скопом погнали птицу в чащу.

Герда снова видела всадника на вороном коне, летящего по заснеженной пустыне. На этот раз он подъехал так близко, что она могла достать до него рукой, но прежде, чем их пальцы соприкоснулись, проснулась.

Лес утопал в предрассветных сумерках. Первые лучи солнца окрашивали кроны деревьев в пестрые тона. Она спихнула с груди кота и приподнялась на локтях. Финиста с товарищами не было. Герду снедало беспокойство.

— Они давно уже должны были вернуться.

— Но не вернулись, — добавил кот.

— Наверное, что-то случилось, — старательно его игнорируя, размышляла Герда.

— Не пора ли уже отправиться на поиски, — не сдавался тот.

Она поднялась, направилась к лошадям и отвязала их. Толстун с Пустельгой тут же сбежали на противоположную сторону поляны в поисках свежей травы. Яшка непонимающе посмотрела на Герду. Та положила руку ей на нос.

— Прости, мне надо их найти. Если я... — Герда запнулась и громко всхлипнула, — не вернусь, то не жди меня.

Сзади к ней подошла Золотинка и ткнулась мордой в спину.

— Найдите себе других, лучших хозяев.

Обе кобылы проводили ее тяжелыми взглядами, словно понимали ее чувства. Герда перекинула через плечо белую тряпку, которую отец велел всегда брать с собой, чтобы оставлять метки.

Летом светало быстро. К тому времени, как она добралась до родника, на вязкой болотистой почве можно было уже с легкостью разглядеть следы. Две пары вели через трясины, а одна терялась на поляне возле походного котелка и одеждой Финиста. Тут явно случилось что-то нехорошее.

Герда глянула на видневшуюся в просвете между деревьев дорогу, а потом обратно на следы.

— Что же делать? Отец не велел сходить с тропы, — задумчиво пробормотала она не в силах принять решение.

— Прости, что напоминаю, но он умер. Не пора ли жить собственным умом, — тут же ответил ехидный голос.

Кот, ловко перепрыгивая с кочки на кочку, шел по следам, ведущим в чащу.

— Чего ты ждешь? — спросил он, обернувшись.

Герда глубоко вздохнула, нашла в кустах длинную палку и, проверяя с ее помощью кочки, двинулась следом. Дойдя до края болота, она остановилась.

— Здесь один бурелом, — сокрушенно сказала Герда.

— Не все ж тебе проторенными дорожками ходить, — пристыдил ее кот. — Вперед, а то эти олухи точно попадут кому-нибудь на обед.

Аккуратно обходя поваленные деревья, Герда побрела туда, куда вели следы. Она отрывала от тряпки маленькие лоскуты и связывала их на сучья, чтобы не потерять обратной дороги. Через версту лес начал редеть. Больше не приходилось уворачиваться от хлеставших лицо веток молодых осин и берез. Между деревьями забрезжил свет. Герда вышла на большую солнечную поляну. Посреди нее стояли белокаменные хоромы с высоким теремом с гульбищем, окруженным резными перилами. Тонкоствольные березы склонялись над входом, образуя живую арку. Хоромы окаймляли постаменты с вырезанными в красном граните конскими головами.

Герда удивленно уставилась на лесное чудо. Такому богатому старинному жилищу позавидовал бы сам Заградский, да что там Заградский. С этими хоромами не мог сравниться даже дом уездного наместника в Подгайске.

— Не робей, — прикрикнул кот и ловко вспрыгнул на высокое крыльцо.

Двустворчатая дверь тихонько отворилась. На порог вышла статная женщина с яркими каштановыми волосами. Поверх белой льняной рубахи — старомодный зеленый сарафан с высокой талией. По краю юбку и рукава окаймлял тонкий рунный орнамент. Голову венчала корона из дубовых веток, украшенная гроздьями засушенной рябины и осиновыми листьями. В одной руке женщина держала золоченую клетку. Заметив на крыльце кота, опустила ее на пол и подняла его за шкурку.

Герда изумленно открыла рот. Никто кроме нее рыжего наглеца никогда не видел. Она была уверена, что кот — плод ее воображения.

— Что за невежа, — покачав головой, тихо сказала незнакомка. Кот молча уставился на нее, смешно выпучивая синие глаза. — Ну, ничего, сейчас ты присмиреешь.

Женщина посадила кота обратно на крыльцо и погладила его по голове. Он замер, как каменный истукан. Незнакомка ухмыльнулась, подняла клетку и подошла к Герде. От страха

у той онемели ноги и приросли к земле.

— Заблудилась, деточка? — сладким голосом пропела женщина.

Герда медленно кивнула, вконец растерявшись.

— Пойдем, деточка, я тебя обедом накормлю, — ласково предложила незнакомка.

Герда отшатнулась.

— Кто вы? Я всю жизнь провела в этом лесу, но вас никогда не встречала, — ответила она, пятясь к лесу.

— Меня зовут Ягиня, — женщина не сдавалась, будто отчаянно хотела завоевать доверие. — Я хозяйка этого места. А твое имя мне известно. Ты дочка лесника Гедымина. Он часто оставлял мне подношения, когда шел в лес. Почему его так давно не было? Неужели он забыл обо мне? — последние слова были сказаны с нарочитой обидой.

— Он умер, — резко оборвала ее Герда, неожиданно избавившись от остатков робости.

— Жаль, хороший был человек, — ничуть не смутившись, ответила Ягиня. — Пойдем, помогу тебе по доброй памяти.

— Чем?

— Ты ведь друзей ищешь, верно? — она снисходительно улыбнулась.

— А откуда вы знаете? — недоверчиво поинтересовалась Герда.

— Так я ведь хозяйка этого леса. Я все знаю: о чем мои березки и осинки шепчутся, почему так тоскливо воет старый волк на луну, сколько раз прокукует кукушка в сосновом боре, где гнездится болотная выпь, и как медведь по старому дубу за медом лезет.

Герда посмотрела на кота, неподвижно застывшего на крыльце. «Надо соглашаться, а то еще, чего доброго, и меня в истукана превратят. Кто тогда нас выручать будет?»

Герда подала Ягине руку. Та взяла ее под локоть и повела к терему. В вышине раздался пронзительный птичий крик. С небес на них ринулся сизокрылый сокол, но запутался в силке, привязанном к одной из березок у терема.

— Долетался, соколик? — ехидно спросила у птицы Ягиня, ловко доставая ее из петли.

Сокол даже не пробовал биться в ее руке. Она легко просунула его в дверцу золоченой клетки и запахнула ее. Только тогда птица поднялась и отрывисто заголосила, пристально глядя на Герду: «кьяк-кьяк-кьяк». На душе кошки заскребли. Как будто это не птица вовсе, а попавший в западню человек кричал.

Не дав ей опомниться, Хозяйка леса потянула Герду за собой в хоромы. Внутри все было уставлено дорогой мебелью, украшено самоцветами, обшито золотом и серебром. От сверкающего великолепия зарябило в глазах.

Радушная хозяйка натопила баньку. Герда вымылась, прополоскав голову душистым отваром ромашки с крапивой, и заглянула в стоявшее у двери зеркало. В нем отражалась сероглазая русалка со стройным станом и оформившейся высокой грудью, стыдливо прикрытой волосами. Герда не узнавала в ней себя. Не ощущала себя такой взрослой... Девушкой? Женщиной? Все ее одноклассники в Дрисвятах уже давно вышли замуж и растили детей. Только Герда даже думать о женихах не хотела. Отец всегда потакал ее желаниям, баловал, отгораживая от всех бед и позволяя жить беззаботной жизнью. Наверное, зря. Из-за этого Герда до сих пор чувствовала себя ребенком, слишком быстро осиротевшим, испуганным и потерянным, не имевшим представления, как спастись из ловушки, в которую она угодила. Без не в меру говорливого кота, неотступно следовавшего за ней последние восемь лет, стало совсем невыносимо, словно только его ехидные слова побуждали ее к жизни, тянули вперед, не давали закинуть в собственном горе и одиночестве.

В сказках злобных ведьм и нечистиков всегда побеждает странствующий рыцарь или просто добрый молодец, но где же все герои сейчас, когда так нужна их помощь?

Дверь бани тихонько отворилась. Внутрь вошла Хозяйка с серебряным подносом, на котором стоял пузатый самовар и блюдо с сахарными кренделями, медовыми пряниками и печеными яблоками. Она поставила поднос на стол и накинула на Герду чистую льняную рубаху до пола.

— Угощайся, — гостеприимно предложила она, разливая травяной отвар по блюдам.

Герда с опаской посмотрела на поднос. Угощение ведьмы есть нельзя, иначе в ее власти окажешься. Про это во всех книжках писали. Хозяйка достала из рукава золотой гребешок и принялась расчесывать волосы Герды.

— Не бойся меня, — приговаривала Ягиня, тщательно разбирая каждую прядку. — Я помогу тебе, найду твоих друзей.

Разум затуманился. Рука сама потянулась к прянику.

— Я научу тебя, как жить дальше, я передам тебе свои знания, я сделаю тебя новой Хозяйкой леса, — продолжала Ягиня, распутывая кончики волос. — Ты ведь так его любишь. Ты станешь его частью, его сердцем, его повелительницей.

Не помня себя, Герда надкусила пряник и отхлебнула отвара из блюда. Глаза начали слипаться.

— Все, что тебе нужно, это съесть сердце сокола, который угодил в мой силочек, — Герда отчаянно затрясла головой, пытаясь вырваться из дремоты. — И тогда вся сила леса перейдет к тебе. Даже больше. Убей сокола — и перед тобой склонятся сами братья-ветры.

Ягиня вложила в безвольную руку кривой кинжал. Голова Герды сникла и упала на грудь.

Ветер вихрями кружил в воздухе искристые снежинки. Они плясали вокруг мчащего по белому покрывалу всадника, создавая светящийся ореол. Герда бросилась ему навстречу, утопая в глубоких сугробах. Всадник протянул руку. Он оказался так нестерпимо близко, что Герда чувствовала на лице его дыхание. Легкое касание. Усы защекотали щеку. Герда открыла глаза. Над ней нависла белая кошачья морда, уткнувшись носом прямо в лицо.

— Фу, — поморщилась Герда, прогоняя наглеца. — Что ты творишь? Остатков разума лишился?

— Ничегошеньки я не творю, — угрюмо пробормотал кот. — Я просто пытался тебя разбудить. В хоромы Хозяйки леса спать нельзя. Тебе этих олухов спасать надо, между прочим. Забыла?

— Нет, — грубо ответила Герда, стирая с лица кошачий дух. В глубине души она радовалась его возвращению, но ему знать об этом было совершенно ни к чему. — Как тебе удалось расколдоваться?

— Ну, — сразу замялся кот. — Я обернулся три раза вокруг себя, а потом еще три раза вокруг оси червоточин...

Герда ошарашено моргнула. Кот тут же осекся:

— Ладно, не важно.

За дверью послышались шаги. Кот выпучил глаза и нырнул Герде под рубаху. В

следующий миг на пороге комнаты появилась Хозяйка леса.

— Ты уже проснулась? — ничем не выдавая своего удивления, спросила она.

Герда медленно кивнула.

— Что ж, значит, мы можем приступить к ритуалу. Кинжал все еще у тебя? — Герда перевела взгляд на зажатое в собственной руке оружие. Почему она раньше его не замечала?

— Ну же, убей птицу! — властным жестом приказала Ягиня.

Голова стала тяжелой. Герда подняла кинжал и потянулась за стоявшей на подоконнике золотой клеткой. Птица испуганно закричала. Под рубахой острые клыки впились в голую лодыжку. Туман рассеялся. Герда без сил упала обратно на постель.

— Наверное, еще слишком рано, — задумчиво пробормотала ведьма. — Я скоро вернусь.

Как только хлопнулась дверь, кот выполз из-под рубашки и забрался Герде на грудь.

— У-у-у, — недовольно засопел он. — Кажется, все намного хуже, чем я думал. Ты зачем ее пищу принимала?

— Я не помню, — бессильно всплеснула руками Герда. — Она сказала, что поможет мне найти Финиста и остальных.

Кот перевел взгляд на взъерошенную птицу в клетке и громко фыркнул.

— Врет она все, — начал объяснять он. — Она себе только помогает. Хочет силу тебе передать, и, судя по всему, не только свою.

— Зачем? — нахмурилась Герда.

— Не знаю. Не уверен. Возможно, хочет решить свои проблемы за твой счет. Знаешь, сейчас старым богам тоже несладко приходится. Всеми покинутые, преданные забвению, они копят злобу и обиду, мечтая только о мести. Но месть — это смерть... даже для бессмертного.

— Я-то тут причем? Я ведь ей ничего плохого не сделала, — продолжала недоумевать Герда.

— Она решила, что у тебя достанет сил совершить то, на что сама не способна, — терпеливо ответил кот. — Ладно, это тоже сложно. Лучше давай что-нибудь сделаем с этой птицей.

Он вскарабкался на подоконник и ударил лапой по дверце клетки.

— Кажется, придумал, — обернувшись, сказал он. — Я съем ее за тебя.

— Ты хочешь сам получить силу Хозяйки? — нахмурилась Герда. — Не дам. Мне птицу жалко.

— Это не птица, — коту явно надоело ее упрямство. — Ты мне доверяешь?

Герда в недоумении уставилась на него.

— Поторопись, а то ведьма вернется.

Герда взяла клетку в руки, подцепила замочную скважину острием кинжала, провернула его несколько раз и дверца распахнулась. Протянула руку, но испуганный сокол больно клюнул ее. На дно клетки упали две алые капли. Герда прикусила губу от боли. Птица бешено отбивалась, царапаясь когтями и клювом. Схватить ее и вытащить наружу удалось с большим трудом. Кот проворно запрыгнул на колени, распахнул пасть и мигом проглотил сокола. Герда поражено выдохнула. Как в его маленький рот смогла поместиться целая птица? По телу кота пробежала судорога. Он словно поперхнулся и выплюнул сокола обратно. Перья птицы облетали прямо на глазах, а тело стремительно росло. Через мгновение на месте сокола лежал абсолютно нагой мужчина, в котором Герда с ужасом

узнала Финиста.

— Срам-то какой, — пробормотала она, закрывая глаза руками.

Бывший сокол болезненно застонал, разминая затекшие члены.

— Демоны, что произошло? — ошарашено спросил он, разглядывая светлицу, в которой оказался.

— Ты был соколом, — не открывая глаз, ответила Герда.

— Скажи мне лучше что-нибудь, чего я не знаю, — огрызнулся тот.

— Ты голый, — щеки горели от стыда. Она никогда не видела голых мужчин. И сейчас бы предпочла не видеть. Они ужасны!

— Так дай мне какую-нибудь одежду, — раздраженно крикнул Финист.

Герда нашла на табурете рубаху и, не оборачиваясь, кинула ему.

— Она же бабская! — недовольно поморщился тот.

— Да какая разница! — ответила Герда. — Одевайся, пока Хозяйка леса не вернулась!

— Кто?

— Ведьма, которая тебя в птицу превратила, — нетерпеливо махнула рукой Герда.

— Никто меня в птицу не превращал, — пробубнил себе под нос Финист, натягивая рубаху, которая оказалась ему сильно мала и доходила только до колен. Но возмущаться уже не было времени. Дверь распахнулась, и в комнату влетела привлеченная криками Ягиня.

— Что здесь происходит? — грозно спросила она.

Увидев Финиста в человеческом обличье, Хозяйка леса мигом подобралась и кинулась на него. Лицо исказила гримаса ненависти. Ногти почернели и вытянулись, превращаясь в когти. Она полоснула ими по рубашке Финиста, раздирая ее на лоскуты. Светло-серая ткань окрасилась багровыми пятнами.

— Не спи! — зашипел на застывшую в ужасе Герду кот.

Она мигом спохватилась и кинула Финисту ведьмин кинжал. Тот ловко перехватил его в воздухе и молниеносно всадил по рукоять в грудь Ягини. Ведьма захрипела и упала на пол. Финист, тяжело переводя дыхание, оперся о стену. Герда бросилась к нему на помощь.

— За что? — едва слышно просипела Ягиня. — Она ведь могла нас всех спасти. Час возрождения так близок...

— Еще не время, — ответил кот, вспрыгивая ей на грудь. Герда покосилась на них, не понимая, о чем речь.

Ягиня напряглась, из последних сил стараясь разглядеть что-то в очертаниях представшего перед ней огненного зверя.

— Кто ты? — бескровными губами спросила она.

— Это неважно, — тихо сказал кот, закрывая лапой остекленевшие глаза ведьмы.

Волшебство исчезло с последним вздохом Ягини. Ее кожу начали покрывать глубокие морщины, а спина согнулась в три погибели. Тело сморщилось в крохотный сухой комок и разлетелось по полу пожухлой листвой.

— Дом сейчас рухнет! — предупредил кот.

Герда успела лишь коротко вздрогнуть, когда все вокруг загрохотало и зашаталось. Терем быстро превращался в старую избушку на сваях. Как только пол перестал трястись, снизу донесся стук.

— Эй, откройте нас, эй, — кричали из погреба, что находился у самой двери.

Финист подскочил к нему и поднял крышку.

— Вы здесь? Вы в порядке? — облегченно спросил он.

— Да-да, помоги нам выбраться, — послышался низкий голос Ждана.

Он поднял Дугаву на плечи. Финист схватил ее за руки и вытащил наверх. Тут изба снова задрожала.

— Быстрее, дом рассыплется в любой момент! — подогнала их Герда.

Ждан вытянул руки и встал на носки, но до верха дотянуться никак не мог.

— Может, там есть лестница или хотя бы веревка? — со слабой надеждой спросил он.

— Нет времени искать, — крикнул Финист. — Левитируй.

— Я не могу левитировать сам себя, — сокрушенно ответил Ждан.

— Так учись! — Финист лег на пол и изо всех сил старался до него дотянуться. — Ну же!

Ждан с кряхтением подлетел в воздух на пару локтей. Финист едва успел схватить его, до того, как он рухнул обратно.

Герда распахнула дверь. Лестница уже обвалилась.

— Прыгайте! — скомандовал Финист.

Они один за другим вылетели из избы и попадали на землю. Избушка развалилась, превратилась в кучку трухлявых бревен, а потом и те истлели.

Путники перевернулись на спины, переводя дух.

— Кошмар какой-то, а не лес, — причитала Дугава. — Лучше б я у папеньки в Стольном осталась.

— Эй, Финист, что это ты на себя напялил? — засмеялся Ждан, глядя на nepотребный вид предводителя. — Неужто бабой теперь обернуться решил?

Тот пошевелил волосатыми ногами, торчавшими из-под короткой рубахи. Дугава присоединилась к громкому хохоту Ждана. Герда поднялась с земли и подошла к месту, где раньше стояла изба. Посреди кучи мусора лежала ее одежда и ведьмин кинжал. Она собрала все в охапку и повернулась к путникам.

— Ну что, господа Стражи, возвращаемся на тропу, — неестественно ровным голосом сказала она, изо всех сил стараясь не выказывать своих чувств.

Смех в мгновение стих. Все трое испуганно уставились на нее, наконец, осознав, что они себя выдали.

Глава 3. Долг и расплата

Финист открыл было рот, чтобы хоть как-то объясниться, но Герда, не желая слушать оправдания, спряталась за густыми можжевельновыми кустами. Она скинула с себя опостылевшую рубаху Ягини и натянула походную одежду. По щекам незнамо от чего текли крупные слезы.

Стражи! Говорили, что все они сгинули во время Войн за веру, а дар Стражей выродился из человеческой крови из-за того, что люди отвернулись от питавших его старых богов, но нет. Видно, еще остались люди с невероятными способностями: оборотничество, левитаторство... Так вот почему отец согласился провести их через Пущу — счел своим долгом помочь тем, кто так долго служил всем мидгардцам, не требуя ничего взамен. Это такая честь! Только вот отцу-то они доверились, а ей нет. Конечно, он ведь был уважаемым человеком. Даже Заградский побаивался навязывать ему свою волю. А кто она такая? Всего лишь глупая девчонка, которая ничего кроме книг и леса в жизни не видела. На нее понадеялись, а она завела их в западню и чуть не погубила.

Герда подавлено всхлипнула, отерла ладонью лицо и принялась заплетать распущенные волосы в косы. Сидевший рядом кот мыл лапами заостренную мордочку, то и дело бросая на нее тяжелые взгляды. Совладав с эмоциями, Герда вернулась на поляну.

— Куда нам идти? — деликатно поинтересовалась Дугава, в то время как мужчины, потупив взгляды, переминались с ноги на ногу у нее за спиной.

— Туда, — неопределенно махнула Герда в сторону валежника на противоположном краю поляны, в котором только что исчез рыжий кошачий хвост.

Путь к роднику нашелся на удивление быстро. То ли лес поредел, то ли помогли метки на деревьях — через несколько часов они уже были на поляне возле болота, где остался злосчастный походный котелок и одежда Финиста.

Рядом пасся маленький табун из четырех лошадей. Похоже, Золотинка, учуяв запах хозяина, согнала сюда своих товарищей. Пустельга счастливо фыркнула, увидев людей. Толстун, не обращая на них никакого внимания, продолжил стричь пожухлую траву. Яшка демонстративно отвернулась, всем видом выказывая негодование по поводу того, что хозяйка ее бросила. Но стоило подойти к ней поближе, как кобыла тут же оттаяла и подставила морду, чтоб ее почесали между ушей.

Дело шло к закату, поэтому решили двинуться в путь на следующее утро, чтобы не угодить в темноте в трясины. Когда доедали ужин у костра, над ними пролетел рой светящихся шариков.

— Что это? — встревожено спросил Ждан. — Это они нас в ловушку заманили!

— Прислужники Хозяйки леса, — пожал плечами Финист, хищным взором окидывая круживших над головами светляков. — Видно, она их специально создала, чтобы заманивать беспечных путников в свое логово.

— Нет, это болотные огоньки, — возразила Герда. — Они сами по себе. Если бы они существовали только по ее велению, то исчезли бы вместе с ее гибелью, как терем.

— Интересно, куда это они? — задумчиво пробормотала Дугава, когда огоньки вдруг сорвались с места и полетели прочь.

— Нового хозяина ищут. Да только вряд ли найдут. Скорее всего, осядут на каком-нибудь болоте побольше и на этом упокоятся, — ответил кот, но никто кроме Герды его не

услышал.

Наутро они отправились в дорогу. Лес как будто посветлел и расступился. Ехать стало значительно легче. Деревья уже не взирали с мрачностью черных туч на путников, имевших несчастье заплутать под их кронами. То тут, то там раздавались нежные трели перелетных птиц, которые уже начали собираться на юг, в благостный вырий, где круглый год светит солнце и никогда не бывает холодно.

Возле русла пересохшей реки Герда ненадолго задержалась: спешила, подняла с земли сухую ветку и пошарила под корягами у оврага. Ждан с Дугавой уехали вперед, а Финист остался ждать у тропы.

— Что там? — настороженно спросил он. Герда видела, что напряженность между ними не давала ему покоя. Переживал, что она их выдаст? Ну, конечно, ведь она совершенно обычная человечка, чего еще от таких ждать?

— Нет ничего, — озадаченно ответила она.

— Тогда едем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Герда кивнула и забралась обратно в седло.

— Раньше здесь под корягами был большой гадючник, а теперь от него и следа не осталось, — едва слышно произнесла она.

Кот ловко перелез с крупа лошади на переднюю луку седла:

— Чары ведьмы покидают Пущу вместе с демонами.

— Но... — сдавленно выдохнула Герда. — Я не хочу, чтобы что-то менялось. Здесь всегда было так хорошо и спокойно.

— Жутко, ты хочешь сказать, — поправил кот. — Если тебе так нравился этот лес, почему не согласилась на предложение ведьмы? Могла бы сама стать хозяйкой и вершить его судьбу.

— Она требовала, чтобы я убила сокола... Финиста, — Герда обернулась. Финист пристально смотрел на нее. У его виска вздулась небольшая жилка. На лбу блестел пот. Герда нахмурилась и снова перевела взгляд на кота. — Теперь лес погибнет из-за нас.

— Не погибнет, а переродится, станет обычным. Вот увидишь, скоро люди перестанут бояться. Начнут собирать грибы и ягоды, дрова рубить, на зверя охотиться... Может, дорогу проложат. Будут тут большие обозы из сел и местечек на ярмарку ходить.

Герда грустно вздохнула и ссутулила плечи.

— Выше нос, — подбодрил ее кот. — Может, оно и к лучшему. Уходить всегда проще, когда за спиной ничего не остается.

— Я не собираюсь уходить, — упрямо сказала девушка.

— Посмотрим, — хмыкнул кот и перелез обратно на круп, где сидеть было удобней.

Через день к полудню путники покинули Дикую пушу и въехали в Подгайск. Приграничный городок мало чем отличался от соседних деревень: все те же покосившиеся дома из посеревшего от времени дерева, пара казенных построек и неизменно возвышавшаяся над селением белая колокольня единовременной церкви. По улице с деловым видом сновали куры-пеструшки, чуть вдали на лугу паслись коровы, а на центральной площади выставляли товар купцы, обмениваясь последними новостями с гостями из приграничной Кундии.

У коновязи возле придорожной корчмы всадники спешили. Финист отсчитал пятьдесят монет в кожаный мешочек для Герды. Она молча засунула его себе за пазуху и, в

нерешительности потоптавшись пару мгновений на месте, зашагала в сторону ратуши — массивного двухэтажного здания из красного кирпича. Больше она их не увидит.

Герда остановилась на пороге ратуши и, собрав волю в кулак, отворила дверь. За столом в передней сидел старик-писарь и что-то задумчиво выводил на листе дешевой желтой бумаги.

— Где можно найти Вальдемара Заградского? Долг ему хочу отдать, — писарь задумчиво поднял глаза.

— На охоту поехал, — после затянувшегося молчания ответил он и снова уставился в свой лист. — До сих пор не вернулся. Видать, в сторожке на краю Пуци заночевать собрался. Там и ищи.

— Спасибо, — кивнула Герда и вышла.

Финист смотрел вслед Герде, досадливо покусывая нижнюю губу.

— Не боишься, что она нас выдаст? — настороженно спросил Ждан.

Финист медленно перевел на него взгляд, не зная, что ответить.

— Почему мы не можем переночевать на постоялом дворе? — возмущалась Дугава, наблюдая, как Финист раскладывает по седельным сумкам купленную на ярмарке еду.

— Да, я уже все бока отлежал на стылой земле, — поддержал ее Ждан.

— Хватит ныть, — резко оборвал их Финист. — Нам нельзя нигде надолго задерживаться. Да и денег осталось впрытык.

— Не надо было тратиться непонятно на что, — проворчал Ждан.

— А ты предпочел бы просидеть до конца жизни в погребе той ведьмы? Девочка отработала все монеты, что я ей дал, до последней. Если бы не она, нас, возможно, и в живых сейчас не было.

Финиста терзало необъяснимое чувство вины. Он не должен был ее отпускать вот так. Одна она не выживет.

— Но кто теперь поручится, что она не донесет на нас Голубым Капюшонам? — продолжал раздражать его Ждан.

— Не донесет, я уверен.

— Почему? Ты прочитал ее мысли? Я видел, ты пытался.

— Нет, я не телепат и читать могу только мысли животных. Но аура у нее...

— Какая? — переспросили Ждан с Дугавой одновременно.

— Странная... такое ощущение, что с ней рядом есть кто-то еще, но мы его не видим.

— Призрак? — предположила Дугава.

— Не думаю. Призраки привязываются к месту, а не к человеку. Это что-то другое. Если бы у меня было больше времени, возможно, мне бы удалось заставить ее раскрыться.

— Почему ты не попросил ее поехать с нами? Думаю, она бы согласилась, ведь у нее никого здесь больше не осталось, — предположила Дугава.

— Стойте, вы ведь это не всерьез? — не на шутку встревожился Ждан. — Мы же ее толком не знаем. Один раз спасла, другой и погубить может. Слушай, Финист, я все больше убеждаюсь, что ты был прав. Надо поскорей убираться отсюда, а то чего доброго действительно на костер попадем.

— Вот и ступайте, — быстро согласился предводитель. — Отойдете от города на пару верст, найдете подходящую поляну и разобьете лагерь. Я вас позже догоню. Только границу без меня не переходите, ясно?

Дугава быстро кивнула и потащила упирающегося Ждана к лошадям. Финист решительно направился к ратуше. Одним человеком больше, одним меньше, какая к демонам разница? Он обязан ее забрать.

— Сюда девушка заходила. Невысокая такая, светловолосая, — поинтересовался Финист у писаря.

— Герда?

— Да. Где ее найти?

Писарь оценивающе глянул на чужака, раздумывая. Что-то в выражении глаз Финиста неизменно располагало к нему собеседников, особенно когда это было нужно позарез. Так вышло и сейчас.

— В сторожку на краю Пущи пошла. Только... я бы на твоём месте поспешил. Там её Вальдемар, покойного Заградского сын, поджидает. У него к ней не самые добрые намеренья.

— В смысле? — смутился Финист. Он ведь не посмеет?.. Это против всех законов! Даже единоверческих.

Писарь пожал плечами и вернулся к работе, всем видом показывая, что и так сказал лишнего. Финист вихрем вылетел из ратуши, вскочил в седло и помчался по той дороге, по которой они ехали вместе с Гердой этим утром.

Сторожка — крохотная избушка с соломенной крышей — находилась у самой опушки старого леса. Здесь часто оставались на ночь припозднившиеся охотники, чтобы не бродить по городу в потемках и не беспокоить сон своих домочадцев. Вальдемар любил охоту с детства. Обычно он собирал ватагу детей постарше и гонял по округе малышей, отбирая у них игрушки, лукошки с грибами и ягодами и вообще все, что только можно было отнять. Вальдемар называл это выкупом, а тех, кому не посчастливилось попасться с пустыми руками, ждала большая порция тумачков. Взрослые смотрели на это безобразие сквозь пальцы, не смея жаловаться земскому главе на недостойное поведение его единственного наследника.

Герда была излюбленной жертвой для игр Вальдемара, а все из-за того, что десять лет назад она напрочь отказалась стать его «дамой сердца» и в довесок окатила заносчивого мальчишку студеной водой. С тех пор один вид ее льняных косичек не давал ему покоя, и он, кидая все свои дела, бросался за Гердой, впрочем, догнать ее удавалось далеко не часто.

С тех пор прошли годы. Дети выросли, и Вальдемар практически не навещался в Дрисвяты, а Герда старалась обходить усадьбу Заградских стороной, чтобы ненароком с ним не пересечься. Но несколько месяцев назад Вальдемар сам заглянул в их дом и долго о чем-то беседовал с отцом на повышенных тонах. В тот день Герда по обыкновению задержалась в книжной лавке, поэтому слышала лишь последнюю часть их разговора, притаившись за дверью. Вальдемар требовал, чтобы отец позволил забрать ее в усадьбу Заградских и сделать ее своей содержанкой. Лесник вначале опешил, а потом рассвирепел и чуть было не задал

нахалу знатную трепку. Герда вовремя его остановила и метлой выпроводила Вальдемара за дверь.

После этого сладить с сыном Заградского уже не представлялось возможным: он специально подждал Герду в темных, безлюдных местах, умолял, требовал, угрожал, чтобы она ответила на его ухаживания, но она оставалась непреклонно. И даже не из-за глупой детской мечты, не из-за приколотой к вороту вересковой броши, а из-за того, что сам вид Вальдемара вызывал чувство брезгливости, от его запаха живот сводила болезненная судорога, а от прикосновений хотелось отшатнуться и со всех ног бежать прочь, как от чумного.

Вот и сейчас было не по себе от предстоящей встречи. Но чтобы сохранить отцовский дом, нужно отдать Вальдемару долг, а попросить кого-нибудь сделать это за нее Герда не решалась.

— Может, все-таки передумаешь? — со слабой надеждой спросил кот. — Эти деньги оченьгодились бы в дороге.

— Я не собираюсь никуда уезжать.

— Сегодня — нет, а завтра?

— А завтра я вернусь домой.

Кот насупился и замолчал. Набравшись мужества, Герда постучала в дверь. На пороге показался высокий плечистый парень с кудрявыми волосами. Ворот рубахи был широко распахнут, выставляя напоказ смуглую мускулистую грудь. Герда тут же уловила резкий хмельной запах. Из головы выветрились все мысли, кроме одной — бежать.

— Заходи, — велел Вальдемар, в то время как Герда отчаянно пыталась вспомнить, зачем сюда пришла.

— Я... — начала заикаться она. — Я... деньги... Долг отдать. Вот.

Герда протянула Вальдемару кошель. Парень пристально глянул на нее и кивнул головой в сторону дома:

— Заходи.

— Зачем? Я лучше тут отдам и... пойду, — Герда вложила кошелек в его руку и попятилась, но Вальдемар ловко подхватил ее и втолкнул в дом.

— На улице деньги только торгаши передают, — сказал он, запирая дверь на засов. — А мы ведь друг другу не чужие, с детства знакомы. Да и горе общее нас роднит. Теперь мы оба сироты. Нет?

— Я слышала про вашего отца. Соболезную. Он был... хорошим человеком.

— Хорошего человека помянуть надо. Садись, я тебе сбитня налью. Пробовала? У него такой сладкий медовый вкус — тебе понравится.

— Нет, спа... спасибо, не стоит. Я... меня ждут, — неловко соврала Герда.

— Кто? Рыцарь на белом коне с большим мечом? — недобро рассмеялся парень. — Я верил в твои сказки, когда был ребенком. Если не заметила, я вырос. И ты тоже.

От страха сердце ухнуло куда-то вниз. Герда начала пятиться, пока не уперлась спиной в стену.

— Выпустите меня, — взмолилась она.

— Уходишь так быстро? Это неучтиво, — он тихо цыкнул и приподнял ее подбородок кончиком пальца. — Личико красивое, а вот манер не хватает. Хотя стоит ли удивляться, кто из местных может ими похвастаться? Мне следует поучить тебя вежливости? Послушанию? Смирению?

Вальдемар, будто играя с загнанной в угол дичью, наматывал кончик косы себе на палец. Герда сжалась в комок, желая провалиться сквозь землю, исчезнуть, раствориться в воздухе, лишь бы не видеть этого жуткого хищного взгляда.

— Будешь теперь меня слушать? — зашипел он, теряя терпение. — Чего молчишь?

— Буду, буду! — внутренне трепеща, выдавила из себя Герда. Она готова была сказать все, что угодно, лишь бы вырваться из его цепких рук.

— Хорошо. Сейчас и проверим, — он достал из-за пояса большой охотничий нож, натянул косу и провел по ней остро заточенным лезвием.

Коса шелковой лентой упала на пол, за ней последовала вторая. Герда застыла в ужасе. Что он наделал? Без кос же ее бесстыдной, гулящей девкой считать будут! Дрожащей рукой она потянулась к своим волосам. Такие красивые! Длинные, густые, слегка волнистые, они всегда были главным украшением ее заурядной внешности. Без них она даже на свое отражение смотреть не сможет. Пусть все окажется дурным сном! Герда зажмурилась.

— Не смей закрывать глаза, — Вальдемар со злостью дернул ее за плечи. Герда вдруг поняла, что это только начало. Дальше будет хуже. Зачем она только пошла к нему одна?!.. Противный липкий страх растекался по телу, отупляя.

— Хорошо, — мужчина оскалился и засунул руку ей под рубаху и больно сжал грудь, а второй обнял за шею и попытался поцеловать в губы.

От омерзения чуть не вытошнило. Он же сейчас обесчестит ее, сделает своей потаскушкой, а она так хотела сохранить себя для... мертвеца?! Нет! Охотник говорил, что она должна перестать бояться и плакать, должна быть сильной и бороться. Бороться хотя бы ради того, чтобы не стыдно было смотреть в глаза ему и отцу, когда они встретятся на том берегу. Собрав волю в кулак, Герда грызнула имевший неосторожность проникнуть в ее рот язык, зло разодрала клыками губу и со всей силы пнула насильника по ногам. От неожиданности Вальдемар отшатнулся. Герда бросилась к двери, отчаянно пытаясь отпереть засов. Но насильник оказался проворней.

— Ах ты маленькая паскуда! — заорал он, сплевывая кровь и, обхватив Герду за пояс, повалил ее на пол, придавливая собственным весом.

Она отчаянно брыкалась, визжала и царапалась, но все без толку. Вальдемар оказался намного сильнее ее.

— Дрянь, ты еще будешь целовать мне ноги, чтобы я только отодрал тебя как следует!

Он начал срывать с нее одежду. Ужас пополам со стыдом полностью захлестнули рассудок. Хотелось умереть, чтобы не видеть этого жуткого вожделения в глазах насильника, не чувствовать, как он грубо разводит ее колени в стороны и устраивается между ног, чтобы...

Герда зажмурилась. Сзади раздалось громкое шипение, переходящее в грозный рык. На лицо капнуло что-то теплое. Сознание стремительно понеслось в непроглядную темень. "Охотник, я иду к тебе", — было последней ее мыслью.

Финист гнал лошадь во весь опор. До сторожки оставалось рукой подать, когда все вдруг замерло и разлетелось на мелкие осколки, острыми иглами впиваясь в кожу под рубашкой. Никогда прежде Финист не ощущал подобного взрыва силы. Там впереди должна

была высвободиться колоссальная мощь. Даже деревья встряхнуло от прокатившейся волны. Опоздал!

Яшка, кобыла Герды, привязанная возле сторожки, тревожно рыла землю копытом и прижимала уши. Финист бросил возле нее свою лошадь, вскочил на крыльцо и, не теряя даром времени, вынес дверь плечом и зашел внутрь.

Герда в порванной в клочья одежде лежала на полу неподвижно с навалившимся на нее сверху мужчиной. Финист отпихнул его носком сапога и склонился к девушке. Лоскуты одежды и обнаженная кожа были щедро перемазаны в крови, но ран на теле не обнаружилось. Похоже, ублюдок все же не успел завершить задуманное злодейство. Герда дышала тихо и глубоко. Видно, лишилась чувств от ужаса или...

Финист обернулся на незнакомца и невольно содрогнулся.

Под широко распахнутыми веками вместо глаз красовалось жуткое месиво. Из уголков рта, ушей и носа сочилась кровь вперемешку с прозрачной жидкостью. Не оставалось сомнений, что подонок мертв.

«Поделом ему», — подумал Финист и мягко убрал со щеки девушки концы уродливо обкорнанных волос. Кожа Герды оказалась горячей, словно от лихорадки. Он не должен был ее отпускать. Больше такого не повторится.

Финист снял со стоявшей в углу кровати старое покрывало и завернул в него девушку. Потом подошел к камину, кочергой вытащил оттуда раскаленные головешки и раскидал их по полу. Огонь принялся жадно накинута на сухие доски. Финист подхватил Герду на руки и выскочил в открытую дверь прежде, чем языки пламени с удушливым дымом заполонили собой весь дом.

Глава 4. Озеро берегинь

— Думаешь, с Финистом все в порядке? — в десятый раз спрашивал Ждан, мужественно сражаясь с постоянно затухающим костром.

Дугава, занятая штопкой куртки Финиста, устало махнула на товарища рукой и подняла взгляд к небу.

— Какое зарево яркое, — пораженно выдохнула она, указывая на юго-восток. — Должно быть, там пожар.

— Нам бы кто огоньку подбавил, — пожаловался Ждан, вытирая со лба пот.

— Сейчас подбавлю, — донесся из-за деревьев голос Финиста.

Через мгновение показался и он сам верхом на Золотинке, придерживая перед собой бесчувственную Герду. Следом на привязи шагала ее кобыла.

— Что случилось? — первой опомнилась Дугава.

— Некогда объяснять. Собирайте вещи, — велел предводитель. — Надо бежать.

— Но мы ведь только разложились! — запротестовал Ждан. — Я даже костер развел... ну почти.

— Так туши поскорей, пока нас на нем не поджарили! — прикрикнул Финист и направил лошадей в сторону границы. — Догоняйте.

Темно. Ласковый теплый воздух напоен неведомыми ароматами, сладкими и горькими одновременно. Из-за горизонта лениво, будто нехотя, выкатывается странно большой диск солнца, словно искусный скульптор, вылепливая из непроглядно-черного камня удивительные очертания незнакомого города. Ввысь устремляются пики похожих на оплывшие свечи башен. По всей длине их опоясывают венки водяных лилий, сделанных, казалось, тоже из воска. Над городом царит тишина. Он мертв. Покой нарушает лишь мерный шелест крыльев, которые несут ее над неведомой землей восходящего солнца.

Эти крылья ей не принадлежат, но повинуются, словно она их истинная хозяйка. Нежные руки теплым пуховым одеялом окутывают ее, не позволяя упасть. Лица не видно, но знает, кто он. Не имя, а чувство, чувство не испытанного прежде покоя и единения, как будто все остальное уже не имеет значения: ни странная тройца путников, тайком пробирающаяся к границе, ни смрадное дыхание насильника, ни солоноватый запах крови, ни тоска по безвозвратно ушедшему времени радости и веселья, ни угрожающее шипение надоедливой кошке, ни беспрестанно терзающее видение черного всадника на заснеженном плато... Нет, оно имеет значение, только оно и имеет.

Герда пошевелилась, пытаясь вытянуть затекшие руки. Дышать было тяжело от свернувшегося клубком на груди кота. Столкнув его привычным жестом, она потянулась.

— Наконец-то проснулась, а то я уже начал беспокоиться, — раздался совсем рядом бодрый голос Финиста.

Герда открыла глаза и тут же зажмурилась от яркого солнца. Снова припекало.

— Что произошло? — спросила Герда, силясь понять, где она находится и как сюда попала. Память возвращалась с жуткой головной болью.

— Ты потеряла сознание, — неопределенно ответил Финист.

Герда приподнялась на локтях и повернула голову в сторону говорившего. Он сидел на пенке у кострища и общипывал перья с тучной куропатки. Чуть поодаль виднелось большое лесное озеро с сверкающей в солнечных бликах водой. Дугава со Жданом на берегу оттирали песком гарь с котелка.

— Вчера ночью мы перешли границу.

— Я догадалась. Мы с отцом часто останавливались у этого озера, но на этом берегу — никогда, — ответила Герда и, обнаружив, что на ней чужие штаны, рубаха и плащ, спросила: — А где моя одежда?

Финист неловко потупился:

— Дугава сказала, что ее уже не заштопать и одолжила тебе кое-что из своей.

Герда поежилась. Воспоминания нахлынули смрадной омерзительной волной. Зачем ее спасли? Она не сможет жить после...

— Не переживай, он не успел ничего сделать, — Финист подбадривающе улыбнулся и коснулся ее щеки.

Герда испуганно отпрянула. А вдруг и он тоже... Они все? Финист посмотрел на нее с жалостью. Страх немного притупился. Интересно, как им удалось забрать ее у Вальдемара. Финист его оглушил? Но Вальдемар все равно теперь не отстанет! И еще всем расскажет, как он над ней потешался. Мерзкая грязная потаскушка!

— Лучше бы я умерла! — выдохнула Герда и закрыла лицо руками.

— Перестань! — одернул ее Финист. — Забудь обо всем. Надеюсь, этот ублюдок вечность будет вымораживаться в ледяной преисподней. Больше он никогда не сможет и пальцем к тебе прикоснуться.

Открыла лицо и удивленно воззрилась на него.

— Вальдемар мертв? Ты его убил? — требовательно спросила она.

Финист ничего не сказал и отвел взгляд. В памяти всплыло последнее воспоминание — по ее лицу текла кровь, кровь Вальдемара. Ее же вкус во рту. Финист не убивал, это сделала она сама. Мало того, что потаскушка, так теперь еще и убийца! Она больше не достойна жить. Следует пойти и утопиться в озере прямо сейчас! Герда громко всхлипнула и посмотрела на весело искрящуюся воду, совсем не призывающую к расправе над собой.

— Не знаю, что там произошло. Я пришел слишком поздно, — наконец, выдавил из себя Финист, а потом с жаром добавил: — Я бы убил его сам, если бы он сделал то, что собирался. Это самый низкий, самый жестокий и кощунственный проступок из тех, что может совершить мужчина по отношению к женщине.

Финист попытался обнять ее, но Герда снова отпрянула. Не хотелось, чтобы до нее дотрагивались, хотелось, чтобы ее оставили в покое. Дали утопиться, в конце концов. Начало ощутимо знобить. Мысли превратились в вялый студень. Пришло чувство тупой отстраненности. словно все страшное случилось с героиней из книги, а вовсе не с ней.

Финист протянул ей свою флягу:

— Вот, выпей — поможет успокоиться.

Герда отрешенно поднесла флягу ко рту и, вдохнув резкий запах, поморщилась:

— Вишневая наливка. Гадость.

Только не хмель. Хмель теперь всегда будет напоминать о Вальдемаре.

— Не хочешь, как хочешь, — обиделся Финист и сам хорошенько приложился к фляге.

Ничего не сказав, Герда встала и побрела к краю поляны. Надо взять себя в руки и не

поддаваться страху. Она не трусливая хныкалка. И не сдастся так легко. Охотник хотел, чтоб она жила. И отец тоже. Поэтому топиться она не станет, а мужественно примет кару за свое злодеяние, какой бы она не была.

Возле колючих кустов малины Герда заметила желтые цветы зверобоя, а чуть подальше земляничник. Сорвав стебельки обоих растений, Герда направилась обратно к Финисту. В это время к нему подошли Ждан с Дугавой.

— Как она? — шепотом спросила последняя, но Герда все равно услышала и притаилась.

— Плохо, но это не удивительно после того, что ей пришлось пережить, — ответил Финист. — Ничего, через пару дней придет в себя, а дальше нам предстоит долгий путь на север. Будет уже не до переживаний.

— Ты не можешь позволить ей идти с нами. Ты ведь знаешь, что она сделала, — в голос возмутился Ждан.

— Загвоздка не в том, что она сделала, а как она это сделала, — поправил его Финист.

— Да тихо вы оба. Вон она, — Дугава все-таки ее заметила. Пришлось выходить.

— Не переживайте, вам не придется долго меня терпеть. Я возвращаюсь домой, — не глядя в их сторону, сказала Герда. Она растерла руками листья собранных ею трав, высыпала в кружку и залила горячей водой, не успевшей остыть после завтрака. Сейчас в голове прояснится, и станет легче.

— Ты не можешь вернуться. Тебя сразу же обвинят в убийстве, поджоге, колдовстве и еще демоны знают в чем, — попытался урезонить ее Финист.

— Значит, так тому и быть. Мы должны отвечать за свои преступления... — начала возражать Герда, но вдруг осеклась. — Поджог? Какой еще поджог?

— Чтобы замести следы, мне пришлось устроить пожар в сторожке. Иначе нам бы не удалось уйти из Подгайска, — пожал плечами Финист. — Послушай, мне пришлось стольким рисковать, чтобы спасти тебя. Пожалуйста, не дай всем усилиям пропасть втуне.

Герда молча ковыряла носком землю.

— В конце концов, это просто глупо! — Финист сорвался на крик. — Никому от того, что ты явишься с повинной, легче не станет.

— Мне станет, — упрямо ответила Герда и ушла на противоположную сторону поляны, желая остаться одной.

Зачем он так истово ее уговаривает? Зачем вообще она им понадобилась, ведь они — всеильные Стражи, а она — никто. Пойдет с ними и снова всех в ловушку заведет. И будет у нее на совести не одна смерть, а четыре.

Герда уселась на поваленной сосне на краю поляны, грея руки о стенки кружки.

— Скоро у отца сороковник, а я даже помянуть его не смогу, — пробормотала она себе под нос, ни к кому в особенности не обращаясь.

— А ведь я предупреждал, — назидательным тоном сказал кот, пытаясь забраться на колени.

По лицу против воли потекли слезы.

— Не реви! — пристыдил ее кот, отчаявшись протиснуться на руки. — Если тебе от этого станет легче, ты никого не убивала. У тебя бы просто не хватило сил. Это сделал я.

Герда недоверчиво глянула на него. Он просто хочет ее подбодрить. Как бесплотная выдумка может кого-то убить.

— Он позарился на то, что ему не принадлежало. В землях, откуда я родом, за это

карают долгой и мучительной смертью. Так что можешь считать, что ему крупно повезло — он даже понять ничего не успел, — буднично пояснил кот.

— А откуда ты родом? — Герду вдруг одолело любопытство. Раньше он никогда не упоминал о своем прошлом. Какое только у воображаемой зверушки могло быть прошлое?

— Из Буганских пустошей под плато Миянмы. Это слишком далеко, чтоб ты знала, и слишком давно, чтобы ты слышала.

— Это там, где стоит безмолвный Мертвый город с восковыми башнями, и солнце встает не на востоке, а на западе? — задумчиво спросила Герда.

Кот все-таки забрался на руки и вытянулся во весь рост так, чтобы его глаза были на уровне с ее глазами.

— А ты не так безнадежна, как кажешься. Согласись на их предложение. Путь к отступлению отрезан.

— Но ты же видел, как они ко мне относятся. Они — Стражи с невероятными способностями и высшей целью, а кто я? Дочка лесника, которая в жизни ничего кроме леса и книг не видела. Я всегда буду для них чужой, обузой, перед которой надо понижать голос и прятать глаза.

Герда поднесла чашку к лицу, вдыхая сладкий аромат разопревших трав, и сделала маленький глоток. Кот свернулся клубком у нее на коленях.

— Если тебе что-то не понравится, ты всегда сможешь уйти. А здесь только хуже станет — все будет напоминать о прошлом, — тихо заметил он, мелодично мурлыкая. На душе сделалось заметно спокойнее. Герда зарылась пальцами в кошачью шерсть и медленно потягивала горячий отвар из чашки, глядя на противоположный берег озера, где остался ее дом.

Погрузившись в мрачные раздумья, Герда не заметила приближающихся шагов.

— У тебя волосы неаккуратно обстрижены, — послышался деликатный голос Дугавы. Герда подняла голову и увидела, что девушка стоит перед ней, сжимая в руках ножницы и расческу. — Я подумала, что хорошо бы их подровнять...

Герда повела плечами, ничего не ответив. Какое это сейчас имеет значение? Пусть делает, что хочет. Дугава села на колени и принялась расчесывать ее. Грубо обкорнанные пряди отличались друг от друга на целый палец.

— Мой отец был судьей в Стольном, важным человеком, — непонятно зачем начала рассказывать девушка, подстригая неровные кончики. — Он всегда был такой строгий, что я его немного побаивалась. Знаешь, как родители говорят: «Незамужней барышне одной по улицам гулять негоже. Встречаться с офицерами без наперсницы не смей. Тот тебе в женихи не годится, а об этом даже не думай». Вот так я и жила, тихо ненавидя затворничество, на которое отец меня обрекал. А потом я встретила его, самого красивого, дерзкого, смелого, самого невероятного мужчину. Он был таким нежным, обходительным. Просто очаровал меня своими ухаживаниями, широкими жестами, романтичными речами. Отцу он, конечно же, пришелся не по душе: слишком бедный, недостаточно знатный... босяк. Поняв, что благословение нам не получить, мы решили сбежать и обвенчаться тайно. Так и сделали. А на следующий день после свадьбы случилось это.

Герда повернулась к ней вполоборота. Из воздуха на раскрытой ладони Дугавы вырос крохотный замок с молочными стенами.

— Стоило мужу увидеть нечаянно сотворенную мной иллюзию, как он тут же бросил меня. Хорошо еще, что Защитников Паствы не позвал. Видно, я действительно что-то для

него значила. Но тогда я этого не понимала. Я была разбита. Подавлена. Как ты сейчас, не знала, куда податься. Такой меня нашли служители Единого. Они часто ходят по трущобам, милостыню раздают, солдат набирают... Они хотели вернуть меня отцу, но тогда я не могла еще полностью контролировать свой дар и случайно выдала себя. Отцу чудом удалось уговорить их передать меня ему для разбирательства. Тогда он отвел меня на подпольную Голубиную станцию. Такие есть практически в каждом большом городе. Там-то я и встретила с Финистом и Жданом и вместе с ними пустилась в бег. Но отец... он остался в Стольном разбираться с тем безобразием, что я устроила. И боюсь, его убили из-за меня. А ведь тогда я даже не успела сказать ему спасибо. Какой же я была неблагодарной дурой!

Дугава замолчала. Ее душили рыдания. Герда обняла ее и тоже заплакала, переполненная жалостью к этой, как ей раньше казалось, счастливой и беззаботной девушке.

— Хватит уже! — усовестил их Ждан, незаметно появившийся из-за деревьев. — Финист вас на ужин зовет.

— Иди, мы сейчас догоним, — велела Дугава, вытирая слезы носовым платком с вычурной вышивкой.

— Только не задерживайтесь, а то придется есть холодное, — предупредил Ждан и вернулся к костру.

— Вот, посмотри, как хорошо получилось, — Дугава достала из кармана зеркальце и передала Герде, чтобы та оценила ее работу.

Ровно подстриженные волосы теперь едва доходили до середины шеи, а голова казалась непривычно легкой. Без длинных кос лицо выглядело совсем другим, с подчеркнута высокими скулами и широко распахнутыми глазами. Как же на нее теперь будут смотреть знакомые!.. А никак. Домой она больше не вернется, а чужим всегда сможет сказать, что подстрижена по столичной моде, как Дугава. Никто не узнает, что произошло на самом деле. Подумав так, Герда решила больше никогда не вспоминать о Вальдемаре.

— Красиво, — соврала она и вымученно улыбнулась. Дугава понимающе кивнула, и вместе они направились к лагерю, откуда уже доносился аппетитный запах копченой дичи.

Вечерело. Из воды выползал стылый туман, окрашенный в ровный оранжевый цвет заходящим солнцем. На небосводе зажигались первые звезды. Ветер умолк, стихли птицы, и лишь глухой треск еловых дров в костре нарушал нависшее над берегом безмолвие.. На небесный трон взошла серебряная владычица ночи — луна, а потом скрылась за облаками. На пригорке за озером послышался волчий вой. Туман белой патокой заволок весь берег. Путники зябко ежились, закутанные в шерстяные одеяла. Ждан обгладывал остатки мяса с птичьей ножки, Дугава палкой ворошила угли в костре, чтобы тот не погас, Финист напевал под нос тоскливую песню. Герда в задумчивости разглядывала их лица.

— Холодает... — мрачно заметил Ждан. — Скоро зима.

— Да, придется проситься на ночлег к местным жителям, — немного подумав, ответил Финист, а потом снова принялся петь уже громче.

Кто-то вторил ему со стороны озера.

— Ого, птичий болван, оказывается, еще кое-что помнит! — поднял голову кот, дремавший у ног Герды. — Интересно, удастся ли ему...

— О, нет, только не это снова! — простонала Дугава. — Сейчас как в Дикой пуще будет, да?

— Вели им заткнуться, иначе берегини утянут нас в озеро! — предупреждающе зашипел кот.

— Тсс, — шикнула Герда и кивнула в сторону Финиста.

Тот поднялся с бревна и плывущей походкой направился к озеру.

— Что происходит? — вслед за Дугавой встревожился Ждан. Герда приложила палец к губам, умоляя их помолчать.

— Финист вызвал берегинь, — объяснял кот. Видимо, на него требование молчать не распространялось. — Хочет попросить укрыть от чужих взоров это место, чтобы дать вам несколько дней передышки.

Финист остановился у самой кромки воды и закружился на месте. Его голос потонул в поднявшемся над озером хоре других более тонких и звонких. Сотканые из белесого тумана из воды друг за другом выходили юные девы в прозрачных, будто стекавших по тонким телам, рубашках. Длинные волосы распущены, головы украшены венками из кубышек и водяных лилий.

Берегини кругом обступили фигуру танцующего мужчины, чей силуэт в лунном свете напоминал гигантскую птицу с вьющимся по ветру плащом вместо крыльев, и запели еще громче. Волки и филины вторили им со стороны леса. Усилившийся южный ветер завывал и стонал в такт общей музыке. Берегини взялись за руки и пошли вокруг Финиста хороводом, то приближаясь, то удаляясь от танцующей фигуры в центре.

Дугаву и Ждана сморил сон, а таинство на берегу все продолжалось. Только когда ночную тьму пронзили первые лучи солнца, торжественное пение сменилось прощальными трелями соловьев. Берегини растаяли вместе с ночным туманом, а Финист остался в одиночестве лежать на берегу, раскинув руки в стороны.

Утро выдалось прохладное и зыбкое, словно илистое дно лесного озера. Остатки тумана облизали росные травы, окропили сырую землю и уползли обратно в низины. Герда сняла сапоги и спустилась к берегу, чтобы набрать воды в котелок. Босые ноги стыли и покрывались гусиной кожей от холода.

— Спасибо, — донесся тихий, похожий на шепот ветра в едва-едва тронутой увяданием листве, голос Финиста.

— За что? — не поворачиваясь к приподнявшемуся на локтях мужчине, спросила Герда.

— За то, что не позволила им помешать мне. Как ты догадалась?

— Я не... — Герда обернулась к костру, потом закрыла глаза и, тяжело вздохнув, начала объяснять: — Отец часто рассказывал истории о мавках, русалках, леших, берегинях и прочих духах. До появления Единой веры они помогали людям, если те знали, как попросить. Но если ритуал нарушался опрометчивым поступком, то духи оборачивались против людей и забирали их в свое царство навеки вечные. Поэтому я подумала, что пока ты занят, нам лучше сидеть тихо.

Пряча глаза, Герда закатала штанины и отошла дальше от берега, чтобы набрать воды почище. Финист встал и стряхнул с себя песок, подозрительно поглядывая на Герду. Не доверял. Правильно, кто станет доверять убийце?

— Послушай, мой вопрос может показаться тебе странным, но... — Финист замолчал, словно не мог подобрать слова. — Не было ли у тебя в семье пусть даже у дальнего родственника необычных способностей?

— Ну, — многозначительно протянула Герда, перебирая в памяти своих родичей. — У деда Йозефа всегда болела спина перед дождем, а бабка Агафья клялась, что во сне видит мертвецов, но она тогда уже совсем старая была и маму за свою сестру покойную принимала... Но это ведь ты не об этом спрашиваешь, — Герда попыталась убрать за спину

косы, но вдруг вспомнила, что их больше нет. — У меня в роду не было Стражей.

Финист пристально посмотрел на нее.

— Юзеф и Агафья — родители твоей матери? А как же родственники со стороны отца?

— Отец ничего о них не рассказывал. Должно быть, они погибли во время войны.

Финист кивнул. Герда поспешила сменить тему:

— Я решила идти с вами.

— Хорошо, — просиял Финист.

— Но я оставляю вас, как только найду подходящее место. Я не слишком вписываюсь в вашу компанию.

— Почему ты так решила?

— У вас есть общая цель, общий враг, дар Стражей. А я никто, обычная девушка из темного захолустья. За вами гонятся Защитники Паствы? Не отвечай, я и так поняла. Не хочу быть обузой, из-за которой вас поймают.

Финист молниеносным движением приблизился к ней вплотную, правой рукой обхватил за плечи, а левой накрыл лоб. Герда попыталась отпрянуть, но его хватка оказалась слишком крепкой. Голову будто сжали стальные клещи. В глазах помутнело. Стало почти также страшно, как с Вальдемаром.

— Эй, может, хватит обниматься у всех на глазах? Раздражает! — послышался недовольный голос Ждана. Финист тут же опомнился и отошел на два шага, с трудом переводя дыхание. Из носа тонкой струйкой стекала кровь.

— Прости, я просто подумал, я хотел проверить... — начал оправдываться он.

— Нет ли у меня дара? Я же сказала, что нет. Почему ты мне не веришь? — истерично закричала Герда и тут же себя отругала за то, что так легко поддалась панике. Обещала же себе не вспоминать о случае в сторожке. Она не трусливая хныкалка!

— Верю, просто... — Финист опустил глаза, чувствуя себя виноватым. — Прости.

Герда подхватила котелок и быстрым шагом направилась к костру, чтобы никто не увидел, что она снова плачет.

— Что, селяночка оказалась тебе не по зубам? — съехидничал Ждан.

— Иди, куда шел, и не лезь в чужие дела! — огрызнулся Финист и побрел в противоположную сторону.

После завтрака Финист со Жданом вернулись на берег озера поупражняться в левитации. Способность Ждана являлась своеобразной формой телекинеза, позволявшей передвигать предметы по воздуху, не касаясь их. С помощью постоянных тренировок Финисту удалось научить Ждана довольно сносно пользоваться даром, но левитировать себя пока не получалось.

Финист нашел достаточно высокий пригорок, с которого можно было прыгнуть в воду, не боясь разбиться. Он надеялся, что если у Ждана появится чувство полета, хотя бы и такое мимолетное, то будет легче воспроизвести его в форме левитации. Однако здесь возникло небольшое затруднение: Ждан до ужаса боялся высоты, даже в две сажени от верхушки пригорка до поверхности воды. Пришлось силой тащить его наверх и скидывать в воду. Правда, толку от этого было мало: во время падения Ждан смог лишь взмахнуть руками и неразборчиво прокричать какое-то нелестное слово в адрес Финиста. Тот разочарованно вздохнул и потянул промокшего и перепачканного в водорослях и тине Ждана обратно на пригорок. Все это повторялось еще несколько раз, пока Ждану не удалось замедлить падение у самой поверхности воды и через мгновение рухнуть в озеро, подняв тучу брызг. Дело

начало спориться. К обеду Ждану удалось зависнуть в воздухе минут на пять и мягко опуститься на берег чуть дальше от пригорка.

Герда с Дугавой наблюдали за ними, сидя у костра и штопая прохудившуюся одежду. В обществе иллюзионистки Герда чувствовала себя вполне раскованно, но мужчины все еще вызвали смутное беспокойство.

— Не думала, что пользоваться даром так сложно, — заметила она, задумчиво поглядывая на занятого муштрой нерадивого ученика Финиста.

— Пользоваться не трудно, просто Ждан большой балбес и лентяй, — подмигнула Дугава, но заметив, что Герда не улыбается, тоже перешла на серьезный лад. — Сложно, когда у тебя нет учителя и некому объяснить, что происходит и почему. Кажется, что сходишь с ума, и все вокруг считают тебя угрозой.

Герда коротко кивнула, слушая ее лишь вполуха. Дугава бросила взгляд на неровные стежки на рубашке, которую штопала Герда, и покачала головой:

— Готовишь ты хорошо, а вот шьешь, как парень.

Герда зарделась от смущения.

— Да, рукоделие мне явно не дается. Мама говорила, что мне не хватает внимательности и усидчивости, но когда я подрасту, все получится. Как видишь, она ошибалась. Я выросла, а шить аккуратно так и не научилась.

— Мне кажется, ты попросту мало тренировалась.

Дугава задорно улыбнулась. Герда не удержалась и улыбнулась в ответ. Хандра потихоньку отступала.

Вскоре Финист позволил Ждану спуститься с пригорка на пологий берег и заставил его подпрыгивать на месте, чтобы левитировать, поднимаясь от земли вверх, а не падая вниз. Оставив ученика заниматься самостоятельно, Финист позвал Дугаву. Урок начался с маленьких иллюзий — из ее рукавов вылетели крылатые человечки, напоминающие болотные огоньки. Иллюзии подлетели к Финисту, грациозно ему поклонились, змейкой закружились над поляной, невесомо приземлились на плечи Герды и тут же истаяли. Она не удержалась и захлопала в ладоши от восторга. Дугава задорно ей подмигнула.

Из озера вышли полупрозрачные, словно сотканые из воды, берегини. Финист удовлетворенно кивнул и попросил Дугаву заставить их петь, используя не воду, как она обычно делала, а ветер. Прошла целая вечность, прежде чем иллюзии начали издавать едва слышные звуки, похожие на завывания ветра в ветвях деревьев. Только тогда Финист решил, что на сегодня хватит, и все трое вернулись к лагерю, где Герда уже успела приготовить обед из пшеничной крупы и вяленого мяса. От усталости еда показалась вкуснее самых изысканных яств, что подавали в лучших харчевнях Стольного.

После того, как все поели, Герда начала собирать посуду.

— Оставь, ребята сами помогут, — позвал Финист. — Настало время твоего урока.

— Но у меня нет дара, — возразила Герда.

— Для этого не нужен дар, — Финист достал из своих вещей длинный прямой шест и вручил его Герде. — Чтобы жить одной и избегать опасных ситуаций, как с твоим «другом» Вальдемаром, ты должна уметь защищаться. Вот этому я и собираюсь тебя научить.

Герда в поисках поддержки посмотрела на Дугаву. Та только пожала плечами. Тяжело вздохнув, Герда поплелась за Финистом на ровную площадку, которую он выбрал для занятий.

— Становись сюда. Ноги расставь пошире и согни в коленях, — чувствуя себя очень

неловко, Герда сделала, что было велено. — Да не так, зачем ты наклонилась, стань прямо и не сутулься. Подними подбородок. Смотри прямо перед собой. Никогда не упускай противника из виду, а для этого надо перестать рассматривать собственные коленки. Ты там ничего нового не увидишь. Распредели вес на каждую ногу одинаково, — Герда переминалась с ноги на ногу в поисках удобного положения. — Теперь вытяни палку и замахнись.

Палка со свистом рассекла воздух.

— Молодец! Хороший замах. Замахнись налево, нет, точно так же, как в первый раз.

«Хорошо бы еще понять, как я сделала это в первый раз», — проворчала про себя Герда, но все же попробовала замахнуться снова.

— От плеча, это надо делать от плеча.

На этот раз Герда замахнулась так, что плечо болезненно хрустнуло.

— Ага, теперь снова направо. Направо у тебя лучше получается. Налево, еще раз, теперь снова направо. Быстрее. Добавь ноги. Отступай и наступай. Один шаг вперед, потом назад. И не забывай замахиваться.

Двигаться и одновременно замахиваться оказалось не так-то просто.

— Не теряй равновесие. Оно должно быть в ногах, а не там, где оно у тебя сейчас. Стань ровно. Расправь плечи. Подбородок вверх. Все время держи себя так, когда замахиваешься. Давай сначала. Направо, потом налево, вперед-назад. А теперь снизу. Да не так. Выверни палку. Ты что, не можешь вывернуть палку? Сильнее. Еще!

Не выдержав, Финист так резко повернул ее руки, что мышцы свело от напряжения. Герда поморщилась и закусилась нижней губой, чтобы не заскулить от боли. Финист встал сзади и начал руководить ее движениями. От его близости по спине пробежались мурашки, щеки залило пунцовой краской, а уши горели, будто ошпаренные. Зато страх ушел почти полностью, ведь Финист не хотел ее обидеть, наоборот, пытался помочь. Научить сражаться, как бы глупо это ни звучало.

— Что с тобой? Не зажимайся, слышишь?! — вернул ее к реальности голос Финиста. — Перестань, расслабься! Выдохни, наконец!

Он крепко хлопнул ее по спине. Герда громко закашлялась. Даже прикосновения не вызвали больше желания сжаться и спрятаться. Как Финисту это удалось? Помог дар Стражей?

— Легче? — нетерпеливо спросил Финист. Герда промычала что-то невнятное.

— Громче! — крикнул он.

— Да! — из последних сил ответила она.

— Хорошо, тогда сначала, — Финист снова прижался к ней и начал показывать замах снизу и сверху.

Нет, наверное, дело все же не в даре. Финист же настоящий Страж, благородный и честный. Ему нельзя не верить.

К концу тренировки с Герды градом катился пот, ноги подкашивались, руки отваливались, а дышать было так тяжело, что казалось, грудь вот-вот лопнет.

— Ага, вот в чем проблема. Ты достаточно ловкая и шустрая, но вот выносливости не хватает. Завтра утром отправишься со мной на пробежку.

Герда восприняла его приказ без должного энтузиазма и поспешила убраться подальше, пока Финист не придумал новой пытки.

— Я хочу умереть! — сказала Герда, падая на траву рядом с Дугавой.

— И не удивительно, — усмехнулась она. — Ждан выдержал ровно пять минут этого издевательства.

Они обернулись на старательно начищавшего свои сапоги и седло парня. Почувствовав их взгляды, он скорчил страшную гримасу. В отличие от Дугавы, Ждан продолжал смотреть на Герду с прохладой и недоверием. Это очень расстраивало.

— А мне Финист даже предлагать не решился, — тут же перевела на себя внимание Дугава. — Боюсь, теперь он от тебя не отстанет, пока не сделает настоящего воина.

— Я скорее умру от изнеможения, — посетовала Герда.

— Да брось ты. До Лапии путь не близкий. Надо же и тебе чем-то заниматься во время путешествия.

— Так вы едете в Лапию? — напряглась Герда.

— Да, в вольные города. Там нет единоверцев, нет гонений. Там мы будем в безопасности.

— Лапия ведь на самом севере, рядом с червоточиной Хельхейма. Там горы и много-много снега, — задумчиво заметила Герда.

— Наверное. Я не сильна в географии, — недоуменно ответила Дугава.

Герда ничего не ответила, глядя в пустоту, а потом поднялась и пошла к озеру. Сбросив сапоги, она уселась на высоком берегу и опустила нывшие от усталости ноги в холодную воду.

— Я же говорил, все устроится, — кот снова полез к ней на руки.

— То место, что я видела во сне, это Лапия? — спросила Герда.

— Может быть, — неопределенно ответил рыжий хитрец.

— Что за дурацкая привычка говорить загадками? — она попыталась согнать наглеца со колен.

— Если бы я все говорил прямо, было бы скучно, — махнул кот хвостом.

Герда смягчилась и взяла его на руки.

На следующий день Финист разбудил Герду на рассвете. Она привыкла вставать рано и, рассудив, что сама согласилась, все-таки отправилась на пробежку.

— Не открывай рот, старайся дышать только носом, ровно, размеренно, — принялся наставлять Финист, когда заметил, что ее дыхание сбилось, и она начала отставать. — Видела когда-нибудь оленей?

— Конечно, я ведь дочь лесника, забыл? — с трудом переводя дух, ответила Герда. Сердце грозило вот-вот выскочить из груди, в ушах бешено стучала кровь.

— Хорошо. Тогда вспомни, как они выглядят, как быстро бегут по опавшей листве, как сгибаются в толчке тонкие ноги. Ощути их силу, их свободу. Беги вместе с оленями. Беги навстречу южному ветру, так быстро, как только можешь.

Как будто открылось второе дыхание. Бежать стало легче, почти приятно, опьяняюще. На мгновение снова показалась, что она летит. Летит рядом с Финистом. Это было прекрасно.

Прошло три дня. Наутро четвертого Финист поднял всех на рассвете и заставил быстро собираться в путь.

— Здесь так спокойно и тихо. Зачем уходить? — недовольно спросил заспанный Ждан.

— Да, здесь настоящий вырий. Давай останемся еще на пару дней, — поддержала его Дугава.

— Берегини согласились укрыть это место на четыре дня. Не стоит испытывать их терпение. Да и холодает. Зима уже не за горами. Нужно успеть в Лапию к сроку, — возразил Финист.

— Я уже готова ехать, а вы чего ждете? — спросила Герда, закидывая на уже оседланную лошадь мешок с вещами.

— Что это с ней? — удивилась Дугава.

— Меня не спрашивайте. По мне так у нее вообще не все дома, — грубо ответил Ждан.

— Собирайте вещи, а то уедем без вас! — теряя терпение, прикрикнул Финист.

Глава 5. Руины

После полуденной остановки дорогу снова заволокло стылым туманом. Путники в полной мере осознали, почему в народе этот край называли «Белоземьем». А ведь осень еще даже не началась.

Пришлось вести лошадей в поводу: в непроглядной дымке животные могли оступиться и сильно покалечиться. Через несколько часов путники окончательно потеряли дорогу. Финист беспрестанно ругался себе под нос и упрямо вел их вперед. Герде казалось, что они ходят кругами, но она упорно отмалчивалась, все еще не до конца привыкнув к своей новой компании. Ждан зевал через каждые пару минут, лениво прикрывая рот ладонью. Дугава вертела головой по сторонам, пытаясь хоть что-то разглядеть в белесом мареве.

— Смотрите, руины! — неожиданно приободрилась она и указала на одинокий зеленый островок посреди безбрежного молочного океана — холм, чью вершину зубьями венчали остатки каменной кладки.

— Должно быть, это Ильзар — сияющий замок главы Стражей Белоземья, — принялась воодушевленно рассказывать Герда. — Когда солнечный свет заливал холм, замок сиял словно жемчужина.

Повисло тягостное молчание. Герда потупилась и опустила голову. Наверное, путникам неприятно слушать о печальной судьбе своих предшественников. Да ведь они сами должны знать эту историю куда лучше нее.

Они подошли вплотную к холму и увидели край пересохшего рва.

— Похоже, единоверцам пришлось хорошенько попотеть, чтобы захватить его, — попыталась замять неловкость Дугава, видя, что мужчины разговаривать не настроены. — Холм отсюда выглядит таким неприступным.

— Они его не захватывали, — грустно покачала головой Герда. — К тому времени, когда единоверцы сюда добрались, он уже давно опустел и стоял заброшенный. Его последний хозяин — дряхлый и немного сумасшедший старик — жил тут несколько лет отшельником, а когда узнал, что его дети погибли, от горя повесился на въездных воротах.

Герда снова замолчала, но заметив, что все взгляды устремлены на нее, продолжила, хотя говорить мешал подступивший к горлу ком:

— Пятнадцать лет назад селяне решили, что злой дух рассеялся над замком достаточно, чтобы беспрепятственно его разрушить. И сделали это, — она указала на оставшиеся позади руины. — Моего отца тоже просили помочь, но он отказался. Мне тогда было три года. Первое, что я помню — как он вернулся отсюда сам не свой. Кажется, он плакал. Даже на маминых похоронах он не пролил ни слезинки, а тогда...

Голос предательски сорвался. Сил говорить совсем не осталось. Герда закрыла лицо руками. На плечо легла теплая ладонь Финиста:

— Видно, этот замок много для него значил. Как символ более справедливого и разумного мира, который мы потеряли, который был разрушен из-за глупых предрассудков и религиозных бредней фанатиков.

Она слабо улыбнулась. Финист безотрывно смотрел на нее со странной тоской во взгляде. Как будто даже жалел. Чуть-чуть.

— Неужели этот болван догадался? — заговорил дремавший в седле Яшки кот.

Герда нахмурилась, не понимая, к чему он клонит.

— Нет здесь никакого духа: ни злого, ни доброго, — уверенно заявил Финист, бросив последний взгляд на оставшиеся далеко позади руины. — Все давно бурьяном поросло.

— Ох, нет. Он просто непроходимо туп, — кот от досады спрятал мордочку в лапы.

Не услышав нелестного замечания в свой адрес, Финист повел их маленький отряд дальше. Через час впереди снова показались высившиеся на холме руины.

— Вот теперь мы точно ходим кругами, — мрачно заметил Ждан.

— Более того, мы вернулись к границе. Ильзар во время раздела ни одна страна не решилась взять — так и оставили его на меже ничейным, — поддержала разговор Герда, но тут же смокла, поймав пронизывающе прохладный взгляд Ждана.

— Все-таки на развилке у поваленной осины надо было повернуть направо, — задумчиво почесал затылок Финист, но, стараясь не выглядеть растерянным, тут же бодро скомандовал: — Идемте еще раз счастья попытаем.

Через час они естественно вернулись на то же место.

— Куда ни пойдешь, везде демоновы руины! — выкрикнул Ждан, поддаваясь панике. — Мы заблудились. Где же твое хваленое чутье оборотня, а?

— Если такой умный, сам дорогу показывай! — вспыхнул Финист. — У левитаторов, между прочим, должно быть врожденное чувство направления.

Ждан недовольно скривился и отвернулся. Видно, «врожденное чувство» тоже оказалось бессильно.

— Нас определенно не пускают, — кот соизволил подняться и пригляделся к зубцам каменной кладки. Герда проследила за его взглядом. На мгновение показалось, что между руин взметнулась большая тень. Волной накатило тревожное предчувствие. Она вздрогнула.

— Придется прорываться с боем. Что ж, хотя бы кости разомну, — кот изловчился и спрыгнул на землю. — Вели разбить лагерь на холме.

Он деловито направился в сторону руин и скрылся в тумане. Герда еще несколько мгновений удивленно смотрела в пустоту, пытаясь понять, что имел в виду ее чудаковатый приятель, но осознав тщетность этой затеи, решила послушаться его совета.

— Скоро стемнеет. Давайте переночуем наверху, раз уж мы здесь, — осторожно предложила она.

— Не стоит. Лучше найти место потише, — покачал головой Финист.

— Но ты же сам сказал, что здесь нет ничего страшного, — запротестовала Дугава, которая уже порядком устала не только от бесцельных блужданий, но и от постоянных ссор. Финист недовольно скрипнул зубами.

— Это не лучшее место для ночевки, — не вдаваясь в подробности, объяснил он. — Поищем другое.

Путники снова пошли вперед. Герда в нерешительности обернулась. Кот возвращаться не спешил, но он и раньше пропадал надолго, а потом умудрялся находить ее, где бы она ни была. Герда последовала за остальными — потерять их в густом тумане было куда вероятней... или потеряться самой.

На этот раз Финист свернул с едва заметной в тумане тропы и принялся петлять вдоль оврагов и невысоких холмов, даже попытался пятиться, но услышав дружные смешки, бросил глупую затею. Вскоре впереди показалась ажурная каменная арка в два человеческих роста. Рядом на земле валялись трухлявые остатки деревянных створок. Штукатурка почти полностью осыпалась, лепнина обвалилась, по камню бежали мелкие трещины.

— Должно быть, это и есть ворота Ильзара, — высказала свою догадку Герда, с

любопытством разглядывая древнее сооружение.

— Столько усилий, чтобы оказаться там, куда мы идти не хотели, — саркастично заметил Ждан, с вызовом глядя на их предводителя.

Финист снова скрипнул зубами от досады.

— Смотрите, там что-то написано, — Герда указала на картуш над аркой, который словно перечеркивала тонкая темная полоса. Любопытство пересилило здравый смысл, и она полезла на лошадь, чтобы получше рассмотреть украшение.

В верхнем поле картуша располагался герб — раскинувший крылья голубь с миниатюрным мечом в когтях, а под ним выбит короткий девиз: «Наши помыслы легче пуха».

— Звучит вполне дружелюбно, — прокомментировала Дугава. — Скоро стемнеет. Давайте остановимся здесь. Ничего лучше точно найти не успеем. Кто за, поднимите руки.

Когда к девушкам присоединился Ждан, Финисту пришлось согласиться, но от мрачного замечания он не удержался:

— Когда придется бежать отсюда со всех ног, не говорите, что я не предупреждал.

— Вы слишком мнительны, учитель, — беззаботно бросила Дугава и первая прошла по насыпной дороге через ров.

От некогда величественного замка остался лишь жалкий изъеденный ветрами и дождем остов. Почерневшая каменная кладка то вздымалась в человеческий рост, то сравнивалась почти с самой землей, прямоугольниками размечая границы комнат. В углах сохранились странные приспособления — длинные железные шпиль, между двумя из которых был натянут трос, а третий венчала похожая на крылья мельницы конструкция, которая беспрестанно вращалась, издавая едва слышный шелест, похожий на стрекот цикад. Ничего подобного Герда даже в книгах не встречала.

— Что это? — спросила она, подойдя к ближнему шпилью с вертушкой. В железном основании у самой земли виднелось несколько маленьких отверстий, а под ним на остатках мраморного пола еще не истерлись замысловатые рисунки и рунные надписи.

— Ветряная ловушка, — пояснил Финист и указал на трос: — А вон то — для молний. Судя по всему, хозяева замка обладали даром ветра и усиливали его с помощью разных ухищрений. Хотели быть непобедимыми в своей вотчине. Я хоть и не прочитал столько книг, как ты, но тоже кое-что знаю.

Герда смущенно покраснела. Она вовсе не считала себя умнее своих спутников. Ведь они потомки Стражей. Ей никогда не будет доступно то, что открыто им.

— Ждан, попробуй поднять в воздух то полено — здесь твоя левитация должна стать намного мощнее, — уже не обращая внимания на Герду, начал отдавать распоряжения Финист.

Едва Ждан сосредоточился, как большой чурбан подлетел на несколько саженей. Парень вздрогнул от удивления, и полено тут же упало на землю.

— Поосторожней! — прикрикнул на него Финист. — Не хватало, чтобы ты кого-нибудь зашиб. Разбирайте вещи, разводите костер и готовьте ужин, а я, пожалуй, осмотрюсь, пока хоть что-то видно.

Он скрылся за ближайшей стеной. Через пару мгновений оттуда выпорхнул сокол и взмыл высоко в небо.

Герда вызвалась собирать хворост для костра, чтобы внимательней осмотреть руины и заодно поискать запропастившегося невесть куда кота. Ей всегда нравилось бродить по

ветхим развалинам и представлять, как раньше в них кипела жизнь, а уж руины таинственного замка Стражей вызвали в воображении целые картины. В одном месте на полу Герда обнаружила какой-то рисунок. Собрав хворост в некое подобие веника, она смела каменную крошку и принялась разглядывать. Там явно изображалась карта окрестных земель, но от нее сохранилась лишь малая часть: лес, озеро и холмы за ними. Удалось разобрать лишь несколько рун в названии «аль», «ве» и «ри». Герда перебрала в голове все варианты, что бы это могло значить, но ничего осмысленного не придумала и пошла обратно. Кота нигде видно не было.

Вместе с Дугавой они запалили костер, а Ждан с помощью дара раздул пламя, правда, чуть не обжег стоявших слишком близко девушек. За этот проступок от готовки его отстранили и заставили разбирать вещи. Когда и лагерь, и ужин были готовы, с вышины донесся пронзительный соколий крик, предвещавший возвращение Финиста. Через мгновение с неба камнем рухнула приметная птица, и вскоре из-за ближайшей стены показался их предводитель уже в человеческом облике.

— Все в тумане. Ни демона не видно, — пожаловался он. — Но, похоже, мы дали большой крюк на восток. Ума не приложу, как такое могло случиться.

— Где-то не там свернули. С кем не бывает? — беззаботно отмахнулась Дугава, приглашая его к костру на ужин. — Завтра распогодится — выйдем на нужную дорогу. Ждан, подтверди!

Она воинственно махнула на доедавшего жидкую похлебку левитатора большой деревянной ложкой. Ждан подавился и громко закашлялся, но все же кивнул, опасаясь, что если начнет возражать, вместо добавки получит поварешкой по голове.

— Герда? — спросила Дугава.

Та повела плечами. Кот сказал, что они попали сюда не случайно, и велел ждать, пока он со всем разберется. Но вряд ли стоило рассказывать об этом ребятам. Они бы точно сочли ее сумасшедшей... Разговаривать с невидимым котом — даже для потомков Стражей слишком ненормально.

Не дождавшись определенного ответа, Дугава вручила Финисту миску. Он подсел к костру с самым мрачным видом. Герда решила немного развеселить его, а заодно и всех остальных.

— Я, кажется, поняла, что здесь было раньше, — начала она издалека.

— Здесь был замок, глупая, — засмеялся Ждан, но тут же замолчал, вспомнив, что все еще относится к ней с опаской. Стараясь не обращать на него внимания, Герда продолжила:

— Там была кухня — видны остатки печных труб, рядом кладовка — она уровнем ниже, чтобы прохладу сохранять, дальше столовая, с той стороны помещения для слуг. Чуть дальше конюшня, кузня и всякие ремесленные помещения. Оружейная вон там. Где та странная вертушка — маленькое домашнее святилище. На втором этаже спальни для хозяев и гостей, рабочие кабинеты, библиотека...

— Да ты словно все своими глазами видела! — восхитилась Дугава. Герда лукаво улынулась:

— О, если бы я была ясновидящей... или хотя бы медиумом, — и развела руками. — Это просто мои догадки. А здесь, видите какая большая площадка с отполированным полом? Здесь наверняка был бальный зал. Играл оркестр, рекой текло игристое вино и под звуки музыки кружили нарядные пары.

— Ох, и неспроста мы выбрали для ночевки именно бальный зал! — в глазах Дугавы

зажегся шальной огонек. Герда перевела взгляд на мужчин. Те настороженно наблюдали за иллюзионисткой, догадываясь, что вот-вот начнется представление.

Дугава взмахнула руками. Из клочков тумана появились полупрозрачные человеческие фигуры: дамы в пышных платьях с открытыми плечами, мужчины в длинных камзолах и строгих узких бриджах. Разбившись по парам, они принялись танцевать размеренные модные в высшем обществе танцы.

— Чего ты ждешь? Выбирай себе кавалера, — усмехнулась Дугава, подталкивая Герду к танцующим. — Ждан, ты тоже присоединяйся.

— У меня обе ноги левые! — попытался возразить парень.

— Да какая разница? У моих иллюзий вообще ног нет! — весело рассмеялась она и потащила Ждана к пухленькой девушке с невообразимо высокой прической.

— Финист, устрой нам музыку!

Теперь настал черед оборотня угождать разошедшейся ни на шутку иллюзионистке.

— Вот еще, — заупрямился он.

— Учитель, не будьте букой! — укорила его Дугава. — Герда, попроси его. Тебе он точно не откажет.

Герда не понимала, как Финист может «устроить музыку» без оркестра, но перечить не решилась.

— Пожалуйста, сделай, что просит Дугава... или просто потанцуй вместе с нами, — неуверенно сказала она.

Финист смерил девушек тяжелым взглядом, а потом отрицательно покачал головой:

— Мне уже слишком много лет, чтобы участвовать в дурацких играх. Особенно в таком месте. В конце концов, это не безопасно. Мы же в бегах.

— Вряд ли сюда кто-нибудь сунется. Люди боятся подходить близко к Ильзару поодиночке, тем более, ночью, — попробовала успокоить его Герда.

— Люди — да, а как насчет Голубых Капюшонов? — не унимался он.

Герда пожала плечами. Она сама никогда Защитников Паствы не встречала, хотя их отряды несколько раз проходили через Дрисвяты, наводя на селян еще больший ужас, чем Дикая пуща и Ильзар вместе взятые.

— Не хочешь, как хочешь, — обиделась Дугава. — Ведь только ты у нас герой без страха и упрека. А мы обычные люди. Нам нужно хоть иногда развлекаться, иначе скоро совсем рехнемся от всех этих ужасов.

Финист скривился, словно проглотил забродившую ягоду, но с места не сдвинулся.

Дугава попыталась создать иллюзию музыки из ветра, как прежде делала на Озере Берегинь. Вышло не слишком похоже на изысканную бальную мелодию, но все равно лучше, чем танцевать в тишине. Герда поклонилась своему кавалеру — высокому статному красавцу с длинными по-щегоольски закрученными усами и закружилась в танце, движения которого она не знала. Просто повторяла за остальными парами из иллюзии. Рядом точно так же веселились Ждан с Дугавой, представляя себя на приеме в королевском дворце: смеялись, подпрыгивали, сталкивались спинами, отвечивали в адрес друг друга до глупости галантные комплименты и делились шутливыми сплетнями про только что выдуманных знакомых из высшего света. На мгновение Герда представила, что это взаправду, но тут же поняла, что не смогла бы жить в таком притворном, насквозь лживом сахарном сиропе все время. Да и залихватские народные танцы нравились ей куда больше, чем эти тоскливые плавные кружения.

Герда повернулась к Финисту. Он с укоризненным видом взирал на веселящуюся компанию. Так смотрели на шумные городские праздники седобородые старики. Герда звонко рассмеялась, подошла к Дугаве и зашептала на ухо. Иллюзионистка охотно кивнула. Музыка тут же сменилась на более быструю, и призрачные пары в невероятной круговерти понеслись по всем руинам, увлекая за собой настоящих людей.

Улеглись уже после полуночи, уставшие, но страшно довольные. Все, кроме Финиста. Он так и остался сидеть у костра, по-видимому, собираясь сторожить лагерь всю ночь.

То ли от возбуждения, то ли от переизбытка впечатлений, а, может, место действительно было зачарованным, этой ночью Герде снились странные тревожные сны. В них она продолжала веселиться на балу в Ильзаре, только теперь все казалось куда реальней, чем зыбкая иллюзия Дугавы. По натертому до блеска полу стучали кованые каблучки. С потолка, на котором изображались экзотические птицы с ярким оперением, свисала огромная хрустальная люстра с бесчисленным количеством свечей. У стен стояли изящные резные столики и обитые голубой парчой стулья. Меж степенно кружащихся пар деловито сновали слуги, поднося гостям напитки и закуски. В углу играл настоящий оркестр.

Устав восхищаться роскошью зала, Герда принялась разглядывать собравшихся здесь людей. Взгляд остановился на двух стоявших рядом мужчинах. У них не было пар, и они не танцевали. Первый — невысокий, худощавый, одетый в элегантный костюм небесно-голубого оттенка, был уже в годах. В светлых волосах проглядывали седые пряди, а на лбу и в уголках холодных серых глаз залегли крупные морщины. Вероятно, это и был хозяин замка. Он приветствовал всех гостей радушной улыбкой, деликатно спрашивая о здоровье знакомых и с достоинством кивал на реплики проходивших мимо людей.

Второй был полной противоположностью: высокий, плечистый, с крупными чертами лица, характерными для простолудинов, а отнюдь не для знати. Одет в бело-зеленую военную форму с густыми эполетами, указывающими на высочайший ранг. Он гораздо более гармонично смотрелся бы на поле брани, ведя за собой в атаку многочисленное войско, чем посреди помпезной роскоши бального зала. Мужчина прекрасно это понимал и мучился от ощущения собственной неуместности, но уйти почему-то не мог. Он держал руки за спиной и хмуро взирал в глубину зала.

Герда проследила за его взглядом и увидела посреди танцующих молодую женщину в летящем светлом платье с непривычно высокой талией. Небольшой рост и хрупкий стан делали ее похожей на воздушную фею. Из-под коротких пепельных волос выглядывали аккуратные ушки. Рядом с ней в белой кружевной рубашке и чепчике неуклюже бегал совсем еще крохотный ребенок. Он доверчиво цеплялся за юбку матери и, когда она брала его на руки, щебетал что-то тоненьким, похожим на птичий, голоском. Женщина звонко смеялась, прижимала малыша к себе и целовала его розовые щечки. Она не замечала никого, кроме своего ребенка. Он был ее миром, ее счастьем. Остальные люди для нее просто не существовали.

Герда обернулась на мужчин. Оба замерли с одинаковым выражением неодобрения на лицах, словно их породнила ревность к этому ребенку. Герда нахмурилась, ощущая, как в ней просыпается негодование. Как они могут так смотреть? Разве они не знают, что материнство священно?! Никто не смеет посягать на любовь матери к собственному ребенку, тем более осуждать ее за это! Но прежде, чем Герда успела как следует осознать свои чувства, бальный зал заволкло стылым туманом с низин. Исчезли нарядные люди, шикарная люстра, даже сверкающий пол.

Через мгновение Герда обнаружила себя посреди двора мрачного серого замка, подавлявшего своей величиной. Рядом стоял черный экипаж без регалий, запряженный шестеркой крупных серых рысков. Мужчина, тот самый широкоплечий воин, за которым Герда наблюдала на балу, водружал на запятки большой деревянный кофр. На подножке в нерешительности застыла воздушная женщина, правда, вместо легкого платья на ней теперь были черные мужские брюки, заправленная в них белая рубашка и строгий дорожный плащ.

Сзади послышался звонкий детский окрик. Женщина мгновенно выскочила из кареты и подбежала к стоявшему на пороге мальчику лет шести. Обняла его и расплакалась. Устроив багаж, воин окликнул женщину. Мальчик вцепился в нее и не отпускал, рыдая на весь двор. Широкоплечий двинулся к ним стремительной хищной походкой и выкрикнул что-то, отчего ребенок тут же замолчал. Мать наклонилась, чтобы поцеловать его, но мальчик отпрянул, как ужаленный, и вложил свою ладошку в мозолистую руку дворового мужика, который вышел из замка на крики. Женщина, постоянно оборачиваясь, поднялась в экипаж вместе с воином, и лошади медленно покатали их прочь от замка, чтобы никогда больше не вернуться.

От этого зрелища сердце стянуло жуткой тоской. Вспомнилась оставленная далеко в Дрисвятах отцовская могила. Герда ведь тоже не вернется. Теперь точно никогда. По лицу потекли слезы. Макушку словно ожег чей-то недобрый взгляд. Герда вскинула голову, ища таинственного соглядатая. В одном из окон показалось одряхлевшее и посеревшее лицо хозяина замка. Он смотрел на нее с безнадежной отрешенностью, словно готовился к последней битве.

Герда проснулась в холодном поту и вжалась спиной в стену. Громко завывал ветер, гоня по холму пыль с песком. Все остальные спали. Даже Финиста сморил сон у едва тлевшего костра. Захотелось их разбудить, хоть кого-нибудь, чтобы отвлекли от дурного предчувствия, но ноги не слушались, а язык словно прилип к небу.

Раздался треск. Ярko полыхнуло пламя в костре, и над ним принялись носиться тени. Герда задрожала. Ночную тишь разрезал громогласный голос:

— Оставь ее! Она моя по праву. Тебе прекрасно это известно.

Яростно стенал ветер. Голос продолжал говорить, словно отвечая на чьи-то слова, но слышен был он один:

— Не смей меня винить. Ты сам от них отказался.

Теперь ходила ходуном земля. В таинственном голосе слышалась неприкрытая угроза. Герда затаила дыхание от ужаса.

— Да ты бредишь! Может, в человеческом мире я слаб, но в мире грез моя власть безгранична.

Герда сглотнула. Она, наконец, узнала его. Но как, почему и что все-таки происходит?

Безмятежность старых развалин нарушили звуки неистовой битвы. Лязгала сталь, падали вниз камни, выл ветер, дрожала земля. Герда не знала, сколько просидела, колотясь от страха, пока все не завершилось полным отчаяньем воплем. Над костром взметнулся темный силуэт высокого мужчины с мечом в правой руке. Поглотив его, пламя поднялось до небес, озаряя всю вершину холма, и тут же опало. Из костра вышел кот и, с трудом волоча лапы, направился к Герде. Страхнув оцепенение, она подалась вперед и подхватила рыжего плута на руки, потому что еще мгновение, и он бы точно рухнул без сил.

— Что это было? — дрожащим голосом спросила Герда, прижимая кота к себе.

— Родовой дух, — с трудом переводя дыхание, ответил тот. — Его линия прервалась,

вот он и ошалел малость. Решил во что бы то ни стало вернуть свою семью, да только возвращать уже нечего. Поэтому он вцепился в вас и не хотел отпускать. Пришлось немного его проучить. Не знаю, правда, что было сложней: победить его или из воспоминаний вытащить — цепкая зараза! Больше он вас не потревожит.

Кот замолчал и закрыл глаза.

— А тень над костром? — принялась тормошить его Герда.

— Давай завтра. Я слишком устал.

Кот безвольной тушкой обвис у нее на руках. Герда положила его подле себя и стала разглядывать звездное небо, понимая, что уже вряд ли уснет.

От костра донесся сдавленный стон. Герда встала и подошла к Финисту. Он метался по земле и едва слышно подвывал, словно ему снился кошмар. Герда присела рядом и коснулась его плеча. Финист тут же открыл глаза и, лихорадочно глотая ртом воздух, уставился на нее.

— Все в порядке? — участливо поинтересовалась Герда.

Финист громко зашипел, засунул руку за спину и выдернул оттуда узловатую палку, на которой лежал до этого.

— И как меня угораздило уснуть на этой дряни? — ответил он, потирая ушибленное место. — Хорошо еще, что шкуру не продырявил.

Он слабо улыбнулся, делая вид, что ничего страшного не случилось, но не смог скрыть нервной дрожи. Герда подняла с земли теплый дорожный плащ и накинула ему на плечи.

— Тебе приснился кошмар, — она не спрашивала, а утверждала. — Расскажи — станет легче.

— Да как обычно, — нехотя начал он. — Дом, родители... А потом я как будто с кем-то сражался. Знал, что противник сильнее меня, но все равно боролся из последних сил, пока победа не стала склоняться на мою сторону. И когда она была уже у меня в руках, я почувствовал это, — Финист поднял с земли палку и принялся остервенело ворошить угли в затухающем костре. — Словно кто-то ударил в спину, тот, от кого я никак не ожидал.

Краем глаза Герда заметила шевеление и повернула голову. Кот тоже перебрался к огню и внимательно смотрел на Финиста. Показалось, что на белой мордочке мелькнуло сочувствие, но кот тут же свернулся клубком и закрыл глаза, делая вид, что просто пригрелся.

— У меня бывает, не обращай внимания, — успокоительно сказал Финист.

— Мнительность? — улыбнулась Герда, вспомнив слова Дугавы.

— Есть немного, — рассмеялся он. — Похоже, я слишком привык быть настороже, опасаться собственной тени. Вам это кажется глупым, но в свое время я выжил только благодаря мнительности.

Финист раздул огонь посильней, подбросил дров, а потом снова сел и, прижав закоченевшую Герду к себе, поделился своим плащом.

— Расскажи, — вкрадчиво попросила она.

— Хм?

— Про жизнь.

Герда посмотрела на него так, как обычно смотрела на мать, когда чего-то очень хотела. Финист, как и мама раньше, просто не смог ей отказать.

— Да нечего особо рассказывать. Я родился как раз накануне Зареченского восстания. Мои родители были среди зачинщиков. Мне и года не исполнилось, когда их осудили и увезли в Стольный. Мать я не помню совсем, а отца... только по рассказам стариков,

которые меня вырастили. Они очень его любили. Мы жили бедно, совсем не так, как у вас в Дрисвятах. После восстания Голубые Капюшоны выжгли степь дотла. Несколько лет мы голодали. Потеряли почти весь наш табун — до восстания моя семья разводила лошадей для дружин.

Было трудно. Приходилось много работать, но мы выжили, хотя из бедности так и не выбрались. Да и в деревне меня откровенно ненавидели. Винили моего отца во всех бедах нашего края. Он де Единого-милостивого своим неповиновением разгневал. Я лез в драку каждый раз, когда слышал эти бредни. Хоть и был сильнее одногодок, но постоянно ходил с разбитым носом, а потом просто надоела эта гоньба.

Мне едва минуло четырнадцать, когда к нам в деревню приехал глашатай из Веломовской дружины. Искал добровольцев для охраны границы с Эламом. Я не подходил по возрасту, но набавил себе пару лет — писарей-то у нас не сохранилось, у которых могли бы проверить. А так как я был необыкновенно рослым для своего возраста — мне легко поверили на слово.

Помню, как плакали старики, когда меня провожали. Чувствовали, что не увидят больше. Но я тогда о них не думал — хотел поскорей убраться из дома. Там даже земля пятки жгла. Забрал последнего нашего жеребенка, — Финист махнул рукой в сторону пасшихся за руинами лошадей, — и уехал, не оглядываясь.

В южных гарнизонах я провел десять лет. Отавить службу я мог в любой момент — стоило лишь ночью, пока все спали, обратиться соколом и лететь на все четыре стороны. Страна большая. От грабительских поборов и постоянных восстаний беглецов много. За всеми не угонишься. Вот и меня вряд ли долго да далеко искать стали. Мог бы домой вернуться раньше, а все чего-то ждал. На службе было легче, удобнее, чем там, где я для всех стал костью в горле. Поэтому и терпел.

А как о новой волне гонений услышал, сразу что-то в сердце защемило. Видно, почувал, что от отцовского дома только головешки остались. Сбежал. Вернулся. А у стариков даже могилки не сохранилось. Знакомые рассказали, что они умерли задолго до гонений — всего через пару лет, как я на службу отправился. А потом пришли Голубые Капюшоны и сравняли все селение с землей, даже кладбище не пощадили. Как будто в прошлый раз им мало показалось! И еще тьму таких же селений по всему Зареченскому краю, чтобы людям неповадно восставать больше было.

После этого я жил как перекасти-поле, путешествовал по мелким городам, нигде надолго не останавливаясь, пока не наткнулся на лазутчиков компании Норн. Я их узнал, а не они меня. Слышал краем уха, что в Норикии собирают людей с даром. Показал им, что умею. Не все, конечно, а так... по мелочи, но они и этим впечатлились. Сами стали уговаривать примкнуть к компании. Все показывали, рассказывали, сулили большие деньги, чины, славу, да только я таких басен еще в дружине наслушался. Не поверил, а вот Дугаву с Жданом жалко стало, поэтому и согласился отвести их в Лапию. На свою голову.

— Жалеешь? — полушутя спросила Герда.

— Нет, пожалуй, — задумчиво ответил Финист, едва заметно касаясь ее волос. — Боюсь, что не справлюсь.

— Справишься, — лукаво улыбаясь, заверила его Герда. В голову, как невзначай выспросить Финиста про то, о чем не захотел говорить кот: — Ты ведь сильный, сильнее, чем тебя посчитали в компании. У тебя, наверное, и родовой дух есть.

— Родовой дух? Скажешь тоже. Чтобы появился родовой дух, нужно, чтобы у всех

предков до десятого колена сильный дар был, а в моей семье оборачиваться только отец умел.

Герда поджала губы. Значит, хозяева замка были очень сильны, но все же не выстояли. Жаль их. И духа тоже немного жаль. А больше всего жаль тот дивный мир, полный тайн и загадок, который уже никогда не вернуть.

— Это больно? — после затянувшегося молчания, спросила Герда, чтобы отогнать тоску.

— Оборачиваться? В первый раз, говорят, нестерпимо больно. С тебя будто живьем сдирают кожу, перемалывают потроха, стирают в порошок кости, а потом отливают из них новое, совершенно чуждое тело. Оборотень еще долго сходит с ума от боли и нападает на всех, кому не посчастливилось оказаться у него на пути. Разум обретает власть над зверем лишь со временем. Может быть очень много жертв, если не упрятать впервые обернувшегося подальше от людей.

— Так ты убивал? — испугалась Герда.

— В приступе ярости — никогда. В битве — случалось. Я истинный оборотень, умею оборачиваться, сколько себя помню. Для меня это не больнее, чем переодеться. Но такой дар — большая редкость.

— Хотелось бы и мне обладать даром, хотя бы самым слабым, — печально вздохнула Герда.

— Но он у тебя есть! — усмехнулся Финист, убирая непослушную прядку с ее лица. Герда нахмурилась. О чем это он? — Ты умеешь вызывать людей на откровенность. Даже тех, кто к этому не расположен.

— Ты не понимаешь.

Она понурилась, не оценив шутки, и доверчиво склонила голову на плечо Финисту. Вскоре ее сморил сон.

Следующее утро было на удивление ясным. Путники быстро отыскали нужную дорогу и, наконец, оставили руины Ильзара далеко позади.

Глава 6. Сокровище волотов

Весь день они ехали по старому заброшенному тракту, разбитому и неухоженному. Несколько десятков лет назад кундские рыцари проложили новую дорогу в Лапию, но она делала большой крюк возле Гульборга и уходила дальше на юг, в то время как путь Финиста и его учеников лежал на север. К тому же, вдоль старого пути, если верить слухам, все еще сохранялись тайные штабы Стражей, которые после Войны за веру достались в наследство компании Норн. Там Финист надеялся получить поддержку и помощь, так как денег у них почти не осталось, а путь предстоял неблизкий, да и зима была уже не за горами.

Солнце наполовину спряталось за горизонт, когда вдоль дороги выстроились невысокие, покрытые пожухлой травой холмы. Издалека они казались удивительно симметричными, почти не отличимыми друг от друга, продолговатыми по форме, с пологими склонами с восточной стороны и крутыми, почти отвесными обрывами, с другой.

— Чудные холмы. Как будто их так специально насыпали, — озадаченно пробормотал Ждан.

— Это не холмы, а волотовки, — возразила Герда.

— Волочки? — переспросила Дугава.

— Волотовки, курганы-усыпальницы волотов, асилков... — Герда на мгновение задумалась, подбирая нужные слова. — Это такие демоны, похожие на людей, только намного выше и сильнее.

— Великаны, — подсказал Финист.

— Да. Они жили здесь до прихода людей. Самых храбрых воинов хоронили в таких курганах вместе со всем их скарбом, чтобы на том берегу они ни в чем не нуждались.

— Ты-то откуда знаешь? Ты ведь ни разу здесь не была, — спросил Ждан. Снова ее в чем-то подозревал? Его враждебность уже начала откровенно раздражать, ведь она абсолютно ничего ему не сделала.

— Возле Дрисвят тоже есть волотовки, — пожала плечами Герда, жалея, что вообще завела этот разговор. — А в одной старой книге написано, что в нашем краю их было около двух десятков, но большая часть отделена непроходимыми болотами на юге, а еще часть обвалилась и исчезла.

Ждан перевел взгляд на Финиста, ожидая его реакции, но тот лишь безразлично пожал плечами.

— А что за скарб? Золото? Ведь что может обеспечить жизнь, пусть даже и загробную, лучше, чем золото? — постаралась перевести тему Дугава, заметив нарастающее напряжение.

— В книге об этом ничего не говорилось, — Герда, прищурилась, вспоминая. — Думаю, они оставляли монеты мертвецам, ведь даже демонам надо платить Паромщику за переправу на тот берег.

— Так в чем же дело? Давайте поищем вход в эти курганы. Может, там внутри спрятаны несметные сокровища, — предложил Ждан.

— Я не думаю, что нам стоит здесь останавливаться, — строго ответил Финист.

— Но ты ведь еще утром сетовал, что денег почти не осталась, — продолжил уговаривать Ждан. — Ты что, трусишь?

— Просто не хочу больше время терять.

— Мы же недолго. Тем более, вечереет, пора на ночлег останавливаться, — увидев, что Финист остался непреклонен, Ждан последовал дурному примеру Дугавы: — Давайте проголосуем. Кто за то, чтобы сделать привал и осмотреть курганы?

— Я надеялся сегодня дойти до Ужграда, — мрачно ответил Финист.

— Не стоит осквернять могилы, — поддержала его Герда, вспомнив свой кошмар в Ильзаре. — Вдруг там ловушки или какой-нибудь жуткий охранник? В легендах часто говорится, что клады просто так в руки не даются.

— А мне кажется, стоит попробовать. Заодно и развеемся, — Дугава, которой тоже очень хотелось отдохнуть, охотно поддержала идею Ждана. — Никто же не заставляет нас лезть в самое пекло.

— Вот видишь, Финист, большинство за. Идемте. Чувствую, что сегодня мне повезет, — радостно подвел итог левитатор, спрыгнул с лошади и, небрежно привязав поводья к ближайшему дереву, приплясывающей походкой направился к курганам.

— Здорово он считает. Сразу видно — торгаш, — проворчал высунувшийся из плаща Герды кот.

Все остальные тоже спешили, расседлали лошадей и поспешили за Жданом, который уже успел облазять несколько курганов вдоль и поперек, но входа так и не нашел. Дугава удобно расположилась на вершине самого высокого холма и разглядывала звездное небо, даже не делая вид, что ее интересуют поиски клада. Герда с Финистом с одинаковым отрешенным видом ковыряли носками сапог землю у подножия выбранных наугад курганов. В одном месте Финист наткнулся на странный камень. Достав из кармана огниво, оборотень поджег длинную сухую палку и в неровном свете пламени начал изучать свою находку. Камень оказался гладко сколот с обеих сторон и заточен на гранях, наподобие тех, что использовались в качестве ножей во времена, когда боги еще не открыли людям тайну обработки бронзы и железа. Возможно, под этими курганами действительно находилось древнее захоронение. Финист задумчиво почесал затылок и сунул камень в карман, потом прощупал землю, но, ничего не обнаружив, поднялся и попятился, что-то высматривая в темноте. Через пять шагов он столкнулся с Гердой, которая застыла возле того же холма, внимательно прислушиваясь к собственным ощущениям. Финист резко развернулся, и они чуть было не ударились лбами, но Герда вовремя отпрянула, благодарная, что в темноте не видно, как у нее горят щеки. За прошедшие дни ей удалось полностью избавиться от страха, но все еще смущалась, когда Финист бросал на нее непонятные задумчивые взгляды. Может, это то, о чем говорил кот?

— Мда, — неопределенно пробормотал он.

— Хм, — так же ответила Герда.

— Что-то нашли? — поинтересовался Ждан, увидев, что товарищи собрались в одном месте. Дугава тоже спустилась со своего холма и подбежала к ним.

— Даже если здесь действительно был вход в гробницы великанов, он давно осыпался и исчез, ведь больше полутора десятков столетий минуло с тех пор, как они тут жили, — скептически заявил Финист.

— Вам не хватает веры, учитель, — передразнивая его назидательный тон, ответила Дугава.

— А вам лишь бы в игры играть. Повзрослейте, наконец. Нам предстоит трудный путь на север, а скоро холода. Мы не можем больше терять время даром. Если я потяну вон за тот корень, тайный ход в Блаженный край не откроется, так бывает только в сказках.

В подтверждение своих слов он наклонился к пологому склону кургана и со всей силы дернул за скрюченный, наподобие змеи, корень. Земля ушла из-под ног, и они кубарем полетели в крошечную тьму.

Герда больно ударилась об каменный пол. Сверху на нее навалилось что-то очень тяжелое.

— Все живы? — раздался над самым ухом зычный голос Финиста.

Кажется, она догадалась, что так давит. Герда глухо застонала.

— Кажется, я ударилась о камень, — подала голос Дугава. Она оказалась где-то сбоку.

— Это не камень, дура, — возмущенно ответил Ждан, умалчивая, обо что именно она ударилась.

— Спокойно, ребята, сейчас я высеку огонь, — скомандовал Финист.

— Слезь с меня вначале, а то я сейчас задохнусь, — наконец, обрела дар речи Герда. Финист тут же откатился в сторону и наткнулся на стену. Цепляясь за нее руками, поднялся и поджег огнем палку, которая каким-то чудом уцелела во время падения. Света от нее, правда, было маловато.

— Я боюсь, — чистосердечно призналась Дугава.

— Только не говори, что веришь, что в темноте под кроватью прячутся демоны, — засмеялся Ждан.

— А разве нет? — попыталась пошутить Герда, но вышло как всегда ужасно. — Кажется, там что-то есть.

Финист подошел поближе и обнаружил там факел.

— О, вот это будет как нельзя кстати, — обрадовался он.

В свете факела стало ясно, что они оказались в довольно просторном тоннеле. С одной стороны располагался тупик. Вверху прямо над ними находился колодец, а подняться по гладкой стене без выступов не представлялось возможным.

— Ну что ж, назад пути нет, — Финист решительно двинулся вперед. Боясь потеряться и остаться без света, спутники быстро встали на ноги и последовали за ним.

Тоннель вел прямо, никуда не сворачивая. Они не встретили ни единой развилки. Колодцев, как тот, через который они сюда попали, тоже видно не было.

— Не похоже это на лабиринт, — встревожено заметила Герда.

Стены поддерживали каменные балки, возле которых щедро росли бледные бесформенные грибы. Края их светились в темноте жутким зеленоватым светом. Затхлый воздух дурманил голову.

— Скажи спасибо, что дорога только одна, иначе бы мы заблудились и потеряли друг друга в этой темноте, — ответил Финист.

— Но это неправильно. В книгах совсем не то говорится, — слабо возразила Герда.

— Так то книги. В них все врут, — усмехнулся Ждан.

Все удивленно посмотрели на него.

— Что? — тут же возмутился парень. — Так мой отец всегда говорил.

— Оно и видно, — съязвила Дугава.

— Тихо, — скомандовал Финист, заметив впереди массивное сооружение.

Тоннель уперся в высокий постамент с каменным саркофагом.

— Что-то маловат для великана, — Ждан постучал костяшками по крышке. — Как бы его открыть?

Он вопросительно уставился на Финиста. Должно быть, надеялся, что тот снова найдет

какой-нибудь скрытый рычаг, но оборотень не спешил подходить к саркофагу.

— Там что-то есть, — едва слышно пробормотал Финист.

— Конечно, есть, много золота и серебра, а еще кости этого, ну как его... не важно, — не дожидавшись помощи, Ждан сам начал обыскивать поверхность каменной плиты, а потом запустил руку между саркофагом и стеной. Там обнаружился подозрительный выступ.

— Подковырнуть или нажать? — спросил Ждан.

— Останови его! — вдруг зашипел выскочивший из плаща Герды кот, но было уже слишком поздно. Все вокруг загрохотало, закружилось в неистовом вихре, стены сомкнулись, и наступила гробовая тишина.

Финист громко закашлялся, наглотившись каменной крошки, и с трудом нашел в темноте потухший факел.

— Все в порядке. Сейчас будет свет, — он пытался подбодрить товарищей, но никто не отозвался. Финист высек искру и подпалил факел. Остальных рядом не оказалось.

— Эй, где вы? — позвал Финист.

— Где-вы-где-вы-где-вы, — повторило эхо, которого он раньше почему-то не замечал.

— Герда? Ждан? Дугава? Кто-нибудь? — продолжал кричать он.

— Нибудь-нибудь-нибудь, — отвечало эхо.

— Вы живы? — совсем слабо спросил он в последний раз.

— Мертвы-мертвы-мертвы, — Финист вздрогнул. Это вовсе не эхо!

На куче обвалившихся с потолка камней стояла темная фигура. Финист сделал несколько шагов вперед, но тут ощутил исходившую от незнакомца жуткую ауру.

— Твои друзья мертвы, — сказал незнакомец лишенным всякой интонации голосом и отошел в сторону. Позади него неподвижно лежали Ждан с Дугавой. Финист бросился к ним, начал трясти, шлепать по щекам, но все без толку — сердца их не бились, а тела медленно теряли животворящее тепло.

— Это ты виноват. Ты не смог их уберечь, — издевался незнакомец. — Точно, как тогда.

Финиста колотило от ярости. Он сжал кулаки и кинулся на мерзавца, но тот каким-то чудом увернулся. Потеряв равновесие, Финист упал.

— Глупец, ты слишком слаб. Ты никогда и никого не мог уберечь. Ведь ты и сам это знаешь, — незнакомец поднял упавший факел и носком сапога заставил Финиста перекатиться на живот. — Сдавайся. Я поделюсь с тобой силой, и ты сможешь все исправить.

Финист прищурился. Эта сцена казалась до боли знакомой, как будто он видел ее раньше, только никак не мог вспомнить когда. Но зато точно знал, что в прошлый раз не согласился, потому что стоявшее перед ним существо было демоном, самым злейшим из тех, которые водились в Мидгарде, враждебным всему живому. Что бы оно ни предлагало, это могло привести лишь к разрушению. По крайней мере, так учили его старики, а кроме их наставлений, да звериного чутья у него больше ничего не было. Собрав всю ярость в кулак, Финист снова бросился на незнакомца, но тот увернулся.

— Не хочешь силы? — хмыкнул он. — Но у меня есть еще кое-что. Уж оно-то точно

придется тебе по вкусу.

Финист обескуражено моргнул. Незнакомец взмахнул полами плаща, и перед ними предстала девушка. Юная, стройная, нежная, будто водяная лилия, в простом белом платье без узоров, в каких раньше выдавали замуж дочерей старoverы. Распущенные серебристые волосы волнами струились по плечам и спускались до самого пояса. Голову венчала тиара, украшенная алмазами чистой воды и опалами.

— Нравится? — гадко ухмыляясь, спросил незнакомец. — Я помню, как тебе хотелось отобрать ее у брата.

Финист подался вперед и протянул к ней руку. Девушка подняла взгляд Финист обмер, замороженный большими, невероятно выразительными глазами цвета холодной стали. Он точно видел ее раньше... в своих грезах!

Герде снова снился черный всадник. Только на этот раз она знала правду.

— Прекрати облизывать мое лицо. У тебя изо рта воняет! — возмутилась она, спихивая наглое рыжее создание с груди.

— Я просто хотел тебя разбудить, — огрызнулся кот. — Рук-то у меня нет, а лапами по лицу колотить неудобно. Так уж и быть, в следующий раз буду кусать тебя за ноги, но, поверь, удовольствия ни мне, ни тебе это не доставит.

— Да ну тебя, — Герда встала и огляделась. — Где это мы?

Тоннель, в котором они находились, совсем не походил на тот, через который пришли. Он был хорошо освещен факелами, потолок нависал почти над самой головой, а впереди виднелась развилка.

— Я бы на твоём месте больше волновался, куда подевались остальные, — важно заметил кот.

Герда снова огляделась. Нигде не было и следа ее спутников. Она закрыла глаза и сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться и собраться с мыслями.

— Ну и где же они?

— Откуда мне знать?

— Ты же все на свете знаешь. Вот и скажи, где мы, и где все остальные, и как мы здесь оказались, и что нам делать дальше.

— Слишком много вопросов для такой маленькой хныкалки.

— Не смей меня так называть! Мне восемнадцать.

— А умишки на восемь.

— Не хочешь помогать — не надо. Сама справлюсь.

В конце концов, она привыкла к одиночеству. Да и не страшно тут вовсе. В сторожке было хуже.

— Эй, стой! Я же пошутил! Не уходи без меня — пропадешь!

— По-моему, я уже пропала, — Герда остановилась возле развилки и заглянула в каждый проход. Храбрость покинула ее. — Это лабиринт, определенно. Видишь, как петляют дороги? А там еще развилка, и там тоже... Как отсюда выбраться?

— Раз путь назад отрезан, то надо идти к центру, — посоветовал кот.

— В центре лабиринта обычно живет какое-нибудь чудище.

— Будем надеяться, что ты его поцелуешь, и оно превратится в рыцаря в сияющих доспехах.

— Хватит издеваться!

— Я не издеваюсь. На нашу удачу, все именно так и будет. Идем, вариантов все равно никаких.

Герда вздохнула и пошла за котом. В конце концов, от Вальдемара он ее спас, значит, и здесь в беде не оставит. Она подняла с земли камень и нацарапала крест. Чтобы не заблудиться, нужно было все время поворачивать в одну сторону, пока они не вернуться на то же самое место. Потом пробовать следующий проход, который не был помечен крестом. Так они обошли весь правый и средний проходы, несколько раз упирались в тупики, но так ничего и не нашли. Левый давался куда сложнее. То ли он был в разы длиннее остальных и действительно вел к центру, то ли они настолько устали, что перестали замечать кресты на развилках, то ли кто-то специально их путал. Когда ноги начали гудеть от усталости, а желудок свело от голода, Герда склонилась именно к последней мысли и снова поддалась отчаянию.

— Мы будем вечно скитаться в этих тоннелях, пока не сойдем с ума или умрем. И я уже не знаю, что хуже, — застонала она, усаживаясь посреди очередной развилки.

— Вставай, может, там за поворотом выход, а ты умрешь, не дойдя до него всего несколько саженей, — попытался расшевелить ее кот.

— Тебе легко говорить. Ты бестелесный и усталости не чувствуешь. Вот ты и иди. Если что-нибудь найдешь, вернешься и заберешь меня.

Кот угрожающе зашипел, подбежал и цапнул за ногу в том месте, где заканчивались сапоги. На прокушенной штанине проступили два темных пятнышка, но Герда не сдвинулась с места, а лишь сильнее поджала под себя ноги. Кот бросил на нее последний безнадежный взгляд и угрюмо поплелся дальше. Вскоре Герда продрогла настолько, что сидеть больше не смогла и вяло пошла за ним.

Кота нигде видно не было. Герда встревожилась. Вредный и грубый, он все равно оставался ее лучшим другом, на которого она всегда могла положиться. Тем более, все остальные ее спутники пропали. Совсем не хотелось потерять последнего. Герда подобрала брошенный камень, начертила возле тоннеля крест и, с трудом сгибая затекшие ноги, пошла вперед.

Кот оказался прав. Совсем скоро забрезжил свет. Герда вышла в огромный зал, полный золота, ярко блестящего в свете сотен факелов. Было здесь и белое серебро, и красная медь, и желтая латунь, и искристые самоцветы размером с добрый кулак. Дыхание сперло от восхищения. Вот оно — то самое сокровище, которое искал Ждан. Что-то зашевелилось в глубине зала. Герда сделала несколько шагов навстречу, но тут же остолбенела от ужаса, поняв, что это. Посреди груды золота вокруг сжавшегося в комок кота зелеными чешуйчатыми кольцами вился исполинский уж. Длиной его тело было с десятков саженей, не меньше, толщиной в человеческую руку от плеча до кончиков пальцев. Маленькую по сравнению с телом головку венчала золотая корона. Из приоткрытой пасти выглядывал тонкий раздвоенный язычок.

Уж гонял кота по грудам золота, окруженным чешуйчатыми кольцами, с явным намерением проглотить. Герда непроизвольно ахнула. Змея повернула голову, отпуская на время загнанную в угол жертву.

— Оставьте его, он ничего вам не сделал, — взмолилась Герда.

Уж подполз поближе, не выпуская, однако, kota из кольца. Голова опустилась на один уровень с Гердой, чтобы они смотрели глаза в глаза.

— Он нарушил границу моих владений, пришел похитить мои сокровища, — после продолжительной паузы ответил змей. — Я, Ужинный король, повелитель подземного царства, не позволю оскорблять себя подобными выходками.

— Простите его, он не хотел ничего воровать. Он из-за меня сюда попал, — отчаянно упрашивала Герда.

Ужинный король задумчиво хмыкнул, приблизившись вплотную, а потом повернулся к коту и снова хмыкнул, что-то тщательно взвешивая.

— Ладно, тебя я отпущу, — сказал он после долгого молчания. — Ты и подданных моих не обижала, и даже крынку с молоком для моих деток не жалела, но этот... — змей угрожающе зашипел. Кот ответил тем же. — Останется здесь.

— Прошу вас. Я что угодно сделаю. Хотите, служанкой вашей стану, только отпустите его!

— Служанкой? Ты — дитя ветра, нет тебе жизни под землей. Какой от этого толк, если ты умрешь через год? — снисходительно ответил змей. — Да и из-за кого ты себя губишь? Из-за того, кто перед владыкой земли в истинном облике предстать не может? Зачем он тебе?

— Он мой друг, — от отчаяния Герда уже была готова расплакаться. — Я... я... я его люблю.

— Глупая девочка, можно любить нежный бриз, приносящий прохладу в знойный полдень или даже муссон, дарящий проливные дожди иссушенной земле, но зачем же любить ураганный шквал, сметающий все на своем пути?

Герда потупилась, не в силах понять значения слов змея.

— Хорошо, если тебе без него никак, предлагаю обмен. Ты отдашь мне самое дорогое, что у тебя есть, а я верну твоего «друга», — смилостивился змей.

— Самое дорогое? — задумчиво переспросила Герда, а потом решительно отвернула с плеча плащ и начала пальцами ощупывать ворот рубахи.

— Нет, стой! — вдруг обрел дар речи кот. — Только не брошь.

— Почему? — возмутилась Герда. — Ты ведь сам сказал, что я должна вырасти и перестать жить в сказках. Может, если я отдам его подарок, это поможет мне освободиться?

— Я не это имел в виду, — горячо возразил кот.

— Но иначе змей убьет тебя.

— Оно этого не стоит. Я этого не стою. Ты ведь сама говорила, что я бестелесный, а, следовательно, неживой, поэтому меня нельзя убить. Уходи, спасайся, оставь меня!

— Но я не смогу одна...

— Ты не одна. Не забывай, у тебя теперь есть другие друзья. Они помогут лучше меня.

— Нет.

Герда решительно протянула брошь змею. Тот коснулся ее кончиком языка и снова повернулся к коту.

— Глупый-глупый шквал, даже любовь оценить не смог, — горько усмехнулся Ужинный король.

Кот снова сжался в комок, всем видом показывая, что желает провалиться сквозь землю, хотя проваливаться было уже некуда.

— Я это не возьму. Для тебя эта брошь слишком дорога, а для меня абсолютно

бесполезна. Лучше отдай мне вот это, — язык змея коснулся кожного мешочка у Герды на шее.

Она вынула оттуда засохшую змеиную кожу. Уж подхватил ее языком, бросил в кучу своих сокровищ и уполз в отдаленную часть залы. Освобожденный кот прыгнул к Герде на руки и счастливо замурлыкал.

— Может, позаимствуем что-нибудь? — предложил он, лукаво поглядывая в сторону золотого кубка, искусно украшенного гранатами и крупными жемчужинами.

— Да ну тебя, — ответила Герда, крепче прижимая кота к себе, решив, что больше никуда его не отпустит.

Дугава очнулась посреди крошечной тьмы. Нащупав рядом стенку, смогла подняться на ноги. Глаза постепенно привыкли, и сквозь темноту проступили зыбкие очертания предметов. К ближайшей стене были приставлены деревянные нары, а напротив красовались решетки. Возле ее камеры, а это оказалась именно камера, усевшись прямо на полу, посапывал человек, закутавшийся с головой в просторный плащ.

— Ч-что происходит? — испуганно спросила Дугава.

— Молчать, ведьма! — хриплым со сна голосом прикрикнул охранник. С явной неохотой он достал из плаща саблю и провел по решеткам, чтобы загнать Дугаву обратно в темный угол. — Недолго тебе нас мучить осталось. На рассвете на костер пойдешь. Слышишь? И очищающий огонь будет лизать твои пятки.

От жуткого хохота по спине пробежали мурашки.

— Позовите Финиста... моего отца... кого-нибудь, — взмолилась Дугава, но тюремщик продолжал смеяться.

— Дурочка, не надейся, что тебе кто-то поможет. У таких, как ты, только один путь — на эшафот.

От ужаса Дугава снова осела на пол и потеряла сознание.

— Эй, где вы? Куда все подевались? — оторвавшись от саркофага, Ждан обнаружил, что остался совершенно один.

Он посмотрел по сторонам, а потом махнул рукой. Пропали, так и демоны с ними. Сами найдутся, не маленькие уже. Ждан еще раз коснулся выступа, и крышка саркофага отъехала в сторону. Внутри покоился обтянутый высохшей желтой кожей скелет огромного человека. Колени были подогнуты к груди, чтобы он мог втиснуться в сравнительно небольшой саркофаг. На шее висело золотое ожерелье в виде змей со смарагдовыми глазами. Стоило протянуть руку, как откуда ни возьмись выскочила большая коричневая жаба со страшными выпученными глазами и бородавками на голове. Она деловито уселась на грудь покойника, заслоняя собой ожерелье, и пронзительно посмотрела на Ждана. Он повел плечами от омерзения и хотел было согнать уродливую тварь, но та оказалась проворней и ударила языком по занесенной руке. Ждан чуть не взвизгнул и отступил на шаг.

— Поцелуй меня! — противным хриплым голосом сказала жаба.

— Что? — оторопело переспросил он.

— Поцелуй меня и я стану твоей прекрасной невестой, — рот жабы растянулся в своеобразную улыбку. Ноги чуть не подкосились от «соблазнительного» зрелища.

— Никогда в жизни! — совладав с собой, ответил Ждан.

— Если ты меня поцелуешь, я стану прекрасной царевной и принесу тебе почет и славу, — продолжала соблазнять жаба.

— Ты просишь меня поцеловать твои бородавки за почет и славу? Дудки! Ищи другого дурака, — Ждан сделал вид, что собрался уходить.

— Стой, скажи, чего ты хочешь? — в отчаянии протягивая к нему перепончатые лапы, спросила жаба.

— Золота, — с готовностью ответил незадачливый жених.

Жаба на мгновение задумалась.

— Хорошо, сейчас я начну прыгать вокруг тебя, и каждый раз, когда мои лапы будут касаться пола, из-под них будут выскакивать золотые монеты. Когда золота станет достаточно, скажи «хватит».

— Глупая жаба, золота никогда не бывает достаточно, — алчно глядя на бородавчатую квакушку, ответил Ждан.

Жаба прыгнула на землю. Из-под лап брызнули золотые монеты. Она вихрем понеслась вокруг Ждана, заполняя комнату блестящим металлом. Монет становилось все больше и больше, пока золотая гора не начала доставать до головы. А потом рухнула, погребя Ждана под своей тяжестью. Металл давил на грудь, не позволяя даже набрать в легкие воздуха, чтобы выкрикнуть спасительное «Хватит!». Запоздало раскаявшись в своей жадности, Ждан понял, что это конец. Он задыхался.

Герда уже почти вышла на большую развилку, с которой начинала путешествие по лабиринту, но вдруг послышалась невнятная возня. Продолжая крепко прижимать кота к груди, словно драгоценное сокровище, Герда сделала несколько шагов назад и обнаружила в стене небольшую выемку, а за ней потайной проход. Странные звуки доносились оттуда. Пригнувшись, Герда ступила внутрь. На полу впереди она заметила чье-то тело. Это оказался Ждан. Он лежал на спине и самозабвенно целовал большую уродливую жабу.

Осмелев, кот прыгнул с рук и прогнал мерзкую тварь. Ждан закашлялся, приходя в себя.

— Хватит! Хватит! Золото, оно меня душит! — закричал он, плохо соображая, где находится.

— Успокойся, нет здесь никакого золота, — заверила его Герда, помогая подняться. — Ты что, целовался с жабой?

— Я? — внезапно спохватился Ждан. В подтверждение слов Герды из темноты донеслось громкое кваканье. — Ну я... Она сказала, что даст мне золота и... Она могла быть заколдованной принцессой.

Герда в голос рассмеялась.

— Это лягушки в принцесс превращаются, а от жаб только бородавки бывают. Книжки

читать надо. В них правду говорят.

Ждан сокрушенно закрыл лицо руками, вот-вот готовый расплакаться.

— Не переживай, я знаю одну травку. Бородавки за пять дней сводит, — все еще давясь от хохота, посочувствовала ему Герда.

— Обещай, что никому не расскажешь! — в отчаянии он схватил Герду за ворот рубахи.

— Хорошо. Если ты не заметил, рассказывать пока некому, — она отцепила его руки от своей одежды.

— Здесь был саркофаг, — Ждан указал на пустое место возле стены. — Внутри лежал мертвец и эта жаба. Куда все делось?

Герда повернулась к проходу, из которого пришла, но тот тоже бесследно исчез вместе с лабиринтом.

— Не время удивляться, надо искать остальных — Герда решительно сняла со стены факел и внимательно осмотрела зал.

Нашелся еще один лаз. Правда, он располагался в сажени от пола. Тяжело кряхтя, Ждан посадил ее. Подтянувшись на руках, Герда смогла забраться внутрь. Лаз расширился, а впереди мерцал приглушенный свет.

— Левитируй, — скомандовала Герда.

— Вот достали! — прошипел Ждан, но все-таки соизволил послушаться.

С трудом поднявшись в воздух, он зацепился за край лаза, но подтянуться не смог. Руки скользили, норовя сорваться. Герда схватила его и, поднатужившись, затянула внутрь. Не справляясь с дыханием, она повалилась на пол вместе со Жданом.

— Слушай, тебе есть надо меньше, — недовольно заметила Герда.

— Без тебя знаю, — огрызнулся Ждан.

Перепалку прервал чей-то громкий возглас.

— Финист? — позвала Герда и, не теряя больше времени, поползла.

Заканчивался он так же, как и начинался в сажени от пола небольшого каменного зала. Пришлось прыгать. Спружинив на ноги, Герда отряхнула колени, но прежде, чем она успела осмотреться, кто-то крепко прижал ее к себе.

— Да! — с томным придыханием произнес Финист и, приподняв кончиком пальца ее подбородок, приблизил свое лицо к ее. Глаза его были плотно закрыты. Теплое дыхание щекотало щеки. Припухшие губы едва заметно трепетали.

Герда удивленно замерла. Что он делает?! Рядом зашипел кот, как будто ему только что наступили на хвост. Опомнившись, Герда пихнула Финиста в грудь. Его губы скользнули по щеке. Финист оступился и чуть не упал, увлекая за собой Герду. Только тогда он открыл глаза и испуганно уставился на нее.

— Что с вами такое творится? — возмутилась она.

Финист покраснел как вареный рак и, закрыв лицо руками, отвернулся.

— Прости-прости, я не хотел, я... Демоны! Ну, попадись мне этот Ждан, — сквозь плотно сжатые зубы прошипел он, не зная, что в точности подражает звукам, которые издавал в его адрес кот.

— Меня кто-то звал? — жизнерадостно спросил мягко слевитировавший из лаза парень.

Руки Финиста задрожали и потянулись к его горлу:

— Ну, я тебе сейчас устрою. Какого демона ты притащил нас в это треклятое место?!

— Я просто предложил. Тем более, ты сам открыл дверь, — суетливо оправдывался Ждан, испуганно поглядывая на сжимающиеся, словно когти хищной птицы, пальцы

Финиста.

— В следующий раз будь добр, держи свои предложения при себе!

— Чего он на меня взъелся? — обратился Ждан к Герде. — Что, тоже жабу поцеловал?

— Какую еще жабу?! — еще больше взъерепенился Финист.

— Хватит-хватит, — с трудом преодолевая икоту, попыталась разнять их Герда. — У меня сейчас бока лопнут от смеха.

Финист со Жданом виновато потупились, представляя, как должна выглядеть эта сцена со стороны.

— Идемте, надо еще Дугаву найти. Не думаю, что она полезет к кому-то целоваться, но все же не стоит оставлять ее одну.

Мужчины бросили друг на друга неприязненные взгляды и принялись осматриваться. Лаз, через который сюда попали Герда и Ждан закрылся точно так же, как тот, что вел из лабиринта. Других выходов видно не было. Прошло достаточно много времени, прежде чем Финисту удалось обнаружить очередной рычаг между полом и стеной. Ждан с Гердой подошли к нему, чтобы получше рассмотреть находку, но стоило коснуться рычага, как стена резко повернулась и, ударив их по спинам, протолкнула в новый коридор.

Дугава очнулась от того, что на нее выплеснули ведро ледяной воды.

— Вставай, ведьма, пришел час расплаты! — злорадно сказал охранник, бесцеремонно хватая ее за руки и толкая в сторону открытой двери темницы.

В крохотное окно у потолка прокрадывались первые солнечные лучи. Светало. А значит... Дугава задрожала, изо всех сил стараясь не думать о том, что должно было случиться на рассвете. Стражник связал ей руки и повел по винтовой лестнице, грубо тыкая в спину тупой стороной сабли. Через несколько минут они вышли на широкую площадку, по краям которой на лавках сидели люди в одинаковых плащах с голубыми капюшонами. Один из них подошел к Дугаве и положил руки ей на голову. От боли подкосились ноги. Она упала на колени.

— Виновна! — сказал Защитник Паствы, брезгливо отстраняясь.

Стражник подхватил Дугаву подмышки и кинул в повозку с сеном. Она пребольно ударилась коленками и подбородком и тихонько застонала. По щекам потекли крупные слезы. Мохнатая низкорослая лошадка неспешно везла телегу вперед, цокая коваными копытами по брусчатке. Следом шли двое хмурых молчаливых Защитников, смотреть на которых Дугава не отваживалась. Показались городские ворота, вдоль которых стояли колья с насаженными головами бунтовщиков. Подъехав поближе, Дугава с ужасом узнала в них отца, Финиста и Ждана. Надежды рушились, как творимые ею иллюзии, слишком зыбкие, слишком слабые, чтобы бороться против жестокой реальности. Она свернулась клубком на сене, закрывая голову руками, чтобы никого не слышать и не видеть.

Телега въехала на главную площадь, где уже собралась толпа в предвкушении кошмарного зрелища. Они остановились у небольшого обложенного хворостом помоста. Стражник бесцеремонно пихнул Дугаву носком сапога, чтобы она встала. Пришлось подчиниться. Он привязал ее к столбу возле помоста. Защитники тем временем обходили толпу, рыская хищными взглядами по лицам собравшихся в поисках малейших признаков

инакомыслия. Наконец один из них подал сигнал другому. Стражник передал им факелы, и Защитники подошли к помосту. Ближний снял капюшон и пристально посмотрел на Дугаву. Светловолосый, с красивыми правильными чертами лица странно походил на изображения небесных посланников, которым так часто молилась ее мать в единоверческой церкви. Только глаза, такие неестественные, нечеловеческие, демонические глаза — один зеленый, другой голубой — смотрели радостно, явно предвкушая предстоявшие ей муки. По тонким губам заскользил острый кончик языка. Защитник поджег хворост. Пламя быстро расплзлось по помосту, шуршало, хрустело, смаковало... пожирало ее. Медленно, пядь за пядью. Жар превращался в боль, дым выедал глаза. Хотелось, чтобы все кончилось поскорей.

— Она вся горит! — закричала Герда, обнаружившая Дугаву посреди очередного каменного зала.

Финист со всех ног ринулся к ним. Опустился на колени и положил руку на лоб девушки.

— Демоны, на ней яичницу можно жарить! — выругался он, вливая ей в рот воду из фляги, потом оторвал кусок ткани от рубахи и, смочив, положил Дугаве на лоб.

— Что с ней? — встревожено спросила Герда.

— Дар обратился против нее. Она создала иллюзию жара, и ее тело поверило, будто оно горит. Надо ее разбудить, заставить сбросить иллюзию. Но как? Она ни на что не реагирует, — от отчаянья Финист до крови закусил нижнюю губу и даже не заметил этого.

Герда коснулась руками щек Дугавы, пытаясь разбудить ее, но тут сама провалилась в темную бездну.

Горячий воздух обжигал кожу. Герда испуганно открыла глаза. Она стояла посреди огромной площади на пылающем помосте. Рядом, привязанная к длинному столбу висела Дугава. Герда ударила ее по щекам, приводя в сознание. Дугава мотнула головой и неясным затуманенным взором уставилась на нее, силясь вспомнить, кто она и чего хочет.

— Дугава, да очнись же! — закричала в отчаянии Герда и начала трясущимися руками отвязывать ее от столба.

— Ты — морок? Уйди, дай спокойно умереть.

— Я не морок, а вот все вокруг — твоя иллюзия. Ты должна снять ее, пока мы не сгорели заживо, слышишь?

— Не могу я, не могу! — Дугава пристально взглянула на Герду и, увидев что-то страшное за ее спиной, задрожала: — Да ты же одна из них, из Голубых Капюшонов! Хочешь поиздеваться напоследок?!

Герда повернула голову. За ее плечами развевался голубой плащ Защитников. Не раздумывая, она сорвала его с себя и швырнула в огонь.

— Послушай, если бы я была одной из них, то что бы я делала здесь рядом с тобой посреди костра? — возвала Герда к разуму иллюзионистки. — Ну же вспомни, ты не горишь на костре Защитников Паствы, а лежишь посреди каменного зала внутри кургана-волотовки. Развей иллюзию!

Веревка, наконец, поддалась, и Дугава оказалась свободна от пут. Пламя уже было повсюду вокруг них. Неожиданно Герда почувствовала на себе чей-то взгляд и подняла

голову. На нее в упор смотрел белокурый парень в голубом плаще. Казалось, из всей толпы только он мог ее видеть. И Герде не нравился этот взгляд, хищный, демонический. Незнакомец, будто замороженный, сделал шаг вперед и протянул к ней руку.

— Я не могу, — всхлипнула Дугава. — Это не моя иллюзия.

— Так подчини ее себе и развей, — Герда отвернулась от испугавшего ее человека, беспрестанно повторяя про себя, что это лишь иллюзия. В реальности это происходит не может. — Давай, ты не одна, я помогу тебе.

Они сомкнули руки, ладони к ладоням. Свет померк вместе с нестерпимым жаром пламени.

— Герда, Дугава, вы в порядке? — встревожено спросил Финист, вглядываясь в их бледные лица.

Герда резко поднялась и села, обхватывая гудевшую голову руками. Рядом болезненно застонала Дугава.

— Голубые Капюшоны, костер, они хотели меня спалить... Я видела ваши головы на кольях и отец... они убили отца!

Финист обнял девушку за плечи. Рубашка тут же промокла от слез. Он ласково провел рукой по ее волосам:

— Тише. Все закончилось. Это был лишь кошмарный сон, наваждение. Мы в безопасности.

— Осталось только придумать, как отсюда выбраться, — хмуро подал голос Ждан, который все это время безрезультатно искал выход из зала, потому что вход опять исчез. Финист метнул в его сторону испепеляющий взгляд: «Нашел время язвить!»

Герда поднялась, пошатываясь, подошла к стене и оперлась об нее рукой. Та начала таять у нее под пальцами.

— Смотрите, это наш саркофаг! — позвала она остальных.

— Осторожней, я уже видел его... ну тогда, — поспешил предупредить Ждан, но на этот раз Герда была уверена, что это не галлюцинация. Крышка гроба оказалась сдвинута. Подойдя поближе, Герда заглянула внутрь. Никакого золота или останков там не оказалось. Вместо них саркофаг сверху донизу заполняли свитки.

— Ну, конечно. Сокровища волотов — вовсе не золото, а знания, — зачарованно воскликнула Герда, потянувшись за одним из свитков. Ждан и Финист с Дугавой на руках поспешили к ней, боясь снова потеряться в бесконечных каменных залах.

Как только пальцы коснулись свитков, те тут же рассыпались в прах. Герда досадливо поджала губы — остался лишь один на самом дне. Она достала его и аккуратно развернула.

— Буквица? Как странно. Мне казалось, что в древности использовали другое письмо, — удивилась Герда. — Наверное, здесь какое-то заклинание.

Она протянула свиток Финисту, тот недоуменно уставился на нее.

— Лучше ты прочти. Думаю, это заклинание предназначено для Стражей, — Герда еще раз попыталась отдать ему свиток, но Финист лишь густо покраснел и опустил глаза.

— Я... — с трудом выдавил из себя он. — Я не Страж, а всего лишь оборотень второго ранга. И... я не умею читать.

Дугава пораженно выдохнула. Герда открыла рот и тут же закрыла, не найдя, что сказать. Вместо нее подал голос Ждан.

— Что здесь удивительного? На голубиных станциях мы всегда писали послания за него. Можно было догадаться.

Финист бросил на него укоризненный взгляд.

— Ну что ж, — попыталась сгладить неловкость Герда. — Тогда придется мне. Ведь должна же я хоть чем-нибудь быть полезной. Давайте возьмемся за руки.

Они стали кругом, и Герда начала нараспев читать написанные в свитке слова:

— Керминус тир форедемиус бэрг юхиам!

В лицо пахнул холодный осенний ветер. Где-то вдалеке медленно, будто нехотя разгорался восход. Они стояли посреди старого тракта у гряды курганов. Рядом паслись их лошади.

— Все хорошо, что хорошо заканчивается, — Ждан оказался больше всех рад выбраться. Должно быть, чувствовал себя виноватым в том, что им пришлось пережить столько ужасов этой ночью. — Сейчас бы поспать.

— Светает. Надо ехать. И так уже много времени потеряли, — возразил Финист.

Дугава еле держалась на ногах. Ее все еще заметно потряхивало от воспоминаний об иллюзии. Ждан не переставая зевал, а походка Финиста, прежде легкая и стремительная, как полет хищной птицы, сделалась грузной и измученной. Герда решила побыть сегодня гласом разума. Она положила руку на плечо Финиста и вкрадчиво сказала:

— Давайте отъедем отсюда на пару верст, найдем подходящее место и отдохнем. Какой толк спешить, если от изнеможения мы свалимся на полпути?

Финист тяжело вздохнул, но все же согласился. Он усадил Дугаву в седло и шепнул что-то на ухо ее лошади. В неярком свете восходящего солнца Герда разглядела, что надпись на свитке из кургана загадочным образом изменилась — теперь на нем красовались странные крючковатые символы, о значении которых оставалось лишь гадать. Герда скатала его, засунула в кожаный футляр и спрятала в сумку. Кто знает, может, он еще пригодится. Да к тому же в любой книжной лавке такую диковинку с руками оторвут.

Они ехали по двое друг за другом: впереди Дугава на ступавшей нарочито осторожно Пустельге, старавшейся лишней раз не трясти свою всадницу, и присматривающий за ней Финист, Герда со Жданом сзади. Молчали. Кто-то слишком устал, чтобы говорить, а кому-то было просто неловко. Герде же приходилось слушать язвительные замечания кота по поводу того, что Финист не умел читать. Невидимый зверь в конец озлобился после неудачной попытки оборотня ее поцеловать. От котиного брюзжания сильно разболелась голова. Герда уже начинала подумывать, а не сбросить ли невыносимое животное с крупа лошади, чтобы оно поумерило свой пыл. Расправу предотвратил Ждан.

— Послушай, я... — неловко начал он, ровняясь с лошадьё Герды. — Я плохо к тебе относился. Мне казалось, ты можешь накликать на нас беду, и нечаянно сделал это сам, а ты... ты спасла нас, в то время как я был абсолютно бесполезен. Прости меня. Давай будем друзьями.

Герда ласково улыбнулась и кинула.

— У тебя были причины подозревать меня. То, что я увидела в иллюзии Дугавы, ужасно. Я не представляла, что так бывает. Людей жгут на кострах живьем... В нашей глуши никто о таком зверстве даже помыслить не мог.

— Голубые Капюшоны — это болезнь, поразившая нашу страну, — согласился Ждан.

— Видел их вблизи? — осторожно поинтересовалась Герда. — Как они выглядят?

— Как обычные люди, — явно не понимая, куда она клонит, ответил Ждан. — Разве что взгляд у них такой, словно въедается тебе в голову, потрошит ее, вываливая все мысли, как кишки наружу.

Герда передернула плечами.

— Но с Финистом нам ничего не страшно. Хотя я и не согласен с некоторыми его решениями, но надо отдать ему должное, сражаться он умеет. И дар его сильнее, чем у всех, кого я видел в этой хваленной Компании. Ему должны были дать высший ранг, а дали только второй и то с условием, что он доставит нас в вольные города Лапии. Не представляю, насколько все это должно быть для него унижительно.

— Но почему... — начало было Герда, но Ждан ее перебил.

— Он же из Заречья. Там такая нищета, что даже школ при церквях нет. Точнее, их не посещают. Не думаю, что у Финиста был хоть один шанс выучить грамоту в детстве и сомневаюсь, что оно вообще у него было.

Ждан с Гердой одновременно посмотрели на ссутулившуюся фигуру едущего впереди предводителя.

— Думаю, я могла бы ему помочь, — заметила Герда.

— Смотри, он очень упрямый, — предупредил Ждан.

Через пару часов, когда курганы остались далеко позади, а солнце выплыло из-за горизонта, путники спешили и разбили лагерь на небольшой поляне под пригорком. Финист развел костер, пока остальные доставали одеяла и укладывались спать. Он сам вызвался караулить, позволяя отдохнуть товарищам.

Пока они спали, Финист успел поймать и освежевать крупного зайца, нанизал тушку на палку и начал коптить ее на костре. Герда уже полчаса наблюдала за ним из-за полуопущенных век и решила встать, когда он уселся у костра и заморожено уставился на танцующие языки пламени.

— Тебя что-то гложет? — она решила зайти издалека и, усевшись рядом, тоже принялась пристально наблюдать за огнем.

— Мы опаздываем на встречу со зрителем голубиной станции в Утяне, — мрачно ответил он, не поднимая глаз. — Компании это явно придется не по вкусу... Да и деньги заканчиваются. Как четверо умудряются тратить вдесятеро больше одного?

Герда виновато улыбнулась:

— Прости, если бы не я, вы бы не потеряли столько времени и денег. Мы бы хотелось хоть как-то тебе помочь.

— Не стоит. Забудь, — попытался отмахнуться он, но Герда не сдавалась.

— Денег у меня нет, и я ничего особо не умею, но я могла бы научить тебя читать, — стараясь не выдать волнения, предложила Герда. Финист напрягся. Видно, идея пришлась ему не по вкусу. Герда решила не сдаваться: — Это не сложно, просто нужно немного практики, как с палками. И времени много отнимать не будет — всего полчаса в день. Ждан сказал, что в Компании тебе бы это очень пригодилось.

Лицо Финиста сохранило суровое выражение. Доводы разума его не трогали. Что ж, значит, снова придется давить на жалость. Герда взяла его за руку и заискивающе заглянула ему в глаза:

— Ну, пожалуйста. Может, если я научу тебя читать, то не буду чувствовать себя такой никчемной.

— Ладно-ладно, — проворчал Финист, смягчаясь. — Давай сюда свою книжку.

Герда придвинулась поближе, радуясь, что и на этот раз ее хитрость удалась.

Глава 7. Голубиная станция

Они уже неделю ехали по старому тракту, а расстояние сокращалось намного медленней, чем рассчитывал Финист. Начались дожди. Остановки приходилось делать более длинные. Порой дорогу преграждали поваленные деревья, и путники теряли драгоценное время на поиски обходного пути.

Чтение тоже давалось нелегко. Проклятые завитушки-буквы никак в слова складываться не хотели, а Финист больше отгадывал их по подсказкам Герды, чем действительно прочитывал. Она говорила, что делать все надо медленно, давая себе время вспомнить звук, соответствовавший каждой закорючке, произносить по слогам, но это казалось такой нелепостью.

— До-тель-гар-бер де-по-ни-чес-кий двойник человека, во-про-ша-ю-щий его низ-шие желания и ин-сти-кты, воз-ник-нув-ющий в о-пре-дель-ных условиях, как то близ-кая пи... ми...

— Гибель, Финист, гибель, это «г», — не выдержал Ждан и рассмеялся в голос.

— Все, с меня хватит! — взбеленился Финист, захлопывая книгу.

— погоди, мы ведь только начали. Попробуй еще раз, — умоляла Герда, исподтишка гневно поглядывая на Ждана.

— Мне не интересны все эти легенды и предания. Чтение мне абсолютно не нужно и не стоит даже время тратить, — он решительно встал. — К тому же пора выдвигаться. Сегодня к обеду мы должны быть в Утяне, так что поторопитесь.

— Там должна быть книжная лавка. Я раздобуду книгу, которая тебе понравится, — с надеждой заглянула ему в глаза девушка.

Финист лишь отмахнулся, пробормотал себе под нос «бесполезно» и отправился собирать вещи.

К обеду они, конечно, не успели и в Утяне оказались, только когда солнце уже благополучно минуло зенит. За проезд через городские ворота пришлось отдать половину оставшихся денег, зато городок оказался тихим и славным. Ремесла и торговля здесь процветали, дичи в окрестных лесах водилось вдоволь, только погода не жаловала. Но ведь старый тракт уходил далеко на север. Не удивительно, что с каждым днем становилось все холоднее.

Как только они вышли на рыночную площадь, Ждан оживился, как собака, принюхиваясь к запаху съестного.

— Смотрите, коновязь, а рядом должен быть постоянный двор и... харчевня!

Поспешно привязав поводья лошади к кольцу на протянутой между кольев веревке, он, забрав у Финиста остатки денег, рванулся к широким дубовым дверям с выщербленной вывеской, на которой был изображен импозантный гусь в соломенной шляпе.

Дугава тут же застряла у одного из прилавков.

— Ой, какие пояса красивые! — громко восхищалась она. — Такая вышивка богатая.

— Их у нас в Сулеце делают, а в Кундию на продажу возят, потому что у наших денег на такую роскошь не хватает, — ответила Герда.

— А какая нить. Чистый шелк! — Дугава протянула руку, чтобы потрогать, но бдительный лавочник тут же оттолкнул ее и смачно выругался.

— Только для мужчин, — смеясь, пояснила Герда. — Считается, что если пояса

коснется женщина, то золотые и серебряные нити в пряже потускнеют.

— Мужчины, — недовольно поморщилась Дугава и перешла к следующему прилавку.

Герда вернулась к Финисту, который остался у коновязи, чтобы распустить ремни на сбруе и напоить животных.

— Помощь не нужна? — поинтересовалась она.

Финист оценивающе глянул на нее, тяжело вздохнул и отрицательно покачал головой.

— Тогда я в книжную лавку сбегая. Она тут на углу, недалеко. Я ее, когда мы мимо проезжали, заметила. Скоро вернусь.

Финист печально смотрел на ее удаляющуюся спину. Разбежались и ладно. Может, оно и к лучшему. Хоть очередного его позора не увидят.

Разобравшись с лошадьми, Финист направился искать голубиную станцию. Небольшие домики с парой резных голубей на дверях находились на окраинах городов в тени леса, подальше от любопытных глаз. Найти их можно было, только если знать, где искать, но у Финиста были свои способы. Приложив ладонь ко лбу козырьком, он пристально глянул на небо. С крыши ближайшего дома к нему спустилась сизокрылая голубка и уселась на подставленную руку. Финист издал короткий курлыкающий звук. Голубка поднялась в воздух и полетела вдоль узких улочек на глухую окраину. Финист поспешил за ней, и вскоре птица вывела его к березовому перелеску. В глубине между белоствольными деревьями виднелась крохотная хижина. Голубка клювом постучала в дверь. Некоторое время было тихо. Казалось, что хижина давно заброшена, но первое впечатление было ошибочным. Вскоре до по-звериному обостренного слуха донесся неторопливый топот. Дверь распахнулась, и на пороге показался сутулый бородач в заплатанном тулупчике и драной шапке-ушанке.

— Не можете ли советом уставшему путнику, отче? — обратился к нему Финист.

— От чего ж не помочь добру молодцу. Да ты заходи, не стой на пороге, — поманил его старик.

Финист вошел и плотно прикрыл за собой дверь. Старик скинул тряпье, разогнул спину и резким движением оторвал от подбородка ненастоящую бороду.

— Финист Ясеньский? — деловито поинтересовался он. — Вы должны были прибыть сюда две недели назад.

— Непредвиденные обстоятельства, — пожал плечами Финист. — Возле Терешина едва не столкнулись с Голубыми Капюшонами. У них как раз новый сезон «собирания» начался. Пришлось сделать крюк.

— Опять детей воруют? — мрачно хмыкнул старик. — Что-то они в последнее время слишком деятельными стали, причем везде, не только в Веломовии. Уж не намечается ли очередная заваруха? Рано, слишком рано, нам еще хотя бы пару годиков продержаться, а там достаточно сил накопим: и отбиться сможем, и какие земли вернем.

Финист прекрасно понимал, что даже двух десятков лет Компании не хватит, чтобы собрать силы, способные хоть как-то противостоять единоверцам. Сейчас можно только по углам прятаться, в Лапии или Норикии, докуда Защитники пока не дотянули свои жадные ручищи, а о реванше даже и мечтать не стоит. Но он предпочел вслух свои соображения не высказывать.

— Так, вот тебе перо, бумага, садись и пиши, — велел офицер.

— Что? — испуганно переспросил Финист.

— Отчет пиши. Совсем процедуру забыл? — раздражаясь, повысил голос старик.

Финист сглотнул ставший в горле ком и принялся выводить на бумаге кривые загогулины, силясь вспомнить то, чему учила Герда. Офицер попытался через плечо заглянуть в написанное. Финист запнулся и поставил кляксу на пол-листа. Недовольно посмотрев на старика, он скомкал испорченный отчет и начал заново. На этот раз офицер поумерил любопытство и терпеливо дождался, пока Финист закончит. Как только он поставил последнюю точку, офицер вырвал у него письмо и попытался прочитать.

— Что это? — недоумевал он.

— У меня это... почерк плохой, — попытался оправдаться Финист.

— Это не почерк, это белиберда какая-то. Ты вообще грамоту-то знаешь?

Финист опустил глаза, словно стыдливая девица, заливаясь пунцовой краской.

— У, темнота! — проворчал офицер. — Неудивительно, что ты даже двух учеников не смог через Веломовию вовремя провести! Откуда только таких болванов набирают?

Финист скрипнул зубами, изо всех сил сдерживаясь, чтобы не вспылить.

— Ладно, сам отчет напишу, — офицер выхватил у Финиста перо и принялся за дело.

Теперь Финист заглядывал ему через плечо, чтобы иметь хотя бы смутное представление, что будет в отчете. И судя по тому, что Финисту удалось разобрать, офицер охарактеризовал его работу не в самом радужном свете.

— Ты еще здесь? — недовольно спросил старик, когда закончил писать отчет и отложил бумагу.

Финист замаялся и промышчал что-то неразборчивое, а потом, набравшись решимости, все же озвучил просьбу:

— Мне бы денег и оружия какого-нибудь получше. Вы ведь знаете, на дороге много лихого народа обретается. Да и зима на носу. Не хотелось бы морозить драгоценных учеников в дремучих Лапских лесах.

— Помнится, вам при выходе из Стольного должны были выделить достаточно крупную сумму на путевые расходы. На что вы ее потратили, хотелось бы мне знать? — офицер уже не скрывал свою неприязнь.

— На еду и ночлег. Поверьте, мы сэкономили на всем, чем можно. Даже лошадей не меняли, но денег все равно не хватило. Прошу вас, иначе нам нечего будет есть, — Финист никогда не умел гнуть спину, а тем более унижаться перед старшим по званию, но сейчас положение сложилось настолько отчаянное, что он уже был готов на коленях ползать. Только без толку.

— Не дам тебе денег, и не проси. Может, если разыграешь подобное представление на следующей станции, чего и перепадет, но только не от меня. Проваливай, пока я не добавил пару строк в отчете о расточительстве и неподобающем поведении.

— Дайте хотя бы оружие... Меч? — в отчаянии умолял Финист.

— Ладно, так уж и быть, — офицер откинул крышку большого дорожного сундука и начал рыться в наваленном безобразной кучей тряпье. На дне что-то звякнуло. Старик просиял и со злорадной ухмылкой извлек самый паршивый меч из всех, что Финисту приходилось видеть. Лезвие щедро покрывали зазубрины и ржавчина, а баланс оказался такой никудышный, что даже держать клинок было неудобно, не то, что размахивать.

— Удовлетворен? — испытующе глядя на него, спросил офицер. — И не говори потом, что я отказался тебе помочь.

Финист болезненно скривился и засунул меч за пояс. Стараясь оставаться как можно более почтительным, он поклонился и к вящей радости офицера покинул голубиную

Ждан успел плотно отобедать в харчевне постоянного двора и найти небольшую, но чистенькую комнату на ночь. На сытый желудок его вскоре сморил сон, и он позволил себе устроиться на одной из четырех кроватей, не дожидаясь товарищей. Но едва голова коснулась подушки, в комнату ворвалась взволнованная Дугава и принялась его распихивать.

— Что стряслось? — спросил он, плохо соображая спросонья.

— Финист! Кажется, он сильно перебрал в кабаке. Еле на ногах стоит. Да еще с кем-то спор затеял! Боюсь, будет драка, — сбивчиво говорила она.

— О, демоны! — простонал Ждан. — Где Герда?

— Еще не вернулась.

— Так найди ее.

— Где?

— В книжной лавке, где она еще может быть, по-твоему? Быстрее! Я постараюсь продержаться до вашего прихода, и будем надеяться, что втроем нам удастся его утихомирить.

Дугава понимающе кивнула и побежала на улицу. Ждан быстро оделся и направился в кабак. Там уже собралась толпа свирепого вида мужиков и что-то громко обсуждала. Ждану с трудом удалось протиснуться между ними, чтобы узнать, что их так взволновало. Возле прилавка кабатчика стояли двое особенно крупных и уже вконец окосевших выпивох. Они стакан за стаканом глушили крепкую настойку на меду и пряностях. На одинаковых малиновых лицах ярким пятном выделялись фиолетовые носы. Ждан с трудом признал в одном из пьянчуг своего предводителя.

Книжная лавка в Утяне оказалась не в пример больше дрисвятской, хотя книги здесь были в основном новые: религиозные со сводами единоверческих кодексов и проповедей четырех епископов, либо популярные нынче романы о несчастной любви рыцарей к прекрасным и по большей части замужним дамам. Ни то, ни другое не впечатляло, хотя Герда всегда считала, что неинтересных книг не бывает. Она долго вчитывалась в названия, проводя пальцами по кожаным корешкам, пролистывала особенно понравившиеся книги, но, не находя ничего, что бы показалось полезным для Финиста, ставила обратно. Из глубины книжных полок показался сухой долговязый лавочник. Он долго следил за Гердой. Поняв, что она не может ничего выбрать, сам стал предлагать свой товар. Привередливая покупательница лишь морщила вздернутый носик на каждую показанную книгу. В конце концов они потеряли друг к другу всякий интерес. Герда позаимствовала у лавочника табурет и начала обследовать верхние полки. Через полчаса безрезультатных поисков она тяжело вздохнула:

— И ничегошеньки-то у вас нет. Даже в нашем захолустье выбор получше был.

— Я привожу самые популярные книги из лучших типографий Каунаваса и Стольного.

Не понимаю, почему вам не нравится, — беспомощно развел руками лавочник.

— Самые популярные не значит хорошие, — усмехнулась Герда. — Но из уважения к вашему труду я все-таки возьму одну. Вот эту.

Она сняла с верхней полки старый потрепанный томик о видах оружия и искусстве дуэлей. Лавочник несказанно удивился, но цену озвучил немалую. Засунув руку в карман и обнаружив, что там пусто, Герда поджала губы и задумалась.

— Знаете, вы мне нравитесь. Такой внимательный к посетителям и цены скромные. Вместо денег я отдам вам одну о-очень редкую книгу в о-очень хорошем состоянии, — Герда протянула ему книгу, которую купил Финист в Дрисвятах, мысленно умоляя согласиться.

— «Предания старого Севера»? — сдвинув брови, прочитал лавочник. — А это не запрещено?

— Запрещено, но от этого она ведь только дороже, — она лукаво ему подмигнула.

«Давай же, соглашайся!»

— Идет, — медленно кивнул лавочник.

Она счастливо улыбнулась и сунула новое приобретение за пазуху. В этот момент громко ляпнула входная дверь.

— Герда! — позвала запыхавшаяся Дугава прямо с порога. — С Финистом беда!

Сердце ухнуло прямо в пятки. Не успев бросить и слова на прощание ничего не понимающему лавочнику, Герда помчалась вслед за подругой к кабаку.

— Финист, хватит, прошу тебя! — умолял Ждан, наблюдая, как предводитель опорожняет очередной стакан с наливкой. Глаза предводителя были мутные, а язык заплетался так, что, казалось, его обладатель вот-вот свалится в беспамятстве:

— Не мешай. Еще один стакан, и я точно выиграю. Смотри, какой он косой, — пивший вместе с ним мужик опрокинул в себя такой же наполненный до краев стакан и, смачно рыгнув, утер косматую бороду.

— Пропустите, — донеслось из-за спин столпившихся возле прилавка зрителей. — Да пропустите же вы!

Похоже, кому-то пришлось здорово поработать локтями, чтобы пробраться в гущу событий.

— Что здесь происходит? — от толпы отделилась тоненькая фигура и подобралась вплотную к прилавку.

Финист лениво повернул голову в ее сторону и осоловело улыбнулся:

— Кудесница леса пришла!

Соскользнув со стула, он распластался на полу уродливой кучей и громко захрапел. Герда бросилась поднимать его вместе со Жданом и подоспевшей чуть позже Дугавой.

— Эй, куда это вы наострились? — остановил их собутыльник Финиста, когда они тащили своего предводителя к постоялому двору. — А деньги?

— Какие деньги? — испуганно спросила Герда.

— Он проспорил мне деньги, — мужик бесцеремонно пнул Финиста ногой.

Герда перевела взгляд на товарищей. Те вывернули абсолютно пустые карманы и развели руками.

— Слушайте, что за шутки? Я стражу позову. Либо вы отдаете мне деньги, либо кто-то из вас занимает его место, — возмутился мужик, поняв, что с голодранцев взять ничего не получится.

Герда возвела взгляд к потолку и застонала.

— Хорошо, — мрачно сказала она после недолгого раздумья. — Отнесите его в комнату. Я все улажу.

Мужик глупо улыбнулся, пожирая глазами выпуклые части ее фигуры.

— Ты уверена? — встревожено спросил Ждан.

— Он еле на ногах стоит, скоро свалится, как наш. Идите, — бросила через плечо Герда и последовала за пьяным мужиком.

— Может, все-таки пойдем ко мне? — скабрзно ухмыляясь, спросил он, отодвигая перед ней стул у прилавка.

— Поверьте, вы этого не хотите, — мгновенно осадила его Герда. То ли учуяв краешком затуманенного выпивкой сознания исходившую от нее опасность, то ли просто не находя в себе силы настаивать, он уселся напротив и налил в стакан прозрачной жидкости.

— Дамы вперед, — все так же игриво сказал он.

Присутствующие затаили дыхание. Герда понюхала напиток, болезненно скривилась и, зажав нос, залпом выпила все содержимое стакана. Толпа одобряюще улюлюкала. Крепкий напиток обжигал внутренности. Голову тут же повело. Герда передернула плечами и, утерев губы, победоносно поставила стакан на стол.

— От демоница! — завистливо присвистнул мужик и опорожнил свой стакан.

К удивлению, в него влезло еще пять или шесть прежде, чем хмель сделал свое дело. Герде же пришлось незаметно выливать свои порции под стол, иначе она бы сама свалилась после второго стакана. В конце концов мужик все-таки рухнул на стойку. Толпа воодушевленно загудела и захлопала, словно никто не заметил, что Герда сжульничала. А может, им было все равно? Развеселившиеся посетители кабака еще долго поздравляли ее с победой и запевали похабные частушки про хитрую бабу и ее глупого муженька. Улизнуть удалось только к полуночи, когда горожане — те из них, кто еще стоял на ногах — отправились по домам, а остальных оставили отсыпаться на холодном полу кабака.

В глазах двоилось, голова кружилась, а ноги были словно ватные. Герда едва зашла за угол, чтобы никто не видел, как ее согнуло пополам и вывернуло наизнанку. За спиной раздалось деликатное покашливание.

— Все в порядке, — сиплым от слабости голосом простонала Герда. — Ненавижу сливовицу. Гадостней пошла они придумать не могли?

Она хлопнула носом и опустилась на колени — ноги уже совсем не держали. Ждан бережно поднял ее на руки и понес на постоянный двор. В комнате Дугава бросилась было к ним с расспросами, но, заметив в неярком свете лампадки землистый цвет лица Герды, решила отложить разговоры до завтра.

Сон долго не шел, а потом... потом Герда пожалела, что вообще легла в кровать. Всю оставшуюся ночь снилось, что у кота появилось человеческое тело и он отчитывает ее за «чрезмерное употребление крепких напитков с отягчающим обстоятельством в виде непотребного сострадания к безголовым болванам». Когда под утро Герда проснулась в холодном поту, возлежавший на подушке кот одарил ее таким укоризненным взглядом, что она готова была поверить, что хотя бы часть сна имела нечто общее с явью.

— Нам пора ехать, — мрачно заметила Герда, наблюдая из окна, как медленно, но

неумолимо городскую улицу затопляет свет восходящего солнца.

— Но ведь еще рано, — взмолился Ждан, садясь на кровати и сладко потягиваясь.

— Будет поздно, когда тот мужик проспится и снова придет требовать деньги.

Герда пихнула спавшего на соседней кровати пьяным сном Финиста. Он застонал и перевернулся на другой бок. Герда тихо выругалась и облила его водой из кувшина для умывания.

— Что за шутки? — сонно просипел он, не открывая глаз. — Не могу я никуда ехать. У меня все болит.

— Не надо было напиваться вчера вечером, — прикрикнул на него Ждан.

— Да что вы понимаете, — огрызнулся Финист, с трудом поднимаясь с кровати. — Живете себе, забот не знаете, а мне унижаться приходится. Кому какое дело, что я читать-писать не умею? Двадцать восемь лет без этого прожил и еще столько же собираюсь. В гробу я видал эту вшивую компанию с их первым рангом. Кучка зарвавшихся снобов, которые считают себя наследниками Стражей. Жалкие подражатели, вот они кто, а туда же, надеются у единоверцев землю отвоевать. Смешно, честное слово. Да они скорее на костер дружным строем пойдут, чем Защитников победят. А если не верят, то пусть... пусть хоть в Заречье приедут. Я сам покажу им то, что осталось от их хваленного «сопротивления».

— Выговорился? — нетерпеливо спросила Герда, повышая голос. — Полегчало? А теперь собирай вещи, пока нас самих на костер не отправили!

Финист изумленно глянул на нее, словно видел впервые, но все же подчинился. Через полчаса они уже выезжали из городских ворот.

Глава 8. Странствующий рыцарь

Всю первую половину дня Финист хмурился и причитал о своей тяжелой доле. Кот беспрестанно шипел на него и клял такими словами, о значении которых оставалось лишь догадываться. Не удивительно, что вскоре к похмелью Герды добавилась головная боль. Дугава со Жданом тоже порядочно устали от бесконечных жалоб своего предводителя, но тот хотя бы после обеденной стоянки взял себя в руки и замолчал, а к вечеру даже взбодрился, вытянулся в седле и, наслаждаясь прохладным осенним ветром, выслал Золотинку в плавный галоп. С котом дела обстояли сложнее, но и он в конце концов выдохся, свернулся клубком на лошадином крупе и уснул. Каким образом он держался в таком положении, Герда не представляла, но была несказанно рада представившейся передышке.

Ехали они долго. Финист никак не мог выбрать подходящее место для ночлега: останавливался, подозрительно смотрел по сторонам, казалось, даже к воздуху по-звериному принюхивался и ехал дальше. Уже начало светать, когда его спутники не выдержали.

— Давайте остановимся! — взмолилась Дугава.

— Рано еще, — буркнул в ответ предводитель.

— Кому рано, а кому поздно, — проворчал Ждан.

— Если не остановимся, то скоро упадем от изнеможения. И мы, и лошади, — поддержала ребят Герда. — Какой в этом толк?

Финист молча направил кобылу по дороге, ведущей к лесу. Вскоре они добрались до развилки. На северо-запад, как раз в нужном направлении, уходила широкая протоптанная тропа. Финист обернулся, подзывая спутников на разговор.

— Поедете туда, — он махнул рукой в сторону заросшей тропы, которую они до этого даже не замечали. — Найдете поляну и на ней остановитесь. Я присоединюсь позже.

Герда, Дугава и Ждан бросили последний взгляд на своего предводителя и поехали в лесную чащу. Финист дождался, пока они скрылись за поворотом, и пустил Золотинку во весь опор по наезженной дороге, поднимая столб пыли.

Они ехали уже достаточно долго, но ни одной поляны не видели. Вдоль тропинки лес шел очень густой. Деревья подступали к ней все ближе, их ветки нависали так низко, что пришлось спешиться — верхом бы они не проехали. Да и кони порядочно устали. Нужно было дать отдых их натруженным спинам. Однако спустя некоторое время путь перегородила поваленная разлапистая ель. Обойти ее с лошадьми никак не получалось — кругом был такой бурелом, что они переломали бы себе ноги.

— Возвращаемся обратно? — мрачно спросил Ждан.

Девушки переглянулись и пожали плечами, отпуская подпруги лошадям, чтобы они смогли немного попасться.

— Может, попробуем сдвинуть? — предложила Герда.

— Как ты себе это представляешь? — скептически хмыкнул Ждан, разглядывая мощный ствол.

— С помощью твоей силы, к примеру.

— Оно слишком тяжелое. Я не телекинетик высшего класса, мой дар ограничен, и сильно.

— Тогда давайте попробуем вместе, — не унималась Герда. — Мы с Дугавой будем

толкать руками, а ты поможешь левитацией.

На этом и порешили. Девушки уперлись в дерево руками. Ждан сосредоточил на нем все мысленные силы. От натуги по лбу покатился пот, из правой ноздри засочилась тонкая алая струйка. Дерево не сдвинулось ни на пядь.

— Бесполезно, — заключил он и уселся на землю. Девушки, тяжело, вздыхая, последовали за ним.

За поворотом послышались спешные шаги. И люди, и лошади устали настолько, что даже головы не повернули.

— Чего расселись? — крикнул Финист. — Я думал, вы уже на другой стороне леса.

Все трое послали ему измученные взгляды.

— Что у нас тут? Бревно? Вставайте, сейчас уберем. Ждан, левитируй. Дугава, Герда дружно толкаем на счет три, — с непрошибаемым энтузиазмом начал командовать он.

Пришлось подняться и занять свои старые позиции у дерева.

— Три!

Под общее кряхтение бревно медленно, но верно откатилось в сторону.

— Путь свободен. Чего вы ждете?

Ждан, Дугава и Герда в голос застонали.

— Ну что? Дойдем да поляны и отдохнем. Здесь все равно даже лечь негде, — понукал их Финист.

Пришлось двигаться. Поляна нашлась только через час, когда лес наконец-то поредел. Не обращая внимания на утренний холод, путешественники мигом повалились спать. Через пять минут лес уже оглашало мирное посапывание. Бодрствовал один Финист. Он достал из сумки меч и стал сосредоточенно очищать его от ржавчины. С сосновой ветки на плечо вспорхнула не приметная серая птица, что-то чирикнула на ухо и улетела. Финист вытряхнул все содержимое сумки на землю, нашел точильный камень и начал остервенело убирать с клинка зазубрины. Вскоре засуетилась Золотинка: тревожно сопела и прядала ушами в сторону дороги. До слуха донесся топот копыт. Финист встал, похлопал бдительную кобылу по шее и, приладив на поясе потертые ножны, разбудил товарищей.

— Что опять стряслось? — заворчал невыспавшийся Ждан.

Финист прижал палец к губам и кивнул в сторону тропы. Все замерли, с трепетом ожидая появления неизвестного гостя.

Тот ехал на крупном вороном жеребце с роскошной струящейся гривой, обрамляющей кругую шею. Одет неизвестный был в штаны из жесткой кожи и короткую кольчугу, на голове красовался сверкающий шлем в виде птичьей головы. Завидев его, Финист брезгливо скривился:

— Рыцарь.

— Сэр Ингмар из Каплиса, — снисходительно ухмыляясь, представился гость. — А вы — преступники против веры.

— Мы не преступники. Мы купцы, едем на ярмарку в-в-в... — замялась Дугава. Видно от страха не могла припомнить ни одно из местных названий.

— Вот как раз в Каплис и едем, — помог Ждан.

Герда прикрыла покрасневшее лицо рукой. Кажется, на этот раз точно попались.

— В Каплисе не проводятся ярмарки. Это небольшой гарнизон в ста верстах к югу от Дегойского леса. Хотя, вряд ли вы знаете, что этот лес называется Дегойским. Где же ваш товар, купцы? Вы собираетесь продавать на ярмарке этот никчемный меч? Или своих

загнанных кляч? Хотя вон от той кобылки даже я бы не отказался. У какого рыцаря вы ее украли?

Он вожделенно посмотрел в сторону Яшки. Та, будто поняв его слова, прижала уши, угрожающе посверкивая белками глаз.

— Ваши дорожные грамоты, — наконец, перешел к делу рыцарь.

— Вы не патрульный, — без тени интонации заметил Финист.

— Поговори мне еще! — рыцарь приставил клинок к его горлу.

Финист с самым невозмутимым видом перехватил лезвие пальцами и оттолкнул в сторону. Сэр Ингмар заметно напрягся, наблюдая, как Финист достал из-за пазухи бумаги, развернул и протянул их ему.

Рыцарь пробежал глазами по строкам. Над переносицей залегла тревожная морщина.

— Хорошая фальшивка, — цыкнул он. — Деревенщину какую, может, и обманет, но точно не рыцаря Кундского ордена.

Сэр Ингмар скомкал бумаги и швырнул в лицо Финисту, словно бросая вызов. Перчатка. Дуэль. Вот на что это было похоже.

Финист, как ни в чем не бывало, подобрал бумаги, бережно расправил их и спрятал обратно за пазуху.

— Что ж, вы нас вычислили, — неправдоподобно спокойным тоном признался он, сложив руки на груди. — Мы действительно бежавшие из Веломовии староверы. Вопрос в том, что вы будете с нами делать.

— Конкретно тебя вздерну на ближайшей осине, а остальных отведу в замок, где их будет судить наш сюзерен, — старательно удерживая снисходительную улыбку, объяснял сэр Ингмар.

— Надеюсь, вы понимаете, что нас это не устраивает, — в тон ему отвечал Финист.

Остальные уже не пытались встречать, наблюдая, затаив дыхание, чем закончится словесный поединок.

— И сей факт должен меня каким-то образом заботить? — первым дрогнул сэр Ингмар — в его голосе появились нотки раздражения.

Финист лишь вскинул брови и нарочито медленно кивнул:

— Вы ведь не думаете, что мы сдадимся без боя?

Улыбка рыцаря стала совсем уж натянутой.

— Что ж, я надеялся обойтись малой кровью, но видит Единый, вы меня вынуждаете. Кто ваш чемпион?

Финист посмотрел направо на своих спутников, потом налево в сторону пустой дороги. Потом пожал плечами и просто сказал:

— Наверное, я.

— Какой вид оружия выбираете?

— Раз уж вы рыцарь, то пусть будет конный бой на мечах.

— На загнанной кляче с никудышным клинком?

— Он заговоренный.

Финист достал из ножен чудо-оружие и продемонстрировал его рыцарю. Первым изучить меч решился притаившийся на соседнем дереве кот. Он дошел по ветке до самой головы Финиста и, понюхав ржавую сталь, задумчиво изрек:

— Удивительный человек!

Герде с трудом удалось сдержать смех.

— Не надейся, что это шарлатанство даст тебе преимущество. У меня есть амулет против всех чар, — сэр Ингмар достал из-за пазухи увесистый анк из потемневшего серебра. — Торговец диковинками дал личную гарантию, что с этой милой вещицей никакая нечисть мне не страшна, хоть я и не слишком верю во все это мракобесие. Но ты уже можешь начинать готовиться к встрече с Князем Тьмы или кто там у вас стережет врата Преисподней?

Герда аж поперхнулась от удивления. Амулет в виде креста с петлей на конце был действительно хорош... но только против неживого противника. Ни снять чары демонов, ни тем более заблокировать способности Стражей он не мог. Неужели, рыцари не знают даже таких простых вещей? Или этот конкретный рыцарь настолько глуп, что не может оценить доблесть и смекалку Финиста? С первого взгляда же видно, что оборотень не тот противник, которого можно недооценивать!

— Тогда, быть может, вы будете настолько любезны, что дадите нам время помолиться до полудня? — со смиренным видом попросил Финист.

Сэр Ингмар закусил губу в раздумии. Должно быть, кодекс чести предписывал относиться милосердно даже к врагам, тем более, когда победа почти у тебя в кармане.

— Так и быть, в полдень на этом же месте. Но если вы сбежите...

— Не сбежим. Как вы верно подметили, наши лошади выдохлись, да и мы тоже.

Рыцарь кивнул и направил застоявшегося коня обратно к полю.

— Напыщенный болван, — пробурчал Финист себе под нос, как только сэр Ингмар скрылся за пригорком, а потом повернулся к товарищам: — Что рты разинули? Солнце уже высоко. Ждан, забирайся на дерево, будешь тренировать левитацию. Дугава, сделай нам ветер, чтобы крылышки этого птенчика унесли его под самое небо. Герда, сбегай на разведку, туда, куда этот осел уехал, только осторожно. Вот тебе корзина на случай, если на пути встретишь что съедобное. А я пойду подстрелю чего-нибудь нам на обед в этом самом Дегойском лесу — или как он его назвал?

Финист волновался зря — поля оказались совершенно пустыми и невозделанными. Человеческого жилья нигде видно не было. Герда зашла в небольшой перелесок. Спустилась в ложбинку, на дне которой обнаружилось несколько кочек, густо покрытых налившейся клюквой. Кот сидел рядом, пока она собирала ягоды в корзину.

— Меч Финиста действительно заговоренный? — спросила она, отгоняя от лица назойливых комаров.

— Этот голодранец похож на того, кто может позволить себе могущественный артефакт?

Герда пожала плечами.

— Но с ним ведь все будет в порядке?

— Думаю, да. Хитрости ему не занимать, а вот умишка маловато. Но у того рыцаря, похоже, с этим еще хуже. Почему ты беспокоишься? Он тебе нравится?

Герда густо покраснела.

— Если Финист проиграет, нас будут судить.

— Их будут судить. Они — повстанцы из компании Норн, а ты — случайная попутчица.

— Я убила Вальдемара.

— Это была не ты.

Герда замолчала и отвернулась, вытирая рукавом некстати навернувшиеся на глаза слезы.

К тому времени, как Герда вернулась в лагерь, Финист уже сидел у костра и ошипывал жирного тетерева, наблюдая одним глазом за успехами своих учеников. Грузный Ждан с трудом забирался на дерево по тонким веткам, а потом долго и нерешительно смотрел с верхушки на землю. Дугава, посмеиваясь над ним, кружилась, изображая руками ветер. Тот, вторя ее движениям, колыхал разноцветную осеннюю листву и раскачивал ветки, вынуждая Ждана прыгать вниз. Он летел, закрыв глаза от страха, неловко, страшно, но все же замедлялся у самой земли и плавно становился на ноги.

Герда с тоской смотрела на их веселье. Каждый из них был особенным, непохожим на тех людей, которых она знала раньше. Они обладали даром, который позволял им делать такие невероятные вещи. Как же ей хотелось веселиться вместе с ними, учиться летать, создавать иллюзии, говорить с животными, слышать и видеть то, что недоступно простым смертным. Обладай она хоть крупицей, хоть самой ничтожной толикой дара, ей бы обязательно открылись сокровенные тайны и, быть может... быть может, хоть на мгновение она бы снова увидела Охотника. Но это невозможно. Дар не появляется из ниоткуда, а мертвые не возвращаются с противоположного берега подземной реки. Никогда.

Финист тронул Герду за локоть, привлекая внимание. Он словно догадался, о чем она только что думала, и смотрел протяжно, по-доброму, так, как никто раньше на нее не смотрел.

— Я тут подумал, — с трудом выцеживал из себя слова Финист. — Если твое предложение научить меня читать еще в силе...

Не дожидаясь продолжения, Герда помчалась к своей сумке и достала приобретенную в Утяне книгу.

— Это, я думаю, заинтересует тебя куда больше «Преданий Севера».

— Ви-ды о-ору-жия и и-и-ис-ку-ство дуэлей в се-се-верных странах Мидгарда, — преодолевая себя, прочитал Финист название с обложки. — В книгах пишут даже про драки?

— В книгах пишут про все, — подбадривающе подмигнула Герда. — А тебе самому не надо к драке готовиться? Может, отложим урок?

— А как ты к ней подготовишься? — усмехнулся он. — Золотинке вот действительно надо отдохнуть — ей сложнее всего придется, а мне... Мне просто надо чем-нибудь себя занять, чтобы не думать.

— О драке?

— Да нет. О жизни.

— Все еще расстраиваешься из-за Компании? Как же ее?

— Норн, компания Норн. Просто я не привык к такому обществу, к их манерам, поведению. В дружине все было куда проще. Как ты сражался, так к тебе и относились. И не надо было ни перед кем спину гнуть, лебезить и в глазки заглядывать, чтобы тебя потом унижали и попрекали коркой хлеба. А здесь я все время чувствую себя не в своей тарелке. Темным безграмотным деревенщиной, ничтожным, глупым... живущим на подачки богатых господ. Я жалок, да?

Герда покачала головой.

— Грамоту может выучить каждый, а вот отвага и доблесть дается далеко не всем.

— Ты мне льстишь. Давай читать.

Сэр Ингмар и сам был рад предоставленной передышке. Он спешно вернулся к своему оруженосцу, который уже успел разбить лагерь на другом краю Дегойского леса. Мальчишка был исправный, старательный. Всей душой болел за славное дело Кундского ордена. Поначалу сэр Ингмар относился к навязанному кузиной нескладному подростку со слишком детским именем Герби как к обузе, но когда поближе узнал его, по достоинству оценил за расторопность и ответственность — весьма ценные в службе оруженосца качества. Впрочем, и будущего рыцаря эти добродетели тоже не посрамят. Но молодежь следует держать в ежовых рукавицах, а, разбаловав похвалой, легко уничтожить все зачатки рыцарской доблести на корню, поселив в неокрепшем разуме недопустимую гордыню.

Герби занимался конем, пока сэр Ингмар рассказывал ему о встрече со староверами. Рыцарь заметил их еще в Утяне, когда белобрысая девка так ловко заморочила голову хозяину книжной лавки, что тот сам отдал ей товар, забыв об оплате, а потом проделала то же самое с посетителями кабака, когда спасала их безголового предводителя от гнева местного выпивохи.

Сколько такая немочь могла выпить? Стакан. Самое большое — два. Но продержалась каким-то образом до десятого. После ее ухода сэр Ингмар пытался открыть людям глаза на эту странность, но все как один повторяли, что «баба выиграла честно, а если даже и схитрила, то все равно молодец, потому что с задиры Крёнаса спесь сбила». Повальное радушие к чужакам очень настораживало.

По дорогам сейчас много разного лихого люда обретается: бродяги и нищие, изгои да наемники, но хуже всех шарлатаны, обирающие доверчивых простолюдинов до нитки. Уж эти-то и без всякого колдовства могут кому угодно голову заморочить. Сэр Ингмар был уверен, что нарвался именно на такую шайку. Недаром же они ни свет ни заря на следующее утро в путь двинулись, хотя двое из них явно еще от похмелья не отошли. И выбрали не широкую наезженную купеческую дорогу, а старый заброшенный тракт, подтвердив худшие опасения рыцаря. Честные люди определенно так бы не поступили. Сэр Ингмар решил покарать разбойников до того, как они найдут новую жертву.

Но стоило ему приблизиться к четверке путников, как их рыжий предводитель, явно почувствовав слежку, начал петлять, как заяц, а потом и вовсе увел рыцаря в сторону от остальной компании и сам словно в воздухе растворился. Пришлось оставить Герби со столь необходимыми, но все же замедлявшими вещами и отправляться на поиски одному. Нагнать шайку удалось лишь на опушке, где те как-то уж слишком беспечно разбили лагерь. Или просто надоело играть в кошки-мышки? Судя по тому, как невозмутимо держался рыжий, все же второе.

Но насколько он должен быть недалновиден, если решился предложить поединок рыцарю, участвовавшему в трех десятках турнирах и победившему в большей части из них? Вот если бы это случилось вчера, то сэр Ингмар легко поверил бы, что враг его просто глупец, который полагается лишь на собственную удачу. Но сегодня рыжий совсем не походил на занятого лишь жалостью к себе неудачника, каким он показался рыцарю, когда напился вдрызг в городском кабаке. Оружие он держал как бывалый воин, повадками сильно напоминал наемников — такой же циничный и наглый. Только глаза. Было в них что-то такое... Тревожное? Нет, подобные суеверия простительны лишь для темных староверов, а доблестный рыцарь должен мыслить здраво и рационально. Если рыжий — наемник, то, наверняка, пойдет на подлость, чтобы одержать победу. Поэтому и попросил о передышке. Но рыцаря из Кундского ордена на мякине не проведешь. Надо себя обезопасить.

Сэр Ингмар подозвал оруженосца и зашептал на ухо, опасаясь, что могут подслушать. Кто знает этих разбойников? Вдруг они следом соглядатая послали?

Время до полудня прошло слишком быстро. Едва Герби успел облачить сэра Ингмара в доспехи, пришла пора выступать. К лагерю разбойников подошли с тыла. Оставив оруженосца караулить в засаде, рыцарь сделал небольшую петлю по полям и вернулся на ту дорогу, по которой ехал в прошлый раз.

Погода стояла теплая. Даже слишком для осени. Солнце находилось в зените и ощутимо припекало. По спине струился пот. Толстый стегач под лапами неприятно лип к телу. Оставалось только надеяться, что схватка закончится быстро.

Лагерь разбойников выглядел слишком спокойно, словно они никакой схватки не ждали: на ветвях деревьев развешаны сушиться одеяла, расседланные лошади мирно пасутся на не успевшей еще пожухнуть траве, у ручья чуть поодаль чистит котлы невысокий полноватый парень, девки штопают возле костра одежду и весело о чем-то переговариваются, предводитель сосредоточенно сбривает щетину, внимательно всматриваясь в кривой осколок зеркала. Пришлось немного пошуметь, чтобы разбойники обратили хоть какое-то внимание на стремительно приближающегося неприятеля.

Рыжий вскинул голову и удивленно присвистнул. Видимо, не ожидал увидеть рыцаря в полном облачении. Сам-то он даже переодеться не соизволил — был все в той же затертой серой рубахе, заплатанных штанах и сильно поношенных сапогах. Издевается? Хотя бы кольчугу надел для приличия. Или у них даже на такую малость денег нет? Что же они за разбойники, нищие совсем?

Рыжий вытер лицо, встал на ноги и свистом (вот уж точно — соловей-разбойник, про которого детям малым страшные сказки на ночь рассказывают) подозвал свою тощую кобылу. Быстро накинув седло с уздечкой, он на ходу запрыгнул на конскую спину и выехал навстречу рыцарю. Удалой наездник, придется признать. Рыжий остановился в нескольких шагах от сэра Ингмара и вдохнул полной грудью, словно это его последний глоток воздуха. Боится?

— Успел помолиться своим демонам, старовер? — ехидно поинтересовался сэр Ингмар.

— Мы, в отличие от вас, демонам не молимся, — ответил рыжий, небрежно откидываясь на заднюю луку седла.

— Защищайся! — по турнирной привычке выкрикнул сэр Ингмар и помчался в атаку.

Огромный меч рыцаря взлетел в воздух — он вот-вот должен был разрубить противника вместе с его лошадью, но в последний момент кобыла отскочила в сторону. Удар поразил пустоту.

— Что? — обескуражено вскричал рыцарь, с трудом разворачивая коня лицом к противнику.

Кобыла неподвижно застыла, широко расставив ноги. Рыжий сидел на ней с совершенно невозмутимым, даже отстраненным видом. Рыцарь снова понесся на них, внимательно следя за каждым движением лошади. Но она опять каким-то невообразимым образом увернулась от атаки. Сэр Ингмар долго гонялся за постоянно ускользящим противником по полю. Теперь упрел уже не только рыцарь. Жеребец тоже покрылся пеной. Ноздри широко раздувались, а бока ходили ходуном под ногами.

— Перестань бегать и встречай атаки лицом к лицу, как настоящий рыцарь! — рассерженно взревел сэр Ингмар.

— Разве я похож на рыцаря? — съязвил разбойник. Уж он-то усталым совсем не

казался, да и лошадь под ним дышала абсолютно ровно. Явно издеваясь, рыжий повернул кобылу задом, выставляя напоказ ее куцый хвост.

Разъяренный сэр Ингмар хлестнул коня, направляя его на обнажившего тылы противника. Разбойник лишь повернул голову в его сторону, глядя на опушку леса позади рыцаря, где частоколом выстроились высоченные разлапистые ели. Сэр Ингмар поравнялся с ним и уже занес клинок для удара, но вдруг жеребец встал, как вкопанный. Рыцаря качнуло вперед. От неожиданности он чуть не вывалился из седла. Выругавшись, сэр Ингмар со всей силы всадил шпоры в конские бока. Жеребец встал на дыбы, взбрыкивая всем телом. Рыцарь железной перчаткой взгрел строптивного скакуна по ушам. Ошалев от тяжелого удара, жеребец все же принял горизонтальное положение.

— Раз не рыцарь, значит, и честного боя не заслуживаешь! — крикнул воодушевленный победой над конем сэр Ингмар и, выхватив притороченный к поясу кистень, устремился к противнику.

— Ах так! — с наигранной обидой воскликнул рыжий. — Тогда и я, пожалуй, схитрю.

И смело направил кобылу на скачущего во весь опор рыцаря. Сэр Ингмар замахнулся первым. Разбойник нацелил меч на цепь, соединявшую деревянную рукоять со стальным биллом. Металл заскрежетал об металл. Цепь намоталась на клинок. Рыцарь удивленно замер, столкнувшись с хищным взглядом желтых глаз противника. Так вот почему они не давали сэру Ингмару покоя! До этого круглый зрачок превратился в тонкую вертикальную полоску. Внутри ставшей невероятно яркой радужки плясали странные всполохи.

«Точно, колдун!» — терял последние остатки хладнокровия сэр Ингмар. Он-то всегда считал рассказы о ведьмах и демонах суеверными предрассудками, которые использовали Голубые Капюшоны, чтобы оправдывать бесчисленные казни неугодных людей.

В полном оцепенении сэр Ингмар наблюдал, как рыжий потянул на себя оружие и взревел, как готовящийся к драке жеребец.

— Стреляй! — иступлено закричал рыцарь своему оруженосцу, вырываясь из колдовского наваждения.

Жеребец испуганно шарахнулся. Сэр Ингмар не удержался и, громыхая железным доспехом, распластался на земле. Конь трусливо понесся прочь, подбадривая себя истошным ржанием. Рыцарь тряхнул головой и принялся искать взглядом противника, но тот словно в воздухе растворился. Вместо него с седла мосластой кобылы вспорхнул крупный сокол. Рядом с птицей тут же просвистела выпущенная оруженосцем стрела. За ней еще одна. Но демонов сокол оказалась слишком проворным: легко ускользнул и, издав настолько громкий боевой клич, что заложило уши, спикировал на землю.

Со стороны опушки ему начали вторить писклявые синицы. Их перекрыл истошный человеческий вопль. С ближайшей к поляне ели рухнул Герби, преследуемый огромной стаей мелких птиц.

— Сдаешься? — послышался над рыцарем издевательский голос. Забрало шлема небрежно откинули острием его же собственного меча. На сэра Ингмара снова уставились нечеловеческие глаза разбойника.

— Убей меня, — сдавленно прохрипел рыцарь. — Возьми коня, только не срами честь рыцаря!

— Вот еще, — брезгливо сплюнул рыжий. Только сейчас сэр Ингмар заметил, что противник возвышается над ним абсолютно голый. Да, вряд ли этому человеку ведомо, что такое срам. Круглолицый парень из его спутников спешно накидывал разбойнику на плечи

залаганный дорожный плащ. Обе девки бежали к стонавшему у опушки оруженосцу. Добить что ли захотели?

— Не стану я руки об такую мразь марать, — продолжил говорить предводитель разбойников. — И конь мне твой ни к чему. Ищи его теперь по долам и весям.

Рыцарь огляделся. Жеребца и след простыл. Недостойное трусливое животное!

— А вот это, — разбойник снял с шеи рыцаря амулет и сунул за пазуху, — и меч я, пожалуй, возьму в качестве трофеев.

Сэр Ингмар зашипел. Без меча и коня его в ордене засмеют, а если узнают, как он их лишился... Лучше смерть! Сэр Ингмар попытался подняться, но без помощи Герби это оказалось не так-то просто. Последний уже ковылял к нему, придерживаясь за плечи оказавшихся удивительно добросердечными девок.

Рыжий протянул руку сэру Ингмару, презрительно щурясь:

— Надоело смотреть на жалкие потуги.

Хорошенько поднатужившись, разбойник поставил рыцаря на ноги и с видом собственного превосходства заявил:

— Не говори потом, что староверам не ведомо благородство.

Сэр Ингмар поморщился. Остатки гордости спешно капитулировали перед не испытанным доселе унижением. Принимать помощь от колдуна!

— Я еще вернусь, — пробурчал рыцарь себе под нос, когда Герби, наконец, добрался до места схватки и принялся спешно снимать со своего милорда шлем. — Вернусь с подмогой!

— И я расскажу этой подмоге, как посрамил славного рыцаря. Как его имя?

— Сэр Ингмар, — хором напомнили подручные рыжего.

Оруженосец потупился, прижимая к груди шлем. Видно, считал себя виноватым в победе староверов. Не стоит его разубеждать.

— Нечисть! — сплюнул сэр Ингмар и вместе с мальчишкой медленно побрел на поиски своего боевого коня.

— Будем собирать вещи? — спросил Ждан.

— Думаю, мы вполне можем остаться здесь на ночь, — весело подмигнул Финист, расседливая Золотинку.

— А вдруг они про нас уже рассказали в гарнизоне? — переполошилась Дугава

— Вряд ли рыцарская гордость позволила бы им это сделать, а коня еще долго искать придется. Я его знатно припугнул, — улыбка оборотня стала гораздо шире и злораднее.

Глава 9. Варги

— Плыви сюда, рыбка, — приговаривала Герда, застыв посреди широкого ручья с длинной зазубренной на конце палкой. — Ну, давай же!

Подпрыгнув от азарта, она плюхнула палкой по воде, которая буквально кипела от идущей на нерест форели.

Финист сидел рядом на берегу и ловко плел корзину из ивовых прутьев, исподтишка любуясь раздумавшимся лицом Герды, обрамленным короткими прядками волос сладкого медового цвета. Движения облаченной в потертые штаны и мешковатую рубаху хрупкой фигурки были еще по-детски резкие и неловкие. Но при этом девушка умудрялась выглядеть настолько трогательно и искренне, что казалась дивным существом, сотканным из солнечного света и кристально чистой воды горного ручья. Именно такую девушку Финист всегда искал: чистую, нежную, понимающую. Только вот как намекнуть, что он испытывает нечто большее, чем дружескую привязанность и не спугнуть при этом? Она ведь от одного неверного взгляда как осиновый лист на ветру колотиться начинает.

— Да стой же ты! — с досадой воскликнула Герда, обнаружив, что рыба ушла.

— Тише, так ты ее всю распугаешь, — посмеивался над ее тщетными попытками Ждан. — И мы останемся без завтрака.

— Успокойся, замри и выжидай, — принялся наставлять ее Финист, старательно пряча глаза. — Улучи момент и бей, не раздумывая. Это поможет тебе научиться концентрироваться и предугадывать действия противника во время боя.

Герда напряглась, прицелилась и... снова промазала. Плутовка проскочила всего в одном пальце от палки. Герда вскрикнула от досады.

— Неумеха! — обозвал ее кот. — Это же так просто.

Он присел на краю ручья и, размахивая хвостом, начал пристально вглядываться в прозрачный ручей. Как только рыба подплыла поближе, кот резко плюхнул лапами по воде и вытянул добычу на берег. Герда завистливо посмотрела на рыжего хитреца. Даже он может это сделать. А она... она самое неуклюжее, глупое и никчемное существо на свете!

— Давай еще раз. У тебя обязательно получится, — неумело подбодрил Финист.

Герда скривилась, но все же вернулась в воду. Если бы все взгляды не были устремлены на нее, она давно бы уже сдалась, забилась куда-нибудь под куст и расплакалась.

— Не гоняйся за рыбой, а жди, пока она сама подплывет к тебе, — теперь советовал кот. — Видишь ее? Зови, уговаривай, ты ведь хочешь съесть рыбу? Нет, жди, еще жди. Теперь давай.

Палка рассекла воду и воткнулась в рыбий бочок.

— Я же говорил, что просто, — самодовольно ухмыльнулся кот.

— Молодец! Такая рыбалка должна научить тебя концентрации и выдержке, — Финист, наконец, закончил корзину и похлопал Герду по плечу. — А теперь дай мне.

Он зачерпнул кишевшую в ручье рыбу и отправил весь улов в котел.

— Ты тоже молодец, — заметила Герда, разглядывая четко выведенные на мокром песке слова. Письмо давалось Финисту куда легче, чем чтение. Буквы пока выходили не очень аккуратные, зато в словах ошибок практически не было.

Позавтракав ухой из форели, путники двинулись дальше вдоль северного тракта, который вел прямо в Лапию. Стояли последние дни месяца костричника, сухие и теплые.

Ведьмино лето — так называли эту пору старые жители кундских земель. Верно, такой она была, колдовской, таинственной. Печально шелестели пестрые листья в кронах деревьев, то тут, то там отрывались от веток и, оттанцовывая последний хоровод на ветру, хоронились в сырой земле. Звуки замирали, природа погружалась в безмятежную негу, готовясь к долгому, дурманному сну.

Лошади тоже шагали вяло, спотыкаясь на ходу, и уже не обращали на понукания всадников никакого внимания. Постепенно и люди оказывались в плену сладостной полудремы. Так догорал день и год. Лиловые сумерки медленно опускались на старый лес. Он смутно напоминал Герде Дикую пуцу — такой же мрачный, дремучий, таящий внутри нечто опасное, неизведанное.

На ночлег остановились с первыми звездами. В костричник они были особенно яркие, горели, как небесное пламя, указывающее путь домой заблудшим детям. Только у четверых путников дома не было. Прошло два месяца с тех пор, как они покинули Дрисвяты. Ночи стали длиннее и холоднее, а природа суровее, но все равно кундские земли оказались куда гостеприимнее, чем думалось вначале. В мелких деревнях, вдали от рыцарских замков, путников с удовольствием привечали на ночлег селяне, охочие до слухов из дальних земель не меньше, чем до звонкой монеты в кошельке. Жаль, что вблизи этого леса не оказалось ни одного села. Видно, действительно было что-то зловещее в его тенистых чащах, то, от чего люди предпочитали держаться подальше.

Герда тяжело вздохнула, глядя на сияющую звезду — наконечник стрелы созвездия охотника, указывающую на север. Что ждет ее там? Тоска и одиночество. Руки мягко скользили по кошачьей шерсти. Это усыпляло хандру, вселяло уверенность, что хоть кто-то не покинет ее до конца.

Остальные путешественники сидели в такой же задумчивости. Старый лес и тихая осенняя погода настраивали на сонный лад. Финист ремонтировал седло Ждана, напевая себе под нос. Дугава молча разминала затекшие от длительной езды ноги. Ждан тихонько посапывал подальше от костра.

Неожиданно по спине Герды пробежал холодок, заставив ее вздрогнуть. Раздался пронзительный вой. Путники разом встрепенулись. Даже Ждан проснулся и сел, опершись спиной о дерево.

— Волки? — испуганно спросила Дугава.

— Это не волки, — ответила Герда. Зубы стучали от страха.

Лошади тоже что-то почувствовали, напряженно вглядываясь в ночную тьму.

— Варги, думаю, это они, — продолжила она. — Похожие на волков демоны, только в два раза больше и опаснее. Они водились на кундских землях в старину. Заманивали людей в чащи и раздирали их на куски. По легендам, они даже могли подражать человеческой речи и смеху... Правда, последний варг был убит более ста лет назад главой Стражей Кундии, когда напал на крестьянскую девочку и ее бабушку.

— Опять сказки? Герда, заканчивай нас пугать. И так после твоих историй по ночам спать страшно, — начал отчитывать ее Ждан.

Финист поморщился.

— Боюсь, что на этот раз все-таки не сказки. Судя по звуку, это демоны. Варги ли, не знаю. Они вполне могли расплодиться за это время, ведь Стражей, которые на них охотились, больше нет.

— Но ты же все равно сможешь с ними договориться? — Дугава явно надеялась на

мирный исход дела.

— С демонами не поговоришь, как с обычными животными. Они следуют только своей демонической воле, — покачал головой Финист. — Поэтому нам лучше поскорей убраться отсюда.

Путники быстро собрались. За время путешествия они здорово поднаторели срываться с места за считанные минуты, ведь неведомые опасности поджидали за каждым изгибом дороги. К тому же, усиливающийся вой подстегивал седлать и без того готовых в любой момент броситься наутек лошадей как можно быстрее. Через мгновение они уже мчались прочь из леса, подальше от зловещего воя. Но тот продолжал неумолимо надвигаться, становясь все ближе и ближе с каждым шагом.

— Они нас запутали! — закричала Дугава откуда-то сзади. Благодаря дару иллюзиониста ее взор проникал сквозь демонический морок, но недостаточно быстро, чтобы спастись. — Мы бежим им навстречу!

И правда, через мгновение дорогу заступила стая рыжих с темно-бурыми полосами по хребту гигантских волков. Огромные глаза с вертикальными зрачками ярко светились в ночной тьме. Демоны медлили, глухо рыча и вздыбливая загрибки. Как будто ждали смельчака из своих, который первым осмелится броситься под конские копыта. Финист демонстративно вынул меч из ножен и, не отрывая глаз от варгов, крикнул товарищам:

— Скачите назад и не оборачивайтесь. Герда поведет. Дугава, смотри, чтобы снова в морок не попались. За меня не беспокойтесь.

Они не стали спорить. Герда резко развернула кобылу и выслала в галоп. Дугава со Жданом ехали следом. Послышалось грозное рычание, а потом визг, возвестивший начало схватки. Кони от страха прибавили ход. Они неслись, не разбирая дороги. Лес вокруг слился в одну неразличимую полосу. Сердце бешено колотилось в груди. Быстрее, дальше, только не останавливаться. Остановка — смерть. Герда что есть мочи пихала кобылу пятками, впервые в жизни сожалея, что в руке не было прута, чтоб сильнее подстегнуть ее.

— Слишком быстро, — взмолился Ждан. — Толстун сейчас упадет!

— Да что там Толстун, я сама сейчас упаду! Герда, тише, умоляю! — чуть ли не плача, кричала Дугава.

Герда откинулась назад, придерживая кобылу.

Неожиданно посреди дороги возникла одинокая фигура в длинном плаще. Лошади сбились на рысь.

— Стойте! Погодите! Помогите мне, люди!

— Нет! Нет! Это еще один морок! — закричала Дугава.

Герда и сама видела, как зловеще сверкали глаза незнакомца, а из-под плаща проступали звериные черты.

— Сворачивайте направо! — скомандовала Герда.

— По бездорожью? — испугался Ждан.

Думать времени не было. Дугава первая свернула в чащу. Толстун, всегда следовавший за ее кобылой, не стал ждать команды от всадника и потрусил следом.

Яшка хотела было рвануть за ними, но Герда коротко набрала поводья, развернула ее мордой на незнакомца и со всех сил вжала пятки в бока — надо было увести преследователей от товарищей.

Яшка сделала пару широких скачков, оттолкнулась от земли и перелетела через фигуру в мгновение ока обретшую очертания варга. Он щелкнул зубами прямо у копыт. Яшка в

воздухе попыталась ударить его, но он молниеносно увернулся.

Герда гнала кобылу вперед. Ветер свистел в ушах. Глаза слезились от бешеной скачки. По множущемуся вою стало понятно, что к первому варгу присоединилось еще несколько. Все они клацали зубами, ни на шаг не оставляя жертву.

«Надо свернуть, — мелькнула шальная мысль. — Один раз получилось, значит, и во второй должно помочь».

Впереди слева показался свободный от леса пригорок.

— Давай, милая! — закричала кобыле Герда.

Яшка послушно повернула. Они понеслись вверх по крутому склону. Некоторое время было тихо, и в душе затеплилась надежда, что они оторвались, но когда Герда уже собралась останавливать лошадь, сзади послышался смех. Она обернулась: с трех сторон их окружал с десяток варгов. Они смеялись, жутко скаля приплюснутые морды. Прижимали уши и боком пятились в стороны, заключая свои жертвы в кольцо.

— Но! Но! Вперед! — в отчаянии закричала Герда. Яшка прибавила, выжимая из себя последние силы. Впереди показалась глубокая расселина. Сажени три, может, четыре в ширину. Варги захохотали громче, будто издеваясь.

«Уж лучше мы разобьемся», — обреченно подумала Герда. Яшка меж тем все набирала и набирала темп. Герда никогда не думала, что ее лошадь может бежать так быстро. Глаза сами собой закрылись от страха. Кобыла оттолкнулась от края пропасти и взмыла в воздух. Варги бросились следом, но, не долетев до противоположного края, рухнули на острые камни. Герду вышибло из седла, и она повисла на шее лошади. Копыта гулко ударились об землю. С трудом верилось, что Яшке удалось перепрыгнуть, но они все еще были живы. Кобыла продолжала бег, несмотря на то, что Герда кулем болталась у нее под шеей. Рядом раздался мелодичный свист.

— Тише, милая, тише, — послышался голос Финиста.

Яшка начала замедляться, и он ухватил ее за повод. Герда плавно скатилась на землю.

— Ну, вы даете! — воскликнул Финист. Вид у него был крайне ошалелый: глаза широко распахнуты, всклокоченные волосы стоят дыбом.

Герда слабо улыбнулась, не в силах унять бешено колотившееся сердце.

— О чем ты только думала, когда эти скачки наперегонки с варгами устроила? — отчитывал ее Финист. — Еще чуть-чуть, и они разодрали бы тебя в клочья! А эта расселина? Вы чудом через нее перескочили!

Яшка недовольно фыркнула. Финист скосил на нее глаза.

— Сумасшедшая кобыла.

— А? — не поняла Герда.

— Она говорит, что ей понравилось, и она хочет еще через что-нибудь перепрыгнуть, — пояснил Финист. Герда не выдержала и громко засмеялась.

— Извини, это нервное, — попыталась оправдаться она. Но Финист махнул рукой.

— Где остальные?

— Они свернули на бездорожье. Должно быть, ждут нас там.

— Ты их бросила?!

— Я увела от них варгов!

Финист по-звериному взвыл, не найдя лучшего способа выразить негодование, свистнул пасшейся неподалеку Золотинке и направился обратно в лес. Герда поспешила за ним. Оборотень шел быстро, издавая низкие ухающие звуки, на которые слетались мелкие ночные

птицы и указывали ему дорогу.

Чем дальше они шли, тем больше становилось заметно волнение во всем его облике: походка стала стремительной, как полет хищной птицы, спина неестественно ровная, руки нервно сжаты в кулаки. Герде сделалось не по себе. Может, и в самом деле зря она оставила ребят одних? Вскоре обнаружилось место, где их встретил обернувшийся человеком варг. Герда показала, куда свернули Дугава со Жданом. Финист покачал головой — земля там была вся в рытвинах и буераках. Ступать приходилось очень осторожно, чтобы не упасть.

— Дугава! Ждан! Где вы? — позвала Герда.

Никто не ответил. Они шли дальше и все время звали, прислушиваясь к ветерку, игравшему в кронах деревьев. Прошло много времени, прежде чем до них донесся едва различимый ответ Ждана:

— Здесь!

Финист с Гердой поспешили на звук. Ждан вышел навстречу один.

— Что случилось? — встревожено спросил Финист.

Ждан ничего не ответил, лишь плечом отер стекавшую с разбитой брови кровь и пошел обратно. Толстун щипал еловые ветки на краю большого оврага. Больше никого видно не было.

— Где Дугава? — уже настойчивей спросил Финист.

Ждан кивнул в сторону оврага. Герда заглянула через край и увидела подругу, сидевшую на коленях рядом со своей распластанной на земле лошадью. Герда уже хотела сбежать вниз, но Финист отстранил ее и полез сам. Из оврага донеслись судорожные всхлипывания, а потом сиплый, надорванный голос Дугавы.

— Сделай что-нибудь! Ну, хоть что-нибудь! — причитала она.

— Я сделаю-сделаю. Поднимайся наверх, — мягко ответил Финист.

— Нет, я останусь!

— Я сказал, поднимайся! Слушайте меня, а не то мы навсегда останемся в этом лесу.

Дугава заскулила в полголоса, но все же подчинилась. Послышался рубящий звук, а потом что-то захрипело и забулькало.

— Не-е-е-ет! — закричала Дугава и попыталась кинуться обратно, но Ждан ее удержал. Тогда она с кулаками набросилась на поднимающегося из оврага Финиста: — Ты убил ее, ты убил Пустельгу!

— Она сломала ногу. Ей нельзя было ничем помочь. Она бы умирала в медленной агонии, пока ее не нашли варги и не разорвали на кусочки. Я просто облегчил ее участь, — терпеливо объяснял оборотень, отирая кровь с клинка.

— Мне так жаль... — неловко начала Герда, чувствуя себя виноватой, как никогда раньше.

Дугава покачала головой и отвернулась — она ничего не хотела слушать. К горлу Герды поступил комок. Если бы она их не оставила, если бы она шла впереди, то наверняка смогла бы остановиться, и Пустельга не упала бы в овраг, не сломала ногу, и Финисту бы не пришлось... Живот скрутила болезненная судорога. Показалось, что ее сейчас стошнит, но тут Яшка толкнула ее в спину носом, словно чувствуя, что хозяйка нуждается в поддержке. Герда трясущимися руками обхватила конскую шею и прижалась к ней. Кобыла была еще мокрая от долгой скачки, но дышала ровно и тихо, вытирая слюни об ее плечо.

— Пошли отсюда. Не хватало, чтоб нас снова варги нагнали, — прикрикнул на пригорюнившихся товарищей Финист.

Все нехотя поплелись за ним в сторону видневшегося вдали просвета.

Глава 10. Девица в беде

Когда путники выбрались из чащи, уже светало. Уставшие и измученные, они разбили лагерь у первого попавшегося перелеска, который загораживал их от ветра. Отсыпались до полудня, пока пустые животы не начали напоминать о себе. Дичь в поле не водилась, а птицы улетели зимовать на юг. Припасы, которые они купили в последней встреченной деревне, подходили к концу. Пришлось бы голодать до следующей деревни, если бы Герда не нашла поляну с грибами у самого края леса.

Ждан с Дугавой смотрели на них с недоверием: толстыми ножками и пластинчатыми шляпками серого и желто-зеленого цветов они подозрительно напоминали поганки. С трудом удалось убедить товарищей, что грибы съедобны, что они не отравятся, не покроются зелеными пятнами и не умрут страшной смертью, съев хоть чуть-чуть грибного супа.

Финист первым принялся с аппетитом наворачивать двойную порцию. Его довольный и вполне здоровый вид убедил Ждана с Дугавой гораздо лучше, чем получасовая речь Герды, и они тоже решили попробовать. Грибы оказались склизкие и почти безвкусные, но зато очень сытные. Котелка с лихвой хватило на четверых, несмотря на зверский аппетит Финиста.

— Когда выдвигаемся? — деловито спросила Герда.

После ночных приключений она держалась очень отстраненно. Гибель Пустельги всех повергла в тяжелое уныние, говорить об этом, даже вспоминать никому особо не хотелось. Но Герда как-то особенно сникла, ссутулилась, как будто желая исчезнуть. Финисту это не нравилось, он уже жалел, что так отчитал ее в лесу, ведь она и виновата ни в чем не была. Он просто выместил на ней пустую злобу за то, что у него самого ничего не выходит. Еды нет, деньги заканчиваются, они постоянно нарываются на какие-то неприятности... Будь на его месте кто-нибудь более более умный и смекалистый, наверняка, всех этих трудностей удалось бы избежать. Видно, правы были люди из компании — он ни на что не способен, и уж тем более не достоин звания оборотня первого ранга.

— Думаю, здесь можно переждать до завтра, — после короткого раздумья, ответил Финист. — Пусть лошади отдохнут. Выедем на рассвете. Правда, мы слишком сильно ушли на юг от дороги. Придется снова ехать через лес.

— Что? — испуганно воскликнула Дугава.

— Ни за что мы туда не вернемся. Лучше убей нас тут, — поддержал ее Ждан.

Герда молча направилась в сторону деревьев, явно уставшая от бесконечных споров.

— Должна же быть другая дорога, — предложила Дугава.

— Только через земли рыцарей, а там нас схватят. Вы же видели, как они кидаются на нас при случае. С одним, может, я и справлюсь, но с целым отрядом — вряд ли.

— Демоны, по-твоему, лучше? — с вызовом спросил Ждан.

Финист сокрушенно пожал плечами и пошел вслед за Гердой. Ее тоненькая фигурка скрылась среди мощных сосновых стволов.

— Герда! — позвал он, когда понял, что потерял ее.

— Что? — спросила она у самого его уха. Финист вздрогнул от неожиданности и развернулся. Герда сидела на толстой ветке на уровне его головы.

— Что ты делаешь?

— Хотела забраться наверх и поискать окружной путь. Так я хоть чем-то буду полезна.

— Ты и так очень нам помогла. Без тебя мы вряд ли бы вышли из Дикой пущи, или из

тех курганов-волотовок. Не бичуй себя из-за того, что произошло в лесу. Каждый может совершить ошибку.

— Даже ты?

— Я совершаю их постоянно. В последнее время я только это и делаю.

Свесившись с ветки вниз головой, Герда заглянула Финисту прямо в глаза.

— Ты сильный, и у тебя есть дар. Думаю, ты легко смог бы найти выход из любой беды и без меня... Может, мне стоит остаться в следующей деревне. Наймусь в батрачки к какому-нибудь зажиточному селянину. И вам мешать перестану.

— Ты не мешаешь.

Финист ласково коснулся рукой ее щеки и приблизил свое лицо к ее. Герда удивленно моргнула, не понимая, что он хочет сделать. Шепнуть что-то сокровенное на ухо? С близкого расстояния были хорошо заметны мелкие черты его лица: ямка на подбородке, легкая горбинка на носу, тонкий белесый рубец у самой брови, изумрудно-золотистые крапинки внутри желтых глаз. Герду обдало его горячим дыханием. По спине пробежали мурашки. Мягкая щетина нежно зацекотала щеку. Теплые, чуть влажные губы коснулись приоткрытого от удивления рта. Язык медленно проскользнул между зубов и дотронулся до верхнего неба. По телу как будто пробежала искра, от кончиков пальцев до самой макушки. Все молчавшие до этого звуки в одночасье обрушились на уши, порождая жуткий гул. Стало нестерпимо страшно и почему-то больно. Герда оттолкнула Финиста и рывком поднялась обратно на ветку, с нее перелезла на следующую и на следующую, пока не добралась до самой верхушки.

— Герда! — донесся снизу голос Финиста.

Герда с трудом перевела дыхание. Сердце колотилось, как бешеная птица. Зачем, зачем он это сделал? Она же совсем не хотела... или хотела? А как же Охотник? Герда дрожащими пальцами коснулась вересковой броши, приколотой к вороту рубашки. Почему она все время гоняется за мертвецом? Она ведь даже имя его произнести не смеет.

— Глупая-глупая маленькая девочка, — поддразнил ее кот, вмиг оказавшийся рядом. — Опять нюни развесила. Если бы я был человеком, дал бы ему сейчас в глаз.

— Прекрати! — вытирая кулаком слезы, крикнула Герда.

— Что прекратить? Пожалуйста, спускайся! — надрывался Финист. — Прости, сам не знаю, что на меня нашло. Я не хотел тебя обидеть. Спускайся, умоляю!

— Не хотел он, как же! А кто всю дорогу на ее грудь пялился? — съязвил кот, но Финист все равно его не услышал. Герда потянулась, чтобы схватить наглуую рыжую бестию за шкуру и сбросить вниз, но плут ловко увернулся.

— Гляди-ка, что там, — позвал кот, указывая в сторону ведущей от поля дороги. Наверное, просто хотел отвлечь внимание от себя. Но Герда все же посмотрела вниз. Там, поднимая столб пыли, летел экипаж, запряженный четверкой лошадей. За ней гнались всадники. «Пятеро, — пересчитала Герда. — Лица закрыты черными платками. Никак, разбойники?»

— Финист! — позвала она. — Там беда!

И стремглав бросилась спускаться. Надо спешить, пока не случилось большое несчастье.

— Экипаж... на дороге... разбойники, — задыхаясь, объясняла она ничего не понимающему Финисту. — Помочь, надо помочь, скорее!

Финист попытался возразить, но быстро сдался под ее напором. Накинул узду на Золотинку, запрыгнул на спину и помчался туда, где Герда видела экипаж. Она, захватив

палку, которой ее учил драться Финист, собралась следом, несмотря на уговоры Ждана с Дугавой не лезть.

Когда Яшка донесла ее до места, схватка уже кипела вовсю. Воздух был пропитан солоноватым запахом. На земле лицом вниз лежал кучер с разmozженной головой. Чуть вдалеке, привалившись к дереву, истекал кровью один из охранников, еще один насмерть схлестнулся с двумя разбойниками. Достал одного, второго ранил, но и сам не избежал вражеского клинка и теперь лежал подле им же поверженного злодея. Финист дрался сразу с тремя взявшими его в кольцо неприятелями. Стоял оглушительный лязг оружия, многократно усиленный эхом. Финист вертелся между разбойниками, словно белка в колесе, отражая сыпавшиеся на него со всех сторон удары.

Из экипажа донесся испуганный крик. Герда повернула голову. Раненый разбойник открыл дверцу и попытался кого-то вытащить. Неизвестный сопротивлялся. Герда поспешила ему на выручку. В руке разбойника сверкнуло лезвие кинжала. Размахнувшись палкой, как учил ее Финист, Герда стукнула злодея по затылку. Он резко развернулся и направил на нее оружие. Не оставляя себе времени, чтобы испугаться, Герда выбила лезвие из его рук, нанеся удар снизу. В этот момент послышалось громкое карканье. Забыв друг о друге, Герда и разбойник обернулись в сторону Финиста. Небо заполонила огромная стая ворон. С громким криком птицы кинулись на разбойников, стремясь выклевать глаза. Все трое бандитов, закрывая руками лица, бросились наутек. Их раненый товарищ побежал следом, верно, решив, что вороны атакуют и его.

Герда опустилась на землю, приходя в себя после своей первой битвы, только сейчас осознавая, что могла убить человека. В глубине души она даже хотела этого. Неужели, она действительно хладнокровная убийца?

Финист подбежал проверить, все ли с ней в порядке.

— В экипаже, — махнула она рукой в сторону экипажа.

Финист заглянул внутрь. Забившись в дальний угол, там сидела юная девица в дорогом зеленом платье с вышивкой на подоле и вороте. Незнакомка дрожала и громко всхлипывала.

— Разбойники ушли, можете выходить, — Финист протянул ей руку, но девушка не двинулась с места. Помедлив, он забрался в экипаж и вынес ее оттуда. Незнакомка доверчиво прижалась к Финисту, пряча лицо у него на груди, но дрожать не перестала. Только когда он поставил ее на землю, девушка начала понемногу успокаиваться.

— Как вас зовут? — участливо спросила Герда.

— М-майли Кшимска, — с трудом выдавила из себя знакомка. Она была высокой, с очень изящной фигурой, бледной кожей, великолепными струящимися темно-каштановыми волосами и карими миндалевидными глазами. Обладательниц темных глаз в Дрисвятах считали ведьмами, насылающими порчу и сглаз. Герда всегда думала, что это суеверия, связанные с тем, что практически все на ее родине рождались со светлыми водянистыми глазами, а карий цвет был большой редкостью. Но, глядя на Майли, Герда испытывала смутное беспокойство. Может, предрассудок настолько крепко въелся в разум, что она даже насильно не может освободиться от него?

— Родственница Гедокшимска? — переспросила Герда, поднимаясь с земли.

Майли недоуменно глянула на нее и снова громко всхлипнула.

— Все будет хорошо, госпожа Майли, разбойники больше не смогут причинить вам вреда, — заверила ее Герда, хотя сама сильно сомневалась. — Почему они на вас напали?

— Н-не знаю, — Майли все еще заикалась, но голос звучал намного ровнее. — Я

возвращалась домой в замок Будескайск из монастыря, где я воспитывалась до этого. Мой отец недавно умер, и я должна вступить в права наследования и выйти замуж, чтобы соседи не отняли наши владения. Наверное, они и послали этих... п-плохих людей

— Погодите, ну правильно же, замок Будескайск и его хозяева Гедокшимска, — вспомнила Герда старинную легенду.

— Никогда про них не слышала. Возможно, они были хозяевами Будескайска до нас. Отец рассказывал, что во время войны отбил его у каких-то жутких колдунов, которые воскрешали мертвых.

Герда задумчиво хмыкнула. Майли затравленно огляделась по сторонам, а потом снова повисла на локте Финиста.

— Что же мне теперь делать? Мои охранники убиты, лошади разбежались. Как же мне до замка добраться? Может, славный рыцарь согласится проводить меня?

— Кто, я? — поперхнулся Финист. Он все это время теребил нетерпеливо Герду за рукав. — Я не рыцарь.

По кислому выражению лица было понятно, что Финист испытывал настолько сильную неприязнь к людям этого сословия, что быть, пусть даже ошибочно, связанным с ними совершенно не желал.

— Мы простые купцы из Заречья. Наш обоз ехал сюда на ярмарку, но на обратном пути мы отстали и заплутали. К сожалению, мы не можем терять больше времени, иначе никогда не догоним своих товарищей.

— Не может быть, — удивилась Майли. — Но вы так похожи на благородного странствующего рыцаря. А как вы отважно дрались с этими... плохими людьми. У вас в роду всенепременно должны быть рыцари!

— Не приведите боги, — шепнул Герде на ухо Финист. Она с трудом сдержала усмешку. Майли облизала полные губы, не понимая, что означают их взгляды и перешептывания.

— Тогда... тогда позвольте мне доехать с вами до ближайшей деревни. Думаю, там кто-нибудь согласится меня проводить.

Она сложила руки на груди и заглянула Финисту в глаза. Герда сделала то же самое. Очень ей жаль стало бедняжку. А еще хотелось попасть в Будескайск и разгадать тайну одного из самых знатных родов Стражей в Кундии. Во время осады Гедокшимска просто исчезли, говорят, ушли по тайным ходам, которыми замок был буквально испещрен. Больше про этот род никто ничего не слышал.

Финист не выдержал натиска с обеих сторон:

— Ладно-ладно, но только до деревни.

Лицо Майли озарила счастливая улыбка.

Финист поймал двух жеребцов, которые везли экипаж наследницы Будескайска, а после нападения разбойников разбежались по полям. Майли не переставала восхищаться смекалкой своего спасителя и тем, как умело он справляется с лошадьми. Финиста ее лесть немало раздражала, но девушка почему-то не замечала этого. Вскоре подъехал Ждан, помог нагрузить лошадей сумками с вещами Майли и перевезти их к лагерю. Финист все время мрачно молчал, не переставая бросать на Герду задумчивые, почти укоризненные взгляды.

Дугава успела приготовить похлебку из остатков овса и ждала товарищей к ужину. Она совсем не смутилась, заметив присоединившуюся к ним девушку. А понаблюдав немного за ее поведением, снисходительно улыбнулась. Она уже видела подобное. Финист часто привлекал женское внимание. Не внешностью, хотя она была у него довольно приятная; не старой поношенной одеждой; и уж точно не грубоватыми манерами, которыми он сильно напоминал разбойника с большой дороги, если не сдерживал себя, пытаясь произвести благоприятное впечатление... например, на Герду. Но было в нем что-то притягательное: пристальный взгляд хищных глаз, плутоватая полуулыбка и ореол отчаянного, почти отверженного героизма, который так явно ощущался вокруг него. Девушки влюблялись с первого взгляда и, потеряв голову и забыв всякий стыд, вешались ему на шею. Дугава вполне сама могла оказаться одной из его пламенных поклонниц, но после неудачного замужества желание флиртовать с кем бы то ни было полностью отпало. И это к лучшему, потому что вряд ли бы она пережила, если бы ее сердце еще раз безжалостно разбили. А Финист делал это с завидной регулярностью. Нет, он не отказывал назойливым поклонницам, даже наоборот с удовольствием отвечал на их знаки внимания, только вот ни к одной из своих пассий он не испытывал даже простой привязанности, только развлекался. Настоящим Финист казался лишь наедине со своими учениками, ну еще, может быть, с Гердой. Поэтому Дугава даже немного сочувствовала глупенькой богатой наследнице, которой явно не повезло влюбиться в своего спасителя с первого взгляда. Разочарование, наверняка, будет болезненным.

Увидев скудную водянистую похлебку, Ждан начал в голос причитать о своей тяжелой доле. Финист недовольно поморщился, засовывая в рот полную ложку.

— А мне нравится! — перебила ворчание Майли. — В монастыре на завтрак и ужин нам всегда давали постную похлебку. Говорили, что благочестивый сон быстрее приходит на легкий живот и свежую голову. Ой, Финист, у тебя что-то к лицу пристало.

Она сняла с его щеки едва заметную былинку и, сдув ее с раскрытой ладони, откинула назад волосы, чтобы продемонстрировать все мягкие женственные изгибы собственной фигуры. Финист болезненно поморщился. Ждан не выдержал и засмеялся в голос. Дугава сдержанно улыбнулась. Да, видно, в своем монастыре Майли совсем истосковалась по мужскому вниманию, раз готова прямо при всех выскочить из платья и наброситься на первого попавшегося симпатичного мужчину. Впрочем, Дугава и в этом ее прекрасно понимала — слишком хорошо помнила, как сама впервые попала на бал офицеров и увидела его, своего будущего... уже бывшего мужа.

Голова идет кругом от пьянящего запаха мужчины, а стоит ему улыбнуться, как сердце заходится в груди в ритме бешеного танца. Все вокруг кажется золотисто-розовым, словно омытым лучами закатного солнца. Красиво так, что дух захватывает. И от этого хмельного счастья ни одной здоровой мысли в голове. О том, что она совершает нечто очень опрометчивое и постыдное, о том, что если выпить много сладкого молодого вина, на утро рискуешь проснуться с жуткой головной болью, о том, что если забраться очень высоко, падения можно и не пережить. Стоит ли предупредить Майли об этом? Пожалуй, нет. Она ведь скоро уедет к себе в замок. Вряд ли у нее хватит времени, чтобы совершить глупость.

Дугава перевела взгляд на Герду. Та угрюмо уставилась в собственную тарелку и ничего вокруг не замечала. Продолжает расстраиваться из-за того, что случилось ночью? Пустельгу, конечно, очень жалко, но, истязая себя, ее не вернуть. Или тут дело совсем в другом? Дугава задумчиво глянула на Финиста. Он не отводил от Герды глаз, словно очень ждал от нее

каких-то слов или действий. Что с ними творится?

Герда молча отложила тарелку, встала и направилась к лесу. Остановилась на опушке, внимательно вглядываясь в уходившую в темную чащу дорогу. Неодолимо хотелось домой. Герда прекрасно знала, что там ее ждет верная гибель, но воспоминания о счастливом детстве манили обратно. Нет, детство не вернуть, оно ушло уже безвозвратно, а дом — всего-навсего пустая оболочка, мертвое тело, навеки распрощавшееся с душой. Надо отпустить прошлое и искать свой собственный путь, но где и как? Все кажется таким пустым, глупым, а она сама неуместной, потерявшейя на дороге жизни.

— Герда? — увлеченная своими мыслями, она прислонилась к дереву и даже не слышала, как подошел Финист.

Она нехотя обернулась.

— Ты на меня обиделась? — после короткой паузы спросил он.

— Нет, мне просто захотелось побыть одной, подумать. Я не очень-то привыкла все время быть в компании. С родителями я жила уединенно, ни с кем долго не общалась. А сейчас... сейчас я очень устала и запуталась.

— От меня устала?

Герде всегда нравилась искренность и прямолинейность Финиста, но сейчас очень хотелось, чтобы он не шел напролом, а попытался понять, не задавая неловких вопросов, ответов на которые у нее не было. Молчание затягивалось.

— Я напугал тебя. Я позволил чувствам взять над собой верх. Просто мне показалось, что между нами что-то есть или может быть или... хотя бы стоит попробовать. Но если я тебе противен...

— Ты мне не противен, — с трудом выдавила из себя Герда.

— Тогда что?..

— Не знаю. Просто это так неожиданно. У меня даже не было времени подумать. Наверное, я просто не готова к...

Финист не стал ее дослушивать и отвернулся.

— Не буду больше докучать в таком случае, — ссутулив плечи, он зашагал прочь. Герда хотела броситься следом, переубедить, но что-то остановило. Она присела на землю, отстегнула от ворота вересковую брошь и пробежала пальцами по изгибам вырезанного из слоновой кости цветка. С Охотником бы все было по-другому, он бы понял...

— Красивая вещица. Подарок суженого? — спросила словно из воздуха появившаяся Майли.

Герда вздрогнула и спрятала брошь за пазуху. За десять лет она ни разу никому ее не показывала.

— Нет, просто брошка на добрую память.

Майли снисходительно улыбнулась:

— Мужчины! Они все так говорят: «на добрую память», а потом уезжают и никогда не вспоминают о тех, кто остался у них за спиной.

Герда потупилась, не зная, как ответить. Да что эта богатая госпожа может знать о нем и этой броши? Поняв, что разговор не пошел, Майли тут же переключилась на другую тему:

— Я случайно подслушала твой разговор с Финистом. Похоже, он испытывает к тебе серьезные чувства, — вкрадчиво начала она.

Герда нахмурилась. Вот это уж точно Майли совсем не касалось.

— Жаль, что ты не отвечаешь ему взаимностью.

— С чего ты так решила? — Герда не выдержала и повысила голос. Какого демона эта девица позволяет себе лезть в чужие дела и бросать людям в лицо такие необоснованные выводы?

— Если бы ты его любила, то не стала колебаться, — усмехнулась Майли и ушла.

Герда еще долго сидела молча, переваривая все, что ей успели наговорить Майли с Финистом. Кот сидел рядом, но не говорил ни слова, пока она сама не начала жаловаться:

— Да что вообще понимает эта Майли?!

— Всяко больше тебя.

— Ты вообще за кого, за меня или за нее?

— Да за тебя, за тебя, за кого же еще. Просто ты порой ведешь себя, как сущий ребенок, и чем дальше, тем хуже. Хорошо хоть ума хватило прогнать этого наглеца.

— Я его не прогоняла, он сам ушел. И почему ты на него взъелся?

— Да потому что ему только одно от тебя нужно.

— Что? — Герда начала терять терпение.

— Повзрослеешь — поймешь.

— Я и так все понимаю. Ему нужна доброта, ласка и понимание. Это нужно всем. И знаешь что?

— Что?

— Я ему это дам.

Герда встала и решительно зашагала в сторону лагеря. Кот несколько мгновений оторопело стоял на месте и глотал ртом воздух, как рыба. И только потом сообразив, что происходит, закричал:

— Герда, стой!

До лагеря она не дошла. Остановилась вдруг возле осиновой рощи и замерла, прислушиваясь непонятно к чему. По спине пробежал мороз, словно студеной водой облили, а потом, наоборот, в жар бросило. К щекам прилила кровь, уши нестерпимо горели. Судорожно выдохнув, Герда повернулась к роще. Оттуда доносились какие-то звуки, странно похожие на человеческие стоны.

Может, снова варги морок насылают? Интересно, почему они так далеко от своего логовища забрались? Вот бы Дугава была рядом. Она бы смогла распознать морок. Но ведь и у Герды в прошлый раз получилось. Она не может уйти просто так, иначе варги снова застанут их врасплох.

Крадучись, Герда спустилась к осиннику. Деревья стояли голыми, а земля полностью укрылась красной листвой, словно периной. Было тихо и безветренно. Ни звука. Может, показалось? Вдруг из глубины рощи снова донесся стон, звуки борьбы? Герда ускорила шаг. «Варги воют и хохочут, — запоздало посетила странная догадка. — Это не они». Краем глаза она заметила странное шевеление впереди и тут же юркнула за ближайшее дерево. Таясь за стволами, начала подбираться поближе, пока случайно не наткнулась на одежду Финиста. Он снова обернулся? Видно, дело совсем плохо.

Она хотела позвать его, но вовремя остановилась — увидела рядом зеленую лужицу — платье с вышивкой. Зашуршали листья. Они все время шуршали, только Герда этого раньше

почему-то не замечала. Снова раздался стон, только не похожий на стон раненого или умирающего, другой непонятный, полный какого-то неизбывного чувства, от которого сердце начинало болезненно трепыхаться. Герда испуганно повернула голову и увидела их. Клубок обнаженных тел, бронза и молоко, сливаются вместе в танце, который существовал еще на заре времен и давал начало всему сущему. Оглушительный стон. Бронзовое тело изгибается. Светлые волосы, мокрые то ли от росы, то ли от пота, разлетаются по плечам. Темные волосы укрывают красную листву. Молочно-белая грудь часто вздымается, как будто не хватает воздуха.

Неожиданно широко, будто очнувшись от зачарованного сна, распахнулись карие глаза и уставились на Герду. Сердце замерло. Она сорвалась с места и понеслась прочь без оглядки. Бежала, пока хватало сил, пока не запнулась об корягу и рухнула на землю. Сколько пролежала без чувств, Герда не знала. Проснулась от того, что холодные капли дождя начали заливать за шиворот. Голова раскалывалась, ощутимо подташнивало. Герда с трудом поднялась на ноги, силой воли пытаясь заставить мир перестать водить вокруг нее хороводы. Одежда оказалась перепачкана в грязи и порвана в нескольких местах. Из раны на лбу прямо на глаза капала кровь. Увидев вдалеке небольшую речушку, Герда пошла к ней. Возвращаться в таком виде в лагерь она не решилась. Ребята бы начали задавать глупые вопросы. И Майли... о духи, а если Майли рассказала, что видела ее? Нет, она бы не стала это бы скомпрометировало и ее. Зачем Герда вообще туда пошла? Она не желала ни видеть этого, ни тем более знать. Ей всегда хотелось быть посвященной в какую-нибудь тайну, но не такую и не так. Стянув с себя грязную одежду, она начала остервенело выполаскивать ее в речной воде.

— Ну что, дала? — злорадно спросил кот. — Я же говорил, ничего хорошего от него не жди!

— Перестань!

— И знаешь что? Даже этой заносчивой девчонке он принесет только страдания.

— Прекрати, слышишь?!

— Он думает только о себе, о своем удовольствии и удобстве, а на окружающих ему плевать.

— Замолчи! Замолчи! Немедленно замолчи! Убирайся отсюда и не возвращайся больше никогда! — она схватила с земли шишку и со всей силы запустила в рыжую бестию. Кот ловко увернулся, бросил на нее короткий прощальный взгляд и растворился в воздухе.

Герда упала на берег реки и заплакала пуще прежнего. Когда истерика прошла, она поняла, что перемазалась еще больше. Пришлось полностью окунуться в холодную речную воду, чтобы смыть с себя грязь.

Дождь прекратился к полуночи. Герда выжала одежду, каким-то чудом распалила костер из мокрых веток и всю ночь потратила на то, чтобы хоть как-то просушить ее. Вернулась в лагерь только с рассветом, тихонько крадучись, чтобы никого не потревожить. Наносила воды, собрала еще грибов, даже пару рыбешек удалось поймать. И начала готовить завтрак.

Аппетитный запах быстро разбудил Ждана, за ним поднялась Дугава.

— Что случилось? — встревожено спросила последняя, от которой не ускользнули ни круги под глазами, ни шишка на лбу, ни потрепанная одежда Герды. — Тебя долго не было. Мы со Жданом хотели уже на поиски отправиться, но Финист сказал, что ты хочешь побыть одна. Не стоило его слушать.

Услышав ее речь, Финист тоже поднялся и изучающе посмотрел на Герду, а потом виновато отвел взгляд.

— Все в порядке. Я просто поскользнулась и упала, — она принялась разливать суп по мискам.

— Видно, очень сильно упала, — Дугава коснулась шишки на ее лбу.

— В следующий раз буду осторожней, — отмахнулась Герда.

Дугава задумалась. Финист с Майли тоже вернулись очень поздно, да еще подозрительно растрепанные и разгоряченные. Все случилось так быстро? Немного жаль темноволосую глупышку. По лицу Финиста ясно, что сожалеть о произошедшем он начал еще вчера. Только почему-то несчастней всех сейчас оказалась Герда. Неужели она тоже пала жертвой его звериного очарования? Странно. Она все время выглядела такой безучастной. Поначалу казалось, что это из-за того прискорбного случая в сторожке, но потом Дугава начала замечать, как Герда теребит приколотую к вороту брошь с неизбывной тоской во взгляде. Должно быть, ее сердце уже принадлежит кому-то. Но Дугава все не находила слов, чтобы спросить об этом напрямик.

— Финист? — после затянувшейся паузы обратилась к их предводителю Герда. Тот резко дернулся, как будто чего-то испугался, но она не обратила на это внимания.

— Я подумала, ну вчера, когда лежала на земле с разбитой головой, что мы могли бы проводить Майли до ее замка.

Теперь поднялась и наследница, которая все это время старательно делала вид, что спит и не слышит их разговор.

— Но... — начал было придумывать повод отказать Финист.

— Я примерно представляю, где этот замок расположен. Если мы поедем туда, то сможем обойти логово варгов и выйти на нужную дорогу, а Майли позаботится, чтобы рыцари нас пропустили. Ты ведь сможешь это сделать?

Майли медленно кивнула, протяжно глядя на Герду, как будто пытаясь ее разгадать. Финист молча перебирал в голове варианты. После вчерашнего он чувствовал себя так неловко, что не представлял, как сможет дольше находиться в присутствии обеих девушек. Уж очень не хотелось, чтобы кто-нибудь узнал о его интрижке с Майли, тем более Герда. Она наверняка подумает, что он хотел ей отомстить. И будет не далека от истины. Ну почему все так сложно?

— Финист? — растолкала его не вытерпевшая Дугава

— Ладно-ладно, давайте проводим Майли до ее замка. Все-таки мы ее спасли и несем за нее ответственность.

Майли оторвала взгляд от Герды и счастливо улыбнулась.

Кот действительно ушел. Герда даже начала скучать по его вечному ворчанию. С ним всегда было так уютно, можно поделиться любой проблемой — он умел слушать и

поддерживать в тяжелые минуты. Почему она раньше это не ценила?

К замку вела широкая прямая дорога, вдоль которой, по словам Майли, должно было встречаться много маленьких живописных деревушек, да только все чаще попадались пепелища, пустые дворы и невозделанные поля. Люди спешно покидали плодородную Будескайскую долину, о которой Герда читала еще дома в Дрисвятах. Как будто и духи природы оставили эти места: все заросло колючим чертополохом и крапивой. Даже на лугах и полях полезные растения отмирали. Нет, они не готовились к долгой зимней спячке, а действительно погибали, гнили или иссыхали. Буйствовал лишь тысячелистник, заполонивший все белым ковром с вкраплением цветов гвоздики травянки, похожих на капли крови, и источающей сильный дурманый запах полыни, как будто была середина жаркого лета, а не конец костричника — среднего месяца осени.

Два дня парило так, что путники и их лошади обливались потом, дышали тяжело и с трудом сопротивлялись волнами накатывавшей дреме. К вечеру начался противный мелкий дождь, предвещавший конец ведьминога лета и скорое наступление холодов. Дождь не прекращался и весь следующий день, который путники провели под крышей заброшенного дома с прогнившим насквозь полом и потрескавшимся очагом. Туда же завели лошадей, боясь оставлять их на растерзание хищникам.

Ждан с Дугавой настояли, чтобы Финист запалил печку, потому что они продрогли, озябли и боялись подхватить простуду. Идея оказалась не слишком удачной — стоило развести небольшой огонь, как дом заполонил удушливый дым. Пришлось отворить настежь двери и окна, чтобы он выветрился. От этого стало еще холодней. Герда нашла на чердаке старые, побитые молью одеяла. Укрывшись ими, путники тесно прижимались друг к другу, тщетно пытаясь согреться.

На улице громко завывал беснующийся ветер, стучали незапертые ставни, с прохуdivшегося потолка падали крупные пронзительно-холодные капли. Где-то вдалеке послышалось зловещее рычание, перерастающее в хохот.

— Может, ветер? — с надеждой спросила Дугава. В ответ снова раздался вой, только на ветер совсем не похожий, да еще так близко. И шаги. Кто-то ходил по двору. Теперь они явственно это слышали.

— Только не это снова, — зашептал Ждан.

— Надо молиться, — вдруг предложила Майли. Все удивленно уставились на нее. — В монастыре нас учили, что в момент наивысшей опасности, когда кажется, что выхода нет, надо молиться Единому и верить. Он обязательно поможет!

Все вопросительно посмотрели на Финиста. Тот болезненно скривился:

— Глупости! Помочь нам можем только мы сами.

— Но как же...

Финист отвернулся и замолчал. Шаги приближались. Вой превратился в хохот и становился все громче и злее.

— Милостивый наш Единый господин, даруй заплутавшим чадам свою защиту, — начала молиться совершенно непохожим на собственный голос Майли, торжественным, преисполненным смирения и благоговения; но, не найдя поддержки, он затух в раскатах зловещего хохота. Глаза девушки заблестели, наполнившись слезами.

Герда, до этого отрешенно теребившая свою брошь, сжалась над ней и, взяв Майли за руку, принялась повторять молитву, хотя мысленно обращалась не к безликому богу единоверцев, а к тому, кто действительно спас ее когда-то. К Охотнику. Дугава поддержала

ее — пихнула локтем Ждана. И вот они уже вчетвером, взявшись за руки, хором произносили слова молитвы, стремясь перекричать зловещий хохот. Только Финист сидел в мрачном молчании. Майли попыталась взять его за руку, но он резко выдернул ее, встал и вышел на улицу, не в силах больше сдерживаться и сидеть тихо.

— Финист, стой! — Майли попыталась догнать его, но Герда непустила ее. — Его же убьют!

— Верь в него, как ты веришь в Единого, — Герда села обратно и, снова взяв Ждана за руку, продолжила молиться.

За дверью послышались гулкие удары вперемешку с диким визгом и рыком. Майли приложила руку ко рту и задрожала. Глотая безудержные слезы, она закуталась в одеяло вместе с остальными. Звуки не утихали. Время словно застыло и тянулось болезненно долго, превращая каждое мгновение в муку. Показалось, что прошел час, а может, и два, прежде чем дверь распахнулась и на пороге появился перепачканный в грязи и крови Финист. Его рубаха оказалась подрана. На голой спине виднелись глубокие царапины. Товарищи дружно бросились ему на встречу.

«Варги ушли?» «Все в порядке?» «Ты ранен?» — как из ушат полились на него вопросы.

— Все нормально, — коротко ответил Финист и грузно опустился на пол.

— Но ты ранен! — запротестовала Майли.

— Отстаньте от меня.

— Прекрати! У тебя глубокие царапины, они могут воспалиться, — на этот раз упрекать его стала Герда. — Ждан, Дугава, вскипятите воды, благо ее здесь хоть залейся. Майли, вас в монастыре должны были учить обрабатывать раны. Ты знаешь, что делать?

Она кивнула.

— Откуда ты все знаешь? — удивился Ждан.

— Тебе точно стоит читать больше книжек, — ответила Герда и направилась на улицу.

— Стой! Там ведь опасно! — встревожилась Дугава.

Герда вышла на порог и осмотрелась. Буря стихла. Дождь накрапывал лишь самую малость. В лужах вода щедро перемешалась с кровью. Двор устилала изрубленные трупы пяти здоровенных варгов.

— Здесь никого нет. Варги больше не вернутся, — Герда почему-то была в этом уверена, как и в том, что завтра будет сухо. — Я поищу одну траву — она хорошо раны лечит.

— Но ты ведь можешь заблудиться, — неожиданно переполошился Финист, хотя до этого старательно Герду избегал.

— Не заблужусь. Мой отец был лесником, забыл?

Финист потупил взгляд. Не дождавшись ответа, Герда пошла к видневшемуся вдали нераспаханному полю.

Искать пришлось долго. Лечебная трава, которую в народе называли бельбельником, напоминала подорожник, но встречалась намного реже. Росла она в основном в сырых низинах у болот. В Дикой пуще Герда не раз видела ее на краю вересковых топей и ужиной трясины, но здесь она ничего не знала. Не удавалось даже найти болото, не то, что траву. Приходилось надеяться лишь на чутье.

— Кот? — позвала Герда, когда заметила, что солнце клонится к земле. — Заканчивай дуться и выходи!

Никто не ответил.

— Ну, пожалуйста! Мне очень нужна твоя помощь. Я не стану больше ничем в тебя

швырять и... и оставлю ребят, как только мы доберемся до Будескайска. Слышишь, я буду полностью в твоём расположении. Кот? Кот!

Но его все не было.

— Ну и ладно, без тебя обойдусь. И потом не приходи проситься обратно.

С трудом подавив жалкий всхлип, Герда пошла дальше. Бельбельник она все-таки нашла на дне большого песчаного оврага. Скучный, вялый, едва-едва живой, он разительно отличался от буйствующих вокруг колючек. Что-то было всерьез не так с Будескайской долиной. Почему варги расплодились и смеют подходить так близко к человеческим жилищам? Почему умирают все полезные растения и остаются лишь ядовитые колдовские травы? И, главное, куда делись все люди?

Герда набрала полный подол вялой травы и начала потихонечку подниматься наверх. Ноги предательски съезжали на сыпучем песке. Почти выбравшись, Герда вдруг поскользнулась и чуть было не скатилась вниз, но кто-то стоявший наверху крепко ухватил ее за руку и вытянул из оврага.

— Все в порядке, деточка? — участливо спросил морщинистый бобыль с плешивой бородой, босой, в драном балахоне.

— Да-да, спас-спасибо, — поспешила заверить его Герда.

— Гляди-ка, бельбельник, откуда он здесь? В Будескайской долине давно уже ничего не растет, кроме колдовских трав. Видно, и для нашего покинутого Единым краем появилась надежда!

— Но что случилось? Эта земля раньше была цветущей и плодородной. Так во всех книжках пишут.

— Говорят, колдуны, бывшие хозяева Будескайского замка, прокляли это место, когда народ восстал против них во славу Единого.

— Но они ведь были Стражами, защищали этот край от демонов.

— Деточка, кто забил твою голову этими глупостями? Хозяева Будескайска были жадными до наживы колдунами: днем они обирали селян до последней нитки, а по ночам поклонялись мертвым. Так продолжалось, пока славный милорд Кшимска не прогнал их с наших земель. Только самому ему не удалось избежать проклятья колдунов. Его красавица-жена умерла во цвете лет от неведомой хвори, после этого он умом тронулся. Единственную дочку услал в монастырь, а сам заперся в замке. Десять лет там чах, пока совсем дух не испустил. После этого в замке поселились привидения.

— А вы их видели?

— Да что ты, деточка, как ты их увидишь-то, привидений? Они ведь духи бестелесные. Ладно, ты, верно, спешишь. Бельбельник ведь просто так не собирают, — бобыль улыбнулся и уже собрался уходить. — Желаю твоему другу скорейшего выздоровления.

— Погодите! Может, вы захотите пойти с нами. Мы как раз в Будескайский замок направляемся. Там и увидим, бестелесные привидения или нет.

— Нет, деточка, староват я стал для такого, да и благостный наш Единый зовет меня на юг, а не на север. Час возрождения близок. Не хотелось бы его пропустить.

Старик скрылся за поворотом. Герда несколько минут стояла на месте, размышляя, насколько можно верить словам сумасшедшего бобыля. И что это за «Час возрождения»? Не о нем ли говорила Ягиня перед смертью? Если бы здесь был кот, он помог бы разобраться, но он исчез. И, наверное, уже никогда не вернется. На глаза навернулись слезы. Нет, сейчас не время сожалеть о сказанных сгоряча словах. Финист ждет.

Назад Герда вернулась, когда совсем стемнело. Ребята молча разошлись по углам, занятые невеселыми мыслями. Майли с подавленным видом сидела возле Финиста. Он дремал, привалившись к стене. Герда подошла и положила руку ему на лоб. Финист открыл глаза и протяжно посмотрел на нее.

— Жара нет, — констатировала она. — Будем надеяться, что все обойдется.

Герда уже хотела отойти к столу, чтобы покрошить добытую с таким трудом траву для лекарства, но Финист крепко схватил ее за руку.

— Надо поговорить.

Майли демонстративно встала и вышла за дверь.

— Я хотел попросить прощения.

— Ты уже просил и, кажется, я тебя простила.

— Да не за это.

— А за что?

— Не важно. Просто прости меня.

— Прощаю, — пожала плечами Герда и высыпала бельбельник на колченогий стол у окна.

От досады Финист провел рукой по лицу. Пальцы заметно подрагивали. В дом вернулась Майли, перевела взгляд с остервенело кромсавшей пучки травы Герды на отрешенно наблюдавшего за ее работой Финиста. Подумав немного, Майли снова уселась у ног последнего.

Когда бельбельник превратился в мелкую кашицу, залитую собственным соком, Майли сняла со спины Финиста повязку. Герда оценила мастерство и бережность, с которой воспитанница монастыря ухаживала за раненым. Видно, либо училась она прилежно, либо ради Финиста была готова прыгнуть выше головы, а скорее и то, и другое одновременно.

Раны затягивались на удивление хорошо. Наверное, так работал его дар — таинственная связь с животным миром, которая позволяла ему использовать их силу. Герда осторожно смазала спину лекарством из бельбельника. Финист поморщился — раны сильно щипало. Герда постаралась закончить как можно быстрее. Ее место тотчас заняла Майли и принялась бережно обворачивать вокруг спины повязку.

— Ничего, — ворковала она, дуя на раны. — До замка рукой подать. Там нам помогут.

Финист в голос застонал.

Глава 11. Замок с привидениями

Наутро распогодилось. С рассветом путники выехали из заброшенной деревни и двинулись по дороге на север. После вынужденного отдыха лошади как-то разом взбодрились. Даже всадники почувствовали, как отступила усталость. Лишь Финист становился все угрюмей и мрачней, чем ближе они подъезжали к Будескайску.

Жеребцы, на которых ехали Майли с Дугавой, начали показывать норов, гоготать и на скакивать на кобыл. Дугава стерла руки в кровь, пытаясь сдержать своего скакуна, но тот успокоился лишь, когда Финист спешился, сказал ему что-то грозное на лошадином языке, а потом, разозлившись, вмазал ногой по пузу. Зверюга враз стала вести себя более-менее прилично. Майли, наоборот, с удивительной легкостью управлялась со своим жеребцом, хотя по характеру тот оказался еще более вредным. Он пронзительно ржал, выпучивал глаза, исходил белой пеной, но Майли не жаловалась, а с какой-то нарочитой, почти колдовской легкостью осаживала его, заставляя идти ровно и никому не мешать.

Когда солнце поползло за линию горизонта, показался замок. Громадный, обнесенный широким рвом, увенчанный дюжиной высоких зубчатых башен, Будескайск взирал на путников покрытым копотью многоголовым чудищем. Потревоженная стуком конских копыт, с дороги поднялась большая стая ворон.

— Опять они, — заворчал Финист. — Терпеть не могу ворон.

— Но они помогли тебе в схватке с разбойниками в лесу, — ответила Герда.

— Это не значит, что они стали мне нравиться. Просто в округе больше никого не было.

На лице Финиста читалось раздражение. Да и не следовало при Майли упоминать с даре Стражей. Герда поспешила сменить тему:

— Странно, мне казалось, что Будескайск был облицован белым мрамором.

— Мне тоже, — поддержала ее Майли. — В детстве тут все было совсем не так. Замок действительно был белоснежным, а в закатных лучах, вот как сейчас, отливал нежным розовым цветом. Вдоль дороги рос лес, в котором любил охотиться мой отец. Он часто брал нас с мамой с собой, и в полуденный зной мы обедали на уединенных тенистых полянах, где журчали ручьи и пели птицы. Нам было так хорошо вместе, а потом... потом мама умерла.

Майли замолчала, грустно глядя на потемневшие стены замка.

— Смотрите, качели! — попыталась отвлечь всех от мрачных мыслей Дугава.

На берегу крохотного прудика действительно стояли полуразрушенные качели и обветшалая беседка. Краска совсем облупилась, опорные столбы прогнили, прохудилась крыша.

— Папа велел построить их специально для меня. Я их так любила. Сбегала в детстве ото всех, чтобы покачаться, когда дул южный ветер. Меня долго искали, пока папа не находил меня здесь. Но он не ругался... он никогда не ругался.

Майли опустила голову. Герда выразительно посмотрела на Финиста.

— Ничего, это пройдет... со временем, — невпопад ответил он. Герда закатила глаза — лучше бы вообще молчал.

До замка ехали молча. Разводной мост через ров оказался поднят. Пришлось долго ждать, пока караульщики соизволят обратить внимание на кучку оборванных бродяг, собравшихся возле замка. Как же долго они потом оправдывались перед своей новой хозяйкой. Говорили, что уже не чаяли увидеть ее живой — в окрестных лесах столько

разбойников развелось! Но Майли не слишком прислушивалась к пустым оправданиям, все больше поглядывала на Финиста. С трудом удалось уговорить его отужинать в замке, помыться и переночевать в теплой постели. Но Финист сразу предупредил, что останется лишь до утра. С рассветом они уедут догонять несуществующий обоз.

Насчет теплой постели Майли, конечно, погорячилась. Замок был настолько холодным, что, казалось, камины не топили целую вечность. Дворецкий, оправдываясь, что граф в последние годы мало заботился о хозяйстве и не заготавливал дров на зиму, спешно послал за истопниками. А пока предложил гостям скромный ужин из чечевицы, перепелиных яиц и полендицы. На стол поставили начищенную медную саклу с горячим сбитнем — все, чем был богат Будескайск.

Горячая еда всем подняла настроение, хмурился один Финист. От снующих вокруг слуг ему стало неловко. Герда тоже не привыкла к такому обращению, но старалась держаться. К тому же ее вдруг начало беспокоить странное, почти навязчивое чувство тревоги.словно чей-то невидимый взгляд прожигал спину. Когда стало совсем невыносимо, Герда тихонько поднялась из-за стола и хотела незаметно уйти, но вдруг ощутила сильный толчок. Она неловко оступилась и, цепляясь руками за стол, свернула с него саклу. Парной напиток золотистой лужей потек по полу. Ребята дружно подняли ноги, чтобы не замочить обувь.

— Ну вот, а мы даже попробовать не успели! — всплеснула руками Майли.

— Аккуратней надо быть, — проворчал Ждан. Ему больше всех хотелось отведать старинного напитка, приготовленного по особому Будескайскому рецепту.

— Я не специально. Меня кто-то толкнул, — попыталась оправдаться Герда, схватила тряпку, валявшуюся в темном пыльном углу комнаты, и принялась суматошно вытирать лужу.

— Что ты делаешь?! Это фамильный гобелен! — закричала Майли.

Герда развернула тряпку и пригляделась к ней внимательней. На выцветшей ткани едва заметно проступали очертания ворона с кольцом в клюве.

— Фамильный? — скептически переспросила она. — Твой отец ведь этот замок у колдунов отбил. За это ему пожаловали титул графа и фамильный герб. А это Слеповран — герб Гедокшимска, предыдущих владельцев.

— Неправда, это наш гобелен и наш герб. Папа рассказывал, что выбрал именно его, потому что во время битвы с могучим колдуном ворон помог ему победить — сел на шлем неприятеля и долбил его клювом, отвлекая внимание от папы.

— Правильно, такое было, но сделал это не твой отец, а Валлериус-Корвин, основатель рода Гедокшимска, лет эдак триста назад. А этому гобелену больше века — взгляни, как нить выцвела.

— Она выцвела, потому что ты его испортила, неумеха неуклюжая!

— Меня толкнули!

— Не ври, здесь никого не было, кто мог тебя толкнуть.

— То, что ты никого не видела, не значит, что здесь никого не было. Это вполне могло быть привидение.

— Умоляю, только не это снова, — вмешался Ждан. — Пусть хоть привидения останутся персонажами детских сказок. Финист, скажи ей.

— Да, Финист, скажи! — поддержала его Майли.

Финист молчал, не поднимая глаз от тарелки. Должно быть, ему не очень хотелось встревать в склоку.

Герда оценивающе посмотрела на товарищей — никто ей не верил. Даже Дугава избегала ее взгляда. Обидевшись, Герда кинула тряпку на пол — пусть слуги убирают, в конце концов, на что они здесь? — и вышла, громко хлопнув дверью. Может, Финист догонит и снова попросит прощения. Только зачем, не понятно. Но никто за ней не пошел. Видно, Майли не отпустила, вцепишись в него мертвой хваткой.

Герда бродила по замку в полном одиночестве, но так оказалось даже лучше — никто не отвлекал от созерцания грандиозного сооружения древности. Будескайск хранил память тех времен, когда здесь жили доблестные Стражи Кундии. Должно быть, его толстые мощные стены служили им верой и правдой против вражеских атак. Жаль, единоверцев они удержать не смогли.

Герда долго петляла по бесконечным галереям и лестницам и сама не заметила, как попала в библиотеку, которая находилась на нижнем этаже одной из башен. Целая книжная лавка внутри замка! Забыв обо всем, Герда приникла к полкам и принялась изучать названия. Что за странные это оказались книги, особенно, если учесть, что их хозяин был рыцарем: старинные фолианты, написанные рунами. О мире духов, о древних заклетьях, могущественных артефактах и даже о некромантии. Насколько Герда знала, это особое искусство управления мертвыми было подвластно лишь сильнейшим из Стражей-медиумов. Она взяла с полки одну из книг и пролиставала. В ней речь шла о каких-то темных ритуалах, человеческих жертвоприношениях и прочих ужасах, которыми пугали детей единоверцы.

Может, эти книги остались здесь от предыдущих владельцев? Герда провела пальцами по полке. Странно, пыли совсем не было, словно об этой комнате заботились лучше, чем обо всем остальном замке.

Вдруг из-за стены донесся странный шорох. Из рта вырвались клубы пара — повеяло нестерпимым холодом. Герда подняла глаза и осмотрелась. Вокруг никого не было, лишь тихонько скрипела дверь, подхваченная легким сквозняком. Герда пожала плечами и вернулась к книгам. Углубилась в чтение трактата о ритуалах, позволяющих общаться с духами предков. Вдруг на пол упала странная тень. Герда медленно повернула голову. В нескольких локтях от нее в воздухе парила старинная секира, которая пару минут назад украшала стену у входа. Остро заточенное оружие нацелилось прямо в голову. Раздалось громкое шипение. Словно очнувшись ото сна, Герда отскочила, и секира воткнулась в спинку кресла, в котором она сидела за мгновение до этого. Герда поднялась и побежала к двери, но отпереть не смогла. Потянула за ручку — дверь не поддавалась, будто что-то подпирало ее снаружи. Секира уже освободилась и снова полетела к Герде. Она громко взвизгнула и начала колотить в дверь, зовя на помощь, но никто не отозвался. Снова пришлось уворачиваться — секира просвистела у самой макушки и, срезав прядку волос, воткнулась в дверь.

Не дожидаясь, пока злобное оружие высвободится, Герда отбежала к книжному шкафу, который стоял у противоположной стены, и случайно схватилась за первую попавшуюся книгу. Шкаф резко повернулся и сбил ее с ног. Герда распласталась на полу. Приходя в себя, она приподнялась на локтях и открыла глаза. Это определенно не библиотека. В бесконечность уходила узкая галерея, тускло освещенная висевшими на стенах факелами. Пахло сыростью, но озноб прошел. Герда провела пальцами по полу — на нем остались царапины от вращавшегося шкафа. «Потайной ход!» — пришло озарение. Герда встала на ноги и пошла вперед — возвращаться к летающей секире вовсе не хотелось. Вскоре показалась развилка.

— Кот! — позвала Герда. Она была уверена, что в библиотеке слышала именно его, но здесь отвечало лишь эхо.

Пригорюнившись, она достала из кармана кинжал, нацарапала возле галереи, уходящей направо, крест и пошла по ней. Коридор начал сужаться, а потолок опускаться. Дышать стало совсем тяжело. Откуда-то повеяло кухонными запахами, все отчетливей слышались звуки, смутно похожие на человеческую речь. В стене обнаружилась небольшая щель, сквозь которую лился яркий свет. Она находилась так высоко над полом, что пришлось встать на цыпочки, чтобы заглянуть внутрь.

— Их сиятельство недовольны, — говорил один из мужчин в длиннополой лакейской ливрее. — Мало того, что мы не смогли ее задержать, так к тому же она притащила с собой компанию. Если они начнут шляться по замку, то не ручаюсь...

— Не начнут, — отмахнулся мужчина в халате повара. — После моего сбитня они проспят до утра, а там отправятся восвояси.

— Не легче ли их сразу того?

— Ты же слышал, их сиятельство не велели.

— Тебе не кажется это странным? Их сиятельство в таких делах никогда особой щепетильностью не отличались, а тут вдруг пожалели каких-то оборванных бродяг.

— А это уже не нашего ума дело. Мы ведь люди маленькие, нам только верхушка горы видна, а что там внизу... Помнишь, как они хитростью этот замок у колдунов отбили? Смог бы ты до такого додуматься, балда? Молчишь, вот то-то же.

Мурашки пробежали по коже. Привидения, отравители, потайные ходы — хватит с нее древнего замка, надо увести друзей, пока живы. Герда поспешила вперед, надеясь найти выход. Показалась узкая винтовая лестница. Герда насчитала под две сотни ступенек, прежде чем уперлась в тяжелую дубовую дверь. Она оказалась закрытой. Тяжело дыша, Герда прислонилась к ней плечом и больно поцарапалась об ржавый гвоздь. Досадливо поморщилась, разглядывая порванный рукав рубахи. Еще одна латка. Скоро одежда совсем обветшает, как у оборванки распоследней, куда ей тогда будет с Майли тягаться в ее роскошных нарядах?

Кровь попала на дерево, и дверь отворилась сама собой. Заговоренная, что ли? Внутри оказался небольшой кабинет, настолько пыльный, словно здесь давно никого не было. Посреди комнаты стоял письменный стол, на одной стене висел большой групповой портрет, а на второй таких же размеров зеркало.

Герда поднесла к картине факел, пристально вглядываясь в лица. Здесь присутствовали и мужчины, и женщины, правда, первых было больше. Волосы у всех до одного плотно стянуты в пучок на затылке. Глаза смотрят одинаково прямо и как-то обреченно. Одежда тоже одинаковая: строгого покроя темные штаны, светлые рубашки без узоров и черные плащи с опущенными капюшонами. Стражи. Наверно, картина делалась уже во время войны, поэтому они такие мрачные. Интересно, хоть кто-то из них выжил? А их семьи?

Свет от факела упал на пару в правом нижнем углу картины. Высокий плечистый мужчина с соломенными волосами и прозрачно-голубыми глазами обнимал за талию тоненькую, как былинку, девушку. Волосы тоже были светлыми, но более пепельного, мышастого оттенка, прическа такая же короткая, как у Герды. Глаза огромные, на пол-лица, светло-серого цвета в тон волос. Смотрят пронзительно, будто в самую душу проникают.

Герда разглядывала этих двоих и не могла оторваться. Они казались странно знакомыми, словно пришли из давно забытого сна. Того самого, что она видела во время

ночевки на руинах Ильзара. Стало чудиться, что кто-то поет колыбельную, старинную, какую не всякая бабка в Дрисвятах помнила. Глаза начали слипаться сами собой. Герда широко зевнула и потерла их кулаком. В зеркале что-то шевельнулось — словно ветер играл в волосах, подбирая их и стягивая на затылке. Герда сдавленно выдохнула. Снова стало зябко. Она дернула головой, словно вырывая волосы из рук матери, которая так любила заплетать их в косы. Пение прекратилось, дремота отступила, но на зеркале остались рисунки инея. Герда подула на стекло, чтобы они растаяли, и сквозь мокрые потеки увидела ребят: Ждана с Дугавой, сидевших на маленьком диванчике у камина, и Финиста, нервно бродившего из угла в угол, словно маятник. Герда ударила кулаками в зеркало и закричала. Стекло зазвенело, но с места не сдвинулось.

Со стола упала книга, словно специально привлекая внимание. Герда не сдержала любопытства и подняла ее. Обложка оказалась пустой, а внутри рукописный текст, похожий на дневник. «Книга теней» — тонкой изящной рунницей было выведено посередине первой страницы. Здесь точно должно быть что-нибудь таинственное и совсем не такое постыдное, как подмотренная сценка в осиннике. От разглядывания отвлек резкий щелчок — зеркало неожиданно начало отъезжать в сторону. Не раздумывая, Герда бросилась в образовавшийся проход, боясь, что он закроется, и она навсегда останется блуждать в лабиринтах потайных ходов.

— Ребята! — закричала Герда, вваливаясь в комнату. Все присутствующие удивленно уставились на нее.

— Где ты была? — встревожено спросила Дугава. — Финист уже хотел тебя искать, насилу отговорили.

Тот бросил на девушек крайне недовольный взгляд и устало опустился на стул.

— Я бы начал с того, как ты сюда попала, не проходя через дверь, — подал голос Ждан.

— Зеркало... потайной ход... напиток отравлен... привидения! — с трудом переводя дыхание начала говорить Герда.

Финист удивленно вскинул брови.

— Да ты успокойся, — Дугава усадила подругу подле себя и обняла ее за плечи. Ждан тоже придвинулся ближе. Лишь Финист остался безучастным.

— Надо бежать. Здесь творится что-то не то, что-то ужасное. Привидения...

— Тебе почудилось. Не стоило бродить по замку одной, тем более в таком состоянии, — тщетно пыталась успокоить ее Дугава.

— Да, не в каждом лесу живут злые варги, не в каждом замке бродят страшные привидения. И уж точно не все они хотят нас убить, — поддержал ее Ждан. Герда подняла на него взгляд и истерически рассмеялась:

— Если в этом замке находимся мы...

— Ну, хватит! — наконец, заговорил Финист. — Я прекрасно понимаю, что тебе здесь не нравится, и даже понимаю, почему. Не надо придумывать глупости, чтобы завоевать мое расположение. Поверь, с рассветом мы уберемся отсюда и больше не увидим ни замка, ни его хозяйки.

Герда непонимающе моргнула.

— При чем здесь это?

По тому, как потупились Ждан с Дугавой, Герда поняла, что за время ее отсутствия они обсуждали ее поведение в последние дни. Странно, но страх очень охотно сдал позиции перед возмущением и глухой злостью. Что такого она сделала, что они смотрят на нее с

таким укором? Да, она увидела то, что не предназначалось для посторонних глаз, но что с того? Она ведь ничего плохого не хотела. Размышления прервал пронзительный крик.

— Это Майли, — сама не зная почему, решила Герда.

Финист нахмурился и быстрым шагом направился в сторону комнаты хозяйки замка. Остальные поспешили за ним. Спальня Майли располагалась на почтительном расстоянии от комнаты для гостей в более солнечной теплой части замка. Сама Майли не очень-то хотела селить Финиста так далеко от себя, но дворецкий настоял на том, чтобы они спали в другом крыле, и Финист его поддержал, к вящему недовольству наследницы. Но как же громко надо было кричать, чтобы звук разнесся по всему замку!

Когда ребята добрались до спальни Майли, возле ее постели уже стоял дворецкий и безуспешно пытался успокоить смертельно бледную, ежеминутно всхлипывающую от страха девушку.

— Финист! — закричала Майли, как только он появился на пороге, и тут же бросилась к нему на шею. Дворецкий опешил от столь открытого проявления чувств. Финист тоже выглядел несколько смущенным. — Мой рыцарь, ты пришел меня спасти?

Его заметно передернуло. Ждан и Дугава за его спиной закатили глаза.

— Мы услышали крик и пришли проверить, все ли в порядке, — начала объяснять за всех Герда. — Что случилось?

— Я... ну я... мне приснился дурной сон. Как будто кто-то неслышно вошел в комнату, склонился над кроватью и долго меня разглядывал, а потом стал душить. Я так испугалась!

— Это всего лишь ночной кошмар. Придет утро, и вы обо всем забудете, — изо всех сил пытался приободрить ее дворецкий.

— Никакой это не кошмар! — оборвала его Герда. — Это проделки привидений. Разве вы не чувствуете?

Майли как-то разом подобралась, щеки зарумянились, а глаза загорелись закипевшим внутри гневом.

— Опять ты со своими глупостями! Привидений нет. Это был всего лишь сон.

Все согласно закивали.

— Но разве вы не чувствуете, как здесь зябко? — Герда в отчаянии схватила Майли за руку. Они обе вдруг замерли. Из ртов повалил густой пар. Кожа сделалась мертвецки холодной. Взгляды уставились в одну точку у балдахина над кроватью. Показалось, что в его широких складках кто-то прячется. Поняв, что его заметили, неизвестный стремительно покинул свое убежище и помчался к ним.

Майли истошно заорала, а привидение — Герда не сомневалась, что это было именно оно — пролетело сквозь них и растаяло в воздухе.

— Вы видели? Видели?

Герда дергала за рукав Финиста, который стоял к ней ближе всего, и указывала на место, где исчезла таинственная фигура. Тот, ничего не понимая, оглядывался по сторонам. Заметив это, Майли перестала кричать, закатила глаза и картинно осела на пол.

— Госпожа! — дворецкий кинулся к бесчувственной девушке и начал шлепать ее по щекам, пытаясь привести в сознание.

Финист поморщился, промышчал что-то нечленораздельное и, вырвав у Герды свой рукав, поднял Майли на руки и перенес на кровать. Только тогда девушка открыла глаза и крепко вцепилась в помогавшего ей мужчину.

— Не уходи, мне страшно! Не оставляй меня одну, — взмолилась она, громко

всхлипывая.

Финист явно чувствовал себя пойманной в силки птиц — хочется вырваться, а спеленало так, что и шелохнуться не получится.

— Майли, ты ведь тоже видела. Скажи, это оно тебя напугало, привидение? — Герда была настолько взволнована, что не замечала, с какой неприязнью на нее смотрит хозяйка замка.

— Ничего я не видела, — резко оборвала ее Майли.

— Но ведь...

— Если ты сумасшедшая и видишь то, чего нет, это не значит, что остальные такие же. Мне просто сделалось дурно из-за сна.

Герда промолчала. Стало настолько обидно, что с трудом удавалось сдержать слезы.

— Тогда я пойду? — Финист сделал робкую попытку вывернуться из рук Майли.

— Нет, останься! Я боюсь.

— Ты же сама сказала, что это всего лишь сон. Он никому вреда причинить не может, — резонно заметил оборотень. Майли растерянно кусала губы.

— Финист, останься, — слабым, но все же ровным голосом попросила Герда и вышла из комнаты.

Дугава и Ждан, молча наблюдавшие за творившимся вокруг безумием, пожали плечами и последовали за ней. Финисту все же пришлось остаться с Майли на ночь.

— За занавеской оставили чан с водой, чтобы ты смогла помыться, но, кажется, она уже остыла, — нарочито осторожно говорила Дугава.

— Ничего страшного, я закаленная, — безучастно ответила Герда и зашла за занавеску.

Попробовала ногой воду в огромном медном чане — она оказалась еле теплой, а так хотелось окунуться с головой в кипяток и, наконец, согреться. Герда сняла одежду, сложила ее аккуратно стопкой и забралась в чан. Как только она оказалась в воде, из глаз ручьем хлынули слезы. Колотило то ли от страха, то ли от обиды — она и сама не знала, только успокоиться не могла, хотя старалась изо всех сил. Лишь когда слез больше не осталось, а на плечи всей тяжестью навалилась усталость, она перестала дрожать и расслабилась. Начало клонить в сон. Герда на мгновение закрыла глаза и опустила в воду подбородок. Стало так тихо: ни звука, даже мыслей собственных не слышно. Тело казалось невесомым. Его несло бурным потоком, словно былинку, куда-то вниз по течению к огромному грохочущему водопаду. Было так хорошо, а потом она вдруг попала в поток ледяной воды. Что-то надавило на макушку, и голова ушла под воду.

Герда хорошо плавала — отец научил, когда она и ходить-то толком не умела. Она не стала барахтаться — знала, что так лишь зря растратит бесценный запас воздуха. Сжала мышцы на ногах и, оттолкнувшись от дна, попыталась высвободиться одним мощным рывком. Но не тут-то было: вода расплескалась по полу, но то, что держало голову, только сильнее топило ее. Герда беспомощно загребала руками воздух, чувствуя, как в груди нарастает нестерпимая боль. Задерживать дыхание больше не получалось. В нос ворвалась вода, больно обжигая глотку. И тут давление исчезло. Чьи-то руки встряхнули ее и достали из воды.

— Что случилось? — послышался испуганный голос Дугавы, которая накидывала ей на плечи полотенце.

— Да чего ты так по Финисту убиваешься-то?! — к ней присоединился Ждан. Тряс Герду за плечи именно он.

Откашлявшись, она удивленно уставилась на товарищей, поплотнее запахиваясь в полотенце, чтобы не щеголять перед всеми нагишом. Ждан смущено отвернулся, но продолжил говорить:

— Ну, предпочел он тебе эту вертихвостку Майли, что с того? Он ее забудет, как только мы ступим за порог этого замка. Поверь, мы такое уже видели. Просто его иногда тянет... на приключения.

Ждан посмотрел на Дугаву, прося поддержки. Та быстро продолжила:

— Но ты для Финиста особенная. Он тебя любит. Мы все тебя любим. Ты наш незаменимый компаньон. И для того, чтобы завоевать наше расположение, не обязательно спасать от всех опасностей и тем более придумывать их на пустом месте.

— И тем более не надо сводить счеты с жизнью, если кто-то сказал тебе гадость, — подхватил Ждан.

— Спасибо, конечно, — улучив момент, начала говорить Герда, потому что в своих рассуждениях их явно несло куда-то не туда. — Но поверьте, если я захочу наложить на себя руки, то найду какой-нибудь менее болезненный способ, чем утопиться в чане для купания.

Ждан с Дугавой слабо улыбнулись.

— Так... ты скоро? — спросила подруга как можно более непринужденным тоном. — Мы уже спать собрались — полночь, а завтра вставать рано.

— Уже иду, только одежду заштопаю.

Сон не шел. Вначале Герда ворочалась, пытаясь принять удобную позу на слишком мягкой перине, потом просто лежала с открытыми глазами и вглядывалась в чудные очертания предметов, искаженных тусклым лунным светом. Попробовала считать овец, но с ужасом обнаружила, что у них было лицо Майли и они беспрестанно повторяли: «Ты сумасшедшая, и видишь то, чего нет». Герда не выдержала и встала. На цыпочках дошла до двери, стараясь никого не разбудить, и прошмыгнула в коридор.

Что дальше? Опять бродить по замку в поисках привидений на свою голову? Да они и без того с легкостью ее находят. Тяжело вздохнув, она пошла туда, куда ее несли ноги. Преодолев длинную галерею и спустившись по лестнице, Герда оказалась в небольшом внутреннем дворике. Дышалось здесь намного легче, чем в остальном замке. Не так затхло и, что удивительно, не знобит. Куда спокойнее и теплее, чем внутри толстых каменных стен.

Сбоку послышалась возня. Герда вжалась спиной в стену. С противоположной стороны открылась потайная дверь. Через нее вошли четверо мужчин с носилками, на которых лежал большой стеклянный ящик со светящимся дымом внутри. Ящик был испещрен странными символами: геометрическими фигурами, рисунками, рунами. Герда вспомнила, что видела их в одной из книг в библиотеке, но что они означали, оставалось загадкой.

Мужчины прошли мимо, даже не повернув голов в ее сторону, и внесли ящик в замок. Она дождалась, пока за таинственными людьми захлопнулась дверь, и выбралась из

укрытия. Одолело любопытство. Луна ярко освещала ту стену, в которой открылся потайной проход. Оказалось, что здесь нет мраморной облицовки, как в остальном замке, а оставлена голая кирпичная кладка. Герда прошлась пальцами по образовавшейся в растворе ложбинке и нашла небольшую выемку. Кирпич в ней сидел неплотно. Герда попыталась его достать. Он вышел только наполовину, и кусок стенки тут же отъехал в сторону.

Интересно, как оно работает? С каждым новым шагом вопросов становится больше, чем ответов. Почти жаль, что на рассвете придется уехать, оставив тайну Будескайска неразгаданной. И очень жаль, что кот ушел. Он, наверняка, мог ответить хотя бы на некоторые вопросы.

Дверь вела на крутой склон холма, где ров совсем пересох. При желании с этой стороны можно было проникнуть в замок совершенно беспрепятственно. Может, Гедокшимска удалось выбраться из замка через этот черный ход? Или какой-нибудь другой. Кто знает, сколько их под этим холмом?

У кромки неба зажглась яркая полоса. Светало. Герда вставила кирпич обратно, и проход закрылся. Надо было вернуться до того, как проснутся Ждан с Дугавой и снова начнут придумывать всякие глупости.

Дойдя до коридора, в котором находилась их комната, Герда сняла башмаки, чтобы приглушить шаги и случайно не разбудить друзей. Но, оказалось, главная опасность притаилась совсем в другом месте. Когда до двери оставалось лишь пару шагов, кто-то крепко схватил ее за руку и втянул в небольшую нишу в стене. Герда попыталась кричать, но ее рот закрыла теплая мозолистая ладонь.

— Тише, это я, — шепотом сказал Финист, разворачивая Герду к себе лицом и убирая руку со рта.

— Ты меня до смерти напугал. Я думала... не важно.

Герда приложила руку к груди, пытаясь унять бешено колотившееся сердце.

— Почему ты не с Майли?

— Она заснула, а нам уже пора собираться в дорогу. Куда ты ходила?

— Гуляла, раз уж заснуть мне так и не удалось.

— Опять привидений искала?

Герда не стала отвечать, но Финист все понял по виноватому взгляду.

— Послушай, я не хотел говорить при ребятах, но здесь действительно что-то есть. Что-то такое, с чем нам не стоит связываться. Судя по всему, предыдущие хозяева замка были медиумами, общались с покойниками. А такие даже среди Стражей слыли скользкими типами. Наделали тайных ходов, ловушек для призраков, и, оставшись без присмотра, приспособления начали сбоить, причиняя вред ни в чем не повинным людям. Но даже для замка с привидениями здесь происходит что-то странное. Мой дар, как и дар медиумов, связан с землей. Я чувствую, что из нее вытягивают все соки. Не знаю, кто, как и для чего это делает, но встречаться с ним не хочу.

— Но почему? Ты ведь даже варгов победил! Ты с любым справишься сможешь.

— Я сейчас обернуться пытался — ничего не вышло. Мой дар здесь ослабел и чутье притупилось. А без него я как без рук, понимаешь?

— А как же Майли?

— Она принадлежит этому замку. Не думаю, что внутри этих стен кто-то станет причинять ей вред. Здесь она в гораздо большей безопасности, чем с нами.

— Почему? Потому что у нее нет дара? Но ведь и у меня его нет.

— При чем здесь это? Просто будет лучше, если она останется здесь, поверь.

Финист неожиданно повысил голос. Казалось, что он пытается убедить в этом не ее, а себя. На лицо упала прядка волос. Финист аккуратно убрал ее и заправил за ухо, ласково скользнув пальцами по щеке. Герда не понимала ни его тоскливого взгляда, ни этих томных прикосновений. Ведь он уже получил все, что хотел, от Майли. Так зачем продолжает беречь душу? В конце концов, это просто нечестно.

Воздух между ними накалился от напряжения, его лицо приближалось к ее. Краем глаза Герда заметила шевеление в конце коридора и, поставив на пути Финиста ладонь, закашлялась.

— Финист, почему ты?.. — спросила приблизившаяся к ним Майли, но осеклась, заметив, в какой двусмысленной позе он застыл перед Гердой.

— Мы уже уезжать собираемся. Ты что-то хотела сказать? — с трудом выдавил из себя Финист. Герде почему-то сделалось очень стыдно.

— Забудь, — всплеснула руками Майли и побежала обратно в слезах.

— Ты за ней не пойдешь?

Больше книг на сайте - Knigolub.net

Финист пробормотал в ответ что-то неразборчивое и поспешил за хозяйкой замка. Герда последовала за ним.

Финист постучался в дверь, но та оказалась не запертой. Майли лежала на кровати и плакала в подушку.

— Послушай, ты ведь знала, что мне придется уйти. Это место... этот замок для меня как клетка, понимаешь? Я не привык к роскоши, к слугам, к господской жизни. Твои люди и твои соседи меня не примут. И будут правы. Кто я? Безродный купец из Заречья, да к тому же и человек далеко не самый хороший. Даже при всем желании я не смогу сделать тебя счастливой, как ты того заслуживаешь. А ты заслуживаешь много лучшего, чем люди, вроде меня.

— Остановись, не надо, — не поднимая головы, ответила Майли. — Я понимаю, все понимаю, иди... иди, раз так нужно. Я... я тебя отпускаю.

— Прости, не держи на меня зла.

— Прощаю. Иди уже.

Финист наклонился к ней и, поцеловал в лоб, тихо пробормотал:

— На добрую память.

Майли вздрогнула и посмотрела на него, но он уже поднялся и пошел к двери. Как только Финист скрылся в коридоре, Майли заплакала пуще прежнего. Тогда Герда решила войти и деликатно закашлялась.

— Чего тебе? — не слишком вежливо спросила хозяйка замка. С опухшим от слез лицом она уже не выглядела такой красавицей. — Позлорадствовать пришла?

— Нет, я просто...

— Думаешь, я совсем дура? Я прекрасно понимаю, что ничего не значу для него. И как

только он ступит за порог, тут же забудет обо мне. А я... я буду обречена вечность провести в этом холодном, пустом замке — клетке, как он выразился — совсем одна. И никакие деньги, никакие привилегии моего отца не купят то единственное, что я хочу.

— Но... ты молода... красива. Я уверена, ты еще найдешь кого-нибудь, кто захочет разделить твоё одиночество.

— То-то я вижу, ты нашла, — Майли ткнула пальцем в брошку, приколотую к вороту рубахи. — «На добрую память» и «прости-прощай, дорогая». А ты все смотришь ему в спину, хочешь побежать следом, но понимаешь, что не нужна ему была никогда.

Герда молчала. Слова Майли задели её за живое. Она никогда не думала так... или именно так и думала все время, только себе боялась признаться. И от того, что Майли произнесла крамольные мысли вслух, сделалось так горько, что захотелось пойти и утопиться в том самом чане, где на неё напали привидения.

— Мне жаль, — с трудом выдавила из себя Герда.

Глаза Майли стали круглыми и совершенно бешеными.

— Да кому нужна твоя жалость, дурочка. Убирайся!

Майли швырнула в неё подушку. Герда испуганно выскочила из комнаты и побежала догонять Финиста.

Как только её шаги затихли, Майли достала из тумбочки пузырек. Его дал дворецкий, сказал, что в нём капли, которые помогут уснуть после кошмара. Одной достаточно, чтобы проспаться ночь беспробудным сном. А если выпить все? Если выпить все, то можно забыться безмятежным сном навеки и не мучаться больше.

Майли долго рассматривала мутный осадок на дне, а потом, глубоко вздохнув, опустошила весь пузырек одним залпом. По телу разлилась свинцовая тяжесть. Голова стала чугунной и сама опустилась на подушку. Сознание покинуло её.

Когда Герда вернулась в их комнату, Финист уже успел разбудить остальных. Потирая глаза, Ждан с Дугавой нехотя собирали пожитки.

— Жаль, что не удалось погостить здесь подольше. Отдохнули бы, отъелись и с новыми силами отправились в путь. Финист, ну что тебе стоило провести ещё пару ночей в комнате хозяйки? — говорил Ждан.

Финист не ответил, бросив лишь один короткий предупреждающий взгляд на своего ученика, и продолжил собираться. Дугава подбадривающе улыбалась Герде, которая была очень подавлена после разговора с Майли.

У самой двери снова пробил озноб, но на этот раз остальные тоже почувствовали потусторонний холод. Сбились в кучу, тесно прижимаясь друг к другу и затравленно оглядываясь по сторонам. Финист весь напрягся и остановил их у лестницы, с опаской поглядывая на развешенное по стенам оружие. И не ошибся. С жутким грохотом оно сорвалось со стен и понеслось в сторону застывшей в ужасе компании.

— Бежим! — крикнул Финист, и они ринулись вниз.

Ковер выскочил из-под ног, и они кубарем скатились по ступенькам до самого низа. Но даже потереть ушибленные места времени не оставалось — сверкающее облако острой стали все ещё преследовало их.

— К двери, скорее! — скомандовал Финист, когда лезвие меча просвистело над самой его макушкой.

Все бросились врассыпную. И, старательно уворачиваясь от мечей, кинжалов и боевых топоров, понеслись к двери, но, когда Финист, добравшийся до нее первым, подергал за железное кольцо, та оказалась заперта.

— Попались! — обреченно сказала Герда.

Они испуганно вжались в дверь, держась за руки. Оружие замерло буквально в нескольких локтях от их лиц. Тягостные мгновения длились целую вечность. Загнанные в угол беглецы забыли, как дышать, как двигаться, даже думать не могли — просто безотрывно смотрели на холодную сталь, направленную острием на них. Из коридора донеслись спешные шаги. Первым показался дворецкий.

— Держите их! — крикнул он тяжеловооруженным охранникам.

Те быстро окружили беглецов и наставили на них мечи.

— Что это значит?! — возмутился Финист. — Позовите госпожу Майли, мы ее гости. Вы не имеете права!

— Мы бы с удовольствием ее позвали, но она умерла. Это вы ее убили! Отравили собственными сонными каплями!

— Что? — голос Финиста дрогнул. Сейчас он выглядел намного более испуганным, чем тогда, когда на них напало оружие. — Но это же смешно, зачем бы нам это понадобилось?

— Это вы скажите. Кому вы служите? По чьему настоянию заявили к нам в замок и так беспощадно расправились с ни в чем неповинной девушкой? Кто из соседей-баронов заплатил вам за это страшное злодеяние?

— Мы не... — начал Финист, но осекся, потому что оружие, все еще висевшее в воздухе пришло в движение — обрушилось прямо на ничего не подозревавших охранников.

Воспользовавшись неразберихой, путники снова пустились в бегство.

— Его держите, предводителя ихнего, остальных потом схватим! — кричал дворецкий своим подчиненным, тем, кто еще мог двигаться после стального шквала.

Герда схватила Дугаву за руку и помчалась к западной галерее, где ночью обнаружила потайную дверь во внутреннем дворике. Ждан, проклиная все на свете, изо всех сил старался от них не отстать. Перевести дух удалось, только когда они оказались на улице.

— Где Финист? — спросила Герда, оглядываясь на своих спутников.

— Кажется, его схватили охранники, — мрачно ответил Ждан. — Придется возвращаться. Он столько раз нас спасал, мы просто не можем бросить его в беде. Знать бы еще, что это за колдунство такое с оружием.

— Не колдунство это, а привидения. Герда предупреждала, а мы ей не верили, — сокрушенно сказала Дугава.

— Да ладно вам, с кем не бывает, — смутилась Герда, но тут же вспомнила о главном: — Надо думать, как спасти Финиста и не попасться на глаза ни охранникам, ни привидениям. Где же нам его искать?

— А тут всего два варианта: либо в подземелье, либо в самой высокой башне, — заключил Ждан.

— Придется разделиться. Дугава, ты осмотришь башню, Ждан спустится в подземелье, а я наведаюсь в библиотеку, — взяла на себя командование Герда. — Хотелось бы понять, что все-таки происходит.

— Только не слишком чтением увлекайся, — предупредила Дугава.

Они вернулись в замок и разошлись каждый в свою сторону.

Где искать вход в подземелье, Ждан не знал. После долгих бесцельных блужданий, он вышел в главный холл, где на них напали привидения, а потом и охранники. Только сейчас тут никого не было. Лишь на полу красовались пятна еще не до конца высохшей крови. Ждан покрутился на месте, вспоминая, откуда пришли охранники, и свернул в темную узкую галерею, которая вела куда-то на юг. Идти пришлось долго. Ход петлял и извивался, но ни одной двери или развилки видно не было. Ждан точно знал, что тоннель ведет вниз глубоко под землю. Финист говорил, что левитаторы должны обладать очень хорошим чувством направления, но так как он, Ждан, большой болван, то просто не может им воспользоваться. А вот сейчас почему-то смог. Отключился от мыслей о даре и ощутил где-то на уровне интуиции. Нельзя сказать, что Ждан сильно радовался этому свершению, но все-таки хоть что-то хорошее нашлось в премерзкой ситуации.

Вскоре в конце тоннеля забрезжил свет факелов. Ждан обрадовался — в темноте ему было сильно не по себе, к тому же от затхлого запаха становилось тяжело дышать. Он ускорил шаг и к огромному своей облегчению вышел в подземелье. Темница и в самом деле находилась там — вдоль стен шло порядка двух десятков зарешеченных келий для содержания пленников. Странно, но даже здесь не было никакой охраны. У двери на гвозде висела связка ключей. Ждан снял ее и сунул в карман.

— Финист? — шепотом позвал он, боясь привлечь ненужное внимание. — Финист?

— Здесь, — донеслось из глубины темницы. Ждан поспешил вперед. Судя по всему, Финист был единственным заключенным, и заперли его в самой дальней келье. Наверное, боялись, что сбежит. Когда Ждан нашел его, тот сидел на полу, обхватив прутья руками.

— Чего расселся? — разозлился Ждан. — Обратись в сокола и выбирайся.

— Спасибо, умник, думаешь, я не пытался? — в том ему ответил Финист. — Мой дар ослабел.

— Почему? Не важно, давай я тебя спасу, а потом уже будем соображать, что к чему.

— А кто тебя спасет, герой? — Финист указал на что-то, что находилось за спиной Ждана.

Тот резко обернулся. В локте от него застыла алебарда. Ждан испуганно сглотнул и дрожащими руками попытался отпереть келью, попутно оглядываясь на маячившее у лица острие. Оно так и норовило впитаться ему под лопатку или в плечо. Постоянно приходилось уклоняться. Ключ к замку подобрать оказалось не так-то просто — все они были абсолютно одинаковыми, а подошел, как назло, только последний. Пока Ждан возился, алебарда уже начала нетерпеливо раскачиваться из стороны в сторону. Когда дверь открылась, оружие ринулось на Ждана с такой скоростью, что он от страха заскочил в келью к Финисту и забыл ключ в замке. От удара об притвор дверь зашаталась, ключ выпал и с оглушительным звоном поскакал по полу.

— Болван! — от досады Финист прикрыл лицо рукой.

Алебарда злорадо заскрежетала по каменной стене и быстро юркнула в угол. В коридоре показался охранник. Заглянув в келью к заключенному, он громко рассмеялся:

— О, кажется, мышка сама забежала в клетку!

Он снова запер дверь и устроился рядом с решеткой на табурете, чтобы сторожить их.

Дугава обнаружила самую высокую башню довольно быстро. Побродив немного по коридорам, она натолкнулась на спрятанную за шторой дверь, за которой оказалась галерея, ведущая в северное крыло замка, где Дугава и рассчитывала найти ту самую башню. Галерею украшали развешанные по стенам потемневшие портреты предыдущих хозяев замка. Люди, изображенные на них, все как на подбор были худощавыми и бледными с одинаковыми угрюмыми, немного сумасшедшими взглядами. Стало очень неудобно. Не отталкивал лишь последний портрет красивого молодого человека с темными кучерявыми волосами и широкой открытой улыбкой. От него просто веяло романтикой и сердечной теплотой. Дугава даже смогла прочитать сохранившуюся табличку. «Петрас Гедокшимска» было вырезано на ней. Герда снова оказалась права: старыми хозяевами замка действительно был древний род Стражей. Все внутри: от этих портретов, до потайных ходов и спрятанных дверей — напоминало о них.

Поняв, что находится в древней твердыне Стражей, которые помогали, а не преследовали таких, как она, Дугава ободрилась, и с решимостью подошла к крутой лестнице. Откуда-то сверху доносились едва различимые голоса. Собрав волю в кулак, она начала взбираться, уговаривая себя, что привидения разговаривать не могут. На подходе к одному из пролетов она заметила тени двух человек и тут же спряталась в сужающуюся нишу окна.

— Поймать удалось только одного, ваше сиятельство, — Дугава узнала голос дворецкого. — Трое еще рыщут по замку.

— Вот ведь демоны принесли на мою голову. Если бы эта девка не совала нос куда не следует, мы бы спокойно могли отпустить их восвояси и не отвлекаться от главной задачи.

Голос у второго был незнакомый, властный и жесткий, а выговор такой же певучий и протяжный, как у Майли и Герды. Дугаве пришлось выглянуть из ниши, чтобы рассмотреть лицо. Говорившим оказался человек с портрета, Петрас. Несмотря на возраст, он оставался все также красив. Даже глубокие морщины вокруг глаз, большой шрам на лбу и седые волосы совершенно не портили его, а наоборот добавляли таинственной зрелой привлекательности.

— Не понимаю, почему мы не могли расправиться с ними сразу? Они же бродяги, по всему видно, — продолжал говорить дворецкий. Петрас молча смотрел куда-то вдаль. — А девчонка эта... так она вообще на ведьму похожа, на ту, помните, которую Голубые Капюшоны здесь казнили. Кажется, они ее Норной называли.

Петрас вздрогнул.

— Что с вами, ваше сиятельство?

— Все в порядке. Старею просто, сердце прихватило.

— Да что вы, ваше сиятельство, вы совсем еще не стары. Вам еще жить и жить, кто ж кроме вас план этот хитроумный в действие сможет привести? Не время вам о старости думать!

— Ты прав. Я слишком долго ждал и слишком многим пожертвовал, чтобы отступить в шаге от успеха.

Петрас закрыл глаза и замолчал, как будто к чему-то прислушиваясь.

— В нише, — сказал он.

Дугава вжалась в стену. Дворецкий удивленно уставился на Петраса. Видя, что слуга медлит, господин сам подошел к окну и схватил ее за руку. Дугава громко пискнула и попыталась укусить его, но тот с поразительной легкостью извернулся, заломил ей руки за спину и вытащил на пролет. Она уже не кричала, а тихо скулила то ли от боли, то ли от страха, а скорее от того и другого одновременно.

— Мы никого не убивали, — попыталась оправдаться она. — И нам нет дела до ваших ритуалов. Отпустите Финиста, и вы больше нас не увидите.

— Поздно, деточка, — нарочито ласково ответил Петрас. — Вы слишком сильно увязли, дороги назад уже нет ни для кого из нас.

Он повернулся к дворецкому:

— Вот видишь, их осталось всего двое. Иди, не заставляй меня выполнять всю работу за тебя. Я еще должен подготовиться к ритуалу.

— Извините, ваше сиятельство. Конечно, ваше сиятельство.

«Откуда в замке столько привидений? — размышляла Герда по дороге в библиотеку. — И что за странный ящик сюда принесли этой ночью? И, главное, что стряслось с Майли? Когда я уходила, с ней было все в порядке. Да, она была расстроена из-за Финиста, и я ее понимаю, но все же... Что могло произойти? Странно, что тут стало так безлюдно. Но это как раз кстати, учитывая, что нас хотели схватить и посадить в темницу вместе с Финистом».

В библиотеке тоже никого не оказалось. Герда снова начала перебирать книги, силясь найти ту, в которой видела рисунки со стеклянного ящика. И это удалось. В этой книге говорилось о том, как подчинить неуспокоенные души. Ящик же служил своего рода ловушкой для этих душ — стоило только призрачной материи попасть в поле действия заклятий, записанных в тех самых непонятных знаках, как она оказывалась заключенной в клетку. Видимо, светящийся дым и был сгустком призрачной материи. Выходило, что кто-то отлавливает привидений и специально привозит их сюда. Может, это как раз то, о чем говорил Финист — замок вытягивает энергию из земли, чтобы держать в плену безумное количество неуспокоенных душ, вот только зачем? Ведь это как зажженную шутиху в руке держать — нет-нет, да опалит так, что потом не заживет никогда.

Герда листала книгу дальше. В следующей главе говорилось о каком-то ритуале, способном наделить творившего силой управлять легионами призраков. Для этого надо накопить девятьсот девяносто девять душ, построить специальный алтарь и, когда на небе появится кровавая луна, возложить на него нераспустившийся бутон черной розы.

Герда задумалась. Она никогда не слышала про розы черного цвета: красные, белые, желтые, сиреневые, даже фиалковые — если не видела, то читала про них. Но никто и никогда не упоминал черные розы. И что означает кровавая луна? Герда смутно помнила, как старики в Дрисвятах рассказывали про ночь живых мертвецов, когда луна умывается кровью и по земле несется Дикая Охота мертвецов, сметая все живое на своем пути. Только как луна может умыться кровью? Герда решила не мучиться, а поискать лунный календарь, ведь явления, связанные с той стороной, часто зависели от возраста луны.

Календарь нашелся достаточно быстро. Герда открыла его на странице, где были указаны ближайшие даты. Все правильно, сегодня полнолуние. В полнолуние привидения особенно опасны. Рядом на полях стояла небольшая приписка: "Затмение". Герда хлопнула себя по лбу. Ну конечно, во время затмения луна становится кроваво-красной! Это и есть ночь мертвецов. Ритуал должен быть проведен именно сегодня, но что такое эта таинственная черная роза?

Вдруг послышался какой-то шум, но на этот раз Герда была готова. Не дожидаясь, пока сорвавшийся со стены меч приблизится к ней на опасное расстояние, она кинулась к приметному шкафу и начала перебирать книги, силясь найти ту, которая открывала потайную дверь. «По ту сторону», — прочитала она на одном корешке, дернула, и шкаф повернулся. Герда снова стояла посреди длинного темного коридора, ведущего в пустоту.

Она повторила путь до развилки и там, найдя на стене оставленную в прошлый раз отметину, решила выбрать другую дорогу. Пошла в среднюю галерею, но через десять минут уперлась в завал. Герда пригорюнилась: уж очень не хотелось возвращаться в комнату для гостей через кабинет с зеркалом. Слишком непонятные чувства вызывал тамошний портрет Стражей, наподобие страха и тоски по чему-то давно ушедшему.

Вернувшись обратно, Герда направилась в левый коридор — он был самый темный и узкий. Идти пришлось долго, еще дольше, чем в первый раз. Здесь тоже часто встречались завалы, но до потолка они не доходили. Ползком преодолевая кучи камней, Герда медленно продвигалась вперед. К тому моменту, как в конце тоннеля забрезжил слабый свет, она успела протереть одежду в нескольких местах и рассадить руки.

Отряхнувшись, Герда пошла на свет. Он лился из узкого прохода, за которым находился большой зал. Стены, потолок и пол были полностью покрыты зеркалами с надписями, сделанными углем. В центре в неглубокой выемке стоял тот самый ящик, который несли таинственные люди ночью. Герда подошла к нему и опустилась на колени, чтобы лучше разглядеть клубившийся внутри дым. Наверху с двух сторон обнаружились защелки.

Действуя по наитию, Герда положила на них руки. Раздался громкий щелчок. Стекланную крышку ящика будто ножом разрезали. Две половинки разъехались в стороны. Испугавшись, Герда отступила на пару шагов. Пол начал вращаться, а потом и потолок. Зеркала на стенах тоже пришли в движение, закрутились вокруг своей оси и по открывшимся в полу желобкам двинулись к ящику. Они быстро окружили выползавший из открытой стеклянной коробки дым.

Раздался душераздирающий крик. Герда хотела бежать, но зеркала окружили и ее тоже, поймав в плен из стекла и отражений. Она видела, как мелькал проход, но зеркала кружились так быстро, что если бы она попыталась пройти, они бы, наверняка, разрубили ее на части. Собственные отражения двигались в бешеном хороводе. Паника нарастала в груди, как снежный ком. Даже дышать стало трудно.

Неожиданно в одном из зеркал отражение изменилось. Внутри показалась та самая женщина с мышастыми волосами с картины. На руках она держала тощего кота, ее несносного рыжего кота! Герда протянула к нему руки. Незнакомка печально улыбнулась и, не отпуская животное, показала куда-то в сторону. Зеркала там на мгновение замирали, и можно было проскочить, если улучить момент. Незнакомка подняла раскрытую ладонь, а потом медленно начала загибать пальцы. Как только последний, указательный, оказался согнутым, Герда что было силы ринулась к проходу, и, проскочив мимо вращающихся зеркал, покатила по полу.

Тяжело дыша и обливаясь липким потом, она обернулась — за ее спиной осталась лишь черная стена. Герда испуганно сглотнула: впереди было так темно, что хоть глаз выколи, а назад дорога отрезана. Что если там, за поворотом очередной тупик или обвал? Тогда придется остаться здесь навсегда!

Издали доносились странные звуки, будто кто-то плакал или всхлипывал. Значит, все-таки, что-то там было. Герда пошла на звук и вскоре оказалась у небольшой распахнутой настежь двери. Внутри находилась маленькая келья с деревянным настилом, накрытым периной и подушками. На них лежала темноволосая девушка в белоснежной сорочке и громко стонала.

— Майли? — не поверила своим глазам Герда. Девушка перестала плакать и испуганно уставилась на нее.

— Т-ты что здесь делаешь? — спросила она, с трудом взяв себя в руки.

— Тебя ищут. Твои люди решили, что ты умерла, и обвинили в этом нас.

— А ты уверена, что я жива? Что мы живы?

— Конечно, Майли, ты что?

— Я выпила целый пузырек сонного зелья. Хотела заснуть так крепко, чтобы больше никогда не просыпаться одной. А потом появились все эти странные люди. Они притащили меня сюда, к маме. Здесь была моя мама, представляешь? Я говорила с ней. Она просила, чтобы я больше так не расстраивалась из-за пустяков и постаралась забыть того, кто причинил мне столько боли. Но... моя мама умерла. Мы похоронили ее на кладбище за холмом. Я не понимаю, как я могу ее видеть. И еще этот странный тип. Чего он от меня хочет?

Герда оглянулась по сторонам и непонимающе уставилась на Майли.

— Ты о чем? Здесь никого нет.

— Как нет? Вот же он, сидит тут, рядом с нами. Как ты можешь его не видеть?

— Ты просто перенервничала, выпила какую-то гадость, вот и видится теперь всякое.

Герда взяла ее за руки, чтобы ободрить, и тут же ощутила замогильный холод. Над ней нависла черная тень. Герда подняла голову. Закутанная в длинный плащ фигура молча сидела на кровати возле Майли, словно чего-то ждала.

Еще больше пугало странное шевеление в углу.

— Опять начинается, — простонала Майли, натягивая повыше одеяло.

Прямо из стены появились полупрозрачные фигуры, самой яркой из которых была красивая женщина в пышном белом платье.

— Мама, — одними губами прошептала Майли.

— Привидения, Майли, это привидения. Они не живые! — испуганно вскрикнула Герда и, вскочив с кровати, попыталась потащить Майли за собой. — Надо убираться отсюда, слышишь?!

Призрачная женщина, мягко улыбаясь, подплыла к Майли. Та будто приросла к постели.

— П-привидений не бывает. Это бред сумасшедших, — странным безучастным голосом сказала хозяйка замка. — Мы все сошли с ума.

— Бежим, слышишь, бежим! — кричала Герда, безуспешно пытаясь сдвинуть ее с места. — Не сходи с ума. Привидения еще никому ничего хорошего не приносили!

На затылок упало что-то твердое и тяжелое. Герда как подкошенная рухнула на пол.

— Т-ты? — клацая зубами, спросила Майли. — Ты тоже п-привидение?

Глава 12. Черная роза

В гнилой соломе на полу неуютно шуршали мыши. На табурете у кельи храпел во всю глотку караульный. Воздух смердел затхлой сыростью и нечистотами.

— Теперь нас сожгут! — причитала Дугава, обхватив кованые прутья руками.

— Скорее повесят. Убийц и разбойников обычно вешают, — хмуро возразил Ждан, подпирая собой решетку рядом с иллюзионисткой.

Финист лежал на деревянной лавке, подперев голову руками, и самозабвенно изучал покрытый многолетней плесенью потолок. "Как я мог так проколоться? Завел всех напрямик в ловушку. И ведь знал, что здесь творится неладное, а все равно поддался соблазну поспать на пуховых перинах и шелковых простынях. Тупица!"

— Не понимаю, почему мастер Петрас заодно с ними, — из головы Дугавы, похоже, никак не шла встреча с последним из рода Гедокшимска. — Ведь я видела его портрет в галерее предыдущих владельцев Будескайска, Стражей. Может, это какая-то хитрость. Может, он потом нас отпустит, когда все немного поуляжется. Ведь почему-то он не позволил дворецкому убить нас с самого начала. Значит, не все потеряно.

— Я бы на это не рассчитывал, — отозвался Финист. Не хотелось их разочаровывать, но, наверное, наставник обязан давать своим ученикам и такие тяжкие уроки: — Даже в те времена, когда Стражей не преследовали, не все из них были хорошими. А эти Гедокшимска, мне про них еще бабка рассказывала. Точнее, не про них, а про Главу Стражей Кундии: она не знала его родового имени, но все указывает на то, что это именно он — владелец этого замка. Помните ту скверную историю, из-за которой вся западная окраина Веломовии на восстание поднялась?

— Да мало ли, тогда весь Мидгард бунтовал, — почесал затылок Ждан. — Кажется, Голубые Капюшоны слишком жестоко расправились с каким-то отступающим отрядом, не потрудившись даже устроить им видимость правосудия.

— Именно. И произошло это не где-нибудь, а здесь. В те времена у нас уже начались гонения на Стражей, а на границе с Кундией жил какой-то очень важный человек. Не знаю, что в нем было особенного, но Стражи очень боялись, что он попадет в руки Голубых Капюшонов и приложили все усилия, чтобы переправить его в Норикю. В сопровождение ему собрали большой отряд. Мой отец был среди них. С огромным трудом им удалось пробиться в Кундию, где они должны были остановиться на несколько дней, чтобы передохнуть в замке главы Стражей этой страны — с ним обо всем договорились заранее. Но здесь отряд уже ждали Защитники Паствы. Это он, последний из Гедокшимска, предал их, доложив обо всем в веломовский епископат.

— Зачем он это сделал? — ужаснулась Дугава.

— Не знаю. Может, у него были личные счеты с кем-то из отряда, а, может, просто жизнь свою спасал, кто сейчас скажет? Так вот, здесь произошло что-то ужасное. Всех убили в кровавой бойне, назад только мой отец вернулся. Он после этого стал сам не свой, молчаливый, угрюмый. Все планы вынашивал, как Заречье от единоверцев освободить, потому что, говорил, нелюди они, и демонам, самым худшим из них, поклоняются. А когда народ у нас зашевелился, он в первых рядах на восстание пошел. За это его и сожгли в Стольном на главной площади вместе с мамой моей — они везде, даже на войне неразлучны были.

Финист замолчал — в горле ком стал, едва он вспомнил родителей. И родную землю, некогда плодородную и благодатную, а теперь разоренную, сожженную дотла на таком же костре, какой поглотил его семью.

— Да... — после долгой паузы заключил он. — Не все Стражи были идеалом доблести и благородства, какими их пытается изобразить компания Норн. Далеко не все из них были достаточно сильны и тем более умны, иначе они бы не проиграли.

— Так что стало с человеком, которого они везли в Норикию? — Ждана распирало от любопытства, но Финист лишь пожал плечами.

— Мой отец дал клятву молчать и так и не открыл никому этой тайны. Единственный, кто может знать, что тогда случилось — последний из Гедокшимска.

Финист снова замолчал, погружившись в мрачные раздумья. Надо было найти хоть маленький шанс освободиться. Не может быть, чтобы они зашли так далеко и потерпели неудачу сейчас, когда до Лапии осталось рукой подать. Наверное, так же чувствовали себя члены отряда Стражей, когда их застали врасплох Защитники Паствы. Ожидание казалось мукой хуже смерти. Финист встал и принялся нервно расхаживать из угла в угол. Должен же быть какой-то выход. Если бы только удалось обернуться.

Ждан устал подпирать собой решетку и уселся на солому. Дугава тоже сдалась и отошла от прохода.

— Хотя бы Герду не поймали, — сказала она, устраиваясь рядом со Жданом на соломе. — Она умная, может, придумает, как нас освободить.

— Я бы и на это не рассчитывал, — мрачно заметил Финист, выглядывая в проход. Оттуда доносились шаркающие шаги.

— В вашу клетку прибыло, крысята, — ухмыльнулся показавшийся в коридоре дворецкий. Он отпер дверь кельи и бесцеремонно впихнул туда упирающуюся Герду.

— Поаккуратней можно?! — возмутилась она, повалившись на Ждана с Дугавой от его толчка.

— Ого, ничего себе шишка! — воскликнул Финист, проверяя, все ли в порядке. — Как тебя угораздило?

— Кто-то ударил сзади, я не видела, — она поморщилась от боли, коснувшись затылка.

— Вот теперь нам точно несдобровать, — Ждан уже готов был биться головой об решетку. — И угораздило тебя, Финист, спасти эту Майли. Теперь всем головой ответить придется.

— Кстати о Майли, я ее видела. Она жива. И дворецкий прекрасно об этом знает. Они держат ее где-то в потайном ходе под замком, а привидения ее сторожат. Я сама их видела. Они были такие странные, полупрозрачные, бррр!

Финист перестал бродить по келье, как разъяренная саблезубая кошка, и задумчиво уставился на Герду. Может, стоит сознаться? Какой толк от тайн, если сегодняшний день никто из них не переживет, а так у нее хотя бы будет шанс. Если, конечно, Петрас действительно в стоворе с Голубыми Капюшонами, а не просто помешался от горя. С медиумов станется.

— А еще я нашла книгу, в которой описан один ритуал. Вот, — она достала из-за пазухи захваченный из библиотеки томик и начала читать: — «В ночь кровавой луны возложи на алтарь смерти нераспустившийся бутон черной розы и с последней каплей ее крови ты обретешь власть над непобедимой армией бессмертных воинов». Понимаете? Кровавая луна — это затмение. Оно будет этой ночью. Кто-то собирает армию привидений! Знать бы еще,

что это за таинственная черная роза.

Финист громко поперхнулся. Черный — традиционный цвет смерти. А нераспустившимся бутоном розы обычно называли... Нет, не может быть, чтобы Гедокшимска рехнулся настолько. Или, может? Тогда Финисту точно живым отсюда не уйти.

— Что с тобой? — встревожилась Дугава.

— В горле запершило, — не слишком искренне ответил он.

Вскоре появился дворецкий с небольшой группой охранников. Это и спасло Финиста от дальнейших расспросов.

— Пришел ваш час, голубчики, — дворецкий снова изобразил зловещую ухмылку. В его исполнении она не выглядела особенно впечатляющей, а вот до зубов вооруженные охранники за его спиной действительно вызывали опасения. — Сейчас вы ответите за все!

— Но мы ничего не делали. Майли жива, и ты знаешь это не хуже нас, — возмутилась Герда.

— Вы думаете, убийство нашей обожаемой госпожи — единственное преступление, которое можно вменить таким... — он прищурился, а потом сплюнул. — Таким колдунам, как вы.

— Это неправда, если кто тут и колдун... — продолжала негодовать Герда. Финист положил руку ей на плечо, чтобы она опомнилась и не говорила больше ничего, потому что это было абсолютно бесполезно.

"Выхода нет. Я один виноват во всем. Я никогда и никого не мог спасти", — безнадежно подумал он, расписываясь в собственном бессилии.

Охранники отперли келью и, связав пленникам руки за спиной, повели вглубь замка. Запомнить дорогу по бесконечным потайным переходам с первого раза смог бы далеко не каждый. Их доставили в огромный зал, который, должно быть занимал почти все подземелье. Его освещало множество развешанных по стенам факелов. В центре стояло около дюжины высоких канделябров с горящими свечами. Над ними находился световой колодец — отверстие проходило через весь замок и позволяло видеть небо, сейчас темное с маленькими огоньками-звездами. Близилась полночь, а пленники от суеты прошедшего дня даже не заметили, как пролетело время.

Внутри зала собралась уйма народу: охранники, дворецкий со всей прислугой от мала до велика, даже кто-то из селян, не успевших вовремя сбежать из прилегавших к Будескайску земель. Все взгляды были устремлены к восточной стене, где располагался парадный вход. Чего-то ждали.

Путники шепотом обсуждали происходящее, тщетно пытаясь сохранить спокойствие и подбодрить друг друга. Получалось слабо. Их словно сковало чувством обреченности, но умирать так не хотелось.

Когда зазвонили колокола в замковой часовне, возвещая о наступлении полуночи, широкие кованые двери распахнулись. В зал торжественной походкой вошел Петрас в широкой белой мантии с вышитым золотыми нитками перевернутым анком на спине — знаком некроманта. В руке бывший Страж держал высокий посох из черного дерева с

янтарным набалдашником, внутри которого застыл огромный паук.

— После этого они нас колдунами называют? — попытался возмутиться Ждан, но Финист тут же шикнул.

Собравшиеся расступились, образовав живой коридор, ведущий к канделябрам в центре. Петрас торжественно прошествовал по нему и повернулся спиной к свечам.

— Благодарю всех, почтивших меня своим присутствием этой ночью. Сегодня, когда на небе поднимется кровавая луна, вы станете свидетелями того, как здесь, в стенах этого проклятого замка староверов родится сила, которая принесет праведное возмездие тем, кто пришел на нашу землю с огнем и мечом, тем, кто обирал нас, лишая самого дорогого, тем, кто не знал жалости к нашим детям, тем, кто отравил нашу веру и наши души. Да свершится возмездие во имя бога нашего Единого!

— Во имя Единого! — вторила толпа. — Избавьте наши земли от колдунов! — добавляли одни. — Долой староверов с их дикими обычаями! — кричали другие. — Проклятье, пусть снимут проклятье с Будескайска! — третьи оказались самыми громкими.

Петрас расправил плечи и воздел посох.

— Да свершится возмездие. Да восстанут мертвые из пепла и тлена. И служат мне, как единственному повелителю своему.

Некромант три раза ударил посохом об пол, и на нем тут же начали загораться бесчисленные пентаграммы, словно светящаяся жидкость растекалась по прочерченным на камне желобкам. Стало так холодно, что мороз обжигал дыхание, а в кожу впивались сотни иголок. Пленники сбились в кучу, прижавшись друг к другу спинами от страха. Раздался громкий хлопок. Он оглушил и ослепил их на мгновение. Но когда они все же решились открыть глаза, все люди вокруг лежали мертвыми.

— Что случилось? — ужаснулась Дугава.

— Похоже, он решил объявить массовый набор в армию мертвецов и рекрутировал всех присутствующих, — тихо ответил Финист и брезгливо сплюнул: — А эти глупцы верили, что он их спаситель.

Похоже, жалости к погибшим он совсем не испытывал. А вот у Герды сердце стянуло от омерзения и страха. Как мог Страж вести себя настолько вероломно и гнусно? Как он мог убить доверившихся ему людей? Он ведь давал нерушимую клятву защищать невинных. Так писали во всех книгах!

— Почему тогда нас в живых оставил? — подал голос Ждан.

— Может, совесть замучила, — удивительно, как даже при тяжелых обстоятельствах, Финисту удавалось сохранить саркастичный настрой. — А скорее он припас для нас что-нибудь похуже смерти. Для меня так уж точно.

— Что же нам теперь делать? — испуганно пробормотала Дугава.

Финист угрюмо молчал. Похоже, он совсем потерял надежду. Может, снова начать молиться Единому? Жаль, что никто из них не верит так истово, как Майли. Наверное, умирать, зная, что на другом берегу тебя ждет беззаботная блаженная жизнь, было бы не так страшно.

Петрас, который все это время пребывал в глубоком трансе, очнулся и с удовлетворенным видом осмотрел результат своей работы.

— Что ж, вы хотели злого колдуна, так получите теперь самого худшего из них, — он обращался скорее к мертвым, чем к живым, безумно при этом улыбаясь. Его глаза стали совсем шальные, сквозь них проглядывала горечь многолетних страданий и одиночества,

изуродовавшая этого некогда привлекательного человека. Он чем-то напомнил Ягиню, Хозяйку леса: такой же потерянный, опустошенный, смертельно уставший. Жажда мести — единственное, что двигало им сейчас.

Петрас перевел взгляд на пленников:

— Не бойтесь. Много лет назад я дал себе зарок, что не пролью больше крови Стражей, если на то не будет крайней нужды.

— Что-то мне говорит, что она вот-вот настанет, — пробормотал себе под нос Финист.

Герде хотелось положить руку ему на плечо и как-то утешить, но руки были связаны.

— Сегодня вы будете моими гостями на пиршестве смерти. Смотрите, ночь мертвецов вот-вот наступит, — продолжал пафосно вещать Петрас.

Пленники подняли глаза. В отверстии на потолке показался краешек луны. Некромант раздвинул канделябры и прошел вперед к горе из человеческих черепов. Вначале она показалась стихийным нагромождением, но, приглядевшись, Герда поняла, что это алтарь — высокий стол, длинной в человеческий рост. К нему была прикована девушка, странно похожая на огромную черную розу на длинном белом стебле. Сорочка прилипла к мокрому от пота телу. Черные кудри разметались по алтарю, приняв форму бутона. Не сдержав любопытства, Герда подались вперед и обмерла от ужаса. Жертвой оказалась Майли. Ее глаза были плотно закрыты, а губы едва заметно подрагивали во сне. Петрас мягко коснулся ее плеча. Глаза девушки резко распахнулись.

— Отец? — едва слышно позвала она хриплым ото сна голосом.

— Отец?! — эхом повторили Герда, Дугава и Ждан, ошалело переводя взгляды с Петраса на Майли и обратно. Герда никак не могла поверить, что это правда. Только Финист молча смотрел на некроманта с дочкой с печальной улыбкой на устах.

— Да, я ее отец, Петрас Кшимска, хозяин Будескайска, глава Стражей Кундии, истинный медиум.

— Но... почему Защитники Паствы оставили вас в живых? — удивилась Герда.

— Да потому, что он продал им своих товарищей, так, последний из Гедокшимска? — с ожесточенностью и презрением ответил Финист за него.

Некромант недовольно скривился:

— Тогда нельзя было иначе. Я думал, что поступаю правильно, я не знал... не понимал, чем это может обернуться, но теперь я все исправлю. Теперь у меня хватит сил, чтобы стереть единоверческую заразу с лица Мидгарда.

— Отец, что ты такое говоришь? — признание Петраса стало для Майли такой же неожиданностью, как для остальных известие, что он ее отец. — Мне сказали, что ты умер, что я должна покинуть монастырь, чтобы сохранить наши земли и отдать дочерний долг.

— Дорогая моя Майли, я умер задолго до твоего рождения, в тот день, когда пожал руку Голубым Капюшонам и согласился на их коварный план. А долг ты мне свой отдашь совсем скоро, я тебе это обещаю.

Герда мелко задрожала. Неужели он собрался принести в жертву собственную дочь, свою плоть и кровь? Это невысказано! Он больше не Страж, он просто сумасшедший. Эта мысль помогла ей смириться. А вот Майли, похоже, этого еще не поняла и продолжала взывать к его разуму:

— Но как же все, чему ты меня учил? Как же мама? Она ведь тоже верила в Единого. Ты так любил ее, любил нас, заботился, я же помню.

— Заботился... — голос Петраса дрогнул. Лунный свет упал на его лицо, и стало

заметно, как на его лбу между глаз залегла глубокая морщинка. Ему понадобилось время, чтобы собраться с мыслями и говорить дальше. — Я жил только ради этой ночи, дорогая. Ты моя маленькая черная роза, которую я, как рачительный садовник, пестовал все эти годы. Но чтобы заручиться поддержкой армии мертвецов, я должен принести жертву. Мне очень жаль, но ей можешь стать только ты.

Майли испуганно выдохнула и отчаянно дернула руками, чтобы освободиться, но веревки держали слишком крепко. Петрас печально улыбнулся и достал из-за пазухи острый кинжал.

— Не-е-ет, — закричала Майли. Глаза ее в этот момент стали такими же сумасшедшими, как у отца. — Остановись, они все просят, чтобы ты остановился. Ты мучаешь их. Ты мучаешь маму, она хочет, чтобы ты отпустил их. Здесь им невыносимо больно.

— Я не могу. Прости, я должен это сделать, должен исправить свою ошибку и спасти Мидгард от врага. Час возрождения близок. Если я остановлюсь, то страдать будут все: и мертвые, и живые. И то, что они испытывают сейчас, не сравнится с теми муками, которые им предстоят, если я потерплю неудачу.

Петрас снова погрузился в транс и принялся нараспев читать какие-то стихи, перемежая их непонятными словами на языке мертвых.

Герда поникла. Хотелось плакать и жалеть себя. Даже стоны Майли и мертвые тела вокруг перестали ее волновать.

— Только не реви, я сейчас тебя развяжу, — прошептал над самым ухом голос, который Герда уже не чаяла слышать. Возникший невесть откуда кот принялся грызть веревки, которые связывали ее руки.

— Отсюда все равно не убежишь. Привидения не выпустят, — грустно вздохнула она, хотя на душе стало чуть теплее. — Финист даже обернуться не может.

Кот покосился на их предводителя и заметно скривился. Тот словно находился в каком-то ступоре, никого вокруг не замечая.

— Все он сможет, как только слюни перестанет пускать, — зашипел кот, окончательно разорвав путы на руках Герды. — Развязывай остальных, а птичьего болвана предоставь мне.

Пришлось согласиться, ведь другого плана у нее не было. Герда придвинулась к стоявшему возле нее Ждану и принялась развязывать его веревки, краем глаза наблюдая за котом и гадая, что он будет делать. Тот вцепился когтями в штанину Финиста, быстро вскарабкался ему на плечо и вкрадчиво зашептал:

— Перестань жалеть себя и соберись. Подумай. Я знаю, ты привык доверять инстинктам, а не собственному разуму, но сейчас они тебя подводят. Этот некромантишка ничтожная букашка по сравнению с тобой. Даже в своей вотчине он не может блокировать твою силу. Ты себя ограничиваешь сам.

Финист вскинул голову и широко распахнул глаза, словно слышал его.

— Ты же сам знаешь, он уже проиграл, — продолжил говорить кот, видя, что этого недостаточно. — Невероятно дурацким, нелепым способом, но ты сокрушил все его планы. Осталось лишь добить. Заставь его потерять концентрацию.

Финист странно запрокинул голову. В его глазах клубился колдовской туман.

— Давай же! Я не хочу ломать печати сейчас! — в отчаянии выкрикнул кот.

Финист дернулся и моргнул. Его взгляд стал таким же ясным и решительным, как прежде.

Луна полностью зашла в световой колодец. На нее потихоньку напозла тень, похожая на вуаль, сквозь которую сочился тусклый темно-бордовый свет, похожий на кровь.

«А вот и затмение. Что сейчас будет?», — отрешенно думала про себя Герда, освободив Ждана и Дугаву. Кот спрыгнул с плеча Финиста и замер возле нее.

— Пора приступать, — объявил Петрас. — Время уходит.

Он взял Майли за руку и полоснул острым лезвием по ее запястью. На алтарь упали багровые капли, точь-в-точь такие, какой сейчас была луна. Белая кость впитала кровь без остатка. Все затаили дыхание. И... ничего не произошло.

Некромант удивленно сдвинул брови, сжал руку дочери и попытался выжать из раны как можно больше крови. Алтарь поглощал ее все с той же неутолимой жаждой, но привидения продолжали безмолвствовать. Петрас остановился, только когда Майли в голос застонала от боли. Несколько мгновений некромант пожирал тело собственной дочери глазами, а потом хлопнул себя по лбу.

— Майли, разве ты можешь видеть мертвых? — девушка слабо кивнула, не переставая стонать. — Но для этого ты должна была познать мужчину. Я же отправил тебя в монастырь, чтобы твое целомудрие хранили, как зеницу ока единоверцы! Когда ты?.. Кто посмел?!!

Майли густо покраснела и отвернулась, насколько это было возможно, учитывая, что к алтарю ее привязали очень туго. Финист расхохотался в голос. Громко, раскатисто, зло. Под стать самому некроманту. Петрас перевел на него ошалелый взгляд.

— Ты?! Ты совратил мою дочь? — его буквально колотило от ярости. — Ты заставил бутон черной розы распуститься раньше срока!

— Не то чтобы это было очень трудно, — Финист явно издевался.

— Я так долго ждал, а ты... ты все испортил. Труд всей моей жизни! Ты за это заплатишь, — прошипел он сквозь зубы и вскинул посох.

— Бегите! — крикнул Финист.

Каким-то невероятным образом ему удалось обернуться. Сокол с яростным кличем кинулся в лицо Петрасу. Некромант, отбиваясь, ударил посохом об пол и произнес что-то непонятное. Птица неловко взмахнула крыльями и упала. Перья начали облезать с колотящегося в судорогах тела. Герда в ужасе приложила руку ко рту. Не вышло! Финист снова становился человеком! Хотелось подбежать к нему и помочь, но стоило сделать шаг, как ноги оторвались от пола, и она повисла в воздухе. Горло начала сдавливать невидимая петля. Каждый вздох давался с большим трудом. Рядом точно так же трепыхались Дугава со Жданом. Финист уже превратился и, тяжело дыша, распластался на животе.

— В этих стенах я неуязвим, — усмехнулся стоявший над ним Петрас. — Тридцать лет назад я один перебил целый отряд Стражей, а тогда я был молод и не обладал и десятой толикой знаний, которыми располагаю сейчас. С чего ты, презренный червь, решил, что сможешь меня одолеть?

Финиста резко перевернуло на спину.

— С того, что тогда ты перебил не всех, — прошипел он сквозь стиснутые зубы. — Мой отец спасся, значит, и я смогу!

— Тот паскудный соколенок? — Петрас задумчиво коснулся шрама на лбу. — Какая злая ирония! Досадная случайность стояла мне тридцати лет тщательно вынашиваемых планов.

Некромант снова потерял концентрацию, увлекшись собственными воспоминаниями. Финист дернулся, пытаясь высвободиться, но его придавило к полу чем-то невидимым и

начало тянуть в разные стороны, как на дыбе. На теле вздулись желобки вен. Из уголка рта потекла тоненькая струйка крови.

— Сейчас ты за все ответишь. И за себя, и за отца, — Петрас поднял посох. Глаза Финиста вылезали из орбит. Раздался сдавленный хрип.

— Нет! — эхом пронесся по залу иступленный крик Майли.

Всех мигом отпустило. Финист молниеносно перевернулся обратно на живот и на коленях быстро-быстро пополз к своей одежде. Висевшие в воздухе Герда, Дугава и Ждан, одновременно взмахнув руками, упали на пол.

— Живей к Майли! — скомандовал кот. — Помоги ей перехватить контроль над призраками.

Герда не понимала, чего он хочет, но решила не спорить и со всех ног побежала к алтарю — рыжая бестия каким-то чудесным образом умудрялась находить выход даже там, где его и вовсе быть не должно.

— Нет-нет, на этот раз уйти никому не удастся, — Петрас полоснул по руке ножом и вылил пригоршню собственной крови на янтарный набалдашник посоха. — Слушайте меня, я ваш истинный повелитель, моя кровь гуще, чем у этой сопливой девчонки!

Пока он говорил, Финист успел добраться до своей одежды. Натянул исподнее и нашел рыцарский анк, отгоняющий мертвецов. Его призраки не тронули, но Ждан с Дугавой снова повисли в воздухе, и глотали ртами воздух. Финист ринулся к ним.

— Дешевыми трюками меня не победить! — крикнул вдогонку Петрас.

Ждана с Дугавой словно ветром подхватило и понесло в сторону от Финиста. Они продолжали задыхаться.

Герда застыла в полушаге от алтаря, силой пытаясь преодолеть расстояние, отделявшее ее от алтаря. Ее со всей силы тянули назад, хватали за руки и за ноги, но она не сдавалась и продолжала двигаться. Вырвав руки из невидимых клешней привидений, она принялась развязывать Майли. Услышав за спиной громкий шум, Герда невольно обернулась: Ждан ударился спиной о стену и бесчувственным телом рухнул на пол. Дугаву тоже приложило об камни, но не так сильно. Она все еще была в сознании, но продолжала задыхаться, бессильно размахивая руками.

— Останови это! — в отчаянии крикнула Герда, когда отвязала последнюю веревку от руки Майли. — Иначе они убьют нас всех, даже тебя, даже Финиста!

— Я не могу, — дочь некроманта свесилась с алтаря и безвольно скатилась вниз. — Я не понимаю, как сделала это в первый раз.

— Но... просто прикажи им, попробуй!

На дрожащих ногах Майли попыталась встать и слабым голосом сказала:

— Повелеваю, остановитесь, не причиняйте им зла!

Ничего не произошло, только Петрас криво усмехнулся и повернулся к дочке:

— Это бесполезно. Теперь они подчиняются только мне. Моя кровь гуще твоей. В нашей семье долгое время накапливался дар Стражей за счет династических браков, и только ты была рождена от матери без дара. Не надейся, что сможешь сравняться со мной.

— Не слушай его! — в ужасе воскликнула Герда, видя, как тела ее товарищей снова взмыли в воздух и полетели к другой стенке, а Финист из последних сил бросился на Петраса, чтобы хоть как-то ослабить его. Герда схватила Майли за руку:

— Давай попробуем вместе, как тогда в хижине с варгами, помнишь? — Майли кивнула, судорожно всхлипывая. — У нас получится. На счет три!

— Повелеваем, остановитесь!

Петрас расхохотался, легко отбрасывая Финиста посохом.

— Глупые девчонки, вы даже азов не знаете, куда вам со мной тягаться?

Вдруг он поперхнулся собственным смехом и испуганно уставился на Герду. Так, словно увидел ее впервые.

— Лайсве? — удивленно спросил он, и, совершенно забывшись, ринулся к ней. По его щекам текли слезы: — Ты пришла меня простить?

Герда воздела руки и заговорила чужим, совершенно непохожим на свой собственный, голосом:

— Именем Жнецов заклинаю, отпустите живых, возьмите лишь того, кто облачил вас в оковы, и вы станете свободны.

— Лайсве, что ты делаешь? — взмолился некромант. — Ты же лучше всех знаешь, что Час возрождения близок. Тень накроет нас всех. Без моей силы Мидгард пропадет!

— Ты как всегда слишком много на себя берешь, Петрас, — одарив его холодным презрительным взглядом, ответила Герда. — Теперь лишь Спящий может нас спасти. Прощай!

Все свечи и факелы погасли. Дугава со Жданом мягко опустились на пол. У Герды закружилась голова. Она чуть не рухнула на колени, но Майли вовремя ее подхватила, и они вместе побежали к Финисту.

Раздался пронзительный крик, долгий, непрекращающийся, за ним последовал хруст ломающихся костей и разрывающейся плоти. Привидения обратились против поработившего их некроманта.

— Не смотрите! — предупредил Финист. И, приводя Ждана в чувство, добавил: — Надс отсюда выбираться.

Стараясь не оборачиваться в сторону Петраса, чтобы не видеть, во что превратили озлобленные призраки его тело, путники вместе с Майли поспешили к главному входу в зал. Основание замка начало трястись, задрожали стены, и вдоль них до самого верха побежали трещины.

— Скорее, тут сейчас все рухнет! — подгонял Финист.

Они ускорили шаг, почти бегом преодолевая расстояние до двери на улицу, хотя Ждана сильно мутило, Дугава хромала, а Герда постоянно спотыкалась, борясь с некстати накатившей дремотой.

Как только они ступили за порог, послышался жуткий грохот — замок начал разрушаться прямо на глазах. Обваливалась крыша, стены начали крошиться и осыпаться — замок складывался, как карточный домик. Но времени наблюдать падение Будескайска у них не было. Они спешили в конюшни, надеясь найти там своих лошадей. Им повезло — те уже ждали их в стойлах. Не тратя время даром, путники поседлали коней и бешеным галопом помчались прочь, стремясь оставить между собой и местом, где совсем недавно красовался грандиозный старинный замок из белого мрамора, как можно большее расстояние. Кровавая вуаль спала с лица луны, и небесное светило вновь воссияло чистым бледно-желтым светом.

Глава 13. Пятое колесо

Вслед за золотистой кобылой Финиста они неслись еще долго, боясь оглянуться или уж тем более остановиться передохнуть. Но все же бежать вечно оказалось невозможным — Яшка, резво скакавшая за Золотинкой, вдруг начала сбавлять темп, пока не оказалась в самом хвосте, а потом вдруг встала как вкопанная и заржала так истошно, что с росшей рядом осины опали последние листья. Финист обернулся и увидел, как Герда плавно скатывается вниз по отощавшему за время странствий конскому боку и мягко опускается на пожухлую листву. Он тут же спрыгнул и подбежал проверить, что случилось. Расстегнув ворот рубахи, Финист положил ее голову себе на колени, проверил дыхание и пульс, а потом попытался отодвинуть веки и зло выругался.

— Спешивайтесь, на сегодня мы остановимся здесь, — скомандовал он, не оборачиваясь.

— Почему? В нескольких часах пути есть небольшая деревушка. Там меня знают и обязательно пустят на ночлег, если я попрошу, — возмутилась Майли, но заметив, что ее никто не поддерживает, замолчала.

Ждан уже слез со своего мерина и, подойдя к Финисту, выглянул из-за его плеча:

— Что с ней?

— Изнеможение, — нехотя ответил Финист.

— От чего?

— От того, что у кого-то ума палата.

— Я-то в чем виноват?!

— В том, что задаешь дурацкие вопросы! — вспыхнул Финист.

— Не лезь к нему, он не на тебя злится, — шепнула Дугава оторопевшему Ждану.

— А на кого?

— На себя. Тише, а то хуже будет.

Финист сосредоточенно перебирал пальцами волосы Герды, такие нежные, мягкие, пушистые, вспоминая, как любил развеивать их ветер во время скачки.

— Воздух, ей нужно больше воздуха, — неожиданно заключил он, поднял Герду на руки и понес к видневшемуся вдали полю.

— Вы что-нибудь понимаете? — спросила сбитая с толку Майли.

Дугава со Жданом одновременно покачали головами и, взяв лошадей под уздцы, направились следом.

Финист взобрался на самый высокий пригорок и, расстелив на пожухлой траве плащ, уложил на него Герду. Было еще темно, но до рассвета оставалось всего пару часов.

— Ты хочешь, чтобы мы разбили лагерь здесь? Ты в своем уме? Нас же просто сдует! — попробовал возмутиться Ждан, но одного тяжелого взгляда хватило, чтобы парень замолчал.

— Разведите костер у подножья на безветренной стороне холма и оставайтесь там, — после долгой паузы сказал Финист. — Я вернусь, когда Герда очнется.

Спорить никто не решился, как и продолжать расспросы. Когда Финист был не в духе,

то полностью уходил в себя, и разговаривать становилось абсолютно бесполезно. Да и действия свои, кроме тех, что касались обучения, объяснять он не любил. Иногда у Дугавы со Жданом складывалось впечатление, что он живет, руководствуясь исключительно своей сверхъестественной интуицией, и сам порой не понимает, чем продиктовано то или иное решение, хотя со стороны казалось, что он точно знает, что делает.

Майли находилась с ними слишком недолго, чтоб привыкнуть к таким неожиданностям, поэтому беспрестанно беспокоилась, поглядывая на вершину холма.

— Финист что-то к ней испытывает? — спросила она, когда все расселись на бревнах у костра.

— К Герде? — удивленно переспросила Дугава. — Не знаю. Просто она наш друг и не раз выручала нас из сложных ситуаций, а Финист никогда и никого в беде не бросит, особенно друга.

— Какой молодец, — съязвила Майли. — А вы ему кто?

— Мы? — замялась Дугава. — Мы его ученики.

— И чему он вас учит?

— Разному...

— Например, колдовать?

— Мы не колдуем, — Ждан не на шутку разозлился. — Мы используем дар Стражей: я левитирую предметы, Дугава создает иллюзии, Финист оборачивается соколом. А вот твой отец действительно колдовал.

Майли поджала губы.

— У тебя тоже он есть, дар Стражей. Ты с мертвыми разговаривала с его помощью, — попыталась растопить лед Дугава.

— Так это он и есть? Странно, я ведь никаких усилий не прикладывала.

— Поначалу всегда так. Кажется, что оно происходит помимо твоей воли, но со временем ты научишься управлять этим. Финист тебе поможет.

Майли задумчиво подняла взгляд на вершину холма.

— А какой дар у Герды?

— Эээ, — замялся Ждан. — Никакого. Она просто путешествует с нами.

— Странно. Мне казалось, что если кто из вас и способен на колдовство, так именно она.

— Это не колдовство! — одновременно взъярились Дугава и Ждан.

Ее кожа была бледной, словно воск, а руки холодными, как у утопленника. Финист сидел рядом на коленях и вглядывался в умиротворенные черты лица спящей девушки.

— Герда-Герда, — тяжело вздохнул он, перебирая пальцами ее волосы. — Что же мне с тобой делать?

Вначале Финист хотел снять с нее одежду и оставить лежать нагишом, но потом передумал. Мало ли, как к его действиям отнесутся остальные, а уж как испугается сама Герда, когда очнется в таком виде! Нет, отталкивать ее еще больше точно не стоит, иначе он рискует потерять ее окончательно.

Финист почувствовал, как в лицо подул холодный ветер с запада. Видно, скоро снова

зарядят дожди. Что делать, осень заканчивается, и зима не за горами, а там первые холода и метели. Дорога станет еще более трудной. По плану они должны были уже находиться на подходе к Упсале, а на самом деле еще даже границу с Лапией не перешли. В Компании будут недовольны. К демонам компанию! Какое значение может иметь дурацкий чин по сравнению с жизнями друзей? Дугава и Ждан за время путешествия стали ему как родные, а Герда... Нет, он просто обязан доставить их всех в безопасное место, целых и невредимых. И он сделает это во что бы то ни стало!

Ветер усилился, начал гонять пожелтую листву, качать верхушки вековых сосен и завывать раненым зверем. Финист весь продрог, но удивительное дело: на щеках Герды появился едва заметный румянец, да и руки потихоньку теплели. Значит, он в кои-то веки все сделал правильно.

Финист не знал, сколько он просидел на том холме вместе со спящей Гердой, но ее веки зашевелились, только когда предрассветные сумерки совсем распозлились по темным оврагам.

— Финист? — спросила она слабым голосом.

— Ты ожидала кого-то другого? — весело поинтересовался он.

Герда улыбнулась и покачала головой.

— Хорошо, тогда давай спускаться, а то есть очень хочется.

К утру ребята приготовили жидкую похлебку из остатков съестных припасов. Сказать точно, из чего она была сделана — из чечевичной крупы или дорожной пыли, — не решался даже сам Ждан, которого назначили сегодня поваром.

Майли задумчиво поднесла ложку ко рту и медленно попробовала на вкус содержимое.

— Похоже, пост в этом году начнется на месяц раньше, — изрекла она, но продолжила есть, потому что у нее, как и у всех остальных, со вчерашнего дня и маковой росинки во рту не было.

— У кого на месяц, а у кого и на четыре, — проворчал Ждан.

— Да хватит вам, — попыталась примирить их Дугава. — Лучше смотрите, кто к нам идет!

Она махнула в сторону пологого склона холма, по которому уже спускался Финист, придерживая Герду за локоть.

— Ты очнулась! Мы чуть от беспокойства не умерли, — Ждан с Дугавой одновременно бросились обнимать подругу. — Что случилось? В Будескайске ты таким странным голосом говорила.

— Не помню. Осторожней, голова просто раскалывается, — пожаловалась Герда, усиленно массируя виски руками.

— Думаю, в тебя вселилось привидение, — сказал Финист, усаживаясь возле костра и наливая в свою миску похлебку. Герду передернуло от этой мысли.

— Да-да, я видела, как тебя окутал яркий белый свет, — подтвердила Майли.

— Ну вот, по всем признакам именно это и произошло. Только странно, что оно вселилось именно в тебя, а не в Майли. Привидения обычно могут такое только с кровными родственниками проделать, да и то, если те обладают даром медиума.

— Кажется, Петрас назвал это привидение Лайсве, — припомнил Ждан. — Ты не

знаешь какого-нибудь Лайсве?

— Не его, ее. Лайсве — это женское имя, — ответила Герда и тоже принялась за похлебку. — Я встречала его в одной исторической хронике.

— Снова книги? — нахмурился Финист.

— Я бы назвала это по-другому, — Майли выхватила что-то у Герды из-за пазухи. — Разве это не книги из библиотеки моего отца?

Наследница бросила на землю два небольших томика в кожаных обложках.

— Герда! — одновременно воскликнули Финист, Ждан и Дугава.

— Я взяла всего парочку!

— Вы еще у нее в седельных сумках посмотрите, — не преминула наябедничать Майли.

— Хорошо, я взяла четыре, всего четыре демоновы книги.

— Не взяла, а украла, называй все своими именами! — не унималась бывшая хозяйка замка.

Герде пришлось сделать несколько глубоких вздохов, чтобы не расплакаться от обиды.

— Я ничего не крала. Твой отец погиб, замок развалился, а это, — Герда бережно подняла свои книги, — большая редкость: трактаты об особенностях дара медиума, о тонком мире духов, о демонах и Стражах. Возможно, таких книг во всем Мидгарде больше нет. Я просто не могла их оставить!

Не найдя у товарищей отклика, Герда отставила миску в сторону и пошла прочь.

— Герда! — попытался остановить ее Финист, но она не стала слушать.

Возле сваленных неаккуратной кучей сумок Герда остановилась, нашла свою и спрятала туда книги. Из-за одиноко росшей посреди поля березы выглянул кот.

— Ты вернулся! — обрадовалась она и взяла его на руки.

— Ты швырнула в меня шишкой, неверная, — проворчал он, но потом все же сменил гнев на милость и благостно заурчал.

— Где ты был? Я тебя столько звала!

— Ты ведь сама меня прогнала, забыла?

— Прости, — к горлу подступил комок. — Я не хотела, я просто злилась... не на тебя, конечно, а на Майли, на всю эту ситуацию. Я никогда не хотела, чтобы ты уходил!

— Ладно, уже забыто. Только не реви.

Герда уселась под деревом, кот удобно расположился у нее на коленях кверху лапами и подставил желтое брюшко, разрешая себя почесать.

— А я тебя видела. В зеркале. С какой-то странной женщиной. Кто она?

Кот перевернулся на живот и хмуро посмотрел на Герду.

— Старая подруга и долгая, крайне скверная история. Лучше не спрашивай.

— Почему?! Почему ты никогда мне ничего не рассказываешь: то я слишком глупая, то история слишком скверная. Так нечестно. Ты хочешь, чтобы я поверила в себя, но сам верить в меня отказываешься.

— Не в этом дело, просто... Меньше знаешь — крепче спишь! — попытался отшутиться он, но Герда не поддалась.

— Ее звали Лайсве?

Кот спрыгнул с колен хозяйки, явно собираясь снова исчезнуть.

— Что ты наговорил Финисту? Почему он ничего не помнит? — прокричала Герда. Вопросов накопилось столько, что голова от них просто пухла. Но паганец лишь махнул хвостом и скрылся за деревом, так ничего и не ответив. Герда досадливо всплеснула руками,

поплелась обратно в лагерь и улеглась спать, хотя не хотелось совершенно.

На следующий день они добрались до небольшого городка, где Финист быстро продал приметных жеребцов из Будескайского замка, чтобы выручить хоть немного денег на еду и теплую одежду.

— Почему мы не могли продать книги? Они ведь редкие. Наверняка, за них бы заплатили не хуже, чем за моих коней! — причитала Майли.

— Потому что если бы мы показали эти книги перекупщику, нас бы точно сожгли на главной площади, — нетерпеливо объяснял Финист, в то время как Герда угрюмо отмалчивалась, а остальные старались не лезть.

— На чем же мне теперь ехать?

— Вот, — Финист махнул рукой, и к ним подвели двух коренастых лошадок: бурого мерина с шеей почти в аршин и кашлатую кобылу грязно-серой масти. — Выбирай любую.

— Ты что, мне, дочке графа Кшимска, наследнице Будескайска, предлагаешь ехать на этом?! — от негодования Майли повысила голос. Мерин недовольно приложил уши и угрожающе шмякнул зубами по одежде, за что получил от рассерженной наследницы знатную оплеуху. — Никогда в жизни я на это не сяду!

— В таком случае, можешь возвращаться к папочке в Будескайск. Ах, ну да, возвращаться же некуда.

— Мне просто жалко лошадей. Я к ним привыкла, да и от... от замка у меня больше ничего не осталось, — обиженно пробормотала Майли.

Расслышала только Герда. В глубине души она понимала Майли и сочувствовала, ведь сама совсем недавно потеряла отца и нет-нет да с грустью вспоминала о том, что даже сороковник по нему справить не успела, и на память ничего не взяла. А как бы было ужасно, если бы Финист заставил ее продать Яшку? Нет, Герда бы этого не вынесла. Хотя кобыла сильно исхудала за время их путешествия и теперь была почти такая же мосластая, как Золотинка. По виду совсем доходяга. Вряд ли бы за нее удалось много выручить. Герда провела рукой по морде своей лошади. Яшка тут же начала пихаться, требуя, чтоб ее почесали.

— Если возражений больше нет, — продолжил Финист, — то пойдем устраиваться на ночлег. Я уже договорился, чтобы добрые люди пустили нас за небольшую плату в свой хлев.

— Здесь же постоялый двор рядом. Зачем такие неудобства? — очень осторожно начал Ждан, но предводитель все равно разозлился.

— За постоялый двор платить надо, а у нас денег нет. Или вы хотите дождевую воду и талый снег всю дорогу до Упсалы есть на завтрак, обед и ужин?

— Но в хлеву... со свиньями, — очень тихо простонала Майли. Финист наградил ее тяжелым взглядом.

В хлеву оказалось не так уж плохо. Никаких свиней тут не наблюдалось, зато на пол

была постелена сухая солома, источавшая едва ощутимый уютный аромат. Ночью снова полил дождь. Слышно было, как он мерно стучит по крыше, и от этого глаза закрывались как-то сами собой. Накопившаяся за последние дни усталость все-таки догнала Герду. Кот свернулся клубком под боком и сладко замурлыкал. Сон пришел тихий и безмятежный, но посреди ночи ее разбудил голос Майли. Она тормозила спящего рядом Финиста.

— Что такое? — недовольно забурчал он.

— Мне отец приснился, — истерическим тоном начала наследница. — Он просил, чтобы я его простила и отпустила — без этого он не может через реку переправиться. Я сказала, что не знаю, как это сделать. Тогда он начал кричать на меня, проклипать, обзывать отцеубийцей, угрожать, что будет преследовать до конца жизни.

— Так отпусти его и спи дальше, — нетерпеливо перебил Финист.

— Как?

Финист сдавлено закричал. Сейчас он явно находился не в самом лучшем расположении духа.

— Просто скажи, что отпускаешь. А теперь давай спать, у меня завтра важное дело с утра.

— Финист? — не унималась Майли.

— Ну что?

— Обними меня, пожалуйста.

Повисла долгая пауза. Герда подумала, что ей бы тоже хотелось, чтобы ее кто-нибудь обнял. Кот словно прочитав ее мысли, больно укусил за палец. Герда еле сдержалась, чтобы не закричать и не отшвырнуть вредное животное подальше, но тут зашелестела солома и, наконец, все затихли. Герда не решилась никому мешать, поэтому продолжила лежать неподвижно. Кот снова замурлыкал. Она заснула так же быстро, как проснулась. И спала теперь до самого утра.

Финист проснулся на заре и ушел, не сказав никому ни слова. Ждан, Дугава и Майли вставать не собирались до самого обеда, а вот Герде стало невозможно лежать и пялиться в потолок. Она сходила на коновязь проверить лошадей, заодно напоить и накормить их вдоволь, пока была возможность. Исхудавшие животные жадно чавкали, выедавая из кормушки весь овес до последнего зернышка, и вылизывали ее начисто, не забывая заглянуть в кормушки к соседям.

Удостоверившись, что с лошадьми все в порядке, Герда отправилась гулять по городу. Вначале было немного не по себе из-за своего внешнего вида, но потом она обнаружила, что местное население очень бедно и выглядит не намного лучше. Хорошо одетые люди встречались редко, в основном на центральной площади возле ратуши, где стояли дома побогаче, и находился небольшой рынок. Чуть поодаль высилась белая единоверческая церковь, на ступенях которой собирались многочисленные нищие и просили подаяние с таким остервенелым видом, что Герда не решилась даже близко подойти. Вместо этого обошла город со стороны протекавшей рядом реки и уже на подходе к хлеву увидела Финиста. Он о чем-то увлеченно беседовал с двумя важными господами: один одетый пощегольски безусый юнец не старше Ждана, второй — почтенный мужчина с проседью в

гладко зачесанных назад темных волосах.

Завидев Герду, собеседники разом замолчали. Финист обернулся, чтобы понять, что их встревожило.

— Все в порядке, это свои, — сказал он и помахал Герде рукой. Она подошла и стала рядом.

— Жена? — понимающе подмигнул старший.

Герда покраснела до корней волос.

— Сестра, — не моргнув глазом, соврал Финист.

— О, тогда, быть может, она согласится пожить в моем доме? Ее отмоют, причешут, оденут, и выйдет настоящая куколка, а? — предложил молодой, пожирая ее фигуру плотоядным взглядом. — Я вам за это еще с десятков золотых накину.

— Не советую, у нее болезнь, — все так же бесстрастно ответил Финист, а потом что-то шепнул ему на ухо. Богатенький нахал выпучил глаза, а потом сочувственно посмотрел на Финиста.

— Давайте все-таки вернемся к нашим баранам... то есть вивернам, — нетерпеливо напомнил мужчина постарше. — Мы хотим получить два яйца этой поганой змеи к завтрашнему утру.

— Два? — нахмурился Финист. — Зачем вам целых два? Вас и за одно в любом ордене в зад целовать будут.

— Но-но, не забывай, с кем говоришь, чернь! — взбеленился старик. — Если я сказал два, значит, два. И запомни, если кто-нибудь узнает о том, что мы тебя просили, вместо награды будешь гореть на костре со своей милой сестричкой.

Финист поджал губы, с трудом сдерживаясь, чтобы не высказать старику все, что накипело.

— Завтра утром, — еще раз напомнил старик и пошел прочь. Его молодой товариш бросил на Герду последний взгляд, от которого захотелось закрыться с ног до головы плащом, и, криво ухмыльнувшись, последовал за стариком.

— Зачем ты сказал, что я больна? — заговорила Герда, когда они скрылись из виду.

— Не хотел ввязываться в драку. Тогда бы снова пришлось отсюда драпать, а нам хотя бы пару деньков передохнуть спокойно. Может, удастся даже немного подзаработать на этих вивернах.

— Каких еще вивернах? — Герда нахмурилась. Ей не нравился его нарочито легкомысленный тон, особенно когда речь шла о вещах, которые нормального человека повергали в суеверный ужас.

— Дельце одно подвернулось. Денег-то все равно надо где-то достать, иначе мы либо околеем, либо от голода умрем.

— Но виверны очень опасны! Они как драконы, только не такие хитрые, но очень-очень ядовитые! И где ты собираешься их искать?

— Вот ты мне и скажи.

— Я?

— Ты ведь у нас главная всезнайка.

— Думаю, виверны должны гнездиться где-то под землей, как змеи. В пещерах, например. Но сейчас не время для выведения потомства. Осенью они наоборот засыпать должны. И вообще, зачем этим людям понадобились их яйца?

— Понятно, зачем. Чтобы в рыцарский орден приняли. Это у них такое доказательство

силы и мужества, — криво усмехнулся Финист.

— Глупость какая. Я думала, что рыцари в первую очередь должны быть благородными: девиц спасать, людям помогать. А какие же они благородные? Ведут себя прямо как... как Вальдемар.

Финист весело рассмеялся.

— Разве ты еще не поняла? Рыцари только в книжках такие, а на самом деле все как... как Вальдемар.

Герда насупилась.

— И вообще, почему они все ко мне пристают? Разве я на гулящую похожа?

Похоже, у Финиста от смеха началась икота.

— Ты молодая и незамужняя — этого более чем достаточно, чтобы привлекать внимание беспринципных мужчин, охочих до женских прелестей.

— Какие еще прелести? Я ведь даже не красивая совсем. Грязная, в драных лохмотьях, с обстриженными волосами.

— Лохмотья можно снять, грязь отмыть, а волосы сами отрастут. Поверь, это не то, на что смотрят мужчины.

— Тогда на что они смотрят? На что смотришь ты, когда видишь Майли?

— Ма... — Финист захлебнулся собственным смехом и резко помрачнел. — Да ни на что я не смотрю. В любом случае, не переживай — мы тебя в обиду не дадим.

Герда опустила глаза.

— Но вы ведь не всегда будете рядом. Когда-нибудь мне придется уйти.

— Это еще почему?

— У меня нет дара. Я вашей Компании не нужна.

На этот раз смутился Финист. Он молча смотрел на Герду, не зная, что ответить.

— Может, оно и к лучшему, — едва слышно пробормотал он после долгой паузы, а потом уже в голос добавил: — Что-то наш разговор совсем не туда зашел. Мы ведь про виверн говорили. Так какого размера должны быть их яйца?

Герда задумчиво почесала затылок.

— В книжках написано, что взрослые виверны достигают четырех-пяти сажений в длину, тогда яйцо должно быть не меньше локтя.

— Ужас. Кажется, без телеги не обойтись. Вот, держи, — Финист вложил в ладонь Герды несколько медяков. — Купи ребятам какой-нибудь еды и возвращайся, а то они уже, наверное, проснулись и беспокоятся, куда мы пропали.

— А как же ты?

— Пойду искать телегу и гнездо. Ступай. Только умоляю, не ходи в книжную лавку, у нас действительно очень туго с деньгами.

— Ты что, я бы никогда не стала тратить чужие деньги на... то, что никому кроме меня не нужно, — возмутилась Герда. Как он мог посчитать ее настолько безответственной? Это все Майли со своими идиотскими претензиями виновата!

— Извини, просто привычка — на Ждана с Дугавой не слишком-то можно положиться, — Финист ласково улыбнулся и коснулся губами ее виска.

Герда вздрогнула и испуганно уставилась на него, но тот уже шагал вверх по улице. Что он хотел этим сказать? Совсем запутавшись, она отправилась искать, где купить еду подешевле.

Финист оказался прав. К тому времени, как Герда вернулась в сарай, остальные уже

изнывали от беспокойства. Ждан встретил ее на улице — он собирался на поиски. Дугава терпеливо ждала в сарае, а Майли куда-то запропастилась. Все радовались, что Герда нашлась, а особенно их воодушевила еда, которую она принесла.

— Давайте поедим сами, а то с голоду можно помереть, пока все соберутся, — алчно загорелись глаза Ждана, когда он нашел в корзинке с продуктами жареные колбаски. — Нам же больше достанется!

Герда с Дугавой переглянулись и весело рассмеялись. Запах съестного улучшил настроение всем. После долгих уговоров, Герда поддалась на просьбу Ждана. Она разделила продукты поровну на пять частей, и две из них отложила для отсутствовавших Майли и Финиста. Ждан немного побурчал, что опаздывающих надо проучить, оставив их без обеда, но Герда с Дугавой его не поддержали. Поев, они снова завалились спать, укрывшись соломой. Усталость никак не хотела отпускать. Да и кто знает, когда им еще удастся отдохнуть под крышей в относительной безопасности?

Майли явилась через несколько часов. Сильно пихнула Герду в плечо, когда та вышла открыть дверь, и с мрачным видом принялась есть, не сказав никому ни слова. Лишь изредка украдкой бросала на Герду достойные саблезубой кошки взгляды, от которых не по себе делалось даже Дугаве со Жданом. Сама же Герда всеми силами старалась их не замечать, прячась за книжку, в которую все никак не могла вчитаться, потому что переживала за Финиста. Рассказывать ребятам о его затее она не решилась — ни к чему лишний раз их волновать.

Финист пришел, когда уже начало смеркаться. Настроение у него было приподнятое. Шагал бодро, даже насвистывал какую-то веселую песенку, волоча за собой старую разбитую телегу. Он оставил ее у входа в сарай. Войдя в помещение, он вынул из-за пазухи сверток с теплыми пирожками. Ждан с Дугавой тут же оживились, а Майли с Гердой наоборот старались как можно меньше обращать на него внимание.

— Добрые хозяева разрешили нам остаться здесь еще на пару дней, — объявил Финист, раздавая пирожки товарищам. — Это как нельзя кстати, потому что впереди нас ждет большой и сложный переход до самой границы с Лапией.

— Но там хоть с ночлегом-то проще должно быть? В Лапии ведь не преследуют таких, как мы, — с надеждой спросил Ждан.

Финист горько усмехнулся:

— На теплую встречу я бы не рассчитывал.

— Почему? — удивилась Дугава.

— Потому что живут они бедно, да и кто чужаков привечает? — ответил Финист.

— К тому же там червоточина совсем рядом, — оторвалась от своей книги Герда. — Должно быть, и демонов кишмя кишит, да еще такие водятся, какие нам здесь и не снились.

— Разве может быть еще хуже?! — испуганно спросила Дугава. Герда пожала плечами. Если им так не везло на относительно безопасной дороге через Кундию, то как их встретит холодная темная и, главное, полудикая Лапия, даже думать было страшно.

— Ничего! Зато в спину уже никто дышать не будет, — подбодрил товарищей Финист и про себя добавил: — И главное никаких больше рыцарей на мою голову. Ладно, вы пока ужинайте, а я спать пошел. Мне завтра встать надо будет пораньше.

Майли подняла голову и тяжело на него посмотрела. Во время всей беседы она сидела тише мыши, но было видно, как ей хочется, чтобы Финист заговорил именно с ней, но он на нее даже не посмотрел. Герда понимала, что его веселость напускная, а невнимательность

— верный признак того, как он волнуется перед предстоящей встречей с виверной, но рассказать об этом Майли она не решилась.

Финист улегся спать в темном углу сарая. Майли неотрывно следила, пока он ворочался, а когда затих, подошла, легла рядом и обняла за плечи. Герда, Дугава и Ждан еще долго сидели, разговаривая вполголоса, чтобы не мешать спящим.

Герда всегда спала очень чутко, поэтому не боялась, что Финисту удастся украдкой проскочить мимо нее, когда он соберется охотиться на виверну. Так все и вышло. Когда в углу раздался тихий шелест соломы, глаза Герды распахнулись. В приглушенном лунном свете, который сочился через маленькое окно у самой крыши, она разглядела смутное шевеление, а потом и силуэт натягивавшего одежду Финиста. Герда тенью шмыгнула за ним на улицу.

— Ты чего? — спросил он, заметив ее на пороге сарая.

— С тобой хочу! — решительно ответила она.

— Но это же опасно.

— Знаю, это ведь я тебе про виверн рассказывала, забыл?

— Тебя не переубедить, верно?

Герда слабо улыбнулась.

— Умеешь телегой управлять?

— Да что тут уметь?

— Хорошо, покараулишь ее, пока я яйца у виверн ворую. Потом надо будет быстро уехать, пока мамаша пропажи не хватилась.

Гнездо с кладкой из трех яиц — должно быть, жизненный цикл у них отличался от своих мелких безногих сородичей — Финист обнаружил еще вчера примерно в часе пути от города по северной дороге, где местность становилась гористой и подземные пещеры встречались достаточно часто. Он спрятал телегу с Гердой за перелеском, чуть поодаль от входа в змеиное логово, а сам отправился на разведку. Соваться в гнездо, пока мамаша высиживала яйца, ему совсем не хотелось.

Поразительно, что виверна так ревностно оберегает свое потомство. Змеи ведь не курицы-наседки и чаще всего бросают свою кладку на произвол судьбы. А эта гигантская гадина наоборот все время была настороже, не переставая, вила вокруг невылупившихся детенышей свои кольца. Оставалась только надежда, что мамаша скоро проголодается и выползет из гнезда поохотиться. О том, что змеи могут сутками обходиться без пищи, Финист старался не думать — по условиям сделки ему надо было успеть в город к утру.

Ждать пришлось долго. До самого рассвета. Только когда первый луч солнца пробежал по земле, виверна выползла из гнезда, встала на кривенькие чешуйчатые ножки, расправила огромные, как у летучей мыши, перепончатые крылья и, разбежавшись, взмыла в воздух. От мощных хлопков поднялся ветер. Финист вжался в дерево. Не хотел бы он на узкой улочке повстречаться с такой гадиной. А как она разъярится, когда не досчитается двух яиц! Вот, если бы их у нее было с дюжину, а не три, то она бы вряд ли заметила пропажу. Хотя кто знает, что творится в голове этих демонов?

Животные и птицы всегда были для Финиста открытой книгой — охотно делились

переживаниями и радостями, помогали и сами обращались за помощью, но демоны... Демоны существа совершенно иной природы — он чувствовал это всеми фибрами души, когда оказывался рядом и пробовал войти в их разум. То, что находилось внутри их голов, то, что управляло их волей, было настолько чужеродно и враждебно, что Финист во время своего вмешательства ощущал почти физическую боль, разворачивающую, расщепляющую его собственное сознание на мелкие осколки, которые потом долго и мучительно приходилось собирать, чтобы придти в себя. После этого приходило пугающее ощущение, словно он — это уже не он, а кто-то другой, с другой жизнью и другими стремлениями, а он, Финист, не более чем пустая оболочка, иллюзия человека, которого на самом деле нет и никогда не было. От этого можно было сойти с ума. Но Финист всегда слишком крепко стоял на земле, был с ней неразрывно связан, и именно она давала силы восстановить душевное равновесие и не поддаться на темное колдовство. Если, конечно, это на самом деле было колдовство, а не его собственное безумие.

Как только виверна скрылась из виду, Финист стремглав кинулся в пещеру, подхватил одно из яиц, то, что было поменьше, и понял, что два сразу он не унесет. Они действительно были огромные и весили не меньше пуда. Скорлупа к тому же оказалась очень скользкой — яйцо так и норовило выскочить из рук. Добежав до телеги, Финист взвалил его на солому и оставил Герду устроить его так, что при езде не разбилось, а сам быстро вернулся в пещеру.

Когда Финист уже бежал со вторым яйцом, по земле скользнула большая крылатая тень. Он поднял голову и выругался про себя. Гадина возвращалась слишком рано. Страшно подумать, что она сделает с похитителями своих деток, если они не успеют убраться вовремя. Финист прибавил ходу. Когда он добрался до телеги, конь, тот самый кусачий мерин, которого он купил для Майли, уже всю нервничал и рыл землю копытом, чувствуя неладное. Герда с трудом его удерживала.

— Гони! — закричал Финист, укладывая второе яйцо рядом с первым.

Герда явно не поняла, к кому именно он обращался, потому что конь рванул вперед, не дожидаясь ее команды. Телега застучала по ухабам.

— Быстрее! — Финист наблюдал, как виверна скрылась за деревьями у входа в пещеру. Вот-вот поймет, что яйца украдены, и пустится по их следу. До ушей донеслось полное скрытой угрозы шипение. Потом снова что-то загремело, на это раз не телега. Стало заметно, как на поляне перед пещерой падают деревья.

Конь припустил еще быстрее, выказывая невиданную для деревенских кашлаток прыть. Телега громыкала так, что казалось, это по небу в колеснице несется древний бог-метатель молний, которому поклонялись староверы.

— Тише! — взмолилась Герда, судорожно пытаясь натянуть поводья, но лошадь закусила удила и скакала так быстро, что задние копыта мелькали у самого ее лица.

— Не держи его! — попытался отобрать поводья Финист, но это оказалось сложно, потому что приходилось придерживать яйца, иначе бы они разбились от такой дикой скачки. — А то попадемся виверне на обед!

— Мы разобьемся! Колесо вихляет, разве не чувствуешь?! — закричала в отчаянии Герда. Поводья жгли руки, но она продолжала дергать ими и тянуть изо всех сил.

Колесо, то самое, что вихляло, попало в глубокую выбоину. Раздался жуткий треск.

— Держи поклажу! — только успел крикнуть Финист.

Телега накренилась на бок и опрокинулась. Отломанное колесо поскакало вниз по дороге, конь с остатками телеги помчался в противоположную сторону, подгоняемый

оглушительным грохотом. Финист и Герда упали на землю, обхватив руками драгоценный груз.

Финист поднялся первым.

— Ты в порядке? — встревожено спросил он у Герды, которая продолжала лежать неподвижно.

Она с криком поднялась и, осмотрев свое яйцо, грустно сказала:

— Скорлупа треснула.

— К демонам скорлупу. Голова не треснула?

— Нет, слушай, тебе ведь спешить надо. Уже утро. До города всего ничего осталось.

Отнеси яйца рыцарям, а я коня с телегой поищу.

— Ты уверена, что все в порядке?

— Да, иди.

Финист с подозрением посмотрел на ее перепачканное в крови лицо, но потом все-таки пошел, таща под мышками оба яйца и тяжело побрякивая от натуги. Хорошо хоть до города было рукой подать. Финист встретил заказчиков на узкой темной улочке на окраине. Они внимательно осмотрели яйца, едва заметно ухмыльнулись, глядя на помятый вид Финиста, а потом старший сказал:

— Одно яйцо треснуло. Мы заплатим только половину.

— Что? — разозлился Финист. — Да там царапина едва заметная. Вы знаете, как мы рисковали, чтобы эти яйца достать? Моя сестра чуть не погибла!

— Приведи ее ко мне, тогда я отдам тебе вторую половину, — с готовностью предложил молодой. У Финиста возникло неодолимое желание придушить обоих.

— Ладно, вот вам целое яйцо. Давайте половину суммы.

— За одно только четверть, — продолжал торговаться старший.

— Что? — глаза Финиста полыхнули от ярости. — Да я сейчас оба разобью!

— Тише! Держи свои деньги. И проваливай, а не то мы бургомистру пожалуемся — он быстро на тебя управу найдет!

Финист поджал губы, пересчитал монеты и, обхватив руками треснувшее яйцо, понес к себе в сарай.

Герда с трудом дождалась, пока Финист скрылся из виду. Перед глазами все плыло. Голову словно пеленой обернули: глухо и неясно, как будто сквозь преграду мир ощущаешь. Да еще и мутить начало. С виска сочилась кровь. Ее даже обтереть было нечем — ладони оказались содраны от поводьев и тоже кровоточили.

Живот скрутило сильным спазмом. Все-таки вытошнило. Когда дурнота немного отпустила, Герда привалилась спиной к дереву и закрыла глаза. Их сильно резало от яркого света.

— Герда? — сквозь дрему услышала она встревоженный голос Майли. — Что случилось? Где Финист?

— Пошел яйца относить. Мне надо... — язык еле ворочался. — Надо лошадь с телегой найти.

— Какая лошадь? Какие яйца? — возмущалась Майли. Ее голос бил по ушам словно

бич. Нестерпимо захотелось лечь, свернуться клубочком и спрятать голову в платок, чтобы никого не слышать и не видеть.

— Э-э-э! Ты что делаешь? — звук удалялся по мере того, как Герда медленно оседала на землю. Спать, ей очень надо было спать.

— Герда! — голос Майли снова оказался близко. Бывшая наследница изо всех сил колотила ее по щекам.

— Телега... надо найти, — слабо сказала она.

— Какая телега? Ты на ногах не стоишь. За что мне все это?!

Майли подняла ее, оперла рукой о свое плечо и куда-то потащила. Дорогу Герда не запомнила: то и дело выпадала из реальности. Очнулась в маленькой землянке, где пахло сушеными травами и был слышен треск смолистых поленьев в очаге.

— Майли, детка, ты ли это? — раздался над ухом старческий голос.

— Я, дядюшка Айло. У нас небольшое происшествие случилось. Это девушка из моей свиты, — на ходу сочиняла историю Майли, хотя, глядя на их одежду, вряд ли бы ей кто-нибудь поверил. — С лошади упала и ударилась головой. Худо ей, тошнит и постоянно теряет сознание.

— Клади сюда, сейчас посмотрю, — спокойно заговорил седовласый мужчина, которого Майли ласково называла дядюшкой. — Как отец поживает?

Майли на мгновение смутилась, а потом сказала:

— Хорошо поживает. Вот проведать его еду из монастыря.

Старик не ответил, слишком занятый Гердой.

— Зрачки на свет реагируют — хорошо. Выпей это, — он подsunул ей какой-то дурманный отвар. — Пей до дна. Хочешь спать? Закрывай глаза и спи. Вот так.

— Майли... телега, — слабым голосом пробормотала Герда.

— Спи, найду я твою телегу, — раздраженно ответила та, и Герда провалилась в забытье.

— Иди, — обратился старик к Майли. — Она сильно расшиблась. Мне нужно время, чтобы поставить ее на ноги.

Наследница кивнула и отправилась искать злосчастную телегу. Повезло, что мерин не стал далеко убегать, а освободившись от понукавших его людей и преследовавшего их монстра, спокойно щипал траву на лугу, нисколько не обращая внимания на висевший на шее хомут и болтающиеся сзади остатки телеги.

Майли медленно обошла коня спереди. Он поднял голову, изогнул шею и прижал уши, приняв угрожающий вид. Майли он, правда, ничуть не смутил. Она еще вчера поняла, что от подлой скотины можно ждать чего угодно. Майли достала из-за пояса хворостину, чтобы иметь возможность отбиться от коня, если тот решит напасть. Несколько мгновений они просто стояли и смотрели друг на друга, ожидая, кто сдастся первым. Им, как ни странно, оказался мерин. Он опустил голову и вернулся к пожухлой осенней траве. Майли взяла его за поводья и повела за собой к землянке дядюшки Айло.

Когда Майли вернулась, старик стоял у изголовья застеленной соломой кровати, на которой лежала Герда, и делал над ней пассы руками. Услышав шаги, он резко обернулся. Майли встревожил его взгляд. В нем явно читался испуг.

— Кто эта девушка? — спросил он, пристально глядя на Майли. Та повела плечами, не зная, что ответить.

— Где твой отец? — задал другой вопрос Айло, подходя к Майли вплотную, и занес

руки над ее головой.

— Он умер, — нехотя выдавила она из себя.

— Его убили? Кто?

Майли молчала. Она и сама для себя не решила, кто его убил. Все больше казалось, что он сделал это сам, поддавшись той тьме, что таилась на дне его души. Айло опустил руки, облегченно вздохнув. Что бы он ни искал над ее головой, этого там не оказалось.

— Она из этих?.. Не бойся, мне можешь довериться — я сделаю так, чтобы она не узнала.

— Из каких этих? Я не понимаю, что вас так взволновало. Это совершенно обычная девушка.

Старик нахмурился и снова повернулся к Герде. Он пробежался по ее телу руками, а потом отступил на шаг и устало посмотрел на Майли.

— Забери ее отсюда. Я сделал все, что мог. Прошу, забери ее из моего дома, — его буквально колотило от страха.

— Она ведьма? Вы поэтому так боитесь?

— Если бы, — старик горько усмехнулся. — Мой тебе совет — оставь ее у стен ближайшего монастыря и беги. Беги подальше из этой страны, подальше от этой злосчастной девушки. И не связывайся с тварями в голубых плащах, не повторяй ошибок своего отца.

— Я не понимаю.

— Уходи. Я не хочу оказаться под ударом, если «собиратели» найдут ее здесь.

Майли протяжно посмотрела на Айло, но потом поняла, что он ничего объяснить не собирается, разбудила Герду и потащила ее к выходу.

— погоди, — остановил ее на пороге старик. Выражение его лица вдруг смягчилось. Он подал ей маленькую твердую подушку и флягу с мутно-коричневым зельем. — Это поможет ей быстрее встать на ноги.

Майли благодарно кивнула и пошла прочь. Ей вряд ли бы удалось дотянуть и Герду, и коня с телегой до хлева, если бы вскоре она не встретила Финиста. Он выглядел сильно помятым и осунувшимся, а увидев бледное, почти бескровное лицо Герды и то, с каким трудом она переставляла ноги, не на шутку испугался, подхватил ее на руки и понес в сарай. Майли поволокла мерина, испугавшегося при виде давешнего мучителя, следом.

Финист аккуратно уложил Герду на солому и заботливо укрыл плащом.

— Это ей под голову надо положить, — Майли протянула ему подушку и флягу, которые ей вручил дядюшка Айло. — А это она должна выпить.

— Подушка с целебными травами? Зелье от головной боли? Где ты их взяла? — смутился Финист, но лекарства все же принял.

— Знакомый дал, — помедлив, ответила Майли. — Нам надо поговорить.

Финист смерил ее тяжелым взглядом.

— Это срочно? Мне еще надо Ждана с Дугавой найти. Я их искать Герду послал. Теперь искать придется их самих.

— Срочно, — в тон ему ответила Майли.

Разговор Герда слышала лишь урывками — ее снова сморил сон. Запомнила лишь, что они сильно ругались.

— Остальные знают?

— Им это ни к чему.

— Ты хоть соображаешь, как сильно мы рискуем? Нужно отвести ее в церковь — так будет милосерднее, честнее и безопаснее для всех.

— Я ее не оставлю. Если что-то не нравится, можешь проваливать на все четыре стороны — я тебя не держу. Но если обмолвишься перед остальными о том, что узнала сегодня, клянусь, я сверну тебе шею.

Ничего не поняв, Герда тихо всхлипнула и снова ухнула в темный омут. Ей снились странные сны о полете над мертвым городом, о всаднике, скачущем по заснеженной пустыне, о Ловцах желаний, порожденных бескрайней черной тучей, об Охотнике и Защитнике Паствы, которые то сражались спина к спине, то друг против друга. Видения кружились в бешеном хороводе, то сливаясь, то выплываясь один из другого. Казалось, голова не выдержит такой осады. Герда молила об успокоении. И оно пришло в виде светящейся фигуры, которая приобрела очертания огненного кота. Герда с готовностью последовала за ним, потому что знала, что может на него положиться, как ни на кого другого. И кот вывел ее к безмятежной тьме — сну без сновидений.

Когда Герда проснулась, рядом сидели Дугава со Жданом и Майли чуть поодаль.

— Все в порядке? Ну и напугала же ты нас вчера, — сказал Ждан, первым заметивший, что Герда открыла глаза.

— Простите, — слабо ответила она. — А где?..

Все трое одновременно переглянулись.

— Он пошел одно дельце уладить.

— Какое дельце? — возникло нехорошее предчувствие.

Ребята как-то дружно замялись.

— Так получилось, — начал как всегда издалека Ждан. — В окрестностях города появилась разъяренная виверна. Скот перебила. Даже на людей нападать стала. Рыцари местные попытались обвинить во всем Финиста: сказали, что он яйцо из ее кладки украл. Тут его, кстати, и нашли, яйцо. Ума не приложим, зачем оно ему понадобилось. Ну, в общем, Финист за словом в карман не полез, ты же его знаешь, сказал-де, вы же рыцари, вот и должны сами с вивернами справляться — это Единый на вас божественную проверку ниспослал. Что после его речи с рыцарями сделалось! Это надо было видеть. Короче, с обвинения они от нас отстали, а Финисту даже денег пообещали, если он их от гадины избавит.

— Что?! Он пошел сражаться с виверной в одиночку? — переполошилась Герда. — Надо ему помочь!

— Он сказал, что справится один, — неуверенно заметила Дугава.

Герда упрямо попыталась встать, но жуткая головная боль заставила ее вернуться в горизонтальное положение.

— Лежи, — прикрикнула на нее Майли. — Напомогалась уже по самое не могу.

— В кой-то веки я с ними согласен, — послышался совсем рядом голос кота. Он все это время незамеченным лежал у головы Герды и пытался излечить ее собственным таинственным способом. — Лежи. Птичий болван феноменально везуч. Даже если виверна его проглотит, то он обязательно попадет ей не в то горло и она умрет от удушья.

— Фу, какой ты злой! — возмутилась Герда. Стоявшая рядом Майли сделала круглые глаза:

— Это ты мне?

— Нет, я хотела сказать спасибо за то, что выручила меня.

Дугава со Жданом удивленно переглянулись.

— Не напоминай, — буркнула наследница себе под нос и ушла в другой угол.

— Давайте лучше решим, что делать с яйцом виверны, — попыталась разрядить обстановку Дугава.

— Поджарим яичницу, что с ним еще можно сделать? — съязвил Ждан.

— А может, из него скоро вылупится виверненок. Мы его вырастим, приручим, и у нас будет собственная виверна, представляете? Она станет нас ото всех защищать и больше никто не посмеет нас и пальцем тронуть! — мечтательно заявила Дугава.

— Ничего не выйдет. Без магии матери виверненок, если он только там был, давно уже умер. А яйца у них ядовитые, как и они сами, так что вряд ли блюдо выйдет съедобным, — развенчала без остатка надежды друзей Герда. — К тому же, это яйцо Финиста. Пусть сам решает, что с ним делать.

Герда отвернулась к стенке и снова уснула. Остальные сидели молча, изредка бросая друг на друга мрачные взгляды.

Из всех авантур, в которых Финисту доводилось участвовать, эта была самой безрассудной. Но он слишком хорошо понимал, что если не убьет тварь, живыми их из города не выпустят. Зато на этот раз он взял с собой товарища, на которого мог полностью положиться — свою верную кобылу Золотинку. Правда, та тоже не слишком желала героически погибнуть в когтях чешуйчатой гадины и всю дорогу оборачивалась, чтобы заглянуть в глаза хозяина — не лишился ли он последнего разума? Но тот уверенно направлял ее вперед.

Виверна действительно не на шутку разозлилась из-за кражи яиц. Даже последнего детеныша на произвол судьбы бросила, что для него означало верную смерть. Все помыслы гадины теперь были направлены на месть гнусным людишкам, посмевающим посягнуть на самое дорогое — на ее детушек. Виверна разорвала всю скотину, которую селяне не успели спрятать в сараях, разорила несколько стоящих на отшибе ферм, проглотила пару пастухов и бродяг, а теперь угрожала самому городу. И на все это безобразие тварюге понадобилось меньше дня. Как же непросто будет ее сразить! Но сейчас об этом лучше не думать. Как показывал богатый опыт Финиста, участвуя в отчаянных мероприятиях, лучше вообще не думать — просто идти вперед, полностью полагаясь на интуицию, счастливую звезду или что там обычно помогало.

Золотинка испуганно всхрапнула и остановилась. Видно, виверна была совсем рядом. Финист прислушался. Кто-то ломился через густой подлесок. Кто-то большой и очень-очень злой. Финист глубоко вздохнул, набираясь мужества. Только не думать. Не думать о том, как тварь проглотит его целиком вместе с лошадьёю, как мощные мышцы ее желудка раздавят его кости, как ядовитая слюна прожжет плоть, как...

Шипение раздалось совсем рядом. Золотинка попятилась.

— Иди сюда, змейка. Цыпа-цыпа-цыпа, — поманил Финист мелькнувшую за кустами тень.

Смеркалось. По ночам по лесу носиться не с руки, но им с кобылой не привыкать, верно? Финист провел рукой по мохнатой шее лошади — она совсем заросла на зиму.

Холода, должно быть, суровые предстоят.

— Иди сюда, тварь, смелее. Это я! Я похитил твоих детенышей, — голос Финиста уже срывался на крик. Нервы натянулись до предела. Еще чуть-чуть и он помчится обратно, не дождавись врага. Тогда все усилия пропадут втуне.

В сумеречном полумраке мелькнули светящиеся желтые глаза с вертикальным зрачком. Золотинка напряглась, как тетива, вот-вот готовая сорваться с места. Финист затаил дыхание, закрыл глаза и начал про себя считать. Когда дошел до десяти, со всех сил сжал конские бока — Золотинка подскочила и понеслась так, что только ветер в ушах свистел.

Зареченские лошади выводились специально для войны в те времена, когда лучшей конницы во всем Мидгарде было не сыскать. Горячие и бесстрашные, они готовы были скакать, пока не упадут мертвыми от вражеской стрелы или разрыва сердца. Благодаря невероятной выносливости и живучести, они делали зареченских воинов непобедимыми на поле брани. Но большая часть лошадей погибла во время Войн за веру. Золотинка была последним жеребенком, рожденным в табуне, который когда-то принадлежал отцу Финиста. Ее мать пала вскоре после рождения кобылки, и Финист сам выкармливал Золотинку козьим молоком. Наверное, поэтому чувствовал с ней особую связь. Чтобы говорить с кобылой, даже дар применять не приходилось. Она читала мысли Финиста, он — ее. Верхом он чувствовал ее, как часть себя. Поэтому сейчас Финист был точно уверен — Золотинка не подведет. Она будет с ним до конца, каков бы этот конец ни был.

Треск деревьев и гул все нарастал. Виверна не могла взлететь — именно на это Финист и рассчитывал. Лесная тропа оказалась слишком узкой, а достать его с неба тварь не могла из-за густых крон вечнозеленых деревьев. Единственный шанс — ломиться сквозь лес, который ее сильно замедлял. Но вот тропа закончилась. Впереди маячила скала с узкой щелью, куда конному явно не пройти. Финист на ходу соскочил с лошади и послал ее прочь. Золотинка, не задумываясь, подчинилась — свернула с тропы и спряталась в чаще.

— Эгей, давай сюда, змеюка неповоротливая! — позвал Финист, размахивая руками. Послышалось угрожающее шипение. Снова сверкнули глаза, в темноте вырисовался огромный силуэт зубастой пасти, с которой капала ядовитая слюна.

— Ближе-ближе, — манил Финист. Виверна остановилась и уставилась в его глаза, словно почуяла хищника. Именно такой взгляд был у него сейчас — стремительный, птичий. Виверна замешкалась, потеряв при этом преимущество, дарованное ей жаждой мщения. Видно, с оборотнями ей встречаться еще не доводилось. Когда она сделала резкий бросок вперед, человека уже не было. Вместо него ей в морду бросился сокол и ударил острым клювом в глаз. Грозное шипение переросло в визг. Сокол быстро нырнул в щель. Виверна кинулась за ним, но ее голова застряла между каменными тисками.

Финист снова обратился в человека, подхватил заранее оставленный здесь меч, размахнулся и одним ударом перерубил твари позвоночник. Она завизжала еще пуще.

— Прости, я понимаю твою ярость из-за погибших детенышей, но сейчас либо ты, либо я, — еще несколькими стремительными ударами Финист отсек виверне голову и прекратил ее страдания.

Некоторое время он переводил дух, потом пошел искать одежду. Почуввав, что опасность миновала, из чащи вернулась Золотинка и, обходя змеиную тушу по краешку, подобралась к хозяину. Финист ласково потрепал ее за шею, снял с седла мешок, аккуратно упаковал в него голову виверны и двинулся в обратный путь.

Под утро всех разбудил крик Майли. На пороге стоял сильно помятый и грязный, но все-таки живой Финист. Наследница повисла у него на шее. Тот даже немного опешил от такого проявления чувств.

— Я так боялась, что ты не вернешься, — всхлипывала Майли. — И последним, что я тебе сказала, будут все эти упреки. Прости меня, прости, прости!

Финист неловко пожал плечами и забормотал что-то ободряющее. Герда смотрела на Майли с никогда прежде не испытанным чувством зависти. Ей тоже хотелось вот так обнять Финиста, слушать, как он ее успокаивает, но что-то не пускало. Стыд или страх ютился в глубине души и никогда не позволял вот так открыто проявлять эмоции, особенно к мужчинам, но порой так сильно хотелось.

— Герда, ты как? — отстраняя Майли, спросил Финист.

— Лучше. Думаю, завтра сможем ехать. Простите, что задерживаю, — ответила она, поднимаясь с соломы. Головокружение прекратилось, да и подташнивать тоже перестало — осталась лишь небольшая слабость в суставах.

— Перестань, никого ты не задерживаешь. Мне и Золотинке тоже нужен отдых после ночных приключений, — весело усмехнулся он и устроился спать рядом с Гердой, старательно не обращая на недовольство Майли никакого внимания.

С рассветом Ждан с Дугавой потащили Майли за едой в город, на силу уговорив ее дать Финисту поспать еще хотя бы пару часов. Как только дверь за ними захлопнулась, оборотень открыл глаза, перекатился по соломе поближе к Герде и начал пальцами перебирать ее волосы.

— Не спишь? — прошептал он над самым ухом.

— Нет, — тихо ответила Герда. — Что ты делаешь?

— Проверяю твою голову. Прости, что бросил тебя в таком состоянии.

— Ты не виноват, я сама сказала, что все в порядке, — Герда повернулась. Их лица находились так близко, что она могла видеть каждую крапинку в его желтых глазах.

— Я видел, что ты врешь, но мне важнее было выручить деньги за яйца. Это неправильно. Никакие деньги не стоят твоей жизни.

Герда слабо улыбнулась. Финист не удержался и провел пальцем по ее губам.

— Вижу, одно яйцо рыцари все же не взяли.

— Думаю, они специально просили достать два, чтобы если одно разобьется, заплатить меньше, но у них ничего не вышло. Еще и за виверну пришлось раскошелиться. Видела бы ты их глаза, когда я швырнул им ее голову.

Герда весело рассмеялась, но улыбка растаяла, когда она снова словила на себе его странный взгляд. Она тут же поднялась и подошла к яйцу.

— Знаешь, оно кое на что сгодится.

Герда выкатила яйцо во двор и разбила скорлупу. Оттуда выпали мертвый детеныш виверны с недоразвитой прозрачной кожей и небольшой красный камень, похожий на рубин, но очень мутный. Герда вылила на него ведро воды, обернула в тряпицу и показала Финисту. Он поменял цвет на прозрачно-голубой.

— Это вирбез, камень виверны. Он очищал яйцо от яда, чтобы зародыш мог им питаться. Это сильнейшее противоядие, которое срабатывает против большинства ядов. А

еще он меняет цвет в зависимости от того, в какое зелье попадает. Держи, он твой.

— Ты его нашла, так забирай себе, — безразлично пожал плечами Финист. Он явно злился, что она не подпускала его близко. Но Герда ничего не могла с собой поделать. Слишком многое их разделяло.

— Но ведь это ты раздобыл яйцо, рисковал ради него жизнью. Да и ни к чему мне этот камень. Я же совершенно обычная, и заживу скоро совершенно обычной жизнью без приключений. А тебе он, может, еще пригодится.

Герда скосила глаза в сторону улицы, на которой уже показались ребята с покупками. Финист нахмурился, но камень все же взял, не желая выяснять отношения при остальных.

Глава 14. По ту сторону

Выехали, как и рассчитывали, на следующее утро. Рыцари в кои-то веки успокоились и не стали чинить препятствий. Видно, накануне весело отпраздновали победу над виверной. Финист старался о них не думать. Главное, что заплатили достаточно, чтобы путники не голодали до самой Упсалы. Время поджимало, о чем не преминули напомнить на следующей голубиной станции. Уже не шло речи о том, чтобы прибыть в назначенное место в первый день зимы. Такими темпами туда в лучшем случае к Йольтайду удастся приехать. В Компании наверняка будут недовольны. Хотя и это Финиста уже не сильно волновало. Лишь бы добраться до безопасного места живыми. Тогда и отдохнуть можно будет, а высокий чин... ну так пес с ним. Прожил же столько лет без него и сейчас проживет.

Примерно через неделю они перешли границу между Кундией и Лапией. Правда, границей лесополоса называлась очень условно. Кое-где, конечно, были выставлены посты и гарнизоны, но рыцари не особо смотрели на тех, кто ехал на север. Все больше следили, чтобы оттуда ничего не шло. Лапии здесь боялись не меньше Дикой пуши в Дрисвятах. Страна чернобородых колдунов и белоглазых ведьм — так называли ее жители приграничья, уверенные, что ступившие на северные земли уже никогда назад не воротятся. Попадут под чары колдунов или демонов, коих там бродит великое множество, или, что самое ужасное, застанет их северное сияние, захватит в свою круговерть да утянет в сердце Хельхейма, в червоточину самую. Вот там-то Преисподняя и находится — последнее пристанище для мятущихся грешных душ, где их будут мучить и вымораживать до самого пришествия Единого.

Финист усмехался подобным рассказам, Дугава со Жданом следовали его примеру и тоже бесстрашно смотрели вперед на медленно затягивающуюся первым снегом возвышенность. Майли в отличие от них долго не могла расстаться со своими старыми представлениями о мире, поверить, что те, кого она раньше считала бесспорным злом, стали для нее единственными друзьями и защитниками от фанатических воззрений бывших товарищей по вере. Герда вообще с головой ушла в книги. Благодаря им она точно знала, что там есть, а что придумала охочая до всяких ужасов народная молва.

В первый день пути вышла небольшая размолвка. Во время стоянки Герда подседа к Финисту и осторожно напомнила, что они давно забросили занятия чтением и пора бы их возобновить. Тот охотно согласился, и не потому что после того, как он с горем пополам научился складывать буквы в слова, на голубиных станциях на него перестали смотреть как на полное ничтожество, а скорее потому что во время чтения Герда всегда увлекалась настолько, что забывала пугаться, когда он касался ее или смотрел в упор.

Все испортила Майли. Заметив, как широко улыбается Финист, как лучатся его глаза, когда Герда в запале начинает повышать голос и помогать себе руками, превращаясь из робкой девушки в сильную умную женщину, она испугалась, что может потерять его. А может... а может, Финист никогда ей и не принадлежал, а то, что случилось с ними в лесу у Будескайска, было лишь чудесным сном, который она сама выдумала. От таких мыслей становилось нестерпимо больно. Майли всегда злилась от боли, еще с самого детства. Вот и сейчас она бесцеремонно оттолкнула Герду в сторону и грубо сказала:

— Иди, я сама его научу.

Герда поджала губы и посмотрела на Финиста. Тот ошалело переводил взгляд с одной

девушки на другую. Майли склонилась к самому его уху и что-то шепнула. Его зрачки испуганно расширились.

— Да, правильно, пусть лучше она, — неуверенно заговорил Финист. — А ты лежи. Тебе надо больше отдыхать после болезни.

Герда подчинилась, хотя в душе испытывала большое желание истерично завизжать и расцарапать Майли лицо.

Еще через пару дней Герда решила напомнить Финисту про то, что он хотел научить ее защищаться от обидчиков. Тот с радостью принялся придумывать для нее разные виды тренировок на выносливость, показывать основные приемы, исправлять ошибки, но тут снова появилась Майли.

— Финист, мне снятся кошмары. Я постоянно вижу мертвых. Ты должен помочь мне с этим справиться! — капризно надувая губки, заявила она, хотя прежде не выказывала ни малейшего желания учиться пользоваться даром. Он ее пугал. И неудивительно, учитывая, что произошло с ее отцом.

Финист очень старался сохранить душевное спокойствие Майли, обходя стороной места, связанные со смертью. Знал, что умственное здоровье медиумов очень хрупкое, особенно таких неподготовленных и эмоциональных. Но обучение как раз означало столкновение с миром мертвых. Финист надеялся отложить его до того, как они прибудут в Упсалу. Он хотел передать Майли более опытному учителю, потому что сам плохо представлял, как провести ее по краю безумия и не позволить в него окунуться. Но, если она сама попросила, то отказать он не в праве. Он давал клятву, нарушить которую не позволяла совесть.

На попытки обучить Майли у Финиста уходило очень много времени и сил, гораздо больше, чем на Ждана с Дугавой вместе взятых. Ни на что другое он уже отвлекаться не мог, и Герда вдруг почувствовала, что осталась совсем одна. Все были заняты своими делами: учились использовать способности Стражей, обсуждали вполголоса свои успехи, мечтали о том, какое применение найдут им в будущем, когда Компания их аттестует. Герде же порой казалось, что когда закончится этот бесконечный путь, никакого будущего у нее не будет. Ведь и не ушла она до сих пор, потому что идти было некуда, да и незачем. Эти ребята, Стражи, хоть они так себя не называли, привнесли в ее обыденное существование захватывающие приключения, свежее дыхание дальних странствий, смысл, в конце концов. И они неизбежно его заберут, когда наступит время каждому идти своей дорогой. Как она сможет стать прежней, вернуться к спокойной жизни без демонов и Стражей?

— Он действительно так тебе нравится? — Герда вздрогнула. Размышляя, она совсем потеряла связь с реальностью, и, когда кот лизнул ей руку и заговорил, ее как холодной водой окатили.

— Кто? — с трудом сосредоточив внимание на собеседнике, спросила она.

— Финист.

Герда пожала плечами.

— Почему ты спрашиваешь?

— Ты в последнее время так на него смотришь...

— Как?

— Томно. Словно в чем-то признаться хочешь, но не решаешься. Можешь признаться мне, я все равно разболтать ничего не смогу.

Герда внимательно посмотрела на него. За последнее время он тоже как-то сник, даже

шерсть стала более тусклой, хотя, может, просто на зиму вылинял. Герда взяла его на руки.

— Он хороший. Я бы хотела... больше всего хотела остаться с ним, но не могу. У меня нет дара, и я никогда не смогу стать частью их компании, компании Стражей. Поэтому все разговоры и взгляды настолько же бессмысленны, как мечты о человеке, который давно умер.

Кот свернулся клубком и молчал.

— На самом деле я боюсь остаться одна, — Герда подняла его и посмотрела в грустные синие глаза. — Но этого не случится, потому что ты всегда будешь со мной, верно?

Кот прижал уши и отвел взгляд.

— Слушай, а почему все кот да кот? У тебя ведь имя должно быть, — Герда безуспешно пыталась его растормошить. — Не хочешь говорить, тогда я сама его придумаю. И не жалуйся потом. Как тебе Арчибальд?

Кот недовольно высунул язык.

— Себастьян?

— Гадость.

— Карл?

— Ты пытаешься назвать меня именем из сказок про рыцарей?!

— А вдруг ты на самом деле заколдованный рыцарь? И если я сожгу твою шкуру или отрублю голову, ты снова станешь человеком.

— Мне больше нравился вариант с поцелуем.

— Я не Ждан, чтобы жаб целовать.

Они весело засмеялись.

— Если серьезно, как твое имя?

— Шквал. Помнишь, так меня Ужинный король называл.

— Что за странное имя для кота?

— Ты сама сказала, что я на самом деле не кот. Кроме того, это просто кличка, мое настоящее имя слишком длинное и сложное — все равно не запомнишь. Шквал к нему ближе всего.

После разговора с котом на душе стало теплее. Хотя бы что-то в этой жизни определено. «Герда и Шквал» — странная компания, но все же лучше, чем просто «Герда».

Хотя бы часть историй про Лапию оказались правдой. Перед путниками лежала суровая, дикая горная страна, где людские поселения встречались очень редко. Хуторов и маленьких деревушек так и вовсе не было. Здесь предпочитали селиться кучно, чтобы зимой сохранять тепло и отбиваться от демонов вместе. Но возле границы городов не было. За первые дни в Лапии путники успели соскучиться по виду человеческого жилья. Один мохнатый хвойный лес густо покрывал низкие еще предгорья. Темнело рано. Из-за мокрого снега дорога стала скользкой, поэтому время ночевки пришлось увеличить.

На одной из них, довольно ранней, потому что еще не стемнело, Герда решила почитать в одиночестве, а заодно не мешать ребятам тренировать свои способности. Она удобно устроилась на поваленном дереве, подложив под себя кусок толстой материи, и углубилась в книжку, ту самую «Книгу теней», что нашла в потаенной комнате в Будескайске. Раньше

руки до нее не доходили — сейчас в первый раз открыла. Это действительно оказался дневник.

— Шквал! — позвала Герда. — Смотри, дневник принадлежал той самой Лайсве, про которую ты не захотел рассказывать. Странно, она описывает свои родные места точь-в-точь как наши. Тут и про Бобровую хату на Домне есть, и про Ужинные топи, и про неприступный замок на холме. Она в нем родилась, кстати. Неужели где-то есть места, настолько похожие на наши? Или она действительно жила в Ильзаре до Войн за веру? Тогда тот сон...

— Не читала бы ты его, — сделал слабую попытку отговорить ее кот, но Герда не вняла его предупреждениям.

— Почему? Финист сказал, что она может оказаться моей родственницей, — в своих фантазиях она уже представляла, как после расставания с друзьями выяснит, кем была эта таинственная женщина и, возможно, найдет кого-то из родичей по отцовской линии. Те с радостью примут ее в свою семью, и она проживет с ними тихую и спокойную жизнь.

— Опять расстроишься и плакать начнешь, а я уже не смогу тебя успокоить, — кот прижал уши и отвел взгляд, как делал всегда, когда пытался что-то скрыть. Герда задумалась и не заметила, как из-за ближней ели выскочил невысокий щуплый парнишка в заплатанном сером плаще и выхватил у нее книгу.

— Эй, отдай! — возмутилась она.

— Книзецька! — весело закричал мальчишка. Он был всего года на два младше Герды, но вел себя как пятилетний ребенок, а разговаривал и того хуже, размахивал книгой над головой, как флагом, и странно хихикал, от чего по подбородку обильно текла слюна. Герда передернула плечами: его замашки откровенно пугали. Она подняла с земли длинную палку и наставила ее на незнакомца.

— Отдай! — с угрозой в голосе сказала Герда.

Паренек не на шутку струхнул — опустил руки, прижал книжку к груди и попятился, глядя огромными от ужаса глазами.

— Стой! Отдай книгу, паршивец! — воодушевленная моральной победой над врагом, Герда ринулась в наступление.

— Что ты делаешь? Разве можно на увечных с палкой нападать?! — послышался из-за деревьев скрипучий старушечий голос. Щеки Герды запылали от стыда. Она поспешно опустила свое оружие и отступила на шаг. Паренек расправил плечи и прекратил трястись. За его спиной показалась сгорбленная старуха в ветхом сером тулупчике и таком же платке. Шла она медленно, опираясь на кривую сучковатую клюку. В свободной руке держала большую корзинку с крупными бордовыми ягодами, по виду сильно мороженными.

— Он отобрал мою книжку, — пожаловалась Герда.

— Книзецька цюзая, без спросу взятаАя, — широко улыбаясь щербатым ртом, заявил мальчишка, явно не собираясь возвращать украденное.

— Юстес, сейчас же отдай книгу! — строго выговорила старуха. Мальчик поджал губы и с опаской протянул книгу. Герда тут же спрятала ее за пазухой, а Юстес сжался за спиной старухи.

— Прости, что напугала тебя. Просто эта книга мне очень дорога

Стало очень совестно из-за того, что она повела себя так недружелюбно.

— И ты нас прости. Мой внук особенный, с ним порой сложно бывает, — ответила старуха, присаживаясь на поваленное дерево. Только сейчас Герда заметила, что ее глаза подернуты мутной пеленой. Она явно была слепая, а на клюку не опиралась, а прощупывала

дорогу.

— Это вельва, — поделился догадкой Шквал.

— Коця! — вдруг заорал Юстес, указывая на кота, и бросился его ловить. Шквал зашипел и вскочил на дерево. Герда нахмурилась. Не может быть, чтобы этот полоумный мог видеть ее кота.

— Перестань! — прикрикнула на внука старуха. — Нет здесь никого. Дай отдохнуть спокойно. Ох, и далеко мы с тобой зашли. Опасно будет ночью возвращаться, когда зверь всякий из чащи повылезет.

Возникло ощущение, что старуха хочет, чтобы ее с внуком пригласили на ночь к костру. Герда хорошо помнила жуткие истории о том, как недалёковидные люди отказывали в помощи вельвам, а потом сталкивались с бесконечной чередой неудач и несчастий, приводивших к мучительной смерти, поэтому с готовностью предложила переночевать в их компании. Старуха несказанно обрадовалась, вручила Герде тяжелую корзину и за шиворот оттащила внука от дерева, возле которого он караулил кота.

По дороге Герда со старухой разговорились. Ее звали Адди. Они с внуком жили одни на отшибе. Люди их побаивались и не позволяли селиться в городе. Кормились они в основном тем, что выращивали на небольшой делянке возле дома или находили в лесу. Сейчас вот болотнику собирали — диковинную северную ягоду, которая только к самым холодам вызревала, подмораживалась немного, а потом всю зиму ее как свежую есть можно было. Герда после долгих уговоров согласилась попробовать одну и тут же скривилась — от приторно-сладкого вкуса свело скулы.

— Ничего, зато с травяным настоем хорошо идет, — добродушно похвалила ягоду старуха. — И Юстес от нее меньше болеет.

В лагере их встретили не очень радушно. Финист переживал, что Герда ушла так надолго и никого не предупредила. Ведь это совершенно незнакомый лес, кто знает, какие твари здесь водятся?

— Зачем ты их привела? — недовольно шепнул оборотень, подозрительно оглядывая странных пришельцев.

— Она вельва. Я не могла ей отказать.

— Опять сказок начиталась? Никакая это не вельва, а простая старуха. Попрошайки они — на твоих слабостях играют.

— А горлица-то, поди, поумней соколика будет, — громко сказала Адди, обрывая их шепот.

Финист аж поперхнулся, когда увидел как белок полностью затопил ее глаза. Дугава, вовремя рассудив, что гости вот-вот обидятся на холодный прием, протянула им тарелки с дымящимся супом и пригласила к костру.

Ели в каком-то странном напряжении, то и дело бросая испуганные взгляды на Адди и ее внука. И если старухе успешно удавалось не обращать на них внимания, то Юстес заметно нервничал. Герда не выдержала и под села к нему, освободив место возле Финиста, которое тут же заняла Майли.

— Позови коцю, — настойчиво попросил он. — Коця харроший.

— Не могу. Коця приходит сам, когда считает нужным, — терпеливо объясняла Герда. Юстес приуныл.

— Хочешь, я тебе книжку дам? Не ту, конечно, которую я в лесу читала, а другую, интересную, со сказками, — попыталась развеселить его Герда.

— Юстя цитаць не умеет. Юстя поиграць хоцел. С Юстя никто не играе, только вода.

Герда нахмурилась, потеряв нить его рассуждений, и перевела взгляд на Адди.

Старуха тепло улыбнулась:

— Вода — покровитель всех ясновидящих. Мой Юстес особенный, я же говорила. Одной ногой тут, другой там стоит. Все видит, все слышит, да только понять не может. Не выдерживает его голова такого потока, вот он и ведет себя странно.

— Поток?

— Реки времени, что разделяет наш мир и мир духов. Юстес оказался в обоих, как человек в бреду на пороге смерти. Уже не здесь, еще не там. Только у него это всю жизнь длится.

— Как такое может быть?

Адди вдруг погрузилась.

— Когда моя дочь его ждала, приняла одно очень опасное зелье. Начались преждевременные роды, и мальчик получился таким.

— Если знала, что зелье опасное и может навредить ребенку, зачем его приняла? Почему нельзя было подождать, пока он родится? — не смогла сдержать любопытства Герда, хотя прекрасно понимала, насколько невежливо расспрашивать малознакомых людей об их горестях.

Адди отвечала нехотя, через силу, но было видно, что ей хочется поделиться своей болью. Слишком устала носить ее в сердце невысказанной.

— Я тогда еще вельвой не была. Собирались совет старейшин, чтобы оценить ясновидящих и выбрать достойную вступить в их ряды. Все были уверены, что выберут меня. Мой дар был самым мощным, и я много училась — перенимала мудрость предыдущих поколений. Слава о моих предсказаниях гремела по всей округе. А дочь, у нее тоже был дар, но она жила в моей тени: во всем вторая, ее успехи воспринимали как должное. У нее не было права на провал. Я долгое время не обращала внимания, как ей тяжело от этого, а когда заметила, было уже слишком поздно. Она отдалилась, ожесточилась, решила во что бы то ни стало обойти меня. Но сил для этого у нее не хватало.

В наших землях растет один цветок. Настой из него на короткое время увеличивает силу ясновидящих, позволяет войти в реку глубже, но для здоровья он очень вреден, нередко вызывает падучую болезнь и может закрыть дорогу обратно навсегда. Моя дочь решила принять его, чтобы увеличить силы перед церемонией, но ничего не вышло. Видеть еще не значит понимать, а понимание приходит лишь с возрастом. Вельвой выбрали меня, а она упала от изнеможения или от разочарования — не знаю, у меня не было шанса спросить. Начались схватки. Лучшие целители бились над ней больше дня, да все без толку — она угасла и чуть было не утянула за собой Юстеса. Его тело удалось спасти, но часть души навсегда осталась там.

— Ее никак не вернуть? — ужаснулась Герда.

— Людям это не под силу.

Герда перевела взгляд на Юстеса. Тот блаженно улыбался. Обвыкся уже и нервничать перестал. Да и ребята тоже после еды расслабились и смотрели не так настороженно. Один Финист мрачно глядел на танцующие языки пламени, погруженный в тяжелые мысли. К супу даже не притронулся.

— Так что же это я, — встрепенулась старуха после затянувшегося молчания. — Хозяева дорогие, я обязана вас как-то отблагодарить за гостеприимство. Возьмите ягодок. С

отваром хорошо пойдут, а я вам про будущее расскажу.

Из кипевшего на костре котла по чашкам разлили ароматный травяной напиток. Болотника с ним действительно пошла куда лучше. Отвар чуть горчил и сглаживал сладкий вкус ягод.

— Кто из вас, детушки, самый смелый? — широко улыбаясь, спросила старуха. — Кто будет первым?

Вызвался, как ни странно, Ждан. Может, хотел свою смелость показать или просто интересно было узнать, что будет дальше, когда это бесконечное путешествие закончится. Адди взяла его ладонь и начала переминать руками.

— Что ж, — усмехнулась она. — Смелости тебе действительно не занимать, но смелость эта не безрассудная, а умная смелость, та, которая позволит идти вперед, но не попасть в ловушку. Когда обретишь уверенность, станешь большим начальником в армии. Все тебе в ножки кланяться будут, когда победу одержишь. Очень важную победу, окончательную.

Ждан сидел с таким важным видом, что остальные не выдержали и рассмеялись.

— В самом деле, Ждан начальник в армии? Он даже фехтовать толком не умеет, — сказала Дугава.

— Ничего вы не понимаете. В сражениях главное стратегия, а не глупое размахивание мечом, — насупился Ждан.

— Ладно-ладно, — попыталась помириться Дугава. — А что вы мне скажете?

Адди взяла ее руку и тут же напряглась.

— Полюбишь, ты, девонька, большую воду и отправишься вслед за чайкой. Много сил тебе понадобится, чтобы не погибнуть в коварной морской пучине.

— Вы о чем? — удивилась девушка. — Я моря никогда не видела и даже плавать не умею — всю жизнь в городе прожила. Да и зачем мне чайка? Мне и своих земных соколов вполне хватает.

Ждан засмеялся вместе с Дугавой. Адди покачала головой, но ничего не ответила и повернулась к Майли. Та заметно робела, но ей тоже очень хотелось про будущее послушать. Она сама подала дрожащую руку вельве. Та долго вертела ее ладонь, щупала со всех сторон, словно что-то искала, а потом заговорила очень медленно, взвешивая каждое слово:

— Ох и не простую судьбу ты себе выбрала, деточка. Вечная борьба, вечные скитания. Оседлать ветер не просто, но еще сложнее удержат. Чуть поводья натянешь — скинет, отпустишь — помчит с бешеной скоростью.

— Так что же делать? — Майли единственная восприняла слова Адди всерьез.

— Это тебе решать, — ответила старуха. — Но пока будешь вести себя, как сейчас, ничего путного не получится. Измени себя, и, возможно, тебе удастся то, в чем очень многие потерпели неудачу.

Майли удивленно вскинула брови и украдкой глянула на Финиста. Все остальные тоже выразительно посмотрели на него.

— Что? — всполошился он. — Да с чего вы решили, что это обо мне?

— Ты ветреный, — заключила Дугава. И они со Жданом уже в который раз хором засмеялись.

Финист воздел глаза к небу, всем видом показывая, что ни в какие предсказания он не верит.

Адди решительно потянулась за его рукой.

— Не бойся, неверующий. Про смерть вельвы молчат, а вот по жизни хороший совет дать могут. И не слушай, что мы горевестницы. Мы беду не кличем, а лишь предупреждаем о ней загодя, чтобы избежать можно было. И хоть слова наши кажутся загадкой, со временем прозрение обязательно придет и ты поймешь, что старуха Адди во всем права.

Финист тяжело вздохнул, но все же позволил взять себя за руку. Она лишь коснулась и тут же отпустила. Дыхание участилось, плечи заметно дрожали.

— Ну что, все будет плохо? Когда Голубые Капюшоны придут по мою душу? — усмехнулся ее реакции Финист.

Старуха села, стараясь унять бешено колотившееся сердце. Отхлебнула отвара, заела ягодами и только тогда, когда все уже изнывали от любопытства, заговорила:

— Я не скажу, что видела.

— Устроили тут представление, а говорить отказываетесь? — продолжил язвить Финист. — Да я и без вас все знаю. Будет конец света, реки наполнятся кровью невинных жертв, воздух заполонит дым чудовищных пожаров, червоточины распахнут прожорливые пасти, выпуская в наш мир сонм самых ужасных порождений, в недрах земли проснутся древние боги, и начнется последняя битва, в которой весь мир сгорит дотла.

— О, да ты сам видишь будущее куда яснее меня, — неожиданно расхохоталась старуха, от чего всем сделалось сильно не по себе. Ее смех даже Финиста лишил былой бравады. Он сложил руки на груди, пытаясь от всех закрыться.

— У тебя острый ум и язык. Жаль, ты не всегда находишь им достойное применение и растрачиваешь себя на сомнительные развлечения. Если не изменишься, рискуешь до бесконечности повторять одни и те же ошибки. И перестань задира́ть младшего брата. Ваша детская вражда слишком затянулась и мешает вам обоим узреть истину.

— Это вряд ли, — тихо хмыкнул Финист. — Нет у меня никакого брата, тем более младшего.

— Может, имеется в виду нареченный брат, близкий друг или... — осторожно предположила Герда. Ей очень не понравилось, как Финист говорил с Адди. Такое жесткое отторжение было верным признаком, что предсказания его очень задели.

— Может, это Ждан, — робко предположила Дугава.

— Я тебя задираю? У тебя с этим проблемы? — тут же осведомился Финист.

Ждан удивленно моргнул:

— Нет. Но ты бы мог обращаться со мной помягче.

— Угу, лени твоей потакать. Не надейся, — разочаровал его Финист. — Вот видите, вы ошиблись — нет у меня никакого брата, ни кровного, ни нареченного. Я один, совершенно один на всем белом свете. И слава духам.

— Как был идиотом тысячу лет назад, так им и остался, — хмуро заметил невесть откуда вылезший Шквал.

Герда удивленно глянула на него.

— Коця! — счастливо заорал Юстес прямо над ухом.

— Ну, вот опять! — Шквал со всех ног бросился наутек.

— Юстес, сядь! — грозно велела Адди.

— Хочу играть с коцей! — капризничал мальчик.

— Кот? Где? — всполошился Финист. — Терпеть не могу пронырливых тварей, особенно когда они метить начинают.

Герда про себя усмехнулась. Похоже, неприязнь у них была абсолютно взаимной.

— Не обращайтесь внимания, — вздохнула Адди. — Нет здесь никого. Юстес сейчас успокоится.

Внук вельвы нехотя вернулся на место и притих. Герда уже начала ерзать от нетерпения — без предсказаний осталась только она. Герда решительно протянула вельве руку, но та смотрела ей в глаза и почему-то медлила.

— Лучше не стоит, — разочаровала ее Адди.

— Я тоже так думаю, — в первый раз согласился с ней Финист.

— Но почему? Я, конечно, знаю, что у меня нет дара, и в моей жизни не будет никаких значительных событий, но все же я... я очень хочу, чтобы вы и со мной поделились своей мудростью.

Старуха тяжело вздохнула и чуть коснулась ее пальцев.

Костер померк, а вместе с ним исчезли звезды и луна. Все вокруг закрутилось в разноцветном вихре. Герда снова оказалась в своем давешнем сне посреди заснеженного плато. Теперь всадник спешил и стоял прямо перед ней. Она не видела его лица, но знала, что всю жизнь искала именно его. Герда протянула к нему руки, он зеркально повторил ее жест. Их пальцы сомкнулись. Ее счастье нельзя было передать словами. Хотелось, чтобы время остановилось и она навсегда осталась здесь с ним, просто держась за руки, ощущая радость единения с тем, кого любила так беззаветно.

Вдруг раздался громкий треск. Герда опустила глаза и увидела, что стоит вовсе не на плато, а посреди замерзшего озера. Лед под ногами раскололся. Рука выскользнула из пальцев незнакомца, и Герда полетела в распахнувшуюся полынью. От холодной воды тело свело судорогой. Она попыталась всплыть наверх, но тут ее подхватило течение и понесло под лед. Герда бессильно барахталась, скользя пальцами по полупрозрачной поверхности, но ничего сделать не могла. Воздуха не хватало. Нос щипало от холодной и почему-то соленой воды. В груди нарастала нестерпимая боль. Сознание начало гаснуть, и она провалилась в темную бездну.

Герда очнулась на руках у Финиста, ощущая уже почти привычную мигрень.

— Как ты? — встревожено спросил он.

— Ничего вроде, — отозвалась Герда, поднимаясь. Все взгляды были устремлены на нее. — Я снова потеряла сознание?

Все кивнули.

— Надолго?

— На пару минут, — ответил Финист. — Точно все в порядке?

— Я же сказала, — упрямо процедила Герда. Почему ей не верят?!

— Не следовало мне позволять это. Старуха, зачем? Ты же понимаешь, насколько это опасно, не можешь не понимать, — с укором обратился Финист к Адди.

Вельва протянула Герде чашку с отваром:

— Выпей горячего — полегчает.

А потом повернулась к Финисту:

— Я сделала только то, что было необходимо.

— Кто сказал?

— Вода, так сказала вода.

Финист отвернулся и заскрежетал зубами от еле сдерживаемой злости.

— А как же предсказание? — хором спросили Дугава со Жданом, которым тоже не терпелось узнать, что предскажет вельва.

— Его не будет. Да и ваш предводитель против. Не стоит больше испытывать его терпение, — смиренно ответила Адди и снова подошла к Герде. — Съешь ягод побольше — они здоровье восстанавливают и от немощи лечат.

Старуха слой запихивала Герде в рот большие горсти болотники, обильно поливая их обжигающим напитком. От этого действительно становилось легче.

— Адди, скажите, что это было? Мое будущее? — тихо спросила она, когда вельва перестала ее кормить.

— Не знаю. Видение было послано тебе, поэтому и понять его сможешь только ты.

— Но почему его послали мне, а не вам?

Адди тяжело вздохнула, обдумывая ответ:

— Ты на моего внука чем-то похожа. Тоже одной ногой на той стороне стоишь, поэтому и видишь то, что недоступно другим. Главное, не сопротивляйся — это часть твоего естества. Со временем ты сама все поймешь.

Герда нахмурилась. Слова старухи стали еще более туманны, чем раньше, хотя доля истины в них была — Юстес тоже видел Шквала. Может, кот не плод ее воображения, а создание с той стороны? Тогда понятно, как он так ловко находит выход из самых сложных ситуаций. Но не значит ли это, что Герда когда-нибудь станет такой же сумасшедшей, как внук вельвы? Она обвела взглядом товарищей. Никто их разговора не слышал, ребята занимались своими делами. Время было позднее, а завтра предстоял долгий путь, поэтому все спешили поскорей лечь спать. Герда тоже решила не засиживаться — слабость после обморока до конца не прошла и глаза закрывались сами собой.

Адди с Юстесом тоже прилегли у костра, но встали, когда солнце еще не взошло. Собирались очень тихо. Мальчишка будто понял желание старухи уйти скрытно и изо всех сил старался не шуметь. Но против звериного слуха Финиста все их ухищрения оказались бесполезны.

— Даже не попрощаетесь? — шепотом спросил он у вельвы. Та обернулась и протяжно на него посмотрела.

— Мы и так доставили вам слишком много беспокойства, — пожала плечами Адди. — Да и ты был нам совсем не рад.

— Ваша правда. Надеюсь, это не будет мне стоить десяти лет сплошных несчастий? — попытался отшутиться Финист, но старуха ответила как никогда серьезно.

— Несчастья преследуют тебя из-за того, что взваливаешь на себя слишком тяжелую ношу, бросаешься от одной проблемы к другой и ни одно дело до конца довести не можешь.

Финист отвернулся. Тут она оказалась совершенно права.

— Что же до девочки, ты зря от нее все скрываешь. Она сильнее, чем ты думаешь, и нуждается в помощи и наставлении, а ты постоянно бросаешь ее одну на произвол судьбы. Неконтролируемые вспышки вытягивают из нее все силы. И когда-нибудь это может плохо закончиться. Ты же понимаешь.

— И все же почему вы ее коснулись?

— Потому что так подсказал мой внутренний голос. Ведь ты сам часто действуешь также. Между нашими способностями не так уж много разницы, мой мальчик. Запомни это. Слушай внутренний голос. Глаза, уши и нос обманут. А он — никогда. Теперь прощай, Финист Ясный Сокол.

Вельва, взяв за руку внука, скрылась в лесу. Финист лег рядом с Гердой, разглядывая ее лицо.

— Они ушли? — тихо спросила она, не открывая глаза.

— Да, — прошептал в ответ Финист. — Что тебе снилось?

— Не помню.

— Не сейчас, а когда вельва взяла тебя за руку. У тебя было такое жуткое выражение лица, словно тебя только что с того света вытащили.

— Наверное, так оно и было. Я видела свою смерть... Но ведь Адди сказала, что смерти она не предсказывает, а, наоборот, помогает ее обойти.

Финист пожал плечами.

— Иногда даже вельвы ошибаются.

— Будем надеяться. Мне бы не хотелось умереть так.

— Я тебя уберегу.

— Но если тебя не будет рядом?

— Буду. Обещаю.

Герда ласково улыбнулась и придвинулась поближе к Финисту. Тот мягко приобнял ее, и вместе они проспали до самого утра.

Глава 15. Негостеприимный городок

С приходом зимы ощутимо похолодало. Земля покрылась толстой шапкой снега. Коньям приходилось высоко задирать ноги, ход их сделался тряским и неудобным. Уставать и животные, и люди начали в два раза сильнее, от того и привалы приходилось делать намного чаще. А время неудержимо бежало вперед. На голубиных станциях смотрели с большим неодобрением, но Финиста это уже ни капельки не заботило. Все сроки он давно пропустил, а денег раздобыл и сам. Последние две станции он вообще не почтил своим вниманием — надоело выслушивать пустые упреки и угрозы, да еще и крюки делать ради этого. Решено было заехать только на последнюю перед Упсалой станцию, чтобы получить распоряжения, что делать дальше. А до этого путь будут держать самостоятельно, да, собственно, как и раньше.

Когда они проезжали мимо небольшого городка с длинным неблагозвучным названием Фаскенхёгсдааль, их накрыла страшная пурга. Глаза застилала крупная хлопья снега, зловеще подывал ветер, грозя сдуть всадников с лошадей. Ехать дальше оказалось невозможно. Нужно было искать ночлег, и желательно с крышей над головой.

Ни стены, ни городских ворот в Фаскенхёгсдаале не было, как и в остальных городах Лапии, которые больше походили на сильно разросшиеся деревни. Люди здесь нападали редко, а то, что рождалось из червоточин, никакие стены сдержать не могли и только раззадоривали. Зато двери каждого дома были украшены защитными талисманами, якобы отпугивавшими злых духов. Правда, в Фаскенхёгсдаале они оказались срезанными — на месте замысловатых узоров остались кривые царапины, словно от когтей жуткого зверя.

Приглядевшись, Финист нахмурился:

— Кажется, здесь нам окажут холодный прием.

— Почему? — спросил Ждан. Он промок и продрог насквозь, как и все остальные, но жаловался так громко, что создавалось впечатление, что плохо только ему одному.

— Единоверческая церковь, — Финист указал на мрачное здание с массивными каменными стенами и высокой круглой колокольней.

— В Лапии? Не может быть! — поразилась Герда. — Может, это ратуша или дом богача?

— Разве похоже? — скептически хмыкнул Финист.

Герда пригляделась и увидела в окнах сложные узоры из дешевого прозрачного стекла. Совсем убогие витражи как в Дрисвятах. Это действительно церковь!

— Но мы ведь все равно попытаем счастья? — с надеждой спросила Дугава.

— Придется, — оборотень нехотя спешил и направился к ближайшему крыльцу.

Там их не приняли, отговорившись тем, что у них и так полный дом гостей. Во втором вообще открывать отказались, обозвав их лиходеями. В третьем и четвертом мест не оказалось. В пятом не помог даже увесистый кошель с рыцарским золотом — сказали, что у них нет условий принимать таких знатных господ, в шестом заявили, что боятся гостям не понравиться, из-за бедности и убогости своей их гнев накликать.

Поговорить начистоту соизволили только в седьмом доме, маленьком, но очень ухоженном, с украшенной резными коньками крышей. Поседевший раньше времени коренастый мужичок в латанном овчинном тулупчике спешно вышел на аккуратное высокое крыльцо и обвел собравшихся усталым взглядом. Остановился на стучавших зубами от

холода девушках. Тяжело вздохнул:

— Не пустит вас никто. Священник не велел чужаков принимать, только единоверцев-пилигримов. Он и сам, священник наш, пилигримом был. Когда мимо наших мест проходил, на город как раз свора демонов-зубоскалов напала — пять человек загрызли, пока он их не прогнал. В благодарность наши ему церковь построили. Все деньги общественные на нее потратили. Священником его сделали и градоначальником вместо старого бургомистра, который староверам благоволил.

К тому же в этот год заморозки ранние случились — весь урожай погиб. Голодать приходится. Священник говорит, что Единый-милостивый нам испытание посылает, чтобы староверческую скверну из сердец вытравить. Поэтому и гостей принимать нельзя, а уж тем более денег у них брать, чтобы голод утолить. Против его законов это.

— А от голода умирать не против? — не удержался Финист.

Мужчина пожал плечами. Видно, в душе его тоже точил червь сомнения, но против остальных горожан он выступать не решался.

— Ищите приют в лесу. Там полянка в низине должна быть — затишек. Разведите костер, огонь вас мигом согреет. Да вот еще возьмите, — он протянул Финисту баклагу. — Оно крепкое. Не даст замерзнуть.

Финист попытался всучить ему пару монет, но тот начал отнекиваться, опасливо оглядываясь по сторонам: не вышел ли кто во двор посмотреть, чего он так долго с чужаками разговаривает. Пришлось сдаться, когда из дома послышался нетерпеливый женский голос, призывавший мужчину поскорей закрыть дверь и не навлекать на несчастную семью еще больших бед, помогая бродягам.

— Мы все неправильно делаем, — заявила Майли, когда за мужчиной захлопнулась дверь. — Надо идти в церковь и просить приюта там. Священники обязаны помогать честным людям в беде.

— К сожалению, мы к честным людям в их понятии не относимся, — осадил ее Финист.

В последнее время их отношения накалились до предела. Майли жутко ревновала и пыталась давить на чувство вины и ответственности. Получалось не слишком хорошо: Финист оказался скользким, как рыба, и от любого давления без труда уходил. Герда посоветовала бы ей отстать от него и позволить самому решать, но Майли бы вряд ли стала ее слушать.

— Великолепно! — разозлилась она. — Не хочешь идти — не надо. Я сама попрошу у священника приюта, а вы останетесь ночевать на улице.

Майли, высоко вздернув голову, зашагала к церкви, правда, нарочито медленно, словно ждала, что Финист побежит за ней, но он этого не сделал.

— Что ж, — повернулся оборотень к остальным. — Если других возражений нет, предлагаю сделать так, как посоветовал этот мужчина: найти тихую лесную поляну и заночевать там.

— Но мы еще не все дома обошли, — сделал слабую попытку переубедить его Ждан. — Последний хозяин вон каким добрым оказался, может, еще такие найдутся и пустят нас переночевать.

— Да и Майли не стоит оставлять одну. Она ведь потеряться может, — поддержала друга Дугава.

— Может, оно и к лучшему, — ответил Финист, но на уговоры все же поддался. Решили,

что он с Дугавой и Жданом постучится в остальные дома, а Герда пойдет в лес разыскивать подходящую поляну, чтобы они, когда их дело увенчается полным крахом, — Финист в этом не сомневался — не блуждали в потемках.

Найти подходящую поляну оказалось не так-то просто. Леса в Лапии были не такими густыми, как на юге, но из-за высоких вековых сосен казались гораздо более мрачными и дремучими. Иногда вой метели перекрывался заунывной волчьей песней, от которой кровь стыла в жилах. Герда знала, что пока рядом Финист, зверей можно не бояться. Его дар действовал на них гипнотически: если они не становились ласковыми и послушными, то, по крайней мере, обходили лагерь стороной. Финист рассказывал, что за время путешествия его способности сильно возросли. Он чувствовал, как становится настоящим зверолордом — повелителем животных. Этот дар мечтал развить в себе его отец, но так и не успел.

Герда очень удивилась, узнав, что дар большинства сильнейших Стражей мог развиваться и изменяться со временем. Единственной способностью Финиста, данной от рождения, было оборотничество. К десяти годам он научился понимать зверей и птиц, а позже и разговаривать с ними. Раньше он больше просил их о помощи, некотором одолжении или угрожал, склоняя на свою сторону. Теперь же все легче становилось просто приказывать: «Эй, воронье, защитите меня от рыцарей! Лошади, ну-ка станьте в строй и идите смирно!» И они слушались.

Нужная поляна вскоре нашлась. Достаточно большая и ровная, чтобы они все смогли на ней уместиться вместе с лошадьми. Осталось только собрать хворост и разложить костер. Неожиданно раздался треск сучьев, за которым последовал детский плач. Что-то сверкнуло, словно молния ударила, и тут же потянуло дымом. Герда со всех ног бросилась на звук. В глубине леса, чуть в стороне от проторенной дороги перед горящей лысой лиственницей стоял маленький мальчик и испуганно таращился на языки пламени.

— Что случилось? — спросил Герда, бросая пригоршню снега в огонь, чтобы потушить.

— Это не я! Честное слово, я ничего не делал! — судорожно оправдывался мальчик. На вид ему было не больше десяти лет. Одет в серый шерстяной кафтан и штаны, поверх которых накинут потрепанный, весь в заплатках плащ явно с чужого плеча. На лохматые пепельные волосы нахлобучена дырявая шапка, так и норовящая упасть на глаза. Рядом небольшая вязанка хвороста, да все какого-то сырого, для очага не подходящего.

— Тише, я тебя ни в чем не обвиняю, — поспешила успокоить ребенка Герда. — Просто расскажи, что произошло.

— Я собирал хворост... — заговорил мальчик, с трудом преодолевая испуг. — Меня мачеха послала. Сказала, чтоб без него домой не смел возвращаться. А тут такая метель, я заблудился, устал и хвороста почти не набрал — возвращаться нельзя, а так холодно, что руки-ноги заоченели. Не поднимаются совсем. Вот я и споткнулся обо что-то. Упал, а там что-то хрустнуло и как вспыхнет! Теперь меня даже на порог не пустят. Скажут, что это я пожар устроил. Мой отец лесоруб, и у нас кроме деревьев богатства никакого.

— Ничего страшного. Огонь уже погас, а дерево совсем чуть-чуть обгорело, гляди, — мальчик поднял глаза и громко хлопнул носом. — Да и не виноват ты ни в чем. Скажешь, что ничего не видел, ничего не знаешь, а дерево само загорелось. Молния попала. Да так оно и было.

— Молния зимой? — удивился он. — Такого не бывает!

— Не важно. Главное, что ты тут ни при чем, запомни это. Как тебя звать?

— Вожаненок. Но ты можешь звать меня Вожыком, так меня мама называла, — слабо

улыбнулся мальчик.

— А я Герда. Идем, я помогу тебе собрать хворост и отведу домой.

— Но ты не из местных. Почему ты не заблудилась, а я заблудился?

— Это у меня в крови — я дочь лесника. Могу найти выход из любого леса в любую погоду.

— Но тогда оно должно быть и у меня в крови. Я ведь сын лесоруба.

— Просто ты пока плохо ориентируешься, — усмехнулась Герда, про себя размышляя о том, зачем родители посылают маленьких детей в лес особенно по такой погоде. А вдруг действительно пожар или зверь нападет? Неужели им совсем не боязно? Потом на ум пришло, что отец тоже часто посылал ее в лес одну, несмотря на все возражения матери. Тогда и в голову не приходило поинтересоваться, почему он поступал так беспечно.

Хворост собрали довольно быстро, даже немного согрелись и развеселились, играя в снежки. В обратный путь двинулись, когда на небе уже светила полная луна. Ребята, должно быть, уже заждались, но бросить ребенка в беде Герда не могла.

Когда они подходили к городу, по громким крикам сразу стало понятно, что искать остальных нужно на главной площади, неподалеку от церкви. Ругались, как можно было ожидать, Майли с Финистом. Дугава и Ждан ошалело на них смотрели.

— Из-за тебя меня отовсюду гонят! — причитала Майли так, что заглушала ветер. — Даже в какую-то вшивую церквушку посреди дремучего захолустья погреться не пустили. Меня, самую примерную воспитанницу Эгольского монастыря! Это наказание за то, что колдуну мерзкому вне брака отдалась. Единый-милостивый, ну почему я была такой слепой? Почему на искушение поддалась?

— Пойди еще раскайся перед всеми, — орал в ответ Финист. — Тоже мне — падшая женщина. Да если бы не я, гнила б ты сейчас в каком-нибудь семейном склепе или, хуже того, превратилась в одного из призраков в армии твоего сумасшедшего папаши. Вот уж действительно мерзейшего колдуна, чем он, встречать еще не приходилось.

— Не смей меня им попрекать! Он запутался. Его свели с ума.

— Давай оправдывай его. Если это сделает тебя счастливой, можешь сдать нас священнику. Тогда уж точно всем станет так тепло, что мало не покажется!

— Зачем вы так орете? Нас действительно могут на костер отправить. Это же единоверческий город! — напомнила Герда. Они с Вожьком только что присоединились к шумной компании.

Финист удивленно уставился на мальчика.

— Кто это еще?

— Вожьк. Его послали в лес за хворостом, и он заблудился. Чуть в пожар не попал. Я веду его домой.

— Пожар? — настороженно переспросил Финист и, согнувшись так, чтобы его глаза были на одном уровне с глазами мальчика и задумчиво хмыкнул: — Что-то мне говорит, что надо убираться отсюда и чем быстрее, тем лучше.

— Подождите, я только проведу его, — Герда пошла за Вожьком к его дому. Он оказался тем самым, чей хозяин соизволил с ними нормально поговорить. Несмотря на то, что они с Вожьком стучали довольно громко, дверь никто открывать не спешил. В окнах даже огонь не зажгли.

— Может, дома никого нет? — предположила Герда. Мальчик отрицательно покачал головой. Он оказался прав. Вскоре дверь распахнулась, и на пороге в потемках показался уже

знакомый мужчина. Свет все-таки запалили. Из глубины дома донесся ворчливый женский голос:

— Эспен, если это снова те голодранцы, гони их в шею!

— Тише, Илзе, это мой сын, — спешно ответил хозяин и обнял Вожыка: — Хвала небесам, ты вернулся. Такая пурга! Я уже думал, что ты заблудился и хотел идти искать.

— Если этот лентяй пришел без хвороста, то гони и его!

Эспен недовольно скривился, но промолчал. Вожык отстранился на шаг, будто не хотел уже заходить. Герда не выдержала немой сцены и протянула вязанку хвороста хозяину.

— Вожык не лентяй. Смотрите, это все он собрал, — сказала она и подтолкнула мальчика к дому.

— Ты уходишь? — переполошился он.

— Да, мы с друзьями в лесу заночуем, а на рассвете, если метель стихнет, сразу дальше поедем, — беззаботно ответила Герда.

На самом деле ей тоже не хотелось задерживаться в негостеприимном городе.

— Но в лесу холодно, а ночью еще и страшно. Пап, можно им остаться у нас? Они хорошие.

Хозяин тяжело посмотрел на сына.

— Эспен, что ты так долго возишься? — еще более раздраженным тоном позвала Илзе.

Мужчина сжал руки в кулаки. По лицу было видно, как он злился на жену за то, что так неласково обходилась с его сыном. И бесконечные понукания ему тоже до смерти надоели, как и роль подкаблучника, которую ему смиренно приходилось исполнять.

— Зови своих товарищей, переночуете в сарае, а то сейчас волки часто нападать стали. Видно, тоже голодают.

Герда против воли улыбнулась и кивнула. Перед перспективой провести ночь в тепле и под крышей она не устояла и быстро побежала за остальными.

К тому времени, как Герда вернулась, Майли уже валялась на снегу и истошно вопила. Дугава изо всех сил старалась ее успокоить, но все усилия пропадали втуне. Иногда голос подавал Ждан, пытаясь хоть как-то увещевать рыдающую девушку. Финист же стоял в стороне и равнодушно наблюдал за ними. Герда подбежала к друзьям, крепко обняла Майли и радостно объявила:

— Успокойся, нас пустили на ночлег под крышу! Слышишь, сегодня мы не будем мерзнуть.

Майли замолчала и недоверчиво посмотрела на нее.

— Только не говори, что нас пригласили в благодарность за то, что ты привела мальчишку, — безнадежно осведомился Финист.

— А что такого? — Герда не понимала, что его так встревожило.

— Мы не будем ночевать в этом городе. Здесь повсюду единоверцы. Лучше пошли в лес. Финист явно что-то не договаривал. За время путешествия Герда научилась различать, когда он пытался скрытничать. Взгляд при этом начинал бегать, а голос едва заметно подрагивал, прямо как сейчас.

— Вот ты и иди, а мы останемся, — упрямо ответила Герда. Майли энергично закивала. Ждан с Дугавой тоже предпочли ночевку под крышей. — Это хорошие люди. Они нас не выдадут.

— Не в этом дело, — загадочно сказал Финист и скрепя сердце согласился.

После изнурительной дороги и холодного ветра сарай показался дворцом. Повеселели

все, даже Майли причитать перестала. Один Финист по обыкновению остался чем-то недоволен. Когда все улеглись спать, он еще долго сидел, сложив руки на коленях, и к чему-то прислушивался.

Герда проснулась от того, что потянуло удушливым дымом.

— Пожар! — закричал Финист и выбежал на улицу. Остальные быстро последовали за ним. Горел хлев, который стоял очень близко к дому. Путники, не сговариваясь, принялись забрасывать пламя снегом, чтобы огонь не перекинулся на жилую постройку. На порог выскочил хозяин в накинутом поверх ночной рубахи плаще.

— Что происходит? — оторопело спросил он спросонья.

За ним вышла высокая худая женщина с орущим грудным ребенком на руках, в полах ее одежды путались еще два карапуза. Мимо них как можно незаметней старался протиснуться Вожык.

— Я тебе скажу, что происходит! — заметив пасынка, женщина схватила его за ухо. — Твой демоненок поджег хлев! И что здесь делают эти голодранцы? Ты что пустил их переночевать?!

— Илзе, прекрати! — попытался унять ее Эспен. — Если бы не они, весь дом мог сгореть, и мы вместе с ним.

— А если бы не твой выродок, вообще ничего бы не случилось.

Вожык едва слышно скулил, пока мачеха выкручивала ему ухо.

— Что вы делаете? Ему же больно! Отпустите немедленно! — заступилась за него Герда, прежде чем Финист успел ее остановить.

— Да кто ты такая, чтобы мне приказывать! — обратила на нее свой гнев Илзе, но Вожыка все-таки отпустила. Он быстро спрятался у Герды за спиной.

— Кем бы я ни была, я знаю, что с детьми так обращаться нельзя. И никто ваш хлев не поджигал. Посмотрите, как высоко для этого забраться надо. Да и снег кругом — оно только от большого огня так загореться могло. Вожыку такой взять неоткуда.

— Она права, Илзе, — осторожно заметил Эспен. — Потерпи еще год, и я отправлю мальчика подмастерьем к кузнецу. С ним уже обо всем сговорено.

— Как бы мы раньше Единому души не отдали с таким поджигателем, — проворчала женщина. Ребенок на ее руках затих и требовательно затеребил ворот материнской рубахи. — А этих голодранцев чтоб и духу завтра не было.

Но утром им пришлось остаться, чтобы помочь доброму хозяину убрать последствия пожара. Соседи косились на них со смесью любопытства и неприязни, но предпочитали не вмешиваться. Вожык хвостом ходил за Гердой, пытаясь во всем помогать, но был до того неловок, что без него работа бы шла быстрее. Мальчонка беспрестанно что-то рассказывал, как будто собеседник у него появился впервые за долгое время, и он боялся, что скоро снова останется один. Особенно много Вожык говорил об огне, да еще так странно, словно одушевлял его. До недавнего времени мальчик считал огонь своим лучшим другом. Он дарил тепло и свет, распугивал злобных тварей. Вожык часто наблюдал за пламенем в очаге и видел в его языках маленьких человечков. Они водили хороводы вокруг поленьев и пели трескучими голосами. До пожара Вожык не думал, что огонь может быть злой и обратиться против людей. Мальчик не понимал, почему верный друг предал его.

Герда невольно вспомнила себя в возрасте Вожыка. Она тоже за каждым кустом видела сказочных созданий, разговаривала с ними, даже истории про них придумывала, хотя после этого путешествия уже сомневалась, что они были лишь плодом ее воображения. Да и самый

близкий друг у нее сейчас, строго говоря, ничем не лучше человечков из огня.

Во двор к Эспену пожаловал сам священник. Это был немолодой одутловатый мужчина, лысый, с усталыми глазами.

— Зачем ты связался с нечистыми староверами? — обратился он к хозяину тихим голосом. — Они принесли в твой дом скверну.

— Они привели домой моего сына и потушили пожар в сарае. Кто из вашей доброй паствы сделал то же? — раздраженно ответил Эспен, с вызовом глядя на толпившихся за его спиной людей. После сварливой жены ему уже никто страшен не был.

— Ты обманываешься их показным добронравием. Они дикари. Могут даже твоего мальчика в жертву кровавым богам принести.

Финист аж поперхнулся, глядя, с каким серьезным видом говорил священник, хотя Герде его слова такой уж глупостью не показались — Петрас же пытался принести в жертву собственную дочь.

— У нас пока еще свободная страна и нет епископатов, которым мы обязаны подчиняться, — напомнил хозяин, всем видом показывая, что больше слушать священника не намерен. Тот покачал головой и пошел обратно ни с чем. В Веломовии Эспен бы так легко не отделался.

— Знаешь, а единоверцы тоже приносят жертвы староверческим богам, хотя сами этого не понимают, — заметив замешательство на лице Герды, сказал Вожык. — Мне про это еще мама рассказывала, а она никогда не врала. Каждый раз, когда они зажигают огонь в очаге, то приносят в жертву хворост и поленья богу Вулкану. Слышала про такого?

Герда отрицательно покачала головой, и мальчик продолжил:

— Вулкан самый славный из богов. Он больше всех любил смертных. Настолько, что решил ради них навлечь на себя гнев собратьев и украл божественный огонь. До этого смертные не знали тепла очага и вкуса горячей пищи. Всему этому научил их Вулкан. И когда за свой проступок хозяева земли, воды и неба лишили его благодати и вечной жизни, смертные с радостью приняли его к себе. Среди них он дожил до глубокой старости в почете и уважении. И даже спустя тысячу лет после его смерти мы, люди, чтим Вулкана превыше других богов, потому что постоянно пользуемся его великим даром — огнем.

Герда захлопала в ладоши от умиления.

— Да ты настоящий сказочник!

— Это все взаправду было! — смутился Вожык, но тут его перебил отец.

— Сын, иди в дом, помоги матери.

— Она мне не мать, — пробубнил себе под нос мальчик, но Эспена все же послушал.

— Я заметил, что Вожык к вам очень привязался, — обратился мужчина к Герде. — Это такая редкость, чтобы он с кем-то так открыто разговаривал. И я подумал, может, вы возьмете его с собой... куда бы вы ни шли.

Герда удивленно открыла рот:

— Вы хотите избавиться от собственного сына? Знаете, моя мать умерла, когда мне было четырнадцать — почти взрослая — но даже тогда не представляю, что бы я почувствовала, если бы мой отец вот так отказался от меня.

— Вы не понимаете. Это для его же блага. Вожык — он другой, особенный. Здесь с нами ему не выжить, а я хочу только этого.

Герда нахмурилась. Она не понимала, на что намекает Эспен. Он с минуту молча смотрел на нее, а потом махнул рукой:

— До завтра еще подумайте. Уже вечереет, метель собирается — смысла никуда ехать нет. Можете оставаться в сарае.

Эспен пошел в дом вслед за Вожыком. Сзади к Герде приблизился только что спустившийся с крыши хлева Финист. Он латал в ней дыру все это время.

— Эспен просил взять Вожыка с собой, — тихо сказала Герда.

— Я догадался, — вздохнул Финист. — Ты правильно сделала, что отказала.

— Ему здесь плохо. Его не любят.

— Мы не можем его взять.

— Почему?

— Вас и так слишком много. Я не справляюсь. Если не заметила, я тоже устал, смертельно устал. Мне все время приходится работать на пике своих возможностей — защищать вас от людей, от демонов, от самих себя. Я разрываюсь между Дугавой и Жданом, между тобой и Майли.

— Я сама могла бы заботиться о Вожыке.

— Ты даже о себе позаботиться не можешь.

На этом разговор закончился. Финист хотел выехать на рассвете, поэтому лечь решили пораньше, чтобы успеть хорошенько выспаться — прошлой ночью этого сделать не удалось из-за пожара. Спали хорошо, крепко, даже Майли не ворочалась. Герда заметила, что кошмары у наследницы начинаются за ночь до полнолуния и заканчиваются на первую ночь после. Сейчас была вторая, поэтому можно было отдыхать спокойно, но все же что-то мешало. Не давали покоя мысли о Вожыке. Мальчика было настолько жалко, что в груди больно щемило. Отцу явно не хватает на него времени, братья еще слишком малы, чтобы поддерживать его, а мачеха его просто ненавидит и не скрывает этого.

Вот если бы у Вожыка был дар, Финист бы не раздумывая взял его с собой, как Майли. Да еще эти разговоры об усталости... Финист никогда не жаловался, поэтому Герду пугало, что он заговорил об этом. Значит, ему действительно очень тяжело. Может, ей все-таки стоит уйти? Одной проблемой станет меньше. И Вожыка она могла бы взять с собой. Они бы странствовали по свету, как бродячие трубадуры, сочиняли баллады о геройских подвигах Стражей и пели их на главных площадях лапских городов, а люди платили бы деньги, чтобы их послушать. Жаль только, что петь она не умеет. В детстве Герде очень хотелось петь, но каждый раз, когда она пыталась, в горле будто ком застревал. Он резал гортань и вызывал жуткий кашель. Отец даже к лекарю водил ее из-за этого, но тот разводил руками, мол, нету там ничего. Непонятно, из-за чего кашляет, может, кто порчу наслал, а может, само из другой жизни пришло. Так и не вылечил ее никто.

Петь у них с Вожыком не получится. Да и куда они пойдут одни зимой без денег и припасов? Если от холода и голода не умрут, то на обед какому-нибудь зверю или демону точно попадутся. И не спасет тут даже смекалка и удачливость Шквала. Кот в последнее время появляться стал все реже, да еще в каком-то подавленном настроении, даже на Финиста больше не злился. Чаще всего просто сидел рядом и молчал. Что могло так его опечалить? Может, дневник Лайсве? Ему очень не нравилось, когда Герда бралась его читать.

Неожиданно сердце в груди екнуло, а в ушах застучала кровь, словно раздался какой-то громкий звук, но Герда ничего не слышала. Финист тут же подскочил.

— Что случилось? — встревожено спросила она.

Финист не ответил и помчался к двери. Стоило ее открыть, как снова потянуло дымом.

На этот раз горел дом. Пожар вспыхнул в жилой комнате. Через окна было видно, как в огне мечутся темные человеческие фигуры. Герду охватил ужас. Они ведь могут погибнуть, сгореть заживо!

Финист медлить не стал: сразу бросился к двери, высадил ее плечом и вошел за порог. Закрываясь от дыма плащом, он подобрался к ближним фигурам — двум малышам, которые плакали и звали маму, подхватил их на руки и вынес из дома, потом побежал за остальными. Пламя разгоралось все сильнее и охватило уже весь дом. Начали сбегаться соседи. Расталкивая их в стороны, к своему двору пробирался Эспен, который отлучился в лес за дровами, что-то кричал, но его голос тонул в шуме толпы и треске огня.

Через мгновение, которое показалось Герде вечностью, Финист снова появился на пороге с Илзе на руках, следом бежал перепачканный в саже Вожык и нес своего брата-грудничка.

Как только они вышли, крыша обрушилась. Пламя пожирало дом без остатка.

— Пустите меня! — истошно закричала Илзе. Едва опомнившись от шока, вырвалась из рук Финиста и бросилась отбирать у Вожыка малыша. — Не смей к нему прикасаться, пойдешь прочь!

Мальчик в ужасе отшатнулся от мачехи. Его колотило от страха.

— Илзе, Вожык, что случилось? — растерянно спрашивал подросший к своим домочадцам Эспен. Младшие сыновья прижались к нему с обеих сторон.

— Ты еще спрашиваешь? — напустилась на него жена. — Этот демоненок поджег дом. Поджег без огня и углей, одним взглядом. Не человек он, демон, подкидьши!

— Ты, верно, не в себе. Не мог он этого сделать, — попытался заступиться за сына Эспен, но как-то не слишком уверенно. — Вожык, ты что скажешь?

— Я не знаю, я не... — заикался мальчик. Было видно, что он напуган не меньше Илзе. — Я был на кухне. Мачеха велела подать воды, а потом заругала, что я нес слишком медленно. Я разволновался и упал. Вода разлилась. Мачеха начала кричать, а потом... Я не понимаю, как это произошло. Все просто вспыхнуло.

— Да ты на его руки посмотри! — перебила его Илзе. Эспен внимательно присмотрелся к ладоням сына. В нескольких местах на них надулись здоровенные волдыри от ожогов.

— Слышите все, демоненок он! Со свету нас сжить решил, а мужу своими чарами голову задурил. Спасите, люди добрые, не позволяйте под сенью Единого кровь невинную проливать, — на этот раз Илзе решила обратиться к толпе, и та взволнованно загудела.

— К священнику надо его вести. Он скажет, что делать, — закричал кто-то. Остальные поддержали его громкими возгласами. Илзе схватила пасынка за руку и решительно потащила к церкви в сопровождении толпы.

— Стойте! Что вы делаете? — кричал вслед Эспен, но помешать уже не мог.

Герда даже не заметила, как к ним присоединились Ждан, Дугава и Майли и теперь все вместе заворуженно смотрели на удаляющихся людей.

— Спасите его, умоляю! — Эспен вцепился в ворот плаща Финиста.

— Как? — предводитель изо всех сил пытался вырваться из цепких рук лесоруба. — Я не могу пойти против целого города! Попробуйте с ними договориться, может, доводы разума заставят их остудить свой пыл. В конце концов, это ребенок. Должна же в них быть хоть капля жалости.

Эспен обреченно кивнул и поспешил к церкви.

— Живей, собираем вещи и уходим отсюда, — скомандовал Финист, как только хозяин

скрылся из виду.

— Ты, правда, думаешь, что ему удастся разжалобить этих людей? — недоверчиво спросила Герда.

— Вряд ли. Я это сказал, чтобы он от меня отстал. Идем быстрее, пока не вернулся.

Их уже все ждали. Финист схватил Герду за руку и попытался тащить, но она вырвалась.

— Я не уйду без Вожыка, — решительно сказала она и побежала к церкви.

— За что мне все это?! — простонал Финист.

Священник вышел на порог церкви раньше, чем толпа успела до нее добраться, и испуганно-обреченно смотрел на Илзе с пасынком. Он был обычным семинаристом, которому самому пришлось искать себе приход в самой неблагоприятной для этого стране. К Защитникам Паствы и их судам над колдунами и ведьмами священник не имел никакого отношения и надеялся, что его минет обязанность на них присутствовать и уж тем более самому выносить обвинительный приговор.

Священник знал этого мальчика. Не было в нем ничего злого или порочного, ничего из того, в чем пыталась обвинить его стоявшая перед церковью женщина. Священник прекрасно понимал ее. Голод и нужда часто ожесточали людские сердца. Наверняка, Илзе просто хотела, чтобы кусок хлеба, который ее муж отдавал этому мальчику, разделили между собой ее дети. Вот и пыталась избавиться от пасынка всеми возможными способами. Священник не удивился, если бы выяснилось, что поджог устроила Илзе, а вовсе не мальчик.

— Спалить демоненка на костре! — толпа жаждала крови.

— Да он сам огонь вызывает — не страшен ему костер.

— Значит, в полынье утопить. Что скажешь, священник?

Он испуганно сглотнул:

— Я не властен выносить такие приговоры. Только Защитники Паствы могут определить, колдун мальчишка или нет. Если хотите, я могу отправить письмо в магистериум Защитников Паствы Веломовии, но придется долго ждать, прежде чем...

— Ууу, — заулюлюкала толпа. — Не надо нам никаких Голубых Капюшонов. Не приведи Единый, они еще и наших деток с собой заберут, как это в Выборге было. Разве мы сами с демоненком не управимся?!

— Остановитесь, изверги! — закричал подоспевший Эспен. — Что вы творите? Вожык не демон. Вы же столько лет жили рядом и видели, что он никогда и никому вреда не причинял.

— А вдруг у него демоническая сущность с возрастом просыпаться начала?

— А вдруг он раньше нам глаза отводил и мы ничего не замечали? Вон у Волеха на прошлой неделе здоровый младенец дышать перестал и умер — может, это он ее дыхание забрал? Или вон у Римши на той неделе корова пала. Так вполне вероятно, что это демоненок порчу наслал.

Илзе уже и сама не рада была, что подняла такую бурю. Люди начали вспоминать все свои большие и мелкие беды и обвинять в них несчастного Вожыка. Даже неурожай и голод, выяснилось, мальчик наслал. Умом женщина понимала, что они просто нашли козла отпущения, но в глубине души зародилось сомнение: «А вдруг что-то есть в людской молве?»

Вдруг демоненок не только поджоги устраивать может? Ой, нехорошо будет, если мстить начнет».

— Да зачаровал Эспена мальчишка! — неожиданно подала голос Илзе. — Наверняка, и жены другой у него никогда не было, а ребенка демоны всучили. Никто ведь ее, эту его жену, не видел.

— Какая глупость! — вскричал Эспен, теряя терпение. — Мы в другом городе жили, а после ее смерти переехали, потому что вспоминать больно стало.

— Откуда нам знать, что это не морок был? — крикнули из толпы.

— Как вы не видите, что городите полную чушь и из-за нее, из-за этой чуши, ребенка невинного хотите жизни лишить. Единый, ваш любимый милостивый Единый никогда такого греха не простит. Остановитесь, прошу, отдайте мне сына. Мы уйдем из города, и вы больше нас никогда не увидите.

— А как же я и наши дети? — возмутилась Илзе.

— Нет, Эспен, мы не можем этого позволить. Твоя семья и так без крова осталась, не хватало, чтобы они еще и кормильца потеряли. Убьем демоненка, и морок спадет. Тебе легче станет, с женой помиришься, дом отстроишь и счастливо заживете.

— Нет! — закричал Эспен и попытался вырвать у них ребенка, но толпа оттолкнула его.

— Сделайте что-нибудь! — обратился он к священнику, но тот в бессилии развел руками. Горожане потащили Вожыка к озеру. В это время к церкви подбежали давешние таинственные путники.

— Где он? Я готова его забрать! — выпалила Герда, хватая Эспена за руку.

— Его к озеру повели. Утопить хотят, — обреченно ответил он. — Послушайте, я скажу вам правду, только спасите моего мальчика. Его мать... она из рода Стражей была, да-да, тех самых древних Стражей, что до Единого нас от демонов защищали. Хорошо защищали, себя не щадя и не обирая людей до последней нитки, — Эспен выразительно посмотрел на священника. — У них был особый дар — огонь вызывать. И у моей жены он был, правда, слабый. Но даже так, она очень им гордилась и надеялась, что наш сын тоже его унаследует. Когда на наш город напали демоны, она вместе со своей семьей выступила против них, спасла нас, но сама погибла. Тогда я поклялся на ее могиле, что позабочусь о Вожыке, но подвел ее.

— Финист, если этот мальчик обладает даром Стража... — вкрадчиво начала Герда, надеясь, что нашла ту причину, которая заставит его действовать.

— Он пирокинетик. Это самый опасный дар. Я с ним не справлюсь, — шепотом, чтобы посторонние не слышали, попытался вразумить ее Финист.

— Если вы действительно староверы, то обязаны чтить Стражей и помогать таким, как мой сын. Спасите его, умоляю! — Эспен опустился на колени. Глаза Финиста округлились. — Исполните просьбу отца, который не хочет видеть, как гибнет его плоть и кровь.

Герда заметила, как сжались кулаки Финиста. Быть может, когда его отец уходил на войну, он вот также просил престарелых родителей позаботиться о своем сыне. Оборотень громко выдохнул и решительно произнес:

— Я сделаю это. Эспен, принесите теплую одежду. Дугава, Ждан, вы поможете мне отвлечь толпу. Майли, заберешь ребенка, — начал отдавать распоряжения Финист.

— А что мне делать? — спросила Герда.

— Собрать лошадей и ждать нас здесь, — коротко бросил он.

— Но я тоже могу помочь.

— Не надо.

— Но...

— Прошу тебя, хоть один раз в жизни просто подожди нас с лошадьми! — Финист повысил голос, показывая, что возражений не потерпит. Герда насупилась и пошла к коновязи.

Финист с остальными двинулся к озеру, попутно рассказывая им план. Когда он на глазах у толпы обернется соколом, Ждан должен будет незаметно левитировать Вожыка из воды к Майли, в то время как Дугава создаст иллюзию того, что мальчик утонул. Если все пройдет удачно, то им удастся спасти ребенка без драки, а драться против такого количества людей было бы самоубийством.

Они подобрались к озеру со стороны леса, скрываясь за деревьями. Ждан с Дугавой накинули капюшоны, и девушка наложила на них иллюзии, чтобы люди принимали их за своих и не обращали внимания. Так они смогли бы беспрепятственно подобраться поближе к Вожыку.

— Выступаем, — отдавал последние распоряжения Финист. — Майли, как только мальчик будет у тебя, беги к Герде, и уходите из города. Мы вас догоним.

Женщины связали Вожыка и неусыпно сторожили, пока мужчины топорами прорубали полынью в толстой корке льда. Люди громко переговаривались — над озером стоял гомон голосов. К тому времени, как Ждан с Дугавой влились в толпу и начали пробираться к мальчику, полынья уже была готова. Вожыка подняли и принялись толкать в спину к воде. Когда до полыньи оставался всего шаг, из-за деревьев показался Финист. Вид у него был крайне свирепый. Черты лица заметно заострились, зрачок в желтых глазах стал вертикальным, плащ за спиной развевался, словно гигантские крылья.

— Отпустите ребенка, — голос Финиста струной зазвенел в повисшей над озером гробовой тишине.

— С чего это? — преодолев оцепенение, спросил самый смелый из толпы.

— Иначе на всех вас ляжет страшное проклятие, — отвечал он, для пущего эффекта повторяя пафосные речи Петраса, которые в свое время так напугали их в Будескайске. — Слышали про злых колдунов? Так вот, я самый худший из них.

Люди испуганно ахнули. Финист распростер руки и на глазах у изумленной толпы обратился в птицу. Сокол понесся над горожанами, пронзительно крича, норовя царапнуть зазевавшихся когтями. Люди запаниковали. Началась суматоха. Кто-то из мужчин все-таки толкнул Вожыка в полынью. Дугава и Ждан бегом прорывались к нему, на ходу пытаясь сосредоточиться на барахтающейся фигурке мальчика, первая, чтобы скопировать его, второй, чтобы достать из воды. Левитировать других людей Ждану еще не приходилось. Мало того, что Вожык в промокшей одежде весил очень много, к тому же он ни на мгновение не переставал двигаться, и у Ждана не получалось на него настроиться.

— Давай же, я в тебя верю! — попыталась подбодрить его Дугава.

— У Герды это лучше получалось, — пожаловался он. По лбу градом катился пот. — Почему Финист не разрешил ей пойти с нами?

— Какая сейчас разница? Сосредоточься на деле! — Ждан вздохнул, поднатужился и выловил Вожыка из воды. Мальчик по воздуху понесся в сторону леса. Ждан чуть не упал в полынью от усталости. Дугава быстро оттолкнула его в сторону и соткала из воды иллюзию. Получилось вполне сносно. Увидев, что дело сделано, Финист поднялся высоко в воздух. Толпа снова обратила взоры на Вожыка. Мальчик тут же перестал барахтаться и ушел под

Когда Вожык оказался в безопасности за деревьями, он уже успел полностью продрогнуть.

— Не бойся, мальчик. Дай мне руку, — стараясь быть как можно более ласковой, обратилась к нему Майли.

Пирокинетик ее пугал. К способностям остальных у нее было время привыкнуть, но этот мальчик... он вызывал в Майли смутное беспокойство, которое она никак не могла унять. Она тоже его жалела. И вместе с тем немного завидовала, ведь Эспен так старался его защитить, хотя сам даром не обладал. Почему ее отец не был таким? Почему желал ее убить, хотя она во всем была ему послушной и любила больше всех? И все-таки предала его, разрушила все планы и убила, чтобы остаться совершенно одной. Может, ей действительно стоило тогда умереть? Не мучилась бы сейчас от этой дурацкой любви к человеку, который ее не ценит, не тащилась бы на край света голодная и холодная, не рисковала собой, чтобы спасти совершенно чужого ребенка, который к тому же ее пугает.

Вожык недоверчиво протянул к Майли связанные руки. Она коснулась их, чтобы развязать, и тут перед ней возникли странные полупрозрачные фигуры. Их было четверо: двое молодых парней с непослушными торчащими во все стороны, словно иглы ежа, волосами, мужчина постарше и женщина с большими печальными глазами. Они окружали мальчика, внимательно вглядываясь в какую-то точку позади Майли. Она обернулась — рядом стояла закутанная в плащ фигура с косой в костлявой руке и громадными перепончатыми крыльями за спиной. Неизвестный вдыхал воздух со свистом, и со свистом же выдыхал. Под капюшоном зеленым светом горели мертвецкие глаза. "Смерть, это же сама смерть! Она пришла за мной! Я сама ее призвала!" — неожиданно догадалась Майли. Глаза расширились от ужаса, и из горла вырвался громкий безудержный крик.

И без того перепуганный Вожык вжался спиной в дерево и задрожал, как осиновый лист. Воздух вокруг него накалился, а снег под ногами оплавился. Словно в трансе мальчик закрыл глаза и сомкнул руки на груди. Прямо перед ним вспыхнул гигантский клуб пламени, опаливая верхушки сосен.

Эспен внимательно наблюдал, как Герда седлает лошадей, словно хотел что-то спросить, но не решался, поэтому она взяла инициативу в свои руки, тем более у нее тоже назрел один животрепещущий вопрос:

— Священник нас не выдаст?

— Не думаю. В веломовский епископат весточки долго идут, а уж когда ответ с подмогой воротится, вообще сказать сложно. Да и новую войну никто затевать не хочет, поэтому вряд ли сюда смогут Защитников Паствы прислать. А к горожанам на озеро не побежит, потому что те начнут требовать, чтобы он сам над вами суд Единого вершил. Ну а священник, чай, не глупый малый, понимает, что с вашим предводителем ему в жизни не

справиться.

— Неужели Финист выглядит таким страшным? — удивилась Герда.

— В нем сила чувствуется, как в Вожыке. Ее-то все и боятся.

— Тоже мне сила, девок по кустам тискать, — послышался откуда-то сбоку язвительный голосок. Шквал пребывал в необычно бодром расположении духа. Такая перемена не могла не радовать.

— Ты не прав. Финист многое для нас делает. Вон как выдохся, бедненький. Жаль, что я раньше не замечала, как ему тяжело, — ответила Герда шепотом, чтобы Эспен не услышал, но тот все равно начал странно на нее коситься.

— Думаете, ему удастся спасти моего сына? — задал мужчина мучивший его вопрос.

— Конечно. Финист если что пообещал, обязательно выполнит, — заверила его Герда, а потом в сторону добавила: — Но со мной им бы было легче.

— Если хочешь знать, оставить тебя здесь — самая умная мысль этого идиота за все путешествие, — осадил ее кот. Герда хотела возразить, но тут над лесом что-то вспыхнуло.

— Вожык! — одновременно воскликнули Герда и Эспен.

Она вскочила в седло своей кобылы, крикнула отцу мальчика присмотреть за остальными лошадьми и поскакала в сторону горящих деревьев.

Толпа только-только успокоилась, поверив, что причина всех их несчастий сгинула, как вдруг в лесу что-то ярко полыхнуло.

— Он нас обманул! Морок насрал, а сам в лесу спрятался. Вперед за ним! — закричали в толпе.

Дугава со Жданом испуганно переглянулись. Как раз в том месте, где горело, пряталась Майли с Вожыком. Что могло случиться?

Толпа, ошестившись вилами, двинулась к лесу. Заметив дым и суматоху внизу, Финист спикировал с вышины, на которой кружил в ожидании, когда все уйдут, и снова обернулся человеком. Толпа тут же замерла, разглядывая нагого колдуна со смесью удивления, ужаса и стыдливости.

— Да что же вы, мужика никогда голого не видели?! — заорал кто-то из людей. Остальные его поддержали и угрожающе пошли на Финиста. Набрав в легкие побольше воздуха, он завыл по-волчьи так громко, как только мог. Из леса тут же начали отзываться на разные голоса настоящие волки. Перед озером за считанные минуты собралась целая стая матерых голодных зверей, так и сверкавших желтыми глазами на испуганно замерших людишек. Финист зловеще усмехнулся:

— Я же сказал, я самый худший.

Он указал рукой на толпу и волки бросились в атаку. Забыв про демоненка, дым, и даже про колдуна, горожане в ужасе кинулись врассыпную, спасаясь от кровожадных тварей, зловеще щелкавших челюстями у самых ног. Лишь Дугаву со Жданом волки обошли стороной. Как только толпа разбежалась, они поспешили к Финисту. Он на ходу натягивал на себя одежду. Теперь нужно было спасать Майли от Вожыка.

Герда нашла их очень быстро. Яшка сама принесла ее в то место, откуда валил дым. Майли стояла посреди обгоревшей поляны, заламывая руки и безумно повторяя: "Смерть, за мной пришла смерть!" Вожык, испугано глядя на нее, вжимался спиной в дымившийся ствол дерева и зачем-то медленно сводил ладони, словно собирая в них энергию.

— Сейчас рванет! — предупредил кот. — Не дай его пальцам соприкоснуться.

Она подбежала к Вожыку и с силой развела его руки в стороны, а потом хорошенько встряхнула за плечи.

— Вожык, миленький, все хорошо, ты в безопасности, — шептала Герда, прижимая мальчика к себе. — Ты поедешь с нами, и тебя больше никто не обидит.

Вожык доверчиво обнял ее и расплакался, причитая: «Мама, мама, мамочка!». Горячие ладони постепенно остывали, а взгляд начал обретать былую ясность.

— Она говорит, что здесь смерть, — придя в себя, Вожык указал на колотившуюся в припадке Майли. Герда отпустила мальчика и подошла к ней.

— Смерть, смерть, смерть! — как заведенная повторяла наследница.

— Тише, — Герда попыталась действовать с ней так же, как с Вожыком. — Ты, верно, опять привидение увидела. Но оно не может причинить тебе вреда.

— Смерть, смерть, я вижу смерть! — не унималась Майли. Герда протянула к ней руку и тут же поняла, что происходит. Возле Вожыка толпились очень похожие на него самого привидения. Видно, сам родовой дух призвал их на защиту мальчика. Следом явился Жнец, тот самый крылатый скелет с косой, про которого часто любили старики рассказывать. Наверное, Вожык действительно был на волосок от смерти. Но опасность миновала, а Жнец почему-то уходить не торопился. И тут Герда догадалась:

— Успокойся, ты сама его держишь. Отпусти!

— Не могу, он меня не слушает, — простонала Майли.

— Уходи, — Герда замахала свободной рукой. — Шу-шу! Брысь!

Тот не сдвинулся с места. Она опустилась на корточки, набрала в ладонь снега, слепила из него маленький комочек и запустила в Жнеца.

— Уйди же ты, окаянный! — закричала она, и скелет в плаще, наконец, растаял. Вместе с ним исчезли и привидения. Земля вдруг ушла у нее из-под ног. Понадобилось огромное усилие воли, чтобы удержать себя в сознании.

— Майли, Вожык, вы живы? — послышался голос Финиста. Герда облегченно вздохнула. Он пришел со стороны озера вместе с Дугавой и Жданом. Все оказались целы и невредимы.

— Герда, я же просил подождать нас с лошадьми, — Финист недовольно уставился на нее.

— Я просто хотела проверить, все ли в порядке. Я ничего не делала, — начала оправдываться она.

— Да, конечно, — скептически ответил он и подал ей платок. — У тебя кровь из носа идет, не заметила?

Вшестером они вернулись к Эспену, чтобы забрать лошадей и вещи.

— Пап, разве ты с нами не едешь? — удивился Вожык, когда понял, что тот никуда не собирается.

— Мое место с Илзе и твоими братьями. Я не могу их бросить, — грустно ответил Эспен. — Но я всегда буду думать о тебе.

Мальчик обнял отца напоследок. Герда усадила Вожыка на лошадь перед собой, и, бросив на Эспена последний прощальный взгляд, путники поехали вперед к заходящему солнцу.

Глава 16. В преддверии конца

Путешествие по Лапии проходило куда спокойней, чем по Кундии. В городах им с удовольствием предоставляли кров и пищу, и не интересовались, кто они, откуда и куда идут. Видно, бродяг здесь было много: беглых, изгоев, тех, кого не принимали другие менее суровые страны. Люди привыкли, что на их расспросы отвечают скупой, а то и вовсе отмалчиваются, поэтому никогда не настаивали. Мало ли какие могут быть причины?

Дышалось здесь тоже свободней. Преследования опасаться больше не приходилось. Дар можно было использовать открыто и переговариваться в полный голос, не боясь, что услышит кто-то посторонний и донесет. Финист взял за правило на рассвете обращаться в сокола и летать до завтрака. После этого он возвращался посвежевший и повеселевший, словно полет придавал ему сил. Благодаря этому он все-таки заставил себя посетить голубиную станцию, последнюю до самой Упсалы.

Стояла ясная сухая погода, поэтому они ночевали в небольшом леске на отроге гор, а не в городе. Разожгли костер, приготовили еду, разлили ее по мискам, расселись кругом и начали ужинать, по-дружески шутя и подтрунивая друг над другом. Именно тогда вернулся Финист мрачный, словно грозная туча.

— Отчитали? — сочувственно спросила Герда. Походы на голубиные станции Финиста никогда не воодушевляли, но на этот раз он выглядел таким встревоженным, что списать это на обычное раздражение порядками Компании не удавалось.

— И это тоже, — в руке Финист сжимал письмо. Должно быть, его обеспокоило именно оно. — Сообщили, что испытывать Ждана с Дугавой будет главный инспектор Лапии, некто Николая дю Комрой.

— Это плохо? — вслед за ним заволновался Ждан.

— Не то слово. Судя по имени, это норикийский ставленник, да еще и должность внушительная. Наверняка, сынишка влиятельных родителей. Очередной сноб и буквоед на мою голову. В Компании недовольны тем, что я опоздал. Посмотрим, что они запоют, когда узнают, что я притащил на хвосте кучу необученных с опасными способностями.

Герда виновато опустила глаза. Из-за нее Финисту пришлось взять с собой Майли и Вожыка, но их жизням угрожала смертельная опасность. В Компании должны понять.

— А какой у него дар? — любопытствовала Герда, чтобы перевести разговор в более мирное русло.

— Сам хотел бы знать. Удалось только выяснить, что его называют Охотником на демонов, — мрачно ответил Финист.

Герда вырвала у него письмо и пробежалась глазами по строчкам. На имени остановилась и несколько раз перечитала. Оно было странно похожим на имя ее Охотника, но все-таки другим. Нет, это просто совпадение, она хватается за соломинку. Герда вернула опешившему Финисту бумагу и села обратно, ничего не сказав.

— Охотник на демонов — это разве плохо? — осторожно спросила Дугава.

— Ничего хорошего, уж точно, — Финист хмурился и презрительно кривил рот. — Называют себя наследниками Стражей, а на самом деле они еще хуже рыцарей. Те хотя бы верят в то, что делают. А Охотники сплошь шарлатаны и обманщики. Обирают города до нитки, чтобы спасти их от демонов, которых сами придумывают. А потом во всех кабаках рассказывают о своих «славных подвигах» такие небылицы, что уши вянут.

— Я встречала Охотника, — не выдержав, оборвала его Герда. — И он был настоящим наследником Стражей. Он спас меня от Ужиного короля и вернул домой. А потом сражался с Ловцом желаний и избавил от него наш город.

— Сколько тебе лет тогда было? — снисходительно усмехнулся Финист.

— Восемь, — тихо ответила она. — Но я все помню, как будто это было вчера.

— Он просто тебя очаровал. Они так часто делают, чтобы доверие завоевать. Ты увидела змею, он ее зарубил — славный подвиг — а тебе рассказал сказочку про Ужиного короля.

— Все было совсем не так! — горячо возразила Герда. — Он самый честный и благородный человек на свете, он никогда бы так не поступил!

— А потом пришел в город и заявил, что там какой-то Ловец желаний обосновался, — Финист продолжал глумиться, стараясь развеять ее наивные представления об охотниках. — И его срочно надо убить, иначе ваш город будет стерт с лица земли. Потом ночью один пошел на какой-нибудь пустырь, оставил там следы неистовой битвы, а на утро вернулся с рассказом об очередном подвиге, показывая всем им самим сделанный шрам, как главное доказательство победы над демоном.

— Ты ничего о нем не знаешь, — голос Герды дрожал, переполняясь эмоциями, которые она давно в себе подавляла. Она злилась и одновременно мучилась от сомнений, которые порождали слова Финиста. — Тебя там не было. А я видела, как он чуть не погиб, защищая наш город... и меня.

— Ты с таким трепетом говоришь об этом Охотнике, — подала голос Майли и хитро глянула на Финиста. — Верно, он тот самый. Тот, кто дал тебе брошь, которую ты постоянно теребишь!

— Герда, только не говори, что ты влюблена в человека, которого видела один раз в жизни и совсем не знаешь!

Майли усмехнулась. Взгляд Финиста стал совсем бешеным. Ждан со всей силы пихал его в бок, Дугава испуганно приложила руки ко рту, даже Вожык бросал на него ошалелые взгляды, но оборотень, ничего не замечая, продолжал говорить обидные слова, словно желая острой палкой разбередить и без того незаживающую рану на душе Герды.

— Ты выдумала романтического героя, которого на самом деле никогда не было, а был лишь шарлатан, подделка.

— Неправда. Он настоящий. Слышишь, настоящий! — голос Герды совался на крик. Она не могла больше этого выносить — подскочила и побежала прочь.

— Болван! — Ждан стукнул по Финиста голове. — Ты же ее до слез довел.

— Я сказал правду. И чем быстрее она это поймет, тем лучше для нее, — ответил тот, потирая ушибленное место.

Остальные промолчали, не желая спорить, потому что Финист выглядел так, словно готов кинуться на любого, кто скажет хоть слово поперек.

Дугава подошла к Герде, которая стояла в дальнем углу поляны.

— Не слушай его. Ждан прав. Финист болван и не понимает, — она старательно подбирала слова, чтобы как-то ободрить, успокоить. Но Герда продолжала всхлипывать, не обращая внимания. — А где сейчас этот Охотник?

Она повела плечами и отвернулась:

— Несколько лет назад ходили слухи, что он сражался с каким-то жутким демоном в Нурикии и... погиб.

— Да, люди с таким ремеслом долго не живут, — не подумав, ляпнула Дугава, но тут же спохватилась: — Прости! Я такая дура, еще хуже Финиста.

Она обняла Герду и начала приговаривать:

— Я тебе верю. Верю, что он был настоящим героем.

— И мы верим. Нам тоже полагаются обнимашки? — весело спросил Ждан, который вместе с Вожыком незаметно подкрался к девушкам. Герда не смогла сдержать улыбку. Девушки дружно рассмеялись и тепло обняли Ждана с Вожыком.

После ссоры Герда с Финистом практически не разговаривала. Она все больше уходила в себя, читая дневник, найденный в Будескайске. Удивительно, но в нем описывался тот же путь, который она проделывала из Дрисвят на дальний север в самый Хельхейм. По записям удалось узнать, что Лайсве происходила из древнего и очень знатного рода Стражей, которому принадлежало много земель в Белоземье, небольшом княжестве, странно напоминавшем родину Герды. Более того, Лайсве действительно знала Петраса — он был ее кузеном по матери и с детства неровно к ней дышал. Лайсве этого очень тяготилась.

Как-то Герда спросила об этом у Майли, но та лишь пожала плечами. Петрас не любил распространяться о своей семье. Это было ожидаемо, ведь в глазах единоверцев они были преступниками, но в монастыре настоятель упоминал, что Верховный Магистр Защитников Паствы состоял с милордом Кшимска в дальнем родстве и проявлял особый интерес к судьбе его семьи. Герда нервно сглотнула, представляя, что будет, когда Верховный Магистр узнает, как погиб Петрас.

Майли побежала искать успокоения у Финиста, но тот, выслушав ее рассказ, лишь нахмурился:

— Помню, как дома старики шептались, что приговор моим родителям в Стольном выносил сам Верховный Магистр. Во время казни отец сказал ему что-то дерзкое, и тот едва не задушил его на глазах у народа. Даже если это лишь пустые сплетни, злить Голубых Капюшонов лишний раз не следует, тем более так. Хорошо, что мы смогли уйти от преследования и добраться до вольных городов Лапии, но прятаться лучше в Дюарле, столице Норикии, в главном штабе Компании. Думаю, именно туда вас направят после экзамена.

— Еще дорога? — скривился Ждан.

Дугава наоборот неожиданно преободрилась и воодушевилась:

— А мне бы хотелось попасть в Дюарлийский дворец. Там такие шикарные балы проводят!

Герда понурилась. Ее-то никто в Дюарль точно не возьмет. Да и что ей делать среди разодетых знатных особ?

Она спряталась ото всех за разлапистой елью и продолжила изучать дневник. Лайсве много писала о своем отце, причем очень неоднозначно, вроде с уважением, но без особой нежности. Он был очень честолюбив и думал только о том, как бы повыгодней выдать дочку замуж, чтобы увеличить свое состояние. А Лайсве роль товара совершенно не устраивала. Она тоже мечтала о дальних странствиях и судьбе Стражей. В шестнадцать лет ее брата-близнеца отправили на Охоту в Хельхейм — испытание, пройдя которое человек с даром мог получить звание истинного Стража Мидгарда. Лайсве всегда была с братом очень близка и не смогла упустить такую возможность: увязалась следом. Герда со своими друзьями путешествовала по их следам — шаг в шаг. Совпадали даже места ночевки.

Герда успела прочитать совсем чуть-чуть, потому что рядом что-то ярко вспыхнуло и

послышался треск пламени.

— Вожык! — подскочила она и побежала к месту, где начался пожар. Рядом с горящим бревном стоял мальчик и, глотая слезы, дул на обожженную руку.

— Что случилось? — спросила Герда.

— Не знаю, я просто... я не понимаю, почему огонь меня так ненавидит, — заплаканным голосом отвечал он.

— Ничего, я сейчас все потушу, а ты засунь руку в снег — так она быстрее пройдет. Потом мы ее мазью намажем, чтобы не болела, — успокаивала Герда.

Финист с ним не занимался. Их предводитель учил Дугаву со Жданом, даже Майли что-то показывал, несмотря на постоянные ссоры и истерики. Но мальчика Финист старательно избегал — давал ему мелкие поручения по хозяйству, но на этом все заканчивалось. Дугава со Жданом тоже смотрели на Вожыка с подозрением, а Майли вообще не скрывала неприязни. Герде это очень не нравилось. Мальчик продолжал чувствовать себя изгоем даже в обществе таких же, как он. Она не понимала, почему остальные его боятся. Несмотря на неконтролируемые вспышки, Вожык был хорошим, добрым мальчиком и никому не желал дурного. Почему остальные этого не понимают? И почему Финист спустя рукава относится к его обучению?

Ответ на последний вопрос мог дать только сам Финист. И ради мальчика Герда решила к нему обратиться.

— Вожык снова обжегся. Почему ты не хочешь ему помочь? — в лоб спросила она, подловив оборотня, когда он в одиночестве чистил седла.

— Я не «не хочу», а не могу, — тяжело вздохнув, ответил тот. — Я еще в Фаскенхёгсдаале говорил, у меня нет на него ни времени, ни сил.

— Я могла бы помочь: взять на себя всю работу, которая не касается обучения. Сделай хотя бы так, чтобы он не обжигал себя.

— Я работаю руками, чтобы снять напряжение. У меня уже голова взрывается от Майли. Я не знаю, что делать с ее постоянными истериками. Когда я с ней занимаюсь, такое чувство, что разговариваю со стенкой. И как бы я ни пытался прошибить ее своей головой, ничего не выходит. А Вожык... пирокинез — очень сложный и опасный дар. Пирокинетики, особенно необученные, живут очень мало — дар выжигает их изнутри, если его не контролировать. А контроль научиться очень непросто. Нужна строгая дисциплина, изнурительные тренировки, полная внутренняя концентрация и спокойствие. Научить этому десятилетнего ребенка практически невозможно. Я мог бы попытаться, если бы он был у меня один, и не было этой дороги, и я сам не умирал от усталости. И все равно, боюсь, потерпел бы неудачу. Для Вожыка я самый плохой учитель. Огненный дар прямая противоположность земляному. Видела, как Майли его боится? Контролируй я свои инстинкты чуть хуже, испытывал бы то же самое. Я не смогу ему помочь.

Герда понурилась.

— А учитель с каким даром ему подойдет? — задумчиво спросила она.

— С дарами ветра: телекинезом или телепатией. Но после войны люди с такими способностями встречаются редко даже в Норикии и Лапии. По ним пришелся первый удар единоверцев, и мало кто сумел спастись.

— А левитация Ждана? Это ведь тоже дар ветра.

— Левитация очень ограничена. Боюсь, Ждан не обладает даже тенью мощи, которая была у истинных телекинетиков. К тому же он только-только начал познавать себя. Пройдет

еще очень много времени, прежде чем он сможет кого-то обучать.

— Что же делать? — сокрушенно сказала Герда.

— Молиться. Кажется, у вас с Майли хорошо получается, — Финист попытался сострить, но вышло совсем гадко. Он осекся и отвел взгляд. Молча о чем-то размышлял несколько мгновений, а потом достал из кармана пучок сухой травы: — Вот, добавляй ему в питье.

Герда принялась.

— Болиголов? Откуда он у тебя?! — и тут она поняла. — Только не говори, что ты даешь его Майли. Он же ужасно ядовитый!

— У тебя есть другой способ подавить ее припадки?

Герда покачала головой.

— Если мы не будем держать их в полусонном состоянии, то рискуем не успеть добраться до Упсалы.

— И что будет? — испуганно спросила Герда, не уверенная, что хочет знать ответ.

— Катастрофа, которая может погубить нас всех.

Герда передернула плечами, прижала пучок травы к груди и пошла обратно к Вожыку. Финист еще долго смотрел ей в спину.

Было очень совестно подсыпать в питье мальчика болиголов. Ведь, по сути, она медленно его травила и делала это совершенно осознанно. Должен найтись другой способ. Поэтому Герда все-таки обратилась к Ждану. Каким бы слабым даром ветра он ни обладал, хоть что-то да мог подсказать. Вопрос Герды застал левитатора врасплох:

— Сомневаюсь, что смогу посоветовать что-то дельное. Я не слишком прилежный ученик, а учитель, наверное, и того хуже.

— Хоть рассказать, как твой дар работает, можешь?

Ждан почесал затылок, переводя взгляд с решительного лица Герды на усталое и осунувшееся Вожыка, которого она привела с собой.

— Мой дар начинает работать, когда я испытываю сильные эмоции — страх, ярость, боль. Потом я руками перенаправляю их в потоки энергии. Они превращаются в ветер, с помощью которого я левитирую, — Ждан продемонстрировал все это на небольшом чурбаке, который как раз лежал неподалеку. Он поднялся в воздух, принял вертикальное положение и стоймя опустился на землю. Вожык в восторге захлопал.

— Рано радуетесь, — запоздало предупредил Ждан. Чурбак закачался и упал, чуть не задев всех троих — они едва-едва успели отскочить. — Вот за баланс и выдержку Финист всегда меня ругает.

— Заметно, — хмуро ответила Герда. — А твой дар никогда не выходит из-под контроля, как у Вожыка?

— Нет вроде. Я все равно ничего страшного сделать не могу, даже если контроль потеряю.

— А как не терять контроль? — продолжала допрос Герда. Вожык уже заметно зевал.

— Много тренироваться, физической работой заниматься, чтобы излишки энергии не скапливались. Еще надо поменьше волноваться по пустякам и быстро успокаиваться.

— Можешь этому научить? — оживилась Герда.

— Чему? — удивленно моргнул Ждан.

— Быстро успокаиваться.

— Могу попробовать, — пожал плечами он. — Для этого надо стать прямо и полностью расслабиться.

Герда подтолкнула Вожыка вперед, и тот нехотя выпрямился.

— А теперь сосредоточься на своем дыхании. Почувствуй, как грудь наполняется воздухом, а потом выталкивает его. Дыши как можно глубже. Старайся набирать так много воздуха, как получается. И выдыхай его постепенно, тоненькой струйкой, словно сипишь, когда на горло что-то давит.

Вожык закрыл глаза и пошатнулся. Герда тут же встряхнула его.

— Продолжай, — бросила она Ждану, изо всех сил стараясь привести мальчика в чувство.

— Собственно на этом все. Еще помогает думать о чем-нибудь хорошем и умиротворяющем. Я обычно думаю о печеной курочке с хрустящей корочкой, ну или о постели с мягкой периной и теплой грелкой.

Видя, что при слове «постель» Вожык снова заклевал носом, Герда решила, что на сегодня достаточно. Пускай мальчик отоспится, пока действие болиголова не пройдет, а завтра она сама займется его обучением, раз никто другой не соглашается.

Для начала они вместе отрабатывали показанную левитатором технику дыхания. Вожыку это показалось очень тяжелым и скучным. Он постоянно отвлекался, но благодаря настойчивости и терпению Герды — она не просто наблюдала, а выполняла упражнения вместе с ним — у него мало-помалу стало получаться. Вскоре Герда обнаружила, что в сидячем положении техника дыхания позволяет расслабиться гораздо быстрее. И они начали заниматься сидя.

А вот с умиротворяющим образом выходило куда сложнее. Вожык не мог придумать, что поможет настроиться на добрый лад. Неожиданно Герда поняла, что тоже испытывает с этим затруднения.

— Надо понять, когда ты чувствуешь себя спокойно и уверенно. Мне, к примеру, нравится читать, ездить верхом, гулять по лесу — тогда меня совершенно ничего не беспокоит и не волнует. А что нравится тебе?

Вожык пожал плечами. В голову ничего не шло — видно, последние события совсем его закрепили, а у Герды никак не получалось до него достучаться. Нужно говорить, пока не найдется заветный ключик, открыться самой, чтобы открылся он. Последнее стало испытанием. Ведь она все время только и делала, что от всех закрывалась.

— Может, тебе раньше что-то нравилось, было время в твоей жизни, когда ты чувствовал себя спокойным и счастливым? Хотя бы такое, от которого сохранились хорошие воспоминания.

— Как у тебя после встречи с Охотником? — неожиданно спросил мальчик. — Ты прямо светилась, когда про него говорила — все это заметили. Потом еще долго обсуждали, любишь ты его или нет.

Герда почувствовала, как начинает краснеть то ли от смущения, то ли от злости. Какого демона им понадобилось обсуждать ее чувства при ребенке? И вообще, какое им дело, кого она любит?

— Нет, я имела в виду родителей, — поспешила сменить тему Герда. — Я очень любила

своих родителей. Они всегда заботились обо мне, от всего защищали. Мне было хорошо с ними, спокойно. И хотя немного грустно вспоминать, потому что они умерли, и я даже могил их навестить не могу, но это светлая грусть. Она дает успокоение. Такие воспоминания у тебя есть?

Вожык задумался, а потом его лицо прояснилось, как будто на ум действительно пришло что-то хорошее.

— Мамины руки и голос. Странно, я не могу вспомнить ни ее лица, ни фигуры, ни одежды, а помню только руки, которые обнимали меня и гладили по голове. И голос, чистый и добрый, совсем как твой. Голос, который пел мне колыбельные, когда я не мог уснуть, который рассказывал сказки, когда мне было скучно. Голос, который до сих пор звучит во мне, стоит лишь прислушаться.

— Хорошо! Это именно то, что нам нужно, — обрадовалась Герда. — Обращайся к этому голосу каждый раз, когда тебе страшно, и все пройдет. Ты почувствуешь себя неуязвимым, потому что сильнее родительской любви во всем Мидгарде защиты нет.

Вожык слабо улыбнулся.

— Папа тоже меня любил, хотя не всегда показывал. Я помню, как прижался к его щеке на прощание, а она оказалась мокрой от слез. Ему было грустно меня отпускать, но я должен был уйти, потому что... — мальчик запнулся.

— Да, Вожык, говори, чего ты боишься.

— Огня, я боюсь своего дара. Да и не дар это вовсе, а проклятие. Вот у Жданг действительно дар — он удивительные вещи может делать, а меня все боятся. Я сам себя боюсь.

— Неправильно. Это как с лошадьми — их нельзя бояться, иначе они сразу поймут и не станут слушать. Чтобы научиться контролировать дар, ты должен перестать его бояться.

— Я не хочу. Я хочу, чтобы его не было, — упрямо отвечал Вожык.

— Но ведь это часть тебя, очень важная часть. Помнишь ту легенду про бога Вулкана? Так вот, я знаю ее продолжение.

Вожык подался вперед, ловя каждое слово.

— Когда Вулкан ушел из Подземного города и стал жить среди смертных, он женился на одной из них. От их союза родились дети с необыкновенным даром управлять огнем, который они использовали, чтобы бороться с демонами, самыми жуткими похождениями червоточин, которые крадут маленьких деток из колыбелек. И этот дар и его предназначение — защита невинных — передавался из поколения в поколение долгие века, пока не появился ты, Вожык.

— Я? — удивился мальчик.

— Да. Ведь ты потомок самого Вулкана, и должен использовать свой дар во благо. Но для этого нужно самую малость — перестать его бояться.

— Я попытаюсь, — тихо пообещал Вожык. — Но пусть он перестанет меня обжигать!

— Ты сам себя обжигаешь, — покачала головой Герда. — Возвращайся к остальным, я скоро приду.

Мальчик кивнул и побежал к лагерю. Герда повернулась к кустам. За ними явно кто-то прятался.

— Выходи, я знаю, что ты там, — позвала она.

Кусты зашелестели и, отряхивая снег, оттуда вышел Финист.

— Давно ты там стоял? — подозрительно спросила Герда.

— Достаточно, — он протяжно посмотрел на нее. — Красивая легенда. Где вычитала?

— Нигде, — пожалала плечами Герда. — Только что придумала.

— Странно, мне она почему-то показалась знакомой. Хотя с чего бы? У меня на родине нет ни гор, ни вулканов.

— Наверное, у вас не про Вулкана, а про какого-нибудь степного бога рассказывают. История-то совершенно обычная, такие по всему Мидгарду можно встретить, я уверена. Зато она хорошо на чувство долга давит, и значимость свою помогает осознать. Потомок бога — это ведь не просто так.

— Знаешь, из тебя бы вышел отличный учитель. Уж точно лучше меня, — грустно усмехнулся Финист.

— Вряд ли, у меня ведь даже дара нет. Чтобы кого-то чему-то научить, нужно на себе прочувствовать и понять. Все, на что я способна — это сказки рассказывать.

— Но с Вожыком ты за пару дней добилашь большего, чем я с Майли за все это время, несмотря на то, что болиголов ему давать перестала.

Герда опустила глаза:

— Я хочу попробовать другие способы. Нельзя опаивать его до бесконечности. Это ослабляет его и с даром справляться ничуть не помогает.

— Нам главное до Упсалы доехать, а как быть с пирокинетиком, пусть решает мастер-инспектор.

Герда совсем поникла.

— Скажи, что ты собираешься делать, когда закончится наше путешествие? — Финист взял ее за руки и посмотрел в глаза. Герда отвернулась.

— Еще не думала.

— Так давай придумаем вместе. Я собираюсь уйти из Компании — меня гнетет весь этот снобизм и высокомерие. Не хочу никому служить, мне нужна свобода — без нее я жить не смогу. Да и не думаю, что после всего меня станут удерживать. А вдвоем искать судьбу проще, чем одному.

— Финист! — со стороны лагеря к ним приближалась Майли. — Я сделала все, как ты сказал, но они не исчезли!

Финист закатил глаза, устало вздохнул и нехотя пошел к ней.

Через несколько дней выяснилось, что одной техники дыхания да хороших воспоминаний для того, чтобы держать пирокинез под контролем, недостаточно. Огонь рвался из Вожыка, словно застаивался внутри. Тогда Герда припомнила совет Ждана про физическую работу, которая должна поглотить лишнюю энергию, и решила научить Вожыка драться, хотя сама почти забыла, как махать палкой — Финист с ней практически не занимался в последнее время. Но для десятилетнего мальчика ее скудных знаний должно было хватить.

По утрам перед завтраком они совершали долгие пробежки вокруг лагеря, во время дневных стоянок выполняли упражнения, которые показывал Финист давным-давно, а вечером дрались на палках. Выходило не слишком хорошо — часто Герда ощущала, как ей не хватает опыта и ума, чтобы подсказать Вожыку даже самое необходимое. Самой хотелось, чтобы кто-нибудь помог, но Финист был слишком занят с учениками, а Шквал появлялся лишь ночью — молча ложился рядом и смотрел на нее, пока она засыпала.

С приближением середины зимы дорога, идущая по горным отрогам, стала совсем тяжелой. В день путники проходили гораздо меньше, чем планировал Финист, а срок

поджимал. Когда до Йольтайда оставался всего один день, они добрались до высокого горного хребта, который закрывал от них побережье Западного океана и конечную цель их путешествия — Упсалу. На то, чтобы перевалить через него, ушло бы не меньше недели. И еще день идти по плато до города. Начиналась метель с туманом. В горах в такую погоду могло случиться все, что угодно. Нужно было переждать у подножия.

Когда они разбивали лагерь, Финист раздраженно бродил взад-вперед, с ненавистью глядя на покрытую снегом громадину. Вид у их предводителя был крайне суровый: щеки впали, под глазами красовались темные круги, всклокоченные волосы стояли дыбом. Герде стало его нестерпимо жалко. Она все время думала над его словами. Неужели он бросит Стражей ради нее? Какое будущее ждет их вместе? И как же Майли? Не будет ли ей больно потерять Финиста? Ведь Герда слишком хорошо знала, что такое потерять любимого.

— Мы никогда не перевалим через этот хребет. Скорее шеи себе свернем, — подлил масла в огонь Ждан.

Герду всегда забавляла его шутовская манера, но сейчас очень хотелось стукнуть его чем-нибудь тяжелым. Разве Ждан не видит, что всем и так плохо? Тот, кажется, сам это понял и понурился. Над лагерем повисло мрачное молчание, нарушаемое лишь воем метели.

Герда достала дневник Лайсве. Если она шла той же дорогой, то должна была перевалить через этот хребет и в книжке могла сохраниться запись об этом.

— Мы могли бы попробовать пройти низом, — неожиданно предложила Герда, найдя нужную страницу в дневнике. — Где-то здесь должен быть вход в пещеру Истины, которая пронизывает хребет насквозь. Через нее можно быстро и безопасно попасть на другую сторону.

— И там пройдут лошади? — спросила Майли. Герда кивнула. Всем эта идея понравилась, только Финист продолжал сомневаться.

— Почему у нее такое странное название? — подозрительно спросил он.

Герда перечитала запись внимательней.

— В залах пещеры людям открывается истина, что бы это ни значило, — озадаченно ответила она.

— Колдовская пещера? Мне это не нравится, — Финист нахмурился. — Ненавижу пещеры. В них даже неба не видно. И идти небось целый день придется. А вдруг там медведь спит? Или, обвал, что еще хуже?

У Герды возникло странное ощущение, что он просто боится. Как птица, которая не любит замкнутых пространств. Но в самом деле, не упускать же такой шанс из-за глупых звериных страхов!

— Смотрите, вход там! — махнула она рукой.

На снежном полотне негостеприимной черной кляксой зиял огромный проем. Финиста заметно передернуло, но остальные уже схватили лошадей под уздцы и потащили к пещере. Возле входа они остановились. Лошади бурно протестовали: упирались всеми четырьмя ногами, пятились, поднимались на дыбы. Даже бесстрашная кобыла Герды громко храпела, широко раздувая ноздри, словно чувствовала, как из черной бездны разит чем-то опасным.

— Финист! — хором позвали предводителя Ждан, Дугава и Майли. Герда упорно пыталась справиться одна, но Яшка проявляла чудеса упрямства и ловкости. Отчаявшись завести ее внутрь, Герда бросила повод и демонстративно пошла к пещере, оставив кобылу одну. Яшка громко заржала, заскочила вперед и принялась пихать хозяйку в грудь, старательно не пуская в пещеру.

— Финист, пожалуйста! — обратился к оборотню кто-то из девушек. Герда не поняла, кто.

— Ладно-ладно, но пеняйте на себя, — скрепя сердце согласился предводитель и шепнул что-то своей кобыле. Та уверенно пошла за ним — Финист даже повод не придерживал. Остальные животные посмотрели на нее и нехотя подались вперед. Видно, Золотинка была в лошадиной компании таким же бесспорным лидером, как у людей Финист.

В пещере пришлось достать заготовленные на всякий случай факелы. Финист раздал всем по одному — обошел только Вожыка по понятным причинам — и велел держаться рядом. Не хватало как в прошлый раз потеряться.

Шли долго. Пещера состояла из одной широкой совершенно прямой галереи. Гладко отесанные каменные стены без выступов и выемок уходили в бесконечность. Потолок разглядеть оказалось невозможно. Даже световых окон не нашлось — только извечная тьма и тишина вокруг, которую ничтожные людишки посмели нарушить. Теперь неуютно стало всем — путники зябко ежились от холода и все ждали, когда произойдет хоть что-нибудь и бесконечный однообразный коридор закончится.

— Где же твоя истина? — раздраженно спросил Ждан.

— Здесь хотя бы не метет, — ответила Герда, понурившись.

Финист резко остановился, и она налетела на него с размаху.

— Что случилось? — спросила Герда, потирая ушибленное плечо.

— Развилка, — ответил Финист, освещая факелом стенку, разделявшую коридор надвое. — Направо или налево?

Герда судорожно вспоминала содержание дневниковой записи, но там ни слова не говорилось о развилке.

— Может, монетку подбросить? — робко предложила Дугава. Финист покачал головой, выжидательно глядя на Герду. «Сама завела, сама ищи дорогу», — красноречиво говорил его взгляд.

Герда посмотрела направо, потом налево, закрыла глаза и пошла наугад. Финист поспешил следом, чтобы остановить прежде, чем она ударится лбом об стену. Но как только он ее поймал, пещера затряслась и сверху грудой полетели огромные валуны. Финист крепко прижал Герду к себе и зажмурил глаза, понимая, что это конец.

— Финист! Герда! — испуганно закричали остальные.

Лошади вырвались и помчались в проход, где не было завала.

— Стойте! Куда? — поздно спохватились ребята и побежали догонять. Но как только они вошли в галерею, случился новый обвал. Четверо путников ничком упали на пол, прикрывая головы руками. Через мгновение все закончилось.

— Живы? — слышался из темноты голос Ждана.

— Вроде да, — тут же отозвалась Дугава, а сразу за ней Майли. Последним заговорил Вожык:

— Здесь завал! Как же мы спасем Герду с Финистом?

— Нас бы кто спас, — резонно заметила Майли.

— Давайте для начала факелы зажжем. Вожык, поможешь? — Дугава решила послужить голосом разума в сложившейся ситуации.

— Может, не стоит, — слабо возразил мальчик, а потом громко и тяжело вздохнул.

— Стоит, Вожык, стоит. Сейчас самое время начать извлекать из твоего дара хоть

какую-то пользу. Ну же, — продолжала настаивать она.

— Я пытаюсь, — ответил Вожык и снова тяжело вздохнул. — Не работает.

— Что? Ты плохо стараешься. Попробуй еще раз. Поначалу не всегда получается, — Дугава в отчаянии повысила голос и сама себе удивилась. Это было так на нее не похоже.

— Говорю же, не получается. Что-то случилось с моим даром. Раньше я всегда чувствовал внутри себя огонь. Когда он рвался наружу, начинались пожары. А теперь я его не чувствую. Совсем.

— Не может быть!

— Дугава, погоди, он прав. Мой дар тоже не работает, — подал голос Ждан. — Попробуй ты.

— Действительно, не выходит, — в ужасе вскричала Дугава. В Стольном, когда ее преследовали Защитники Паствы, она всей душой желала потерять свой злосчастный дар, но никогда всерьез не думала, что он может пропасть вот так неожиданно. Без него она чувствовала себя пустой, беспомощной калеккой без руки или ноги. Сделалось очень страшно.

— Итак, мы лишились огня, воздуха и воды, — в отличие от нее Ждан рассуждал очень трезво. — Нужно попробовать землю, ведь мы под землей. Майли?

— Вы-вы что, х-хотите, чтоб я призраков вызвала? — заикаясь, ответила та. — Да я только и делала, что их от себя гнала. Не знаю, как вы, а я рада, что избавилась от этого проклятья.

— Герда говорила, что дар — не проклятье, — горячо возразил Вожык. Он обращался к ней впервые, словно ему, наконец, удалось преодолеть свой страх.

— Именно из-за нее мы здесь и оказались, — зло ответила Майли.

— Так это ведь ты первая к пещере побежала! — не веря своим ушам, вскричала Дугава. Она уже порядочно устала от фокусов истеричной вертихвостки, а уж слушать, как та поносит ее, возможно, погибшую подругу, иллюзионистка точно не собиралась.

— Но предложила-то она, — заспорила Майли. — Ей легко говорить, нашей милой славной Герде. Для нее вообще все легко. Даже при самом плохом исходе для нее бы все обернулось наилучшим образом.

— О чем это ты? — встрепенулся Ждан.

— Ни о чем, — попыталась уйти от ответа Майли.

— Что-то же ты имела в виду под этим «все легко», — не отставал парень. — Что тебе известно?

— Ничего, просто у нее нет дара, поэтому для нее все легко, — поспешила заверить его девушка. Все равно осталось чувство, что Майли не договаривает, но ругаться сейчас не имело смысла. Ждан нащупал возле себя факел, там же нашел небольшой острый камень и чиркнул им по стене. С нескольких попыток удалось высечь искру и подпалить трут. Наконец, стало светло.

— Не такой я и беспомощный, как говорил Финист, — попытался отшутиться Ждан, но снова никто не поддержал. Тогда путники подожгли остальные факелы и осмотрели завал.

— Бесполезно это. Надо за лошадьми идти, — мрачно констатировал он.

— Но Герда и Финист остались на другой стороне. Мы не можем их бросить, — отчаянно возражал Вожык.

— Не можем, — подтвердила Дугава. Майли в кои-то веки была с ней согласна.

— Вы, похоже, не понимаете. Даже если Герда с Финистом живы, в чем я очень

сомневаюсь, то они не на другой стороне этого завала, а в другой галерее за еще одним завалом. А мы и с этим вряд ли справимся. Будем тут умирать от жажды и голода, а это, смею вас заверить, еще хуже, чем на костре гореть. Там хотя бы быстро.

Никто не нашелся, что возразить. Все лишь грустно опустили головы.

— Пошли, горевать будем, когда отсюда выберемся, — поманил их за собой Ждан.

Идти пришлось долго прежде, чем стены пещеры начали меняться. Стало заметно холоднее. Из ртов клубами вырывался пар. Кое-где образовывалась наледь. Удивительно, ведь воды нигде не было. Чем дальше они шли, тем льда становилось больше. Вскоре он покрыл всю пещеру, насколько можно было окинуть взглядом.

— Эй, все сюда, смотрите! — Ждан, шагавший впереди, неожиданно остановился и позвал остальных.

Он, как замороженный, смотрел на свое отражение в прозрачной корке льда на одной из стен. Дугава с любопытством выглянула из-за его плеча и тут же поняла, что так поразило Ждана. Во льду рядом с его отражением возле головы, плеч, запястий и ступней кружились крохотные вихри, словно намекая на то, какая сила таилась у него внутри.

— Дай и мне посмотреть! — отстранила его иллюзионистка и придирчиво изучала свое собственное отражение.

Оказалось, что ее с ног до головы покрывает плащ, сотканный из бирюзовой морской воды, по которому катились волны от несуществующего ветра и закручивались барашками. Вожык тоже заинтересовался тем, что они так пристально высматривали. И, подобравшись поближе, возбужденно воскликнул:

— Вот это да! Я же говорил, в языках пламени живут человечки!

Ждан с Дугавой поспешили к нему. Мальчик разглядывал свое отражение в стене пещеры чуть поодаль. По всему его телу ползали крохотные создания с красной кожей, одеждой и волосами.

— Должно быть, это и есть та истина, о которой говорила Герда, — догадался Ждан. — В этих ледяных зеркалах отражается наша истинная сущность — дар. И это доказывает, что он — наша неотъемлемая часть и без него мы уже не будем самими собой.

— Думаешь, наши способности вернуться? — спросила Дугава.

— Уверен, как только мы выйдем из пещеры, все станет на свои места.

— Жаль, что Герда этого не видит, — всхлипнул Вожык. Все как-то разом сникли. Дугава заметила, как Майли сиротливо жметя к стене, на которой льда еще не было.

— Иди сюда, не бойся, в этом нет ничего страшного. Давай, посмотрим и на твой дар! — позвала ее Дугава. — Черная роза — это должно быть очень красиво.

Майли обернулась к оставшейся позади темной бездне и нехотя поплелась к остальным.

— Смотри, — Дугава развернула ее за плечи к ледяной стенке. — Вот это красота!

Все тело Майли оплетал шипастый стебель, до крови впивавшийся в кожу, на котором росли едва распустившиеся розы, правда, не черные, а ярко-алые. А под стеблем было надето пышное платье из красных лепестков.

— Петрас ошибся. Твой цвет вовсе не черный, а красный, — констатировал Ждан. — И это просто потрясающе!

— Спасибо, — смутилась Майли.

— Это не комплимент. Запомни эту картинку и соответствуй. Пока у тебя из рук вон плохо получается, — безжалостно высказал Ждан.

Она молча опустила голову. Без Финиста ей даже не перед кем было истерику закатить.

Стоило только подумать о нем, как сердце начало щемить от тоски. Неужели он навсегда останется там вместе... вместе с ней!

Кто-то несчастно вздохнул прямо над ухом. Финист тряхнул головой, приходя в себя.

— Герда! — в отчаянии позвал он, вспомнив, что они угодили под обвал.

— Все в порядке, только слезь с меня! — донеслось откуда-то снизу. Облегченно выдохнув, он откатился в сторону. Там обнаружился чудом уцелевший факел. Финист достал из кармана огниво и запалил его.

— Вот же влипли! — присвистнул он, оглядывая завал. — Ребята, вы меня слышите?

Ответа не последовало.

— Надеюсь, их не задело, — вздохнул он.

— Это все моя вина! — Герда уселась на каменный пол и обхватила голову руками. — Я должна была предвидеть, что в колдовской пещере может приключиться нечто подобное. Я столько про это читала! Почему я тебя не послушала?

— Прекрати винить себя понапрасну, — Финист устроился возле нее. — Я же говорил, я главный, я несу за вас ответственность, значит, и вина моя. Я знал, что так будет и все равно пошел — слишком заманчивой казалась идея срезать путь. Теперь придется расплачиваться.

Герда все равно не смогла сдержать всхлипывания. Нужно было как-то ее ободрить, ведь они живы. И вместе.

— Все будет хорошо. Путь вперед открыт. Может, мы еще выберемся.

— А как же остальные?

— Что с ними станется? Выйдут тем же путем, что пришли. Отправятся к ближайшей голубиной станции — там им обязательно помогут. Они ведь ученики и отношение к ним куда снисходительней, чем ко мне.

— Вожьку без меня будет страшно.

— Переживет как-нибудь. Может, оно и к лучшему. Устал я от этой неволи. Устал думать за всех, спасать всех постоянно. Пора бы им уже самостоятельности научиться. Идем. Выберемся, а там решим, что делать. Тут мы им все равно не поможем.

Финист встал и протянул Герде руку. Та долго смотрела на него, но все-таки приняла помощь и встала. Они пошли вперед, внутрь темного прохода, крепко держась за руки, чтобы не потеряться. Однообразный коридор тянулся так долго, что на душе становилось жутко и тоскливо.

— А вдруг мы оказались в чреве у исполина? — затараторила вдруг Герда. — И все бредем-бредем по его кишкам, кажется, что по прямой идем, а на самом деле постоянно поворачиваем. И конца-края этому чреву никогда не будет!

Финист привык, что она говорила степенно, раздумывая над каждым словом, но теперь вдруг стала трещать как сорока. Это встревожило его гораздо больше, чем бесконечный коридор.

— Перестань, я уже понимаю, чем Ждану так не нравятся твои истории. Да от них сс страха поседеть можно! — полушутя заметил он.

Герда не смогла сдержать усмешку:

— Но ты же не Ждан, чтобы всяких глупостей пугаться.

Финист засмеялся, крепче сжимая ее ладонь. По телу пробежал легкий щекочущий кожу озноб. Из рта повалил густой пар.

— Холодает, — уже намного более серьезно сказала Герда, сама прижимаясь поближе к Финисту. — Когда в Будескайске появлялись привидения, всегда становилось холодно, как сейчас. Может, здесь тоже есть привидения — души тех, кто навсегда остался блуждать по этому коридору? Сейчас они затаились и ждут удобного момента, чтобы напасть.

— Ну, ты и трусиха! Знаешь, иногда просто становится холодно, а стены покрываются льдом — смотри!

Финист осветил факелом продолжение пещеры — все было в иное, переходившем в лед. Обрадовавшись хоть какой-то перемене, они быстрее двинулись вперед. Стало заметно светлее — свет падал из большого лаза, который находился на огромной высоте в потолке. Лед заполнил все вокруг. Он был такой гладкий и прозрачный, что на его поверхности без труда можно было разглядеть свое отражение. Сотни, тысячи, неисчислимое множество отражений.

— Гляди, впереди что-то есть! — Герда вырвала руку и побежала.

— Постой! — крикнул Финист и хотел было догнать, но вдруг остановился как вкопанный.

Все его отражения вдруг исчезли, испарились и стены. Он находился посреди нацарапанного на льду круга перечеркнутого крестом. Над головой расстилалось безграничное пронзительно синее весеннее небо. Рядом стояло четверо мальчишек в рубашках из белых перьев. Повернувшись к нему спинами, они изображали диковинный танец, широко расставляя руки. Тут они замерли, словно к чему-то прислушиваясь, а потом их руки обратились в крылья. Размахивая ими, мальчишки легко отрывались ото льда, взмывали в воздух и разлетались кто-куда.

Вдруг стало страшно. Финист бросился к последнему оставшемуся на земле ребенку — долговязому, конопатому, с всклокоченными чуть кучерявыми рыжими волосами и хитрыми желтыми глазами. Мальчишка смахнул его как былинку и тоже улетел. Финист упал на колени. Сердце сжала неизбывная тоска, от которой даже дышать была больно. По щеке прокатилась скупая слеза.

— Финист! — вывел его из транса чудной голос Герды.

Он снова стоял в ледяном коридоре, из дальнего конца которого к нему бежала Герда.

— Финист, я поняла, это не пещера Истины, а пещера желаний! — ее голос звенел, как нежнейший колокольчик, эхом отражаясь от стен. — Смотри, я принцесса!

Она пританцовывала и кружилась на ходу, звонко смеясь. Сейчас она действительно была похожа на сказочную принцессу. Свет из колодца так странно преобразил ее: волосы в одночасье отросли и выбелились, а ветхий выцветший плащ превратился в воздушное платье из бледно-голубого шелка. Глаза сияли, как две серебряные звездочки на ночном небосклоне.

Дыхание перехватило от восхищения. Финист протянул руку, желая хоть на мгновение коснуться неземной красоты — в сотни раз более желанной, чем у той девушки, которой его соблазнял демон в волотовке. Герда доверчиво вложила свою крохотную изящную ладошку в его крупную и мозолистую. Финист скользнул пальцами по нежной коже и притянул поближе.

— Герда, я... — запнулся он, растеряв все мысли.

— Да? — переспросила она и заглянула в глаза, пытаясь добраться до самой сути. — Ты что-то хотел сказать? Ну же!

— Ты... очень... красивая, — с трудом выдавливал из себя Финист.

— Ты шутишь? — попыталась усмехнуться Герда, но поняв, что тот предельно серьезен, осеклась. — Что с тобой? Это пещера так подействовала?

Тот понурил голову.

— Думаю, мне открылась истина, — поборов наваждение, ответил он. — У меня было видение, словно кто-то говорил: «Ты ведь хотел свободы? Так вот она, получи. Только плата за нее — вечное одиночество». А я не хочу, не могу быть один. Ты мне нужна, нужна больше всего на свете: больше моих учеников, больше Компании, может, даже больше самой свободы. Мне кажется, нет, я уверен, что люблю тебя. И если ты не против, если готова отпустить детские мечты об Охотнике, мы могли бы попробовать быть вместе.

Он медленно привлек Герду к себе и легонько коснулся губами ее губ. Очень боялся спугнуть, как раньше, неловким резким движением, мысленно умоляя:

«Не отталкивай меня. Ты так сильно мне нужна. Если сделаешь это, мое сердце разорвется от тоски. Будь моей. Я сумею тебя защитить и от Голубых Капюшонов, и от Компании и даже от навязчивых воспоминаний о шарлатане-Охотнике. Просто ответь на поцелуй, и ты поймешь, насколько сильно мое чувство».

И она ответила. Робко и несмело, но и это было достаточно. Финист крепче прижал ее к себе, наслаждаясь душистым, нежным привкусом ее мягких губ. Теплая. Чистая. Светлая. Она положила руки на его плечи и разомкнула зубы. Поцелуй стал глубже, неистовей, такой жаркий, что кровь закипала в жилах, а дыхание вырывалось сдавленным хрипом. Как же хорошо! И как хочется большего.

«Она не твоя и никогда твоей не будет», — разбил томительную иллюзию зловещий нечеловеческий голос.

Финист испуганно дернулся, пытаясь понять, что происходит. Герда удивленно открыла глаза. Глянув куда-то вбок, вырвалась и подбежала к ледяному зеркалу.

— Шквал! — в отчаянии заламывая руки, позвала она.

По спине пробежали мурашки. Там кто-то был. Финист явственно ощущал его огромную, нечеловеческую ауру. Ту самую, чей легкий отголосок он порой чувствовал рядом с Гердой. Но сейчас неизвестный не таился, показывая себя по всей красе. Угрожая. Голос, это был его голос в голове Финиста!

— Кто здесь? — требовательно спросил он, глядя в то самое зеркало, что и Герда. Но там никого не было. Аура тут же испарилась. Нет, так больше продолжаться не может. Нужно вывести эту тварь на чистую воду!

Финист встряхнул оцепеневшую Герду за плечи:

— Тут кто-то был? Отвечай!

— Нет, мне показалось, — истерично выкрикнула она, изо всех сил стараясь вырваться. — Отпусти, ты делаешь мне больно!

— Прости.

Финист отошел на шаг.

— И ты прости, — смягчилась Герда и отвернулась.

Финист понурился. Ну вот, момент бесповоротно испорчен. Она снова боится. А поцелуй был так сладок!

— Так твой ответ: «нет»? — после затянувшейся паузы спросил Финист.

— Мне надо подумать. Сейчас не время и не место для этого, — отмахнулась Герда, избегая его взгляда.

— Идем, — Финист снова протянул руку. На этот раз по-дружески. И Герда ее приняла.

Вскоре лед снова сменился черным камнем. Падающий из колодца свет растворился в непроглядном мраке. Все стало как раньше — уходящий в бесконечность однообразный коридор. И два человека, которые неустанно бредут по нему, надеясь, что там, в конце, забрезжит крохотным лучиком надежда на то, что этот путь не напрасный. И впереди их ждет ослепительно яркое будущее.

Конечно, ничего они не увидели, потому что когда пещера закончилась, солнце уже успело спрятаться за линию небосвода, и на землю опустилась темная зимняя ночь. Лишь звезды да луна источали слабый свет.

— Мы все-таки выбрались! — от радости закричала Герда и, не сдержавшись, повисла у Финиста на шее. Он поднял ее на руки и закружил. Они счастливо хором повторяли: «Выбрались! Выбрались!»

— Смотри! — Финист указал на мерцавший в низине огонек.

— Думаешь, наши? — с надеждой спросила Герда.

— Ну а кто же еще? — усмехнулся он.

Держась за руки, они побежали к костру.

— Смотрите! Смотрите, кто идет! — встретили радостными криками друзья.

— Я знал! Они не верили, а я знал, что вы живы! — Вожык подбежал к Герде, и та крепко его обняла.

— Значит, не верили, — усмехнулся Финист «нерадивым» ученикам, которые смущенно переминались с ноги на ногу. Переживали, видно, что бросили их в беде. — Да все в порядке. Вижу, вы совсем самостоятельные стали — из пещеры выбрались, лагерь разбили, огонь развели, даже ужин приготовили.

— И лошадей поймали. Это все Ждан, — выдала с потрохами товарища Дугава. — Кроме ужина. Ужин готовила я.

— А ты молодец: не генерал, конечно, но успехи делаешь, — похвалил его Финист. — Правда, я бы не стал разбивать лагерь на таком открытом месте. Да и аура здесь не слишком хорошая.

— Финист, не нуди! — оборвал его Ждан. — Ты что не можешь просто за нас порадоваться? Не портить такой момент!

Он замаялся. Произошедшее в пещере оставило на душе сильный осадок, поколебало уверенность в своих поступках. И это сильно мешало. Не позволяло вести себя так, как он привык — напористо и бескомпромиссно.

— Все же хорошо бы найти другое место, — попытался настоять Финист, но его никто не поддержал.

— Мы весь день шли и устали до белых демонов, — горячо возразил Ждан.

— А может, и два, — поддержала его Дугава. — Кто знает, сколько на самом деле времени в этих пещерах прошло?

— День, это по звездам увидеть можно, — ответил Финист. Дугава со Жданом вопросительно на него уставились. — Долго объяснять, а я слишком устал. Давайте завтра. К вечеру наше путешествие должно закончиться. Можно будет передохнуть по-настоящему.

— Ура! — дружно воскликнули Дугава со Жданом.

Герда понуро стояла в стороне. Вожык продолжал висеть на ее руках. Майли хмуро переводила взгляд с нее на Финиста и обратно. Стало очень гадко и совестно за тот поцелуй в пещере. Зачем она позволила себя поцеловать? Просто так жалко Финиста стало. Герда словно кожей ощущала, как отчаянно он жаждал ответной ласки, близости, любви. Не удержалась — сдалась перед напором полных кипящей страсти чувств, которых сама до конца не понимала. И тут же почувствовала себя предательницей, увидев в ледяном зеркале призрак Охотника. С чего она вообще решила, что должна хранить ему верность? У него-то в жизни, наверняка, были другие женщины. Да и какое дело мертвецу до того, что происходит с живыми? Только вот... что перед тем зеркалом делал Шквал? Да еще с таким опустошенным видом, будто она его предала, а не Охотника. Жаль, она проболталась перед Финистом. Но, может, оно и к лучшему. Зачем ему связывать свою жизнь с сумасшедшей?

— Знаешь, что мы в пещере видели? — заговорил Вожык, явно желая прогнать уныние с ее лица. — Там были ледяные зеркала, в которых отражался наш дар. Вокруг меня танцевали огненные человечки, представляешь? Они настоящие! У Ждана были вихри, у Дугавы плащ из воды. А Майли... Она была такая красивая!

— Обычная, — перебила его Майли. — Я совершенно обычная алая роза, совсем не черная, как думал мой отец.

Она подсела поближе к костру и снова от них отвернулась.

— Мы думаем, что это и была та самая истина, — поделилась догадкой Дугава. — А вы что-нибудь видели, когда шли?

Финист с Гердой быстро переглянулись и одновременно покачали головами.

— Нет-нет, ничего не видели, — для пущей уверенности добавил Финист.

Герда отпустила Вожыка и подсела к Майли. Она выглядела такой грустной. Как же начать разговор? Неловко было с наскока огорошить ее своим решением, кроме того первым о нем должен узнать Финист, ведь оно больше всех его касалось. Вместо этого заговорила Майли.

— Он не будет с тобой счастлив, — ничего не объясняя, выпалила она.

Герда нахмурилась.

— Я знаю, ты ему нравишься. Возможно, он даже думает, что любит тебя. Но вы из разных миров. Вы не сможете быть вместе. Даже если попытаетесь, это его погубит.

— Почему? — испуганно спросила Герда.

Майли протяжно посмотрела на нее, решая, что ответить.

— Вы слишком разные, как земля и ветер.

— Ты о том, что у меня нет дара?

Майли не ответила.

— Просто отдай его мне. Отдай, умоляю. Я люблю его. Он единственное, что держит меня в этом мире.

Майли резко поднялась и ушла, оставив Герду размышлять в одиночестве. Хотя думать тут было не о чем, раз она уже приняла решение. Осталось только набраться мужества и рассказать все Финисту.

Пока Герда разговаривала с Майли, Ждан улучил момент и спросил Финиста о том, что не давало ему покоя:

— Ты сказал Майли о Герде что-то, чего не знаем мы?

Финист удивленно уставился на него:

— Ты о чем?

— Просто показалось. Это не так?

Финист отвел взгляд.

— Это двойная аура. Не понимаю, откуда она. То появляется, то пропадает. А в пещере я слышал, как Герда кого-то звала. И всем своим существом чувствовал, что там кто-то есть, но увидеть ничего не смог. Кажется, я его спугнул.

— Ты спрашивал ее об этом?

— Она все отрицает.

— Кто отрицает? — спросила незаметно подошедшая Герда.

Финист сглотнул.

— Никто, это мы о своем.

Герда окинула его недоверчивым взглядом, но настаивать не стала.

— Финист, мне надо кое-что тебе сказать.

— Говори.

— Наедине, — Герда выразительно посмотрела на Ждана.

— Ухожу-ухожу, — быстро ретировался тот.

— Ты что-то решила? — с надеждой спросил Финист. — Потому что завтра мы приедем в Упсалу и так или иначе надо будет...

— Тише, дай мне сказать.

Финист умолк.

— Я думала об этом долго. Гораздо раньше, чем ты начал об этом говорить. И... прости, но я должна буду уйти. Одна.

— Что?!

Герда заметила, как его зрачки мгновенно стали вертикальными. Сделалось немного не по себе.

— Это взвешенное решение. Так всем будет лучше. Дар, Стражи — это твой мир, в который мне пути нет. Мне бы хотелось, очень хотелось остаться частью вашей жизни: твоей, Вожыка, Дугавы со Жданом, но я не могу. Я совершенно обычная. Я не понимаю ваших проблем, не смогу разделить ваши радости и горести. Я и так вам мешала всю дорогу. Сколько раз тебе приходилось рисковать ради меня жизнью? Я не хочу быть обузой. Не хочу чувствовать себя чужой, не принадлежащей ни к обычным людям, ни к вам, Стражам. И сомневаюсь, что инспектору из Компании понравится мое присутствие. Я уйду завтра, как только мы прибудем в город.

— Нет. Я же сказал, что оставлю Компанию и пойду с тобой.

— Ты не должен этого делать. Твое место с ними. Там ты сможешь добиться больших успехов. Ты замечательный учитель, и у тебя очень сильный дар. А со мной... со мной ты пропадешь. Я не хочу, чтобы ты искалечил себе жизнь из-за меня.

Герда попыталась уйти, но Финист схватил ее за руку и развернул к себе.

— Я не могу тебя отпустить. Я люблю тебя. Почему ты не слышишь, что я говорю? Почему не можешь ответить на простой вопрос: ты меня любишь?

Глаза у него стали совсем бешеные. Герда сжалась от страха.

— Я не думаю... — стало действительно страшно. Она не знала, что ему ответить, чтобы он отпустил. Свободной рукой Герда нащупала на воротнике брошку и по привычке начала

ее теревить, чтобы собраться с мыслями и успокоиться. — Не думаю, что это имеет значение. Ты должен меня забыть, ты сделаешь это со временем. Так будет лучше.

Он пристально посмотрел на нее, а потом его взгляд остановился на броши и глаза сузились.

— Скажи, это ведь не из-за Охотника?

Герда сглотнула. Она вообще перестала понимать, чего он хочет.

— При чем здесь?..

— Не лги мне! — его голос начал срываться на угрожающий рык. — Ты его любишь?

— Что? — Герда не удержалась и всхлипнула. — Нет!

— Как же нет, когда да! — закричал он, сорвал с рубашки брошь и крепко сжал.

Послышался хруст. Финист раскрыл ладонь, высыпал осколки на снег и очень тихо добавил: — Нельзя жить глупыми детскими мечтами.

Крики встревожили остальных путников. Они несмело подбирались поближе, чтобы хоть краем уха услышать, из-за чего ссора.

Стало нестерпимо больно. Словно он только что убил ту единственную мечту, которая грела ее последние десять лет, а теперь холодная пустота внутри покрывала весь мир толстой ледяной коркой. Не было никакого Охотника. Он такой же мираж, как Шквал, а вся ее жизнь, все чаяния и стремления пусты и бессмысленны!

Герда вырвалась и, опустившись на колени, принялась собирать замерзающими руками осколки. Финист пораженно замер, наблюдая, не выдержал и коснулся ее волос.

— Я очень за тебя переживаю. Ты ведь совсем не знала того человека, а в детстве все видится несколько приукрашенным. Если ты его встретишь — разочаруешься. Лучше всего забыть...

Зачем он продолжает глумиться? От сказки ведь уже и призрака не осталось. Как же больно! Лучше на костре Голубых Капюшонов гореть, чем так! Герда зло подняла глаза.

— Он же умер! — закричала она и, прижимая к груди собранные в кулак осколки, побежала прочь.

Ждан подошел к Финисту и ошарашено спросил:

— И после этого ты еще будешь меня болваном называть?

Тот упал на колени, выгнулся и завыл, как раненый зверь.

Герда бежала без оглядки до тех пор, пока лагерь не скрылся из виду, и только потом остановилась перевести дыхание. Слезы текли в три ручья и никак не хотели униматься. Она попыталась вытереть их рукавами, но те промокли и замерзли. Лицо больно щипало от мороза. Немного успокоившись, Герда заметила, что она не одна — рядом с ней на снегу сидел Шквал и молча смотрел на нее.

— Где ты был? — с упреком спросила она.

— То тут, то там... — как всегда неопределенно ответил он.

— Ладно, не важно, — раздраженно бросила Герда. — Ночью я тихонько вернусь в лагерь, заберу Яшку и поеду своей дорогой, ни с кем не прощаясь. Я смогу, я сильная.

— Угу, куда ты поедешь? Замерзнешь до смерти или на зуб демону попадешься, прежде чем до города доберешься успеешь. Побудь с ними хотя бы до завтра.

— Нет, они мне не нужны. Мне никто, кроме тебя, не нужен. Вместе мы со всем справимся.

Кот помрачнел еще сильнее:

— Знаешь, а ведь Финист прав. Тебе давно пора расстаться с детскими мечтами и со мной в первую очередь.

Герда испуганно взглянула на него:

— Ты что хочешь меня бросить? Только не здесь и не сейчас!

— Прости, пришло время. Я уже позвал хозяина, — Шквал совсем понурил голову.

— Хозяин? Что за хозяин? — нахмурилась Герда. Никогда прежде кот ни о чем подобном не упоминал. Да и какой хозяин может быть у воображаемой зверушки?

— Безликий. Хозяин масок. Кукловод. Мы все подчиняемся его воле, — Шквал пристально заглянул ей в глаза. Будто действительно прощался. В самый последний раз. Под ложечкой болезненно засосало. Кто может быть настолько жесток, чтобы различить их?

— Он уже мчит сюда и теперь сам будет о тебе заботиться, — продолжал говорить странные вещи кот.

— Но я не хочу, я... — попыталась отговорить его Герда, но кот не стал ее слушать и резко развернулся к подпиравшему плато темному горизонту.

— Страница двадцать пятая. Третий абзац сверху, — выкрикнул Шквал, перекрывая вой поднимающегося ветра.

— Что? — она уже совсем перестала что-либо понимать.

— Читай! — властно приказал кот.

Пожав плечами, Герда отыскала под снегом сухую ветку и запалила ее. Пламя было очень тусклое, и палка быстро прогорала — времени оказалось в обрез. Герда суматошно отсчитывала страницы дневника, пока не нашла нужный кусок:

«С противоположной стороны хребта пещера ведет на южное плато Утгарда — не самое безопасное место для ночевки в Мидгарде. Зимой тут часто сходят лавины, к тому же это излюбленное место Ненниров — свирепых демонических лошадей. В начале зимы они сбиваются в огромные табуны и кочуют по всему Утгарду. Пожалуй, самое страшное, это когда табун, сметая все на своем пути, проносится по округе. Земля дрожит под их копытами, и слышится, как трещат и раскалываются ледяные глыбы».

По коже волнами пробежали мелкие мурашки. Словно наяву послышался треск. Снег под ногами резко всколыхнулся и пошел мелкой рябью. Герда высоко подняла догорающую палку и вгляделась в темную полосу горизонта. Показалось, что впереди что-то светится. Сотни желтых огоньков, похожих на те, что встречались в болотах Дикой пуши, неслись прямо на Герду. Она в испуге попятилась. Треск усиливался, а огоньки становились все больше похожи на глаза диких животных. Уже можно было разобрать силуэты невысоких коренастых лошадей. Не меньше сотни. Точно, ненниры!

— Беги! — иступленно закричал Шквал.

Герда сорвалась с места и помчалась к лагерю. Надо предупредить ребят! Ноги предательски вязли в глубоком снегу, замедляя движение. Кот следовал за ней и голосом гнал вперед. Впочем, грохот сотен копыт действовал куда сильнее. Выбившись из сил, Герда подскользнулась и упала.

— Вставай! Живее!

Герда подскочила и снова побежала, крича из последних сил:

— Спасайтесь! Демоны идут!

Но чувствовала, что ее слова не долетают до лагеря. Еще бы чуть-чуть от ненниров оторваться, и ребята услышат. Хотя бы Финист — у него слух острее, чем у остальных. Показался тусклый отсвет костра. Герда закричала громче. На морозе каждое движение отдавалось болью в мышцах, грудь резало от холодного воздуха, но Герда не обращала внимания и продолжала бежать. Должна успеть! Должна предупредить!

Вой ветра и треск заглушал крики. «Почему они не уходят? Они должны чувствовать опасность. Ее даже я чувствую, хотя у меня никакого дара нет!»

Наконец, путники ее увидели. Все: Дугава, Ждан, Майли, Вожык и Финист — в ужасе застыли, глядя на Герду и то, что гналось следом.

— Бегите!

Финист попытался броситься к ней, но остальные уже тащили его прочь.

— Сама беги! — отчаянно закричал Шквал.

Герда обернулась. Демонические лошади были уже совсем близко. Это конец! Прикрыв голову руками, она ничком рухнула в снег. Кот взмыл в воздух и, широко расставив лапы, растворился в ослепительной голубой вспышке. Незримый воздушный кокон укутал Герду теплым одеялом. Прямо у лица мелькнули первые копыта. Больше она ничего не видела.

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Больше книг на сайте - Knigolub.net